

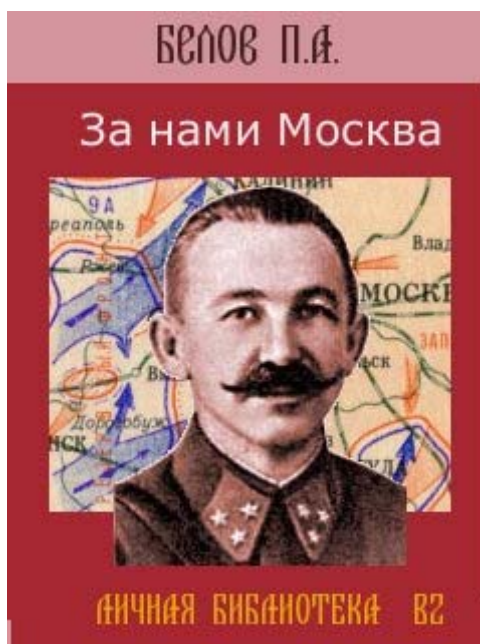
БЕЛОВ П.А.

За нами Москва



НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ВЗ

Павел Алексеевич Белов За нами Москва



«За нами Москва»: Воениздат; Москва; 1963

Аннотация

Аннотация издательства: 13 декабря 1941 года всю нашу страну облетела радостная весть о поражении немецко-фашистских войск на подступах к Москве. Это была первая крупная победа Советской Армии, оказавшая большое влияние на дальнейший ход Великой Отечественной войны. Весь советский народ приветствовал и поздравлял славных защитников Москвы. Газеты печатали портреты отличившихся полководцев. Среди них был и генерал П. А. Белов. В своих воспоминаниях П. А. Белов рассказывает о тех героических днях. 2-й кавалерийский корпус, которым он командовал, с боями отступал под натиском гитлеровских войск на Украине, а потом был переброшен под Москву. Здесь ему было присвоено почетное наименование 1-го гвардейского кавалерийского корпуса. Гвардейцы стойко защищали подступы к столице. Автор рисует подвиг народа, поднявшегося на священную борьбу против фашистских оккупантов. В этой книге впервые освещается рейд конно-механизированной группы под командованием генерала Белова в тыл врага. Пять месяцев она в тесном взаимодействии с партизанами Смоленщины удерживала обширную территорию, отвлекала на себя крупные силы противника и наносила ему чувствительные удары.

Белов Павел Алексеевич За нами Москва

В. Успенский. Генерал Белов (вместо предисловия)

Конец декабря 1941 года. Лютые морозы, пурга. По заметным дорогам откатывались на запад войска 2-й немецкой танковой армии, разбитые под Каширой и Тулой. Танкисты Гудериана, потеряв в боях технику, отступали пешком, ехали в крестьянских санях. Через маленький городок Одоєво поспешно прошли остатки нескольких дивизий.

Обмороженные, злые, солдаты забегали в дома, забирали теплые вещи: пиджаки, пальто, бабы платки, старые валенки. Напяливали на себя и уходили. Они не останавливались на ночлег. Они спешили, со страхом повторяя одно и то же слово: «Козакен, козакен!»

Меня, четырнадцатилетнего, немцы схватили на улице, определили в рабочую команду. Приказали кормить лошадь и готовить повозку.

Потом, уже при выезде из города, меня разыскала мать. Она просила немецкого офицера отпустить меня. Офицер ударил ее ногой. Мать упала в снег...

Колонна медленно ползла по обледеневшей дороге. Тяжелые трехосные грузовики буксовали. Их сталкивали с шоссе и взрывали. Справа и слева от дороги валялись сотни велосипедов, брошенных какой-то самокатной частью.

Я вел под уздцы здорового рыжего гунтера. Не вел, а тянул. Он еле передвигал свои огромные, покрытые шерстью ноги, косил на меня выпуклые глаза. Гунтер тащил за собой зеленую фуру, в ней сидели на ящиках трое немцев, толстых и неповоротливых от множества всякой одежды, сверх которой были напаялены тонкие, покоробившиеся на морозе шинели. Немцы то дремали, то покрикивали на меня и на лошадь.

В какой-то деревне устроили привал. Солдаты ушли греться. Мы, русские, топтались возле повозок и грызли твердый, заледеневший хлеб. Я спросил своего соседа, откуда он. «Из-за Тулы. Уже четвертый день гонят». — «А убежать нельзя?» — «Попробуй. Вон часовой ходит...»

Немцы торопились, отдых был коротким. Двинулись дальше. Моя повозка оказалась последней в колонну. Через шоссе с шорохом перекатывалась поземка. Низко висели темные снеговые тучи.

Впереди — мост через узкую речушку с крутыми высокими берегами. Недалеко от моста речушка делала резкий поворот. Дальше начинался кустарник. Я посмотрел на немцев — они дремали.

Как только повозка въехала на мост, я бросил лошадь и прыгнул вниз. Упал удачно. Сразу вскочил и побежал, утопая по колено в снегу. Сзади раздался крик, потом гулко ударили выстрелы. Еще рывок — и я за спасительным поворотом. Теперь немцы не видят меня. Постреляли еще несколько минут и, не теряя времени, поехали дальше...

До города добрался глубокой ночью. Шел по садам, по глухим переулкам. Над соседними деревнями стояло зарево. На окраине гремел бой. Сухо трещали выстрелы. Ухали пушки.

Дома, свалившись на пол, я сразу заснул. Утром разбудили близкие взрывы. В окно светило яркое солнце. По улице скакали всадники на низкорослых мохнатых лошадках: в город ворвались сабельные эскадроны 131-го Таманского кавалерийского полка 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-майора Белова.

У нас в доме разместился штаб. Подполковник Князев, стройный, подвижный, веселый, громко отдавал распоряжения, шутил, улыбался. И люди с ним были как на подбор: энергичные, жизнерадостные. Во дворе пожилой повар в белом колпаке черпал из походной кухни густой ароматный борщ, кормил всех без меры — и бойцов, и изголодавшихся жителей.

У меня сразу появилось среди кавалеристов несколько хороших друзей. Вместе ездили за сеном, попадали под бомбежки. Гвардейцы с восторгом рассказывали о своем командире корпуса, о том, как еще осенью били немецких танкистов под Штеповкой, как громили их под Каширой и под Веневом. Слушая кавалеристов, я представлял себе Белова легендарным богатырем.

Он приехал в штаб полка вскоре после освобождения города. Среднего роста, худощавый, рыжеусый. Быстро прошел через двор, за руку поздоровался с подполковником Князевым, выбежавшим на крыльцо. На генерале — обыкновенная, далеко не новая, стянутая ремнем шинель, шапка-кубанка и белые валенки, редкие для военного времени.

— Генерал пообедал с Князевым. После обеда остался в комнате один. Я несколько раз

заходил к нему. Он снимал с этажерки книги и перелистывал их. Потом долго сидел у стола над большой картой и сосредоточенно что-то обдумывал.

Уехал он вечером. Ему подвели широкогрудого, с точеными ногами коня. Генерал легко вскочил в седло, поправил на плечах бурку и тронул коня шпорами...

Второй раз увидел я Павла Алексеевича через пятнадцать лет, уже будучи журналистом. Меня послали к нему по работе. Он мало изменился за прошедшие годы. Только пополнел, да голова и усы стали седыми.

Когда закончился деловой разговор, я спросил, помнит ли он бой за Одоево? Генерал оживился. Еще бы не помнить! Павел Алексеевич достал из ящика стола тетрадь в черном переплете — дневник военных лет — и прочитал вслух несколько страниц. Я узнал некоторые подробности освобождения моего родного города.

— А где вы останавливались отдохнуть? Забыли, наверно?

Генерал помолчал, произнес негромко:

— Кажется, я заезжал к Князеву... Да, да, помню. Большой деревянный дом, интеллигентная, как показалось, семья...

Так состоялось наше знакомство. Потом мы довольно часто виделись на протяжении шести лет, иногда по нескольку раз в неделю. Он знал, что я работаю над книгой о войне с гитлеровцами, и всегда находил время ответить на интересовавшие меня вопросы. Чем ближе узнавал я Павла Алексеевича, тем большим уважением проникался к нему.

Родился Павел Алексеевич в 1897 году в маленьком городке Шуе. Окончил высшее начальное училище. Хотел учиться дальше, но семья к этому времени лишилась отца — пришлось идти работать сначала весовщиком, потом служащим в конторе железнодорожного телеграфа. Летом 1916 года его призвали в армию, в гусарский полк.

После Октябрьской революции Павел Алексеевич возвратился в родные края и вскоре был назначен инструктором всеобуча. На разные фронты отправлялись из Иваново-Вознесенска рабочие полки и отряды, умело и самоотверженно сражались с белогвардейцами. Среди тех, кто обучал ивановских ткачей военному делу, был и молодой коммунист Павел Белов.

По партийной мобилизации его направили в Красную Армию. Гражданскую войну закончил он командиром эскадрона. Потом командовал полком в 1-й Конной армии. Был требователен к подчиненным, а еще больше — к себе самому, делил с бойцами и командирами все тяготы боев и походов.

В 1929–1934 годах Павел Алексеевич служит в Москве, одновременно учится на вечернем отделении Военной академии имени Фрунзе.

Большую пользу принесла П. А. Белову служба под непосредственным руководством выдающихся военачальников И. П. Уборевича, А. И. Корка, В. К. Триандафилова. С интересом изучал он тактику новых в то время бронетанковых и парашютных войск. Не только изучал, но и помогал известному советскому теоретику К. Б. Калиновскому разрабатывать первую в наших Вооруженных Силах инструкцию об использовании в бою танков совместно с пехотой.

Начиная с 1934 года он служит помощником командира дивизии, командиром дивизии, начальником штаба корпуса.

Кавалерийский корпус, которым командовал генерал Белов в Великую Отечественную войну, отходил от реки Прут до Белгорода, сдерживая наступающего врага и нанося ему чувствительные удары. Особенно отличились конники Белова под Москвой. Здесь в ноябре — декабре 1941 года кавалеристы били и гнали на запад танковые дивизии Гудериана. Преследуя отступающих фашистов, оперативная группа войск генерала Белова прорвалась в тыл противника и пять месяцев сражалась там, нарушая коммуникации, отвлекая на себя значительные силы врага.

Во второй половине 1942 года Павел Алексеевич был назначен командующим 61-й армией. От Орла до Берлина провел он свои полки. Воины 61-й армии отличились при форсировании Днепра, в боях за освобождение Варшавы. С любовью и гордостью

отзывались солдаты и офицеры о своем командующем. Смелость замыслов, решительность и настойчивость в их выполнении — вот что было характерно для тех операций, которые проводил командарм-61. Он стремился беречь людей, учил своих подчиненных воевать расчетливо, избегая шаблонов.

После войны генерал-полковник Белов командовал войсками ряда военных округов, а в 1955–1960 годах возглавлял Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту. Лишь на седьмом десятке лет, когда начало сдавать здоровье, Павел Алексеевич вынужден был уйти в отставку.

Мужество и героизм генерала Белова, проявленные при форсировании Днепра, были отмечены званием Героя Советского Союза. Четыре ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, три ордена Суворова I степени, орден Кутузова I степени, медали — вот памятные вехи на большом и трудном его пути.

Советские люди несколько раз выбирали Павла Алексеевича депутатом Верховного Совета СССР. Он был делегатом XIX съезда Коммунистической партии.

Последние два года жизни Павел Алексеевич работал над этой книгой, и я охотно помогал ему. Не полагаясь только на свою память и на записи военных лет, он много рылся в документах, стремясь избежать каких-либо неточностей.

Павел Алексеевич не увидел этой книги. Он скоропостижно скончался 3 декабря 1962 года, уже после того как рукопись была сдана в издательство.

Маршалы и генералы, ветераны гражданской и Великой Отечественной войн стояли в почетном карауле у его гроба. Слушатели военных академий и молодые солдаты, наследники боевой славы, провожали его в последний путь. Склонив головы, молча прощались с Павлом Алексеевичем его соратники. У меня не выходила из головы наша последняя встреча.

Он был бодр и жизнерадостен, как всегда. Мы говорили о следующей книге, в которой Павел Алексеевич хотел рассказать о славных делах воинов 61-й армии. Я спросил, когда он думает начинать работу над ней.

— Успею, — ответил он весело.

Не успел...

Владимир Успенский

Часть первая

От Тирасполя до Нового Оскола

Свой отпуск я проводил вместе с семьей в Одессе, в окружном санатории. Стояли чудесные солнечные дни. Мы загорали, купались, ходили на прогулки. Мои маленькие дочки заметно окрепли. Однажды утром я посадил их в лодку. Как сейчас помню ласковое теплое море, плеск воды, веселое, беззаботное настроение.

Пора было возвращаться. Пришлось подналечь на весла.

- Папа, смотри! - окликнула меня дочь.

К берегу по крутой лестнице быстро спускалась жена, призывно махая рукой. Следом за ней бежал мой шофер. Радостное настроение сразу угасло. «Отзывают из отпуска», - решил я.

Лодка ткнулась носом в песок пляжа.

- Война! Немцы напали! - крикнула мне жена. Шофер добавил, что о нападении немцев только что передали по радио.

Я выслушал сбивчивый рассказ и понял: случилось самое страшное.

На пляже загорало много отдыхающих командиров из разных дивизий. Я коротко сообщил им о нападении фашистов и по праву старшего начальника приказал немедленно подготовиться к выезду в свои части.

Получив в штабе округа информацию о событиях на границе, простился с семьей и отправился в свой корпус. Вместе со мной ехали в автомобиле попутчики - военный врач и

комендант Тирасполя. Машина была новая, необкатанная, пришлось делать остановки для охлаждения мотора. Эти вынужденные задержки действовали на нервы.

На дорогах уже чувствовалось дыхание войны. Встречалось много военных грузовиков. Мы обогнали тылы 150-й стрелковой дивизии, которая шла из Одессы через Аккерман.

Попутчики мои возмущались вероломством Гитлера, негодовали по поводу внезапного разбойничьего нападения фашистов. Я испытывал такие же чувства. И в то же время думал, что война началась не так уж «внезапно», как это казалось некоторым товарищам. Сообщения о подготовке вражеского вторжения давно уже поступали по различным каналам. А в последнее время сообщений этих стало так много, что просто невозможно было не прислушаться к ним.

Мне, например, было известно, что у нашей границы с Румынией сосредоточено очень большое количество немецких и румынских войск. Обстановка на границе была тревожной. Корпус, которым я командовал, стоял в Бессарабии. В случае войны он одним из первых принял бы на себя удар вражеских войск. Понимая это, мы требовали от подчиненных постоянной бдительности, стремились как можно выше поднять боеспособность частей.

Меня, как, вероятно, и других военачальников, удивляло то спокойствие и благодушие, с которым в высших инстанциях относились к тревожным сообщениям. Мы не получали никаких указаний о подготовке к военным действиям. Оставалось надеяться только на то, что в Генеральном штабе знают больше нашего и своевременно примут необходимые меры. Надежда эта не оправдалась.

Покачиваясь в машине, я думал о том, что навсегда прошли те патриархальные времена, когда противники сначала проводили мобилизацию, отзывали послов, а потом по всем правилам объявляли о начале военных действий. Для империалистов закономерной стала другая последовательность событий: тайная подготовка и внезапный бандитский удар.

Вспомнилась мне книга Эрнста Генри «Гитлер против СССР», изданная в 1938 году. В ней автор подробно изложил экономические, политические и военные планы германского фашизма. Э. Генри указывал даже направление главных ударов войск возможных антисоветских коалиций. Я выписал тогда для себя несколько выдержек:

«Конечной целью обеих операций на севере и на юге остается, естественно, Москва. Если занят Ленинград, то дальнейший прямой путь в Москву будет, как это предполагается по плану, пролегать вдоль Октябрьской (бывшей Николаевской) железной дороги, на расстоянии примерно в 640 километров не прерываемый ни большой рекой, ни каким-либо другим естественным препятствием...»

«Наступление на Ленинград и Киев - самостоятельные и во всяком случае уже совершенно назревшие проблемы. Практическая подготовка к этим двум операциям уже далеко зашла и не прекращается ни на минуту...»

В книге Генри излагались, по сути дела, довольно точные данные и предположения, которые можно было уточнить, сравнить с данными нашей разведки, а потом внести коррективы в собственный план стратегического развертывания. Кстати сказать, план «Барбаросса», широко известный теперь мировой общественности, в основных положениях не расходится с тем, о чем писал Э. Генри.

По непонятным причинам книгу Генри вскоре после выхода в свет изъяли из библиотек, она стала недоступной. Ни эта книга, ни многочисленные данные, поступавшие из-за рубежа, не были должным образом оценены и использованы нашим Генеральным штабом. Сталин считал, что Германия не рискнет в ближайшее время напасть на Советский Союз. Тогда, в 1941 году, мне, как и многим другим, не давал покоя тревожный вопрос: почему нападение гитлеровцев оказалось для нас внезапным, почему мы вступили в войну неподготовленными, не успев провести мобилизацию и сосредоточение войск?

...Машина быстро неслась вперед. Вот наконец Тирасполь.

Здесь я распростился со своими попутчиками, а сам направился в штаб 9-й армии, которой командовал генерал-полковник Я. Т. Черевиченко. Там меня познакомили с обстановкой. С утра на всем протяжении границы румынские войска предприняли попытки

переправиться через Прут на наш берег. Все атаки были отбиты. Из подчиненных мне дивизий 9-я Крымская уже вступила в бой, 5-я кавалерийская, дислоцировавшаяся в ста пятидесяти километрах от границы, выступила в поход.

Ночью я догнал 5-ю дивизию на марше. Шел дождь. Дороги размыло. Моя машина завязла. Пришлось запрячь лошадей. Так и проехал часть пути в автомобиле на конной тяге. Потом пересел в броневик. Он тоже завяз. Командир дивизии полковник Баранов прислал мне еще один броневик. На нем я добрался наконец до села Романовна, где находился штаб корпуса. Оттуда сразу же выехал в Комрат, вблизи которого в винограднике был развернут командный пункт.

Полковник Грецов, замещавший меня, доложил обо всем происшедшем в мое отсутствие, о своих распоряжениях. Я одобрил его действия и, немного отдохнув, выехал на передовую, в 9-ю кавалерийскую дивизию, которой командовал полковник Бычковский.

Возле населенного пункта Фэлчиул было два моста через Прут: шоссейный и железнодорожный. Их должны были взорвать пограничники, но не успели. Противник проявил в этом районе особую активность. Усиленный батальон румын переправился через реку и захватил небольшой плацдарм на нашем берегу. Дальнейшее продвижение румын задержали кавалеристы 108-го полка и пограничники.

Я приказал ликвидировать противника на нашем берегу и взорвать мосты. Эту задачу полковник Бычковский поставил находившемуся в резерве 72-му кавалерийскому полку. Командир полка подполковник Баумштейн поднял бойцов по тревоге. Полк поэскадронно выступил к линии фронта. Был теплый солнечный день. Конники ехали по дороге переменным аллюром, поднимая тучи пыли. Это привлекло внимание противника. Над колонной кавалеристов вскоре появились два истребителя, начали пикировать.

Мне довелось ехать по той же самой дороге через полчаса после того, как прошел 72-й полк. Я увидел несколько убитых лошадей. Навстречу попала повозка с четырьмя ранеными бойцами.

Когда я догнал полк, он уже двигался не по дороге, а в стороне от нее, под крутым обрывом, по траве. Тень от обрыва маскировала всадников. Пыли не было.

Над полем боя появились двенадцать наших бомбардировщиков в сопровождении истребителей. Самолеты обработали артиллерийские позиции противника. Многие орудийные расчеты противника были выведены из строя. Спешенные кавалеристы пошли в атаку.

Румыны не выдержали стремительного натиска, поднялись и побежали назад. Преследуя вражеских солдат, наши бойцы с ходу заняли оба моста. Один мост вскоре взлетел на воздух. Другой взорвать не удалось. Сказалась наша неопытность: саперы подвезли слишком мало взрывчатки.

Мы одержали первую, хоть и небольшую, победу. Она воодушевила бойцов, придала им чувство уверенности. Мы потеряли в этой контратаке двадцать человек, а противник - около шестидесяти.

Бой за невзорванный мост продолжался еще несколько дней. Румыны обстреливали подступы к нему из орудий, минометов и пулеметов. Напившись для храбрости водки, они не раз поднимались в атаку, но кавалеристы отбрасывали их.

В ночь на 26 июня мы снова нанесли удар по противнику, захватили мост и наконец взорвали его. Наутро ко мне привели двух пленных.

Один из них, немецкий летчик, держался нагло, презрительно кривил губы и не скрывал, что он нацист. Даже пытался убедить нас, что немцы - избранная раса, которая под руководством фюрера завоюет весь мир. А что касается России, то они захватят ее через два или три месяца.

- Вот вы имеете награду за польскую кампанию, воевали во Франции, бомбили Англию, - сказал я ему, - а закончили свою карьеру в России. И Гитлер у нас здесь голову сломит.

- Время покажет, - ответил пленный офицер.

- Вот именно, - подтвердил я. - Считайте, что вам повезло: вы остались живы. А ваши приятели сгниют в нашей земле.

Второй пленный, румынский капрал-пехотинец, немного говоривший по-русски, заявил, что ему не нужна эта война, стрелять его заставили офицеры, и вообще румынские солдаты опасаются, как бы война не кончилась для них плохо.

От капрала мы получили интересные сведения. Оказывается, в районе мостов действовала против нас дивизия румынской гвардии. Сам капрал служил в 6-м пехотном полку, который понес большие потери и, по существу, разгромлен.

Мы продолжали удерживать свои позиции. Но на севере, в районе Львова, обстановка складывалась явно не в пользу советских войск. Начался отход на восток и от реки Прут. Мы отступали медленно, сдерживая противника. Почти целую неделю корпус сражался возле Кишинева. А 10 июля, после незавершенного контрудара наших войск, командование 9-й армии поручило корпусу прикрыть разрыв между 35-м и 48-м стрелковыми корпусами. Разрыв этот достигал ста километров. Двух моих дивизий было явно недостаточно для того, чтобы надежно прикрыть этот участок. Я решил вести маневренную оборону на оргеевско-дубоссарском направлении, чтобы сковать силы противника, угрожающие флангам нашей пехоты.

Командный пункт корпуса разместился под Оргеевом. Немецкая авиация почти непрерывно бомбила город и мост через реку Реут. Только 12 июля артиллеристы-зенитчики сбили четыре вражеских самолета - в первые дни войны это считалось немалым.

По данным разведки, на мой корпус наступали две дивизии противника: на левый фланг, в гористой местности, 5-я пехотная дивизия румын, правее - 50-я пехотная дивизия немцев.

12 июля я выехал в район Сераштены, где вел бой 72-й кавалерийский полк. По дороге нагнал пешего красноармейца. Я пригласил его в машину. Стройный, смуглый, широкоплечий, он оказался из 72-го кавполка. Лошадь у него взял командир, чтобы заменить свою, убитую при бомбежке. И вот теперь красноармеец догонял эскадрон пешком, торопился - знал, что товарищи отправились в бой.

- Страшно было в первые дни? - спросил я его.

- Нет, ничего, - ответил красноармеец. - А теперь тем более. Привыкать начали.

- Стреляете хорошо?

- Отлично, - с гордостью сказал он.

Под минометным огнем мы проскочили через поле и укрылись в овраге. Я привез бойца прямо в его эскадрон, уже спешившийся для наступления. Красноармеец сразу же занял место в цепи. Я проводил его взглядом. Радостно стало от того, что наши командиры и политработники вырастили, воспитали таких воинов. И в то же время думал: надо бить, уничтожать противника, но так, чтобы сохранить в живых как можно больше этих чудесных крепких парней.

72-й кавалерийский полк, ведя бой со 123-м немецким пехотным полком, захватил несколько пленных. Но гитлеровцы подтянули резервы, их натиск усилился. Я приказал командиру полка продержаться до ночи, а с наступлением темноты отойти к Оргееву.

Через двое суток, 14 июля, под Оргеевом развернулся встречный бой между 50-й пехотной дивизией гитлеровцев и 5-й имени Блинова кавалерийской дивизией. С командного пункта мне далеко было видно вокруг. Впереди, за рекой Реут, - огромное поле, заросшее высокой кукурузой. Оттуда под прикрытием сильного артиллерийского и минометного огня наступали немцы. Наша артиллерия отвечала, но гораздо слабее: орудий у нас было намного меньше.

Цепи немцев и спешенных кавалеристов встретились посреди поля и завязали перестрелку. Однако исход боя решался не здесь, а на открытом фланге. И немцы, и наши командиры понимали это, бросали туда свои резервы, чтобы охватить противника, ударить во фланг и тыл.

С холма я хорошо видел в бинокль, как продвигаются немцы. Недавно прошел большой

дождь, и дороги развезло. Машины и мотоциклы застревают в грязи, гитлеровцам приходилось то и дело вытаскивать их.

Наши кавалеристы, обходя левый фланг противника, ехали верхом без дорог, укрываясь за буграми и в оврагах. Уже к ночи почти у самого Днестра конники, опередив фашистов, вышли наконец на их фланг и в тыл. Закипел жестокий бой. Конники атаковали растянувшуюся по дороге механизированную часть. Немцы потеряли ориентировку и связь между собой. Всадники налетали на группы фашистов у машин, стреляли, забрасывали их гранатами, рубили шашками.

По самым скромным подсчетам противник потерял в этой схватке до тысячи солдат и офицеров.

В бою с 50-й пехотной дивизией немцев мы добились успеха. Но полковник Грецов доложил мне, что общая обстановка резко изменилась к худшему. 35-й стрелковый корпус оставил Кишинев. Справа, ведя тяжелые сдерживающие бои, отходил на восток 48-й корпус.

Мне тоже было приказано прекратить бой и начать отход.

В ночь на 19 июля конный корпус в полном порядке переправился на восточный берег Днестра по двум мостам, наведенным саперами. Мне осталось только поблагодарить командира саперного батальона капитана Андреева за отличную работу и смекалку: один мост он навел по всем правилам, на понтонах, другой - на бочках из-под вина.

После переправы 5-я кавалерийская дивизия заняла укрепленный район, подготовленный несколько лет назад у берега Днестра, но имевший слабый гарнизон. Кажется, это был первый в истории конницы случай, когда она использовалась в качестве гарнизона укрепленного района. Конники отдыхали, сидя в окопах, дотах и блиндажах, и без особого труда отбивали попытки противника переправиться через реку. Лошади были отведены далеко в тыл.

Но недолгим был отдых. Фашисты прорвали фронт значительно правее нас, и корпус получил распоряжение форсированным маршем двигаться на север. Через несколько дней я получил приказ перейти в наступление и освободить занятый немцами город Балту. Трое суток без перерыва продолжался бой. Фашисты укрепились в каменных домах, засели в подвалах и на чердаках. Окружив город, спешенные кавалеристы продвигались вперед, брали дом за домом, улицу за улицей. Особенно упорно оборонялись немцы последнюю ночь. В этом кровопролитном бою большую помощь оказала нам местная учительница. Она помогала бойцам незаметно подкрадываться к вражеским укрытиям. Красноармейцы пробирались в подвалы, врываются в дома с черного хода и забрасывали немцев гранатами. К сожалению, я не помню фамилии этой героини.

В корпусе по штату было два танковых полка. Но уже через полмесяца после начала войны они остались без боевых машин. В боях были потеряны лишь единицы, остальные танки, старые БТ, вышли из строя и были отправлены на ремонт в тыл. Но часть личного состава и штабы танковых полков остались в дивизиях корпуса.

Во время боев за Балту начальник штаба танкового полка получил от командира дивизии задачу на разведку. Выполняя ее, он обнаружил, что севернее Балты, по дороге на Первомайск, двигается на восток моторизованная дивизия немцев с танковым полком. Об этом мне было доложено по телефону. Я немедленно донес командующему армией. Мне не поверили. Я вызвал начальника штаба танкового полка, еще раз выслушал его, написал донесение и послал в штаб армии самого танкиста.

Но и после этого командование армии никаких мер не приняло. Немцы прорвались глубоко в наш тыл. К счастью, у них кончилось горючее и они вынуждены были остановиться километрах в тридцати восточнее Балты. А спустя несколько дней эта самая мотодивизия нанесла под Первомайском сильный удар во фланг и тыл 18-й армии - нашему соседу справа. Одновременно эту армию атаковали и другие немецкие соединения. 18-я армия начала отступать.

Особенно тяжелое положение сложилось у Вознесенска. Гитлеровская мотопехота продвинулась по левому берегу Буга и захватила город, в то время как отступающие войска

18-й армии находились еще на правом, западном берегу. Мой корпус остался в этом районе единственной силой, способной драться с врагом.

9-я кавалерийская дивизия успела переправиться через Буг еще до захвата немцами Вознесенска и прикрыла дорогу на Николаев. 5-я кавалерийская дивизия находилась в пятидесяти километрах от нее, на противоположном берегу реки. Управлять частями корпуса стало очень трудно.

Я повел 5-ю кавдивизию на юг, прикрывая правый фланг 18-й армии. Мы разыскали инженерные парки своего корпуса. Саперы быстро навели мост. Конники, эскадрон за эскадронам, переправились через реку. Вслед за нами начали переправу разрозненные части 18-й армии.

На правом берегу Буга остался 136-й кавалерийский полк 9-й Крымской кавдивизии. Он оторвался от дивизии и вел бой километрах в пятнадцати севернее Вознесенска. Сведений из этого полка не поступало, и я тревожился за его судьбу. Начальник политотдела корпуса полковой комиссар Новиков поехал в полк, чтобы выяснить обстановку и принять необходимые меры. Он отправился туда на «пикапе» вместе со своим помощником по комсомолу политруком Севериным и несколькими красноармейцами. «Пикап» влетел в деревню, которая оказалась занятой немцами. Фашисты открыли огонь. Новиков и сопровождавшие его люди выпрыгнули из машины, залегли в огороде и отбили атаку фашистов. Тогда немцы начали стрелять по ним из миномета. Несколько осколков сразили комиссара. Тяжело раненного политрука Северина вынесли с поля боя красноармейцы. Новикова спасти не удалось. Погиб дорогой нам всем человек, прекрасный политработник.

В многочисленных боях мы понесли значительные потери, а пополнение долго не поступало. И только в первой половине августа в корпус влились наконец свежие силы. Командующий фронтом генерал армии И. В. Тюленев прислал нам конный полк, сформированный Николаевским обкомом партии из добровольцев, главным образом коммунистов и комсомольцев. Среди бойцов было много участников гражданской войны. Люди отличные, но полк не был сколочен как боевая единица. Пришлось использовать его для пополнения разных частей. За счет этого полка были созданы нештатный разведывательный дивизион корпуса и разведывательные эскадроны дивизий. А танкистов у нас забрали на формирование новых частей.

Корпус снова собран в кулак. Мы преградили немцам путь на Николаев. 9 августа фашисты выступили из Вознесенска на юг, но было уже поздно. Советские войска успели переправиться через Буг.

Нам было приказано прикрыть город Кривой Рог со стороны села Новый Буг. Корпус двинулся к Новому Бугу.

Сведений о противнике я не имел. Знал только, что танковые и моторизованные части фашистов подходят к Днепру где-то севернее, не встречая сопротивления советских войск.

12 августа в середине дня 96-й кавалерийский полк - передовой отряд 5-й кавалерийской дивизии - прошел через Новый Буг с юга на север, не обнаружив противника. Следом за полком, на удалении нескольких километров, двигался штаб дивизии, сопровождаемый броневиками. В это время с запада в Новый Буг вступили моторизованные колонны гитлеровцев.

Полковник Баранов приказал броневикам ударить по немцам из пулеметов. Артиллерийский дивизион стремительно развернулся в двух километрах южнее села и открыл беглый огонь по дороге между Новым Бугом и рекой Ингул. Ничего не подозревавшие немцы были застигнуты врасплох. Их грузовики, танки и мотоциклы двигались по дороге в два ряда, вплотную друг к другу. На эту колонну и обрушился огонь трех наших батарей.

Ушедший вперед 96-й полк, услышав стрельбу позади, быстро развернулся фронтом на юг и тоже открыл огонь из 76-миллиметровых пушек. 131-й кавалерийский полк, находившийся на западном берегу Ингула, в тылу немцев, ударил из своих орудий по мосту. Отдельные машины гитлеровцев пытались повернуть и уйти назад, но подбитые грузовики и

танки загорали дорогу. В довершение всего откуда-то появились наши штурмовики и начали бомбить переправу. Уцелевшие гитлеровцы, бросив машины, устремились на запад, навстречу своим главным силам. А на дороге на протяжении двух километров остались разбитые, горящие машины, сотни трупов. Преследуя бегущих немцев, наши конники вышли к реке и захватили переправу.

Бойцы и командиры радовались победе. Тревожило нас только положение 131-го полка. Он был отрезан крупными силами врага, и связь с ним поддерживалась лишь по радио.

Немцы несколько раз пытались атаковать нас и отбить переправу. Но неудачно. На следующий день они начали переправляться в другом месте, у села Привольное. Колонны противника двинулись на юго-восток, по левому берегу Ингула, намереваясь, по-видимому, отрезать от Николаева наши 18-ю и 9-ю армии. У меня было мало сил, чтобы сорвать этот замысел.

Из Новой Полтавки, где находился командный пункт корпуса, были хорошо видны вражеские колонны. Они появились ранним утром и казались бесконечными. Артиллерия 9-й кавалерийской дивизии без перерыва вела огонь по ним и наносила фашистам значительный урон. В ответ немцы обстреливали из пушек и минометов район Новой Полтавки.

Несколько раз пытались мы выручить 131-й Таманский кавалерийский полк, дравшийся в окружении в деревне Усьяновке по ту сторону реки, но не смогли. Войска противника начали обтекать нас с юга и севера. Корпус получил приказ двигаться в сторону Кривого Рога. Мы двинулись.

Вдруг ночью ко мне в Новую Одессу приезжают командир 131-го полка подполковник Синицкий и комиссар Милославский с радостной вестью: полк вырвался из окружения! Школьный сторож, хорошо знавший местность, провел кавалеристов к реке и показал им брод. Ночью они выскользнули из кольца.

17 августа командующий Южным фронтом приказал нам идти к Днепру и переправиться на восточный берег: корпус выводился в резерв.

Через два дня штаб корпуса вышел к реке против населенного пункта Большая Лопатиха. Надо было изыскать средства для переправы. Если людей и лошадей еще можно кое-как переправить вплавь, то что делать с артиллерией, тракторами, автомашинами?

Сабельные эскадроны двух полков, выделенных для прикрытия переправы, заняли оборону в степи. Командиры штаба искали паромы, баржи, лодки. Полковник Грецов остановил небольшой шедший по реке пароход. На противоположном берегу обнаружили старую баржу, заменявшую пристань. С помощью этих средств и начали переправляться.

Над рекой, над голой степью в знойном белесом небе рыскали немецкие самолеты. Я поехал в полки, прикрывавшие переправу. Фашистский летчик, обнаружив наш маленький отряд, начал обстреливать его. Мы поскакали в разные стороны. Вокруг - никаких укрытий. Летчик полчаса гонялся за отдельными всадниками до наступления сумерек.

А с запада приближались вражеские танки. Они торопились, намереваясь прижать конницу к реке и уничтожить. 21 августа немецкие танки атаковали с тыла 5-ю кавалерийскую дивизию. Спешенный полк, прикрывавший переправу, подпустил атакующих на близкое расстояние. Потом разом ударили пушки. Часть немецких машин прорвалась к нашим окопам, но красноармейцы встретили их гранатами и бутылками с горючей жидкостью.

Девятнадцать танков и броневедомостей потеряли гитлеровцы в этом бою. Черные стальные коробки долго чадили потом в степи. Немцы не решались больше атаковать.

За ночь главные силы корпуса переправились через Днепр. Утром в небе появились десятки фашистских самолетов. Опоздали! Между нами и противником легла широкая водная преграда. Корпус получил возможность немного отдохнуть, привести себя в порядок.

Меня вызвали в штаб Юго-Западного направления. Военный совет предложил вступить в должность командующего 6-й армией. Но мне не хотелось уходить из корпуса, покидать дружный, сплотившийся в боях коллектив, и меня оставили на прежней должности.

В середине сентября обстановка на фронте стала чрезвычайно напряженной, особенно в районе Киева. С юга, в обход города, наступала 1-я немецкая танковая группа. С севера, навстречу ей, вел свои танковые дивизии Гудериан. Танковые клещи сомкнулись восточнее Киева. Противнику удалось окружить большое количество советских войск [1]. Фронт оказался разорванным. На многих участках у нас почти не было сил, чтобы задержать продвижение врага в глубь страны. Наше командование спешно подтягивало новые дивизии.

По приказу Ставки 2-й кавалерийский корпус совершил 400-километровый марш на север. Хорошо запомнилось, как проходили эскадроны через Полтаву. Война приблизилась и сюда. По дорогам двигались массы беженцев, отступающие части и подразделения. Немцы бросали листовки, уверявшие, что Красная Армия разбита. Жителями овладела тревога.

Утром 13 сентября в город вступила 5-я Ставропольская имени Блинова дивизия. Конники двигались в колонне по три, строго выдерживая равнение. Полковые оркестры, сверкая начищенными трубами, исполняли марши. Эскадроны шли с песнями. Загорелые подтянутые бойцы привычно покачивались в седлах. Кое-где белели повязки раненых.

Жители, и старые и малые, выбежали на улицу. Рядом со мной остановился, опираясь на палку, старик.

- Ишь ты! - восторженно сказал он. - Добрые хлопцы! Казаки небось?!

- Советские кавалеристы, дедушка, - ответил я.

- С такими хлопцами самый раз Гитлеру шею свернуть. Всыпьте ему, как в давние годы у нас тут шведам всыпали.

- Обязательно, дедушка, - пообещал я. - Рано или поздно, а верх все равно будет наш.

Громыхали по улице пулеметные тачанки и пушки. Полки проходили через город не останавливаясь, спешили на новый участок фронта.

Корпусу были приданы 1-я гвардейская стрелковая дивизия генерала И. Н. Руссиянова, 1-я и 129-я танковые бригады. 19 сентября наша конно-механизированная группа начала наступление главными силами в районе города Ромны, чтобы пробить брешь в кольце вражеских войск, окруживших киевскую группировку, или хотя бы отвлечь на себя часть сил противника от окруженных советских войск.

Но направление наступления было выбрано неудачно. Конно-механизированной группе приходилось наносить удар туда, где сосредоточивались крупные силы 2-й танковой группы Гудериана - 24-й и 48-й танковые корпуса.

Город обороняла моторизованная дивизия и пехотные подразделения немцев. Ночью спешным кавалеристам 9-й Крымской дивизии удалось ворваться в пригород Ромн - Засулье. Завязался жестокий бой. К утру фашисты перебросили сюда еще и танковую дивизию, насчитывавшую несколько сотен боевых машин. Под нажимом противника наши войска отошли от города и стали закрепляться на новом рубеже.

Немцы имели подавляющее превосходство в силах и средствах. Через несколько дней две танковые дивизии гитлеровцев атаковали 5-ю кавалерийскую дивизию, форсировавшую реку Сулу, и прорвали нашу оборону у населенного пункта Крамаренки. Начальник разведки капитан Кулемин успел позвонить мне по телефону и доложить, что немецкие танки ворвались в деревню, где находится штаб дивизии, завязался бой, до шестидесяти вражеских танков двигаются по дороге к селу Васильевка, в котором расположился штаб корпуса. Связь тут же прервалась.

Я помчался на машине в танковую бригаду, которую держал в резерве, и поднял ее по тревоге. Когда возвратился в Васильевку, гитлеровские танки уже ворвались в село. Работники штаба отбивались от мотоциклистов. Дом, в котором я жил, горел ярким пламенем. Несколько штабных грузовиков было разбито снарядами. Из-за заборов и плетней по гитлеровцам стреляли спешные кавалеристы. По дороге из Васильевки двигались автомобили, повозки, коноводы с лошадьми в поводу. В бой вступила наша танковая бригада. Несколько вражеских танков было подбито, а остальные двинулись по направлению к селу Штеповка. Вскоре передовой отряд фашистов захватил Штеповку. К вечеру немцы подтянули туда крупные силы.

Я поехал в Михайловку и по телеграфу связался с командующим армией. Командующий резко высказал недовольство тем, что я без разрешения перевел свой штаб из Васильевки в Михайловку. Но ведь иначе штаб корпуса оказался бы в окружении!..

Мне было приказано принять все меры, чтобы вернуть Штеповку - важный узел дорог.

К этому времени 9-я кавалерийская дивизия была отброшена вражескими танками на северо-восток и оказалась в полуокружении. Однако, получив по радио мое распоряжение, командир дивизии сумел оторваться от противника и вывести свои полки в указанный ему лесной район, где я решил сосредоточить силы. Без серьезных потерь отошла и 5-я кавалерийская дивизия.

Пока полки приводили себя в порядок, я обдумывал, как восстановить положение.

В последние дни сентября погода стояла дождливая. Это было на руку нам. Разведка донесла, что немецкая танковая группировка, прорвавшаяся в район Штеповки, не может двигаться вперед из-за нехватки горючего. А подвезти горючее по размытым дорогам было не так-то просто. Такой выгодный момент нельзя было упускать. Я решил атаковать немцев и отрезать прорвавшиеся части от их главных сил.

Гитлеровцы, видимо, полагали, что мы не скоро оправимся от полученного удара, и не ожидали нашего наступления.

А тем временем в шестнадцати километрах севернее Штеповки сосредоточивалась 1-я гвардейская моторизованная дивизия полковника А. И. Лизюкова, которая должна была войти в состав соседней 40-й армии. Лизюков согласился принять участие в нашем наступлении, побывал у меня в штабе и уточнил обстановку. Его дивизия занимала район, удобный для удара во фланг вражеской группировке. Мы быстро договорились с Лизюковым о взаимодействии.

Наступление началось ранним дождливым утром 30 сентября. С востока двинулась 9-я кавалерийская дивизия. Ее поддерживала 1-я танковая бригада. На правом фланге, заходя в тыл противнику, поднялась в атаку пехота Лизюкова. Наша 5-я кавалерийская дивизия наступала на крайнем левом фланге.

Мы с комиссаром Щелаковским выехали верхом на высоту 219,4 у селения Гостробуров и наблюдали в бинокли за ходом боя.

Сначала наши войска наступали довольно медленно. Враг оказывал упорное сопротивление, используя в качестве неподвижных огневых точек танки, которыми располагал в большом количестве. В середине дня ему удалось задержать нашу пехоту у реки на подступах к Штеповке.

1 октября, введя в бой все свои силы, я остался без резервов. Кавалеристы 9-й Крымской дивизии, поддержанные танками, прорвали оборону немцев на северо-восточной окраине села и устремились к центру. С юга в Штеповку ворвались в конном строю несколько эскадронов 5-й кавалерийской дивизии.

Пехотинцы Лизюкова воспользовались наступившим переломом и, ударив с севера, отрезали противнику путь на запад. Фашисты были зажаты в тиски. Некоторое время они еще пытались отстреливаться с чердаков и из окон домов, но вскоре начали разбегаться, бросая оружие. Всадники нагоняли их, гитлеровцы падали под ударами шашек. Лил дождь. Толпы немцев метались то в одну сторону, то в другую, и везде их встречали наши бойцы. Тысячи трупов валялись в грязи. Часть гитлеровцев успела сесть в грузовики. Но автомашины буксовали и застревали. На выезде из Штеповки образовались огромные пробки.

Разгромив противника в Штеповке, наши войска двинулись дальше. За несколько дней мы освободили более двадцати населенных пунктов, в том числе районный центр Аполлоновку.

В этих боях мы разбили и полностью уничтожили 25-ю немецкую моторизованную дивизию и нанесли серьезное поражение 9-й танковой дивизии. Только в одной Штеповке нашли себе могилу восемь тысяч немецких солдат и офицеров. Наши интенданты подсчитывали трофеи. По тем временам они были весьма велики. Мы, вероятно, захватили

весь автопарк 25-й моторизованной дивизии. В общей сложности противник бросил на поле боя до тысячи автомашин, потерял шестьдесят-семьдесят танков, сто пятьдесят орудий, пять минометных батарей. Убегая, фашисты оставили казначейство 119-го моторизованного полка со всей его наличностью.

Наступление на Штеповку проводилось в обстановке общего отхода наших войск и поэтому имело большое моральное значение. Корпус получил благодарственный приказ Военного совета Юго-Западного направления, подписанный С. К. Тимошенко и Н. С. Хрущевым.

Чтобы закрепить этот успех, мы перешли к обороне, но простояли на месте лишь несколько дней. Корпус был переброшен на другое направление.

Трое суток без перерыва шел дождь, то мелкий и нудный, то почти проливной, как летом, хотя уже кончался октябрь. Потемнели от сырости заборы и стены домов, повсюду блестели мутные лужи. Фронтные дороги, разбитые колесами автомашин и повозок, превратились в реки грязи. Люди вязли по щиколотку, до колен проваливались в невидимые колдобины. Лошади с трудом вытягивали ноги из жидкого месива. А свернешь с дороги - не лучше. Вокруг степь, раскисший, липкий чернозем.

На коротких привалах люди едва успевали накормить и напоить лошадей. Отдыхать было некогда. Я по себе чувствовал, как измотались кавалеристы, утомленные продолжительными боями и большими переходами.

Короткий осенний день близился к концу. Поднявшись на возвышенность, где было немного посуше, я остановился и посмотрел назад. Следом за мной ехали командиры и бойцы штаба и комендантского эскадрона - две с половиной или три сотни людей. Лошади шли медленно. Промокшие всадники напоминали чем-то нахохлившихся птиц. Да и сам я, вероятно, выглядел не лучше. Отсыревшая бурка стала тяжелой, вода скатывалась по ней, бахромой висели внизу капли. Круп моего рыжего Победителя блестел так, будто конь только что вышел из реки. А на ногах и на брюхе налипла грязь. Я тронул Победителя. Невысокий выносливый дончак неохотно пошел вперед. Под копытами снова зачавкала вязкая жижа.

Наступила ночь, такая темная, какие бывают только глухой промозглой осенью. Скрылся из глаз головной дозор, скрылись ехавшие сзади всадники. Даже дороги не видно. Монотонно шумит дождь. У меня такое ощущение, будто остался один в этом черном пустом поле. Отправляясь с места стоянки, я боялся, что буду дремать в дороге: ведь не спал уже двое суток. Но от холода сон прошел. Я ехал, стараясь обдумать события последних дней. Прямо скажу, невеселые были думы.

Наши войска после длительных жестоких боев оставили Харьков. Немцы понесли очень большие потери. Но и советские дивизии, сражавшиеся за город, были обескровлены. Фашисты одержали еще одну победу, захватив важный экономический центр, узел дорог. Теперь почти вся Украина под пятой врага. А мы уходим все дальше на восток. Где же тот рубеж, на котором остановим наконец немцев?

В дни, когда битва за Харьков достигла наивысшего напряжения, 2-й кавалерийский корпус получил приказ выбить немцев из Богодухова. Задача была и трудная, и важная. Через этот город проходили пути снабжения фашистских войск, штурмовавших Харьков. Вполне естественно, что немцы сопротивлялись с большим упорством. А у нас не хватало сил, чтобы быстро сломить их сопротивление. Бои приняли затяжной характер. В конце концов мы окружили Богодухов. Но разгромить окруженную группировку противника не удалось. Мы получили приказ прекратить бой за город и отходить.

Остался позади Богодухов, затем Белгород. Корпус ведет арьергардные бои на широком фронте, давая возможность выйти из-под удара немцев разрозненным стрелковым частям, спасая артиллерию и обозы, застрявшие в грязи.

Единственная улучшенная (как значилось на карте) дорога в полосе корпуса проходила через Корочу. Я не знаю, кто умудрился так спланировать, что по этой разбитой дороге отступали тылы не только нашего корпуса, но и многих других соединений. У Корочи

создалась огромная пробка. Около четырех тысяч автомашин стояли без горючего. А немцы приближались.

Тысячи машин - такое богатство нельзя было оставлять врагу. Требовалось не только прикрыть хвост колонны от наступавшего противника, но и организовать доставку горючего, вытащить застрявший транспорт. Я занялся этим, отложив на время другие дела.

Специальных дорожных подразделений в моем распоряжении не было. Пришлось искать какой-либо другой выход из положения.

Особенно тяжелой была дорога в низине, проходившая по берегу мутной, вспухшей от дождей речки. Там грузовики тонули в грязи. Шоферы бросали под колеса бревна, плетни, заборы. Бросали как в прорву. Нужны были люди, много людей. Но где их взять?

Подъезжая верхом к мосту, я увидел большую толпу: это местные жители пришли на расположенный поблизости маслозавод. Оказывается, администрация завода решила раздать населению масло, чтобы оно не досталось фашистам.

Начальник штаба корпуса полковник Грецов предложил выдавать масло только тем, кто окажет помощь шоферам. По два ведра каждому, кто засыплет щебнем метр дороги на самом трудном участке. Впрочем, люди работали не только за масло. Из ближних сел пришла молодежь, комсомольцы. Они принялись за дело вместе с красноармейцами.

Наиболее сложным оказалось доставить горючее. Я связался с летчиками, попросил помочь. Но у них не было грузовых парашютов. А на размякший грунт самолет не приземлится. Летчики начали сбрасывать канистры с горючим - они почти все разбивались. Ничего не оставалось другого, как с помощью местных жителей наладить подвоз горючего на быках и на лошадях. Каждый водитель хотел получить горючее как можно скорее. Едва подходила повозка, к ней бросались десятки шоферов и с трудом удерживались, чтобы не пустить в ход оружие. Потребовалось установить строгий контроль за распределением.

Так или иначе, но пробка на дороге стала рассасываться. Между тем я имел приказ прибыть 28 октября в село Велико-Михайловка. Времени оставалось в обрез. Но и бросить машины я не мог. Требовался энергичный командир, чтобы навести на дороге окончательный порядок, спасти транспорт. Я поручил это начальнику штаба корпуса полковнику Грецову. С ним осталось несколько командиров штаба.

Конь мой испуганно захрапел, шарахнулся в сторону и остановился. Внизу, у самых ног Победителя, шевелилась какая-то темная масса.

- Куда прешь?! Не видишь, что ли! - раздался сердитый крик.

Я узнал голос начальника разведки.

- Кононенко, вы?

- Извиняюсь, товарищ генерал, не разобрал в темноте.

- Вы что это на дороге сидите?

- Не сижу, товарищ генерал. Лежу. Кобыла проклятая! Упала - и как колода.

- Встать не можете?

- Ногу придавила. Чуть в грязюке не задохнулся.

Кононенко старался отвечать, как всегда, бодро, даже весело. Такой уж неунывающий он человек. Но я понимал, что капитану не так-то уж весело. И больно, и жаль красавицу кобылу, предмет его гордости.

Бойцы помогли Кононенко подняться. В это время ко мне подъехал комиссар корпуса Щелаковский.

- Слушайте, Павел Алексеевич, люди устали, - тихо сказал он. - И люди и лошади. Сами видите. Может, остановимся? Деревня близко.

- Нельзя, Алексей Варфоломеевич. Приказ.

- Знаю. Только не пойму, к чему спешка такая. Ведь в резерв нас выводят.

Что я мог ответить комиссару? Мы с ним были добрыми друзьями и жили, как говорится, душа в душу. Я знал столько же, сколько и он. А строить догадки и предположения не хотелось.

Мы тронулись дальше. Щелаковский остался, пропуская мимо себя колонну,

подбадривая красноармейцев. Снова зачавкала под копытами грязь. Моросил нудный дождь. Холодный ветер дул в лицо, проникал под мокрую бурку. И снова потянулась дорога, казавшаяся бесконечной. Мы уходили на восток, зная, что все оставленные нами места будут заняты ненавистными фашистами. Горько и тяжело было на душе.

Велико-Михайловка - обыкновенное село, каких много в нашей стране. Но это село памятно для старых кавалеристов. 30 ноября 1919 года конный корпус С. М. Буденного после ожесточенного боя овладел Велико-Михайловкой. С этого дня корпус стал Первой Конной армией. В моем корпусе было немало бывших конармейцев. Мне и самому довелось в свое время служить в Первой Конной.

Мы приехали в село ночью, в кромешной тьме. Кое-как разместились на ночлег. Утром, немного отдохнув, я вышел на улицу. По обе стороны ее тянулись белые мазанки. За плетнями стояли голые деревья.

Через село двигались на восток небольшие подразделения, отдельные группы пехотинцев, бойцы-одиночки, отбившиеся от своих. Полы шинелей заткнуты за ремни, воротники подняты, пилотки надвинуты на уши. Картина удручающая. Но я не первый раз видел отступающих на военных дорогах и по опыту знал, что среди этих людей много хороших бойцов. Нужно было только организовать их, дать им энергичных командиров, поставить перед ними боевую задачу.

Мне запомнился разговор с одним из отступавших. Это был уже немолодой, лет под сорок, боец с множеством морщин на усталом лице. Когда я позвнал его, он взял винтовку к ноге, представился по уставу.

- Куда идете? - спросил я.

- До военкомата, - ответил он и объяснил, что такое у него выработалось правило. Два раза он попадал на передовую, и оба раза его часть оказывалась в окружении. Он пробивался с товарищами через немецкое кольцо, сразу же разыскивал ближайший военкомат и просил, чтобы его снова отправили на фронт. Теперь он разыскивал военкомат в третий раз.

- Все по закону, - солидно сказал красноармеец. - Каждый раз отметку делаю, чтобы порядок был. И каждый раз при оружии являюсь. - Он посмотрел на меня и вдруг добавил просительно: - Товарищ генерал, возьмите меня к себе. Надоело зад немцам показывать, драться хочу!

Я подумал тогда, что на этого солдата можно положиться, такие, как он, не подведут в трудном бою. Вот эти отступающие красноармейцы, обстрелянные, испытавшие горечь поражения, проникшие ненавистью к фашистам, - они-то и составят костяк тех рот и батальонов, которые погонят немцев на запад.

С этого разговора начался для меня день, который принес очень важную, взволновавшую нас всех новость: я получил зашифрованный приказ - погрузить корпус в вагоны на станциях близ Нового Оскола и отправиться в распоряжение Ставки Верховного Главнокомандования. Теперь стало понятно, почему нас так торопили.

В приказе указывалась и станция выгрузки - Михнево. Ни я, ни работники штаба не знали, где она находится. На наших картах Михнево не значилось. Пришлось мне послать на местную почту командира из оперативного отдела. Поручение было «дипломатическое»: узнать, где находится Михнево, не привлекая внимания работников связи. Вашурин - высокий стройный майор - очень подходил для этой цели: на почте работали девушки.

С почты майор возвратился бегом. Вошел в комнату, закрыл за собой дверь и только после этого сказал возбужденно:

- Товарищ генерал! Нас перебрасывают под Москву!

Подготовка контрудара

Читая газеты, слушая сообщения по радио, я представлял себе, насколько трудна обстановка на подступах к столице. Фашисты, двинув в наступление около восьмидесяти дивизий, теснили противостоявшие им наши армии Западного, Брянского и Резервного

фронтов. На подступах к Москве спешно создавалась новая линия обороны, с ходу вступали в бой воинские части, перебрасывавшиеся из глубины страны.

Двойное чувство вызвал во мне полученный приказ. Острее сделалось беспокойство за судьбу нашей столицы. Значит, положение там действительно очень трудное, если приходится снимать с фронта войска и направлять их к Москве, ослабляя тем самым другие участки. Но при всем этом я был горд за наш корпус. Мы начинали войну в составе 9-й армии. Потом перешли в подчинение командования войск Южного фронта. Через некоторое время нас подчинили Военному совету Юго-Западного направления. Корпус вступил в бой в первый день войны и с этого времени сражался, не имея передышки. Мы отступали, но, отступая, дрались, не раз нанося противнику серьезные поражения. Корпус окреп, закалился в боях, люди получили опыт. И вот теперь Ставка брала нас в непосредственное подчинение. Нам доверяется защита Москвы - сердца нашей огромной Родины.

В Новом Осколе мы прожили несколько дней. Была задержка из-за транспорта. Но мне удалось связаться с заместителем народного комиссара обороны генералом армии А. В. Хрулевым. Мы знали друг друга давно, еще по службе в 14-й кавалерийской дивизии, где он был комиссаром дивизии, а я - командиром полка. Вопрос с транспортом решился очень быстро. На станцию стали прибывать под погрузку железнодорожные эшелоны. В Новом Осколе сосредоточивались части, штабы, тыловые и специальные службы корпуса. Пришлось отозвать из-под Корочи начальника штаба Грецова. Вместо него руководить спасением автомашин остался начальник тыла полковник А. И. Сакунов.

Шоферы в эти дни проявили настоящее мужество. Не помню случаев, чтобы они бросали машины, застрявшие в грязи или оставшиеся без горючего. На холоде, без сна и порой без пищи, облепленные грязью, в мокрой одежде, проталкивали они доверенные им машины все дальше на восток. Сзади наседали автоматчики противника, сверху налетали немецкие бомбардировщики. Но эвакуация машин продолжалась.

2 ноября полковник Сакунов донес, что под Корочей осталось без горючего около ста грузовиков и что немцы усилили нажим. Я подтвердил приказ сделать все возможное, чтобы спасти транспорт.

Корпус давно уже не сосредоточивался в одном пункте. Дивизии вели бои на широком фронте, порой в отрыве друг от друга. А сейчас я получил возможность быстро объехать все части, лично убедиться в их готовности к дальнейшим действиям.

5-я Ставропольская имени Блинова кавалерийская дивизия имела богатые боевые традиции. Она была создана в 1919 году из революционно настроенных трудящихся Украины, Дона, Кубани и Саратовской губернии. В нее влились два конных полка старой армии - 5-й и 6-й Заамурские, участвовавшие в знаменитом походе Тираспольского отряда, о котором хорошо рассказал в своих воспоминаниях И. Э. Якир. Дивизия носила имя своего первого начальника донского казака М. Ф. Блинова, героически погибшего в бою с белогвардейцами. Теперь она состояла из четырех кавалерийских полков: 11-го Саратовского, 96-го Белозерского, 131-го Таманского, 160-го Камышинского, а также 38-го конно-артиллерийского дивизиона, конно-саперного эскадрона и эскадрона связи.

Командовал 5-й кавалерийской дивизией генерал-майор Виктор Кириллович Баранов, грамотный и смелый военачальник. В Красную Армию он пришел в конце гражданской войны, окончил нормальную кавалерийскую школу, после чего воевал в Средней Азии с басмачами.

Одно время Баранов был политруком эскадрона, получил опыт партийно-политической работы. Это очень помогало ему в дальнейшей службе. Он всегда срабатывался с комиссаром или с заместителем по политчасти, умел сблизиться с людьми. Красноармейцы любили его и уважали. Придет на отдых в какой-нибудь эскадрон, вокруг сразу соберутся бойцы. Высокий, широкоплечий, Баранов говорит громко, грубовато. Одних похвалит, других поругает тут же, при всех. Впрочем, он и ругал как-то по-особому. Я бы сказал - по-отечески. Выругает крепко, а человек не обижается.

Под стать командиру дивизии был и полковой комиссар Нельзин, человек знающий и

любящий свое дело.

Другая дивизия - 9-я Крымская - тоже участвовала в разгроме Деникина, Врангеля, банд Тютюника. Полки этой дивизии - 6, 72, 108, 136-й, а также 12-й конно-артиллерийский дивизион успели хорошо зарекомендовать себя и в боях с гитлеровцами.

Командовал дивизией молодой, но уже достаточно опытный полковник Николай Сергеевич Осликовский. В свое время он служил в кавалерийском корпусе Котовского, а в 1937-1940 годах, находясь в запасе, работал на киностудии. Великую Отечественную войну Осликовский начал в должности помощника командира дивизии, а в сентябре принял командование ею. Николай Сергеевич - человек решительный, настойчивый. Всегда добьется своего. В бою умрет, но без приказа не оставит позиций. Академического образования он не имел, но все же хорошо разбирался в тактике и оперативном искусстве. Смелый, способный на любой риск, он не жалел самого себя и порой слишком суров был с подчиненными.

Всею политической работой в дивизии руководил полковой комиссар Веденеев. Вдумчивый и тактичный, он умело сглаживал «острые углы» командира, помогал ему в трудные минуты. Они хорошо дополняли друг друга.

И я верил, что под их руководством 9-я кавалерийская дивизия способна выполнять любые задачи.

За четыре месяца, прошедшие с начала войны, корпус понес значительные потери. В некоторых сабельных эскадронах уцелело по шесть - восемь человек из тех, что вступили в бой на границе. Особенно велика была убыль в младшем командном составе. Но основной костяк корпуса сохранился. Многие уже научились искусству воевать с противником. Я надеялся, что под Москвой получу пополнение и части будут доведены до штатной численности.

Рано утром 3 ноября штаб корпуса разместился в теплушках. Паровоз дал гудок. Мимо вагонов поплыли назад станционные постройки. Мы двинулись на северо-восток, вслед за ушедшими уже эшелонами.

Командиры штаба быстро обжились в теплушке. Посреди вагона горела железная «буржуйка». На нарах расстелили плащ-палатки, шинели. Мой адъютант лейтенант Михайлов принес несколько одеял.

Люди приводили себя в порядок, отсыпались, наверстывая упущенное. Алексей Варфоломеевич Щелаковский на первой же остановке ушел в соседние вагоны, к красноармейцам. Он из тех политработников, которые не любят возиться с бумагами и предпочитают увидеть все сами, поговорить, посоветоваться с бойцами.

Полковник Грецов сидел на перевернутом ящике, накинув на плечи красноармейскую шинель, и записывал что-то в блокнот. Я уже так привык видеть начальника штаба с картой, с карандашом в руке, что без этого мне и представить его трудно.

Михаил Дмитриевич Грецов начитан, учился в Высшей кавалерийской школе в Ленинграде, потом в Военной академии имени Фрунзе, приобрел разносторонние знания и мечтал о преподавательской работе. Некоторые командиры так и звали его между собой: «педагог». Начальником штаба он был образцовым.

Поезд тащился медленно. Немецкая авиация, несмотря на пасмурную погоду, налетала на узловые станции. Эшелон часто и подолгу простаивал на разъездах. В вагоне становилось все более шумно. Командиры просыпались, умывались холодной водой.

Вот возится около «буржуйки» начальник 5-го отдела Оганесян - жарит шашлык. Начальник разведки капитан Кононенко, никогда не унывающий одессит с блестящими карими глазами, поглаживая черные усы, подшучивает над Оганесяном, уверяет, что у того ничего не получится.

Грецов отложил уже блокнот, что-то темпераментно рассказывает майору Вашурину. Кто-то напевает песню. На походном столе расставляют банки с консервами, режут хлеб. Принесли чайник с кипятком - сейчас будет ужин.

Шашлык у Оганесяна получился славный. Это признал даже Кононенко, первым

отведавший его. Съел, причмокивая от удовольствия, несколько кусков, потянулся еще.

- Погоди, - останавливает его Оганесян. - Почему раньше всех ешь?

- Так я же тебе помогал, - засмеялся Кононенко.

- Вай! Зачем неправду говоришь?

- Все видели, как я около тебя стоял.

Вернулся в теплушку Алексей Варфоломеевич. Потер красные, замерзшие руки, присел к столу рядом со мной. Все, кому не хватило места за столом, устроились на нижних нарах.

- Ну, товарищи, - сказал комиссар, - сегодня у нас отдых, сегодня мы собрались все вместе, а это не часто бывает. По такому случаю и по чарке можно... Кононенко, налей!

Мы наполнили стаканы и кружки.

- Ваша инициатива, Алексей Варфоломеевич, ваш и тост, - предложил я.

- Выпьем за наших друзей, сложивших головы на полях Украины, - произнес Щелаковский. - Впереди у нас трудные испытания. Но мы выдержим их. За Москву, за нашу столицу!

На станцию Михнево эшелон пришел ночью. Сразу начали выгружаться. Люди поживались от холода. В Новом Осколе было сравнительно тепло, а здесь пощипывал за уши мороз, земля затвердела, лужи покрылись льдом.

В Михнево встретили нас комиссар штаба Резник и помощник начальника связи Неделькин. Они уже организовали расквартирование прибывающих частей. Подали коней, и мы поехали верхом в деревню Глотаево.

Командиры штаба обосновались в домах колхозников. Мне отвели комнату в доме председателя сельского совета. Приведя себя в порядок, мы с комиссаром решили съездить в Москву, чтобы выяснить положение дел.

Выехали на машине. Оба мы давно не были в столице и теперь с волнением всматривались в окружающее. Нас то и дело останавливали контрольные посты. Их было много, пожалуй, даже слишком много. И справа и слева от шоссе виднелись готовые уже противотанковые рвы, окопы, дзоты. В некоторых местах работали женщины, рыли траншеи. Но войск в укреплениях пока не было. А мы по горькому опыту знали, как важно заблаговременно иметь там хоть небольшие гарнизоны. Хотя бы артиллерийские батареи поставить у дороги, на случай если немцы прорвутся неожиданно!.. Я поделился своими мыслями с комиссаром.

- Войск, видать, мало, - со вздохом ответил Алексей Варфоломеевич. - Будете в Генштабе, упомяните на всякий случай об этом. Может, просто руки не доходят.

Вот и Москва. Строгая, суровая. Людей на улицах мало. Столица готовится к бою - это видно по всему. Строятся баррикады, устанавливаются противотанковые ежи. На перекрестках - дзоты.

Мы знали, что враг бомбит Москву. Но разрушений почти не было видно. Зато часто попадались зенитные батареи, там и тут виднелись аэростаты воздушного заграждения. Их перевозили на грузовиках. Девушки в военной форме шли рядом и поддерживали аэростаты.

Алексей Варфоломеевич отправился в Главное политическое управление. Я - в Генеральный штаб. В тот день мне удалось побеседовать только с дежурным по Генштабу, моим бывшим подчиненным. Встретил он радушно, однако интересовавших меня сведений я получить не смог. Дежурный, в самых общих чертах рассказывая о положении на фронте, чувствовал себя неловко, от прямых ответов на вопросы уклонялся. Когда мы остались в комнате вдвоем, он махнул рукой, сказал негромко:

- Знаете, товарищ генерал, запрещают нам... Сами от себя скрываем. Вы уж не обижайтесь.

На душе от этого разговора остался неприятный осадок.

На ночь я остановился в гостинице ЦДКА. Давно не слышал радио, привык спать урывками, где попало, зачастую не раздеваясь. А тут - чистая, просторная комната, из репродуктора льется музыка, ванна, хрустящие простыни... Обычный номер гостиницы показался мне верхом уюта. Сразу вспомнилась довоенная мирная жизнь...

Следующий день был предпраздничный - 6 ноября. Мне хотелось поскорей закончить дела в Москве и вернуться в корпус, чтобы отметить годовщину Октября вместе с боевыми товарищами.

Естественно, меня больше всего интересовал вопрос, какая задача будет теперь поставлена корпусу. Но конкретного ответа я так и не получил. Можно было только догадываться, что задача ответственная.

Меня принял Семен Михайлович Буденный. Он одобрительно, отозвался о действиях корпуса на Украине, расспросил о состоянии дивизий, о настроении командиров и красноармейцев. Спросил, в чем мы нуждаемся, какое требуется пополнение. Потом я беседовал с Андреем Васильевичем Хрулевым, начальником тыла Красной Армии, о снабжении корпуса обмундированием, боеприпасами и всем необходимым.

Известно, как трудно бывает порой получить у снабженцев даже то, что безусловно положено и необходимо. Или не оформлены бумаги, или не пришла очередь... Но на этот раз корпусу давали все без малейших задержек. А. В. Хрулев, улыбаясь, посоветовал позаботиться не только о корпусе, но и о самом себе. Действительно, вид у меня был далеко не блестящий: шинель потерлась и обтрепалась, китель порван немецким автоматом. Было приказано сшить мне бекешу. Такая заботливость меня тронула.

Поздно вечером я вернулся в штаб корпуса. Там уже собрались командиры и комиссары дивизий и полков, с нетерпением ожидавшие новостей из Москвы.

Началось совещание. Многих оно разочаровало. Товарищи рассчитывали услышать нечто очень важное, получить полную ясность. Я же информировал их о напряженном положении под Москвой, о том, что немцы рассчитывают в ближайшее время захватить столицу и что на подступах к ней идут кровопролитные бои. Об этом все знали и без меня.

Из беседы с С. М. Буденным и А. В. Хрулевым я вынес твердое убеждение, что корпусу будет поручено ответственное дело, по-видимому, участие в наступательной операции. Но это была только догадка, и о ней я ничего не сказал командирам и комиссарам, лишь предупредил, что к нам поступит большое пополнение - люди и техника. Подчеркнул, что нужно быстро и основательно подготовиться к предстоящим боевым действиям.

Совещание закончилось во втором часу ночи. Мы с комиссаром поздравили товарищей с наступившим праздником.

Я знал, что для приведения корпуса в порядок нам не дадут много времени. Не для отдыха же перебросили нас под Москву!

За трое суток к нам прибыли двадцать четыре маршевых эскадрона - около шести тысяч всадников. Людей надо было встретить, побеседовать с ними, разумно распределить по подразделениям. Поступило зимнее обмундирование: шапки, валенки, меховые безрукавки. Подъезжали грузовики с оружием и боеприпасами.

Особенно остро почувствовали мы в эти дни, что не хватает среднего и младшего комсостава. В сабельных эскадронах командный состав с начала войны обновился почти на три четверти. Мы использовали внутренние резервы, производили в младшие лейтенанты лучших бойцов, имевших среднее образование. И многие из них стали хорошими командирами. Теперь внутренний резерв был почти исчерпан, а командиров прибывало с пополнением слишком мало. Приходилось назначать командирами взводов, а иногда и эскадронов, старшин и сержантов. Но и младшего комсостава сохранилось немного: в некоторых эскадронах командиры отделений сменились по три - четыре раза, так велики были потери. Под Москвой нам не хватало по штату 969 сержантов. В обеих дивизиях стали готовить младший комсостав ускоренными темпами. Люди учились с полной нагрузкой. Надо было спешить, чтобы до начала боев укрепить отделения - самую низшую, но и самую важную организационную ячейку.

Вместе с командиром 5-й кавалерийской дивизии генерал-майором Барановым я съездил в 96-й и 160-й кавалерийские полки, чтобы познакомиться с пополнением. Радовало то, что теперь все сабельные эскадроны были укомплектованы полностью. Но Баранов доложил: некоторые маршевые эскадроны пришли без седел и без оружия; среди прибывших

встречаются пожилые люди, слабо обученные или вообще не обученные.

Я и сам видел, что маршевые эскадроны были подготовлены на скорую руку. Лошади малорослые, невыезженные, попадались даже вообще не ходившие под седлом. Некоторые бойцы не умели ездить верхом. А красноармейцы-якуты, прибывшие с пополнением, совершенно не имели опыта в обращении с лошадьми. Однако настроение у всех было приподнятое, боевое. И новички потом быстро втянулись в бои и походы, стали хорошими воинами. Красноармейцы-якуты, привычные к сильным морозам, зимой действовали особенно успешно.

«Ветераны» корпуса, воевавшие уже несколько месяцев, явились как бы цементом, скрепившим подразделения. Я был уверен, что они смогут повести за собой новичков. Требовалось по меньшей мере пятнадцать суток, чтобы сколотить и обучить эскадроны, чтобы каждый полк стал слаженным, четко действующим организмом. Но трудно было рассчитывать на такой срок. Поэтому я торопил командиров: учите людей, используйте для занятий каждую минуту.

Получилось так, что времени на подготовку нам дали даже меньше, чем я ожидал. 9 ноября 1941 года корпус был включен в состав войск Западного фронта. В тот же день я был вызван к командующему фронтом генералу армии Г. К. Жукову.

Беседа в штабе фронта длилась недолго. Командующий сообщил мне, что создается группа войск под моим командованием; основой ее будет 2-й кавалерийский корпус, придаются 415-я стрелковая и 112-я танковая дивизии, две танковые бригады, 15-й полк гвардейских минометов - «катюш» под командованием подполковника Дегтярева и другие части.

Замысел предстоящей операции состоял в том, чтобы нанести контрудар по противнику в районе Серпухова в полосе 49-й армии совместно с нею, а потом прорваться в тыл немцев. Контрудар приходился на то время, когда немцы еще наступали и держали в своих руках инициативу действий на советско-германском фронте.

Командующий показал мне на карте район намечаемой операции. Моя конно-механизированная группа, взаимодействуя с 49-й армией, должна была нанести главный удар в полосе шесть километров по фронту. Местность лесистая, с редкими населенными пунктами. По данным штаба фронта, этот участок слабо прикрыт гитлеровцами, у них выявлено здесь всего два или три пехотных батальона, в позициях противника есть свободные промежутки, что облегчает прорыв вражеской обороны и позволяет направить в тыл к немцам диверсионные отряды наших войск.

Я попросил разрешения выехать на рекогносцировку. Но командующий запретил, сославшись на нехватку времени. В целях сохранения тайны он приказал никого, даже штабных командиров, не посвящать в замысел операции. План приказал разработать мне лично. Срок - один день.

В разведывательном отделе фронта я получил справку о противнике. Согласно этой справке на интересующем меня участке сплошного фронта у противника нет, на двадцатикилометровом отрезке западнее Серпухова действует только 17-я пехотная дивизия немцев. Но у меня не было ни возможности, ни времени для уточнения этих данных.

Конечно, лучше было бы, если бы о готовящейся операции командование предупредило меня заранее, чтобы я мог выехать на местность, прежде чем разрабатывать план операции. Но пришлось работать лишь с помощью карты, имея скудные данные о противнике. Не знал я и состояния дивизий и бригад, придававшихся корпусу.

Как бы там ни было, а к вечеру план был готов. В общих чертах он сводился к следующему. Под прикрытием обороняющейся 49-й армии моя группа сосредоточивается на левом берегу реки Нары в районе Булычево, Клейменово, Лопасня. Войска передвигаются скрытно, по лесам, и только в ночное время. Второй этап операции - занятие исходного положения на правом берегу реки Протвы. В 12 часов 13 ноября начинается наступление хорошо знакомая с местностью ударная группировка 49-й армии. Она способствует вводу в бой главных сил корпуса. После прорыва обороны противника корпусом, войска 49-й армии

расширяют прорыв вправо и влево и прикрывают фланги конно-механизированной группы. На третьем этапе группа развивает успех, выходит в тыл противника, совместно с войсками 49-й армии окружает 13-й армейский корпус немцев и уничтожает его.

Составляя этот план, я исходил из того, что противник перед нами сравнительно слабый. Предполагалось, что пехота легко прорвет его оборону, а конно-механизированная группа разовьет тактический успех пехоты в оперативный.

Жуков ознакомился с моим планом и утвердил его.

- Завтра едем в Москву, к товарищу Сталину. Будьте готовы, - предупредил он на прощание.

В 15 часов 45 минут я подъехал к условленному месту на улице Фрунзе. Пасмурный холодный день близился к концу, наступали ранние осенние сумерки. Вскоре появилась машина Жукова, и я пересел в нее.

Въехали в Кремль через Боровицкие ворота. Небольшой отрезок пути прошли пешком. Шагали молча и быстро. Только в одном месте командующий чуть задержался, показал рукой на круглую яму:

- Авиабомба.

Воронка была большая. Я прикинул на глаз - не иначе как от полутонной бомбы.

Неподалеку от воронки - вход в подземное помещение.

Мы спустились по ступенькам и очутились в длинном коридоре. Справа двери, как в купированном вагоне. Много охраны.

Жуков оставил меня в одном из «купе», а сам ушел. Я снял шинель и фуражку. Разумеется, перед встречей с Верховным Главнокомандующим испытывал некоторое волнение и беспокойство. Осмотрел себя. Вид у меня был не совсем подходящий для такого приема: красноармейская гимнастерка, охотничьи сапоги с отворотами. «Если спросят, почему не по форме одет, отвечу, что форма изнасилась, - успокаивал я себя. - Да и не очень-то повоюешь сейчас в хромовых сапогах...» Едва успел подумать об этом, как появился секретарь Сталина, поздоровался и повел за собой.

В самом конце коридора - открытая дверь в просторную, ярко освещенную комнату. В дальнем левом углу ее - большой письменный стол. Несколько телефонов. Жуков представил меня Сталину, стоявшему посреди кабинета.

Сейчас, воспроизводя в памяти прошлое, я невольно припоминаю мелкие, на первый взгляд не очень значительные детали, удивившие тогда меня, вызвавшие недоумение.

В те годы много писали о Сталине в газетах, называли его твердым, прозорливым, гениальным - одним словом, на эпитеты не скупилась.

Я не видел его с 1933 года. С тех пор он сильно изменился: передо мной стоял человек невысокого роста с усталым, осунувшимся лицом. За восемь лет он постарел, казалось, лет на двадцать. В глазах его не было прежней твердости, в голосе не чувствовалось уверенности. Но еще больше удивило меня поведение Жукова. Он говорил резко, в повелительном тоне. Впечатление было такое, будто старший начальник здесь Жуков. И Сталин воспринимал это как должное. Иногда на лице его появлялась даже какая-то растерянность.

Верховный ознакомился с планом намечаемого контрудара, одобрил его. Выделил для участия в операции группу из трех авиадивизий. Потом были уточнены сроки.

Верховный Главнокомандующий приказал отложить начало наступления на сутки. Оказывается, к контрудару готовилась также действовавшая значительно правее нас армия генерала К. К. Рокоссовского. Операция должна была начаться на обоих участках одновременно, чтобы помешать противнику маневрировать резервами.

Я попросил снабдить корпус автоматическим оружием, мотивируя это тем, что в бою немецкая пехота имеет явное огневое преимущество над спешными кавалеристами. У немцев много автоматчиков, а у нас на вооружении винтовки. Пользуясь этим, фашисты старались навязать нам ближний бой, наносили чувствительные потери. Наши командиры и красноармейцы, оценив преимущество автоматов, охотились за ними. Трофейных автоматов

в корпусе было теперь много, но не хватало трофейных патронов.

Верховный Главнокомандующий поинтересовался, кого мы намерены вооружить автоматами. Я ответил, что хорошо бы иметь в каждом кавалерийском полку эскадрон автоматчиков. А пока автоматов мало, вооружить ими хотя бы по одному взводу в пулеметных эскадронах кавалерийских полков. И добавил, что в конечном счете нужно обеспечить автоматами всех кавалеристов, а из винтовок оставить на вооружении только снайперские.

Кончилось тем, что мне были обещаны полторы тысячи автоматов и две батареи новейших 76-миллиметровых пушек. Пушкам я тоже очень обрадовался, так как материальная часть имевшейся в корпусе артиллерии сильно изнашивалась: сказалась стрельба на предельном режиме, отсутствие запасных частей, длительные переходы по плохим дорогам. Все орудия уже требовали войскового ремонта, часть из них - даже заводского...

Когда я вышел из подземного убежища, на улице стояла глухая темная ночь. Нигде не видно огня. В потемках добрался до выхода из Кремля, разыскал свою машину.

Щелаковский ожидал меня в гостинице ЦДКА. Человек подвижный, горячий, Алексей Варфоломеевич и в обычное время не мог спокойно сидеть на месте, а тут целый день провел в Главном политическом управлении, заходил в ЦК и был, конечно, переполнен впечатлениями. Расхаживая по комнате, жестикулируя, он говорил о том, что Центральный Комитет партии принял решение не сдавать Москву ни в коем случае. Обстановка в ЦК деловая, спокойная. Люди работают уверенно. Производится мобилизация всех сил и средств столицы. На фронт отправляются коммунистические батальоны - отличное пополнение для действующих войск. Каждый населенный пункт превращен в крепость...

- Да! - спохватился Алексей Варфоломеевич. - Что же это я все рассказываю! Ну а у вас что?

Выслушав меня, Щелаковский обрадовался еще больше.

- Вы понимаете, Павел Алексеевич, какое дело нам предстоит?! - возбужденно воскликнул он. - Ведь это же пахнет крупной наступательной операцией! Пора, давно пора остановить немцев, отбросить их от Москвы... Только ведь, Павел Алексеевич, сил у гитлеровцев много еще. Трудно будет справиться с ними.

Алексей Варфоломеевич размышлял вслух, говорил о том, как погоним мы на запад противника. В глубине души я тоже надеялся, что наша операция послужит началом общего контрнаступления. Но старался думать о более близком и конкретном: о том, как лучше подготовиться и выполнить наш план.

- Слушайте, Павел Алексеевич! Знаете что? Поедем домой, в корпус! - предложил вдруг Щелаковский. - Ну что мы сидим тут вдвоем? К людям надо.

- Ничего, до утра потерпим, - улыбнулся я. - Все равно люди спят сейчас, не станешь же их среди ночи будить. Давайте и мы отдохнем, а утром возьмемся за дело со свежими силами.

- Ну давайте, - неохотно согласился комиссар. Мы погасили свет, но долго не могли уснуть. Я думал о том, чем нужно заняться завтра в первую очередь. Щелаковский ворочался на кровати, несколько раз вставал и, бесшумно ступая по мягкому ковру, ходил по комнате из угла в угол.

В штабе корпуса - горячая пора. Люди, предчувствуя наступление, работают весело, с огоньком.

У нас со Щелаковским правило: если мне нужно вызвать в штаб командира части, вызываю заодно и комиссара. И мы с Алексеем Варфоломеевичем ставим задачу обоим. Я - боевую, Щелаковский - по партийно-политической работе.

Вот и сегодня. Собрались командиры и комиссары. Я познакомил их с планом операции, поставил задачу каждому командиру. Потом Щелаковский объяснил, каково политическое значение предстоящего контрудара, как мобилизовать людей, поднять - дух бойцов. Это должны знать и политработники, и строевые командиры.

Алексей Варфоломеевич не отличался ораторскими способностями. Не мог он

произносить красивых речей, не любил громких фраз. Говорил коротко, негромко, но умел затронуть в душе человека самые глубокие струнки, умел найти главное, разъяснить, растолковать суть дела.

В соседней комнате склонились над картой полковник Грецов и майор Вашурин. Они разрабатывали оперативные документы, уточняли задачи соединений, подготавливали боевой приказ.

Меня ожидал начальник тыла корпуса полковник Сакунов. Он только что прибыл из Нового Оскола с последним эшелонem и привез хорошую новость: удалось забрать почти все машины, застрявшие у Корочи. И еще одна новость: из Москвы привезли автоматы, даже не полторы тысячи, как было обещано, а две. Плохо только обстояло дело с ковкой лошадей. Работникам тыла нигде не удалось достать подков, даже в Москве.

У всех много забот. Лишь наши разведчики бездействуют. Производить разведку нам запретили. Мы - на «иждивении» у разведывательного отдела штаба фронта. Кононенко ходит недовольный. Но ничего не поделаешь.

Мне было совершенно необходимо познакомиться с дивизиями и бригадами, которые придавались корпусу. Я отправился в 415-ю стрелковую, которая в это время продвигалась к линии фронта. Наблюдая части на марше, заметил, что люди еще не втянуты в поход, многие отстают, колонны растянулись, не чувствуется управления подразделениями. Истощенные лошади с трудом тянут орудия и повозки.

Поговорил с бойцами и командирами. Настроение у всех хорошее. Народ крепкий, много сибиряков. Дивизия сформирована недавно, укомплектована полностью, но ей не хватает организованности, сколоченности и, конечно, боевого опыта. Многие командиры еще не научились ориентироваться на местности. А учиться уже нет времени. Через день людям предстоит принять боевое крещение.

Лучшее впечатление произвела 112-я танковая дивизия. Она тоже была создана недавно, в сентябре, тоже еще не участвовала в крупных боях. Но подразделения ее оказались более сколоченными. Плохо только, что вооружена устаревшими танками Т-26, Т-60 и БТ. Броню их снаряды пробивают сравнительно легко.

Тревожило положение с 145-й и 31-й танковыми бригадами. Они были только что сформированы и отправились на фронт столь поспешно, что даже не получили запасных частей. Не имели они и тягачей для вытаскивания застрявших или подбитых тяжелых танков.

Собственно, из этих бригад прибыли только их командиры и комиссары да несколько танков. Остальные машины остались на дорогах: одни поломались, другие завязли, третьи ждали, когда подвезут горючее. Принимать в расчет эти танковые бригады на первом этапе наступления не приходилось. Но укомплектованы они были новыми танками, в том числе Т-34 и КВ. И когда командиры бригад соберут боевые машины, они смогут серьезно помочь нам.

А пока оставалась главная надежда на испытанные в боях кавалерийские дивизии: 5-ю имени Блинова и 9-ю Крымскую.

Вечером, возвратившись в штаб, я вызвал Кононенко. Он только что получил звание майора. Поздравив его, я спросил, нет ли новых данных о противнике, занимающем тот участок, куда намечен контрудар. Новых данных не оказалось. Незадолго до моего приезда разведывательный отдел фронта еще раз подтвердил, что на участке - два или три батальона немцев.

На улице послышался частый стук копыт по подмерзшей земле, громкие команды. Мы с Кононенко подошли к окну. Шли сабельные эскадроны. В темноте невозможно было различить лица. Но по одежде, по характерной посадке я узнавал некоторых командиров.

- Двинулись, - взволнованно произнес Кононенко. - Счастливого пути вам, товарищи!

Начался первый этап операции. Точно по плану выступили в район сосредоточения кавалерийские полки.

На следующий день, 12 ноября, меня вызвали в Бутурлино (четыре километра севернее восточнее Серпухова), где стоял штаб 49-й армии, для разговора по телефону с

командующим фронтом (корпус проводной связи со штабом фронта еще не имел).

С досадой я услышал от командующего, что в план наступления внесены значительные изменения. 49-я армия не будет создавать ударную группировку и начнет наступление в прежних боевых порядках. Это значило, что наш совместный удар будет гораздо слабее, чем я ожидал.

Вверенной мне конно-механизированной группе приказывалось развить предполагаемый тактический успех правофланговых стрелковых дивизий 49-й армии в оперативный. Для этого группе надлежало пройти перекастом через боевые порядки наступающей пехоты, выдвинуться вперед и ворваться в тыл противника. После этого правофланговые дивизии 49-й армии не будут наступать левее нас, как предполагалось раньше, а произведут перегруппировку, чтобы прикрыть правый фланг кавалерийского корпуса со стороны Угодского Завода, где были обнаружены крупные силы противника. Командующий опасался, что немцы могут в свою очередь нанести оттуда удар по нашим войскам.

Неизбежным следствием таких изменений становилось ослабление наших сил. Кроме того, пути наступления стрелковых дивизий и вверенных мне частей перекрещивались. А это могло вызвать серьезную путаницу.

Я попытался возразить Жукову и отстоять тот план, который был утвержден им и одобрен Верховным Главнокомандующим. Не выслушав до конца моих соображений, Жуков приказал выполнять новые указания.

Единственное, чего мне удалось добиться, это отсрочить начало операции на сутки, перенеся его на 14 ноября. Штабу группы надо было провести теперь большую дополнительную работу, поставить войскам новые задачи. Кроме того, я надеялся, что за сутки командиры танковых бригад сумеют собрать на дорогах и подтянуть к фронту хотя бы часть своих боевых машин.

На другой день в деревне Калугине, в пятнадцати километрах от Серпухова, я встретился с начальником штаба 49-й армии полковником Верховловичем, чтобы увязать вопросы взаимодействия, и мне стали отчасти понятны причины изменения уже утвержденного плана.

Верховлович вел себя довольно странно. Он ничего не обещал наверняка, не брал на себя никаких обязательств в отношении действий пехоты и танков, отделиваясь общими фразами. По сути дела, мы условились только об одном: 49-я армия окажет конно-механизированной группе поддержку артиллерийским огнем. Но и эта договоренность была ненадежной: хотя 49-я армия и сохранила значительную часть своей артиллерии, но снарядов имела очень мало.

Я догадывался, почему Верховлович не хочет брать на себя определенных обязательств. План операции разрабатывался, как уже было сказано, в обстановке чрезмерной секретности. О нем не знал даже командующий 49-й армией генерал И. Г. Захаркин, хотя контрудар должен был наноситься в полосе его армии и его дивизии должны были принять участие в наступлении.

Узнав наконец о предстоящей операции, штаб 49-й армии выдвинул ряд возражений. Главное из них состояло в том, что дивизии армии очень ослаблены, малочисленны и, пока не получат пополнения, наступать не смогут. Три правофланговые дивизии, с которыми предстояло взаимодействовать конно-механизированной группе, имели хороший боевой опыт, причем две из них уже получили звание гвардейских, но они понесли очень большие потери в прошлых боях. Например, 765-й стрелковый полк 5-й гвардейской стрелковой дивизии насчитывал всего сто двадцать три человека, а 60-я стрелковая дивизия насчитывала к этому времени всего около пятисот активных штыков. Ослабленные дивизии с трудом сдерживали наступление противника и вынуждены были медленно отходить на новые рубежи.

13 ноября, потеснив 5-ю гвардейскую и 60-ю стрелковую дивизии, противник овладел рубежом Высокое, Синятино, Екатериновка, Павловка. Таким образом, исходные позиции

для наступления нашей конно-механизированной группы, намеченные планом, были уже заняты немцами и оказались теперь у них в тылу.

О том, насколько трудным было положение на правом фланге 49-й армии, говорит хотя бы тот факт, что командование армии вынуждено было усиливать свои правофланговые дивизии полками, батальонами и даже ротами, взятыми из других соединений. Дело дошло до того, что на пополнение 60-й стрелковой дивизии были взяты первые прибывшие части из соединений, назначенных в состав моей группы. Так, 60-й стрелковой дивизии был передан батальон 415-й стрелковой дивизии и две роты танков 112-й танковой дивизии. Возражать против этого мне не приходилось: ясно, что такие меры вызваны чрезвычайными обстоятельствами.

Но ясно стало и другое: командование 49-й армии не может уделить должного внимания подготовке контрудара и заботится в первую очередь о том, чтобы удержать в своих руках Серпухов. Потеря нами этого города позволила бы немцам замкнуть кольцо окружения вокруг Тулы, гарнизон которой уже несколько недель героически отбивал штурм врага.

Разобравшись в положении 49-й армии, я понял, что рассчитывать надо больше на свои силы и меньше всего на помощь соседей.

Между прочим, полковник Верховлович сказал мне, что место для контрудара выбрано неудачно, наступать в лесу будет трудно. Я ответил, что направление контрудара определено генералом Жуковым, который, вероятно, исходил из данных разведки фронта и 49-й армии, показывавших, что участок занят слабым противником. Верховлович возразил, что немцы, видимо, подтянули новые силы, их действия активизировались. Кроме того, на участок, намеченный для прорыва, приходится стык двух корпусов противника, а стыки немцы охраняют особенно надежно. Более точных данных Верховлович тоже не имел. Мы разъехались, по существу, ни о чем не договорившись.

Из Калугине я поехал в Серпухов. Машина медленно шла по разбитой замерзшей дороге, ныряя в ухабах, подпрыгивая на обледеневших комьях земли. Вдоль дороги тянулись пустые поля, чуть запорошенные снегом. В лесу было слышно, как потрескивают от мороза покрытые инеем деревья.

Я не спал предшествовавшую ночь и поэтому, несмотря на толчки, задремал. Вдруг адъютант будит:

- Товарищ генерал, бомбят!

Въехали в Серпухов. Машина двигалась посреди улицы. С запада медленно плыли к городу немецкие самолеты. Все громче слышался звук их моторов.

- Остановимся? - спросил адъютант.

Я колебался. Времени было в обрез, чтобы успеть связаться со штабом фронта, получить указания и вернуться в корпус.

- Проскочим!

Машина понеслась полным ходом. Взрывы слышались то с одной, то с другой стороны. Враг бомбил вокзал и мост. Один самолет, освободившись от бомб, с ревом пронесся над нами, стреляя из пулеметов.

Поворот. Еще поворот. Машина несется быстро, и я вынужден держаться обеими руками, чтобы не удариться при толчке. Наконец миновали опасную зону. Самолеты бомбили и стреляли где-то в стороне. Шофер сбавил ход.

- Товарищ генерал, я сегодня же доложу бригадному комиссару Щелаковскому, - строго сказал старший лейтенант Михайлов.

Его строгость развеселила меня.

- О чем же ты будешь докладывать, Иван Васильевич?

- Сами знаете, товарищ генерал. Если что случился, с меня первого за вас спросят.

- По-твоему, лучше было на месте стоять?

- Нет, - ответил, опередив Михайлова, шофер. - На месте хуже. Над нами небо чистое, а там, смотрите, еще шестерка фрицев на бомбежку заходит.

- Не в этом дело, - сердито возразил адъютант. - Беречься надо, вот что. В щель укрываться.

Шофер резко затормозил, остановил машину у знакомого мне дома, в котором помещался армейский узел связи. Я пошел к крыльцу. Под сапогами скрипел мелкий сухой снег.

Мне сразу же удалось связаться по прямому проводу с командующим фронтом. Я доложил ему о разговоре с Верхововичем, о том, что до сих пор прибыла только пятая часть танков, которые должны взаимодействовать с моим корпусом.

Я уже знал, что вместо трех авиационных дивизий, которые обещал Верховный Главнокомандующий для прикрытия и поддержки конно-механизированной группы, будет только одна - 31-я смешанная. В разговоре же выяснилось, что и эта дивизия перенацелена на другой участок фронта. Нам предстояло, таким образом, проводить операцию без поддержки авиации.

Из Серпухова я отправился в Борис-Лопасню, куда переместился штаб корпуса. Приехал ночью, усталый и раздосадованный разговорами с Верхововичем и Жуковым.

Отдыхать было некогда. До начала контрудара оставались считанные часы. Нужно было успеть поставить новые задачи командирам частей и соединений. Начальник штаба предусмотрительно собрал уже командиров и комиссаров.

- Павел Алексеевич, погодите минутку, - сказал мне перед совещанием Щелаковский. - Получен приказ о награждении. Многие бойцы и командиры, отличившиеся на Украине, награждены орденами и медалями. Вы поздравьте сейчас тех, кто присутствует здесь, а я позабочусь, чтобы сегодня же узнали о наградах в полках и эскадронах. Ведь завтра бой.

Совещание было очень кратким. Я выслушал доклады командиров о готовности войск и отдал приказ о начале наступления.

Мы плохо знали, какие силы противостоят нам. Кроме того, я не был уверен, что ослабленные дивизии 49-й армии (5-я гвардейская и 60-я стрелковая) смогут прорвать оборону противника и обеспечить ввод в прорыв конно-механизированной группы. Поэтому я принял решение: утром одновременно с войсками 49-й армии пойдут в наступление передовые отряды обеих кавалерийских дивизий - каждый, в составе кавалерийского полка, усиленного танками и поддержанного всей дивизионной артиллерией. Надо было сделать так, чтобы первый удар по врагу получился как можно сильнее. Удастся стрелковым дивизиям и передовым отрядам кавалерии прорвать оборону противника - в бой будут сразу же введены главные силы группы. А если прорвать оборону не удастся, то передовые отряды смогут выявить систему огня противника, уточнить его силы, захватить выгодные рубежи для последующего наступления группы.

По правой «клевше» фон Клюге

Рано утром штаб корпуса снялся с места и направился ближе к фронту - в Верхнее Щахлово. Я выехал туда же по другой дороге - по которой должны были двигаться 145-я и 31-я танковые бригады.

Хорошо зная командиров своих дивизий и полков, я верил в их знания и опыт. Им известны задачи и общий замысел операции. Сейчас, когда наступление началось, каждый занят своим делом. А частые телефонные звонки, указания и уточнения сверху только отрывают командиров от руководства боем, действуют на нервы. Поэтому я не хотел вмешиваться в их дела, пока того не потребуют чрезвычайные обстоятельства.

А танки меня беспокоили. Если судить по документам, то в составе группы их насчитывалось несколько сотен. Может быть, даже иные фронты не имели в то время столько танков. Но увы - все это только на бумаге.

112-я танковая дивизия полковника А. Л. Гетмана находилась в резерве: ее устаревшие машины использовать в первом эшелоне было нецелесообразно. А из танковых бригад М. Д. Соломатина и А. Г. Кравченко прибыло всего по полтора десятка танков. Командиры бригад

объясняли это неопытностью и слабой подготовкой только что сформированных экипажей и другими объективными причинами. Но мне все больше казалось, что причина не столько в этом, сколько в слабой организованности, в отсутствии жесткого контроля.

С юго-запада доносились приглушенные звуки артиллерийской канонады. Стрелки и спешенные кавалеристы уже вели бой. И танки там были очень нужны.

Как всегда, со мной отправился адъютант. Мы ехали по пустынной дороге, исполосованной следами гусениц. Иногда встречались отдельные бойцы, повозки с ранеными. Увидели два танка, укрытых под высокими деревьями. Поговорили с танкистами. У них, оказывается, кончилось горючее, ждали, когда подвезут. А одной машине требовался небольшой ремонт. Люди были искренне огорчены тем, что не могут помочь товарищам, вступившим в бой.

Поехали дальше. Гул артиллерии становился все явственнее. На западе виднелись на горизонте черные точки. Это немецкие самолеты. Они беспрепятственно бомбили наши боевые порядки. Как было не помянуть недобрый словом тех, кто отобрал выделенные для нас авиационные дивизии!

Нам предстояло переправиться через реку Нару, протекающую перед Верхним Шахловом. Моста не оказалось. Саперы только собирались строить его. На берегу ожидали переправы несколько автомашин, повозки и три танка.

- Загорают вояки, от боя сторонятся, - недовольно буркнул Михайлов.

Но он ошибся. Командиры танков, три молоденьких младших лейтенанта, только что окончивших училище, тяжело переживали вынужденную остановку.

- Что нам делать, товарищ генерал-майор? - обратился ко мне один из них. - Может быть, где-нибудь другой мост есть?

- Мостов нет, - ответил я. - Переправляться будем вброд. Тут мелко.

- А если застрянем? Нам тогда головы снимают.

- Надо, чтоб и головы и танки целы были. Переправляться будем по одному. Один танк застрянет - другие его вытащат.

Старший лейтенант Михайлов вместе с танкистами разыскал мелкое место. Я забрался на башню танка. Водитель медленно двинул его вперед.

Взбаламучивая воду, стальная громадина поползла по дну реки. На середине мне показалось, что вода вот-вот хлынет в жалюзи, зальет двигатель. Но водитель прибавил скорость, и танк, весело фыркнув мотором, выскочил из холодной воды. Из открытого люка радостно улыбался командир машины:

- Спасибо, товарищ генерал!

- Одним «спасибо» не отделаешься. Автомобиль мой за речкой остался. Везите теперь меня в то село, - показал я.

В Верхнем Шахлове я не нашел штаба корпуса. Как выяснилось потом, он застрял со своими машинами на том берегу реки в ожидании переправы. Танкисты повезли меня дальше, в соседнее село, где расположился штаб 5-й имени Блинова кавалерийской дивизии.

Генерал-майор Баранов сидел в избе за столом у полевого телефона. Шинель распахнута, лицо красное, возбужденное. Сжимая в широкой ладони телефонную трубку, говорил что-то резко и хрипло.

- Какие новости? - спросил я.

- Не очень хорошие, - ответил Баранов. - Немцы держатся цепко. Тут их не батальон - побольше.

- Продвижение есть?

- Совсем маленькое. Не идем, а ползем.

Я связался по телефону с командирами других дивизий, позвонил командирам передовых отрядов. И отовсюду слышал похожие один на другой ответы:

- У противника в лесу сплошная линия обороны!

- Немцы упорно сопротивляются. Сильный пулеметный и минометный огонь!

- Немцев много!

- Немцев очень много!

Командир полка, штурмовавшего деревню Екатериновку, сказал в сердцах:

- Сюда бы того, кто разведку производил. Тут, товарищ генерал, не рота в деревне, а целый, наверно, полк.

Я приказал командиру точнее разведать систему немецкой обороны и постараться захватить пленных для допроса. Разговор был прерван командой «Воздух!». Нарастало гудение самолетов. По звуку моторов я определил: фашистские бомбардировщики. Вопросительно посмотрел на Баранова. Тот махнул рукой:

- Укрываться негде, Павел Алексеевич. Был погреб во дворе, так его утром прямым попаданием... Пятый раз налетают сегодня. От них главные потери несем... Мы как, в хате переждем или на улицу выйдем?

- На улицу. Там хоть видно, куда бомба летит.

- Какая разница, - усмехнулся Баранов, надевая шинель. - Когда увидишь, что на тебя летит, прятаться поздно.

Мы вышли во двор, остановились у плетня. На крыльце соседнего дома появился комиссар дивизии Нельзин. Выскочил без шапки, в гимнастерке, с какими-то бумагами в руке. Крикнул кому-то, чтобы готовили коня.

- Комиссар, немец летит! - предупредил Баранов.

- А пусть летает, некогда мне, - рассеянно ответил Нельзин и снова скрылся в избе.

Немцы бросали мелкие бомбы с большой высоты. Рвались они в стороне, в центре села, на огородах.

- Виктор Кириллович, отойдите подальше, - сказал я Баранову, - негоже, если сразу двух генералов убьют.

- Ничего, пронесет, - ответил он. - Воронка тут на месте погребка осталась. Пойдемте в нее.

Едва успели мы добраться до воронки, раздался резкий нарастающий свист. Мы упали на землю. В ту же секунду гулко ухнули взрывы. Нас слегка подбросило. Сверху посыпались твердые комья.

Когда взрывы удалились, я поднялся, отряхивая испачканную бекешу. Посреди улицы дымились небольшие воронки. Изба, на пороге которой мы видели Нельзина, как-то осела, накренилась набок.

- Комиссара убило! - послышался чей-то крик. Мы бросились к дому. Навстречу два бойца несли

Нельзина. На одной ноге его не было сапога, брюки порваны, почернели от крови.

- Жив?! - воскликнул Баранов.

- Вроде бы жив, - на бледном лице Нельзина появилась улыбка. - Ногу вот зацепило. Кость раздробило, кажется.

- Сейчас же в медсандивизион! - распорядился я. - Как можно быстрее!

Комиссара увезли. Помрачневший Баранов тяжело вздыхал, удрученный потерей боевого соратника и друга.

- Вот вам наука на будущее. Впредь сразу же ройте на новом месте щели. И в дивизии, и в полках.

- Не успели. Земля твердая, - сокрушенно ответил Баранов.

А с передовой продолжали поступать доклады: сопротивление немцев не только не ослабевает, но усиливается. Местами противник переходит в контратаки.

Баранов спросил, не пора ли вводить в действие главные силы дивизии. Я ответил отрицательно: надо дожидаться, когда обстановка станет более ясной.

На конях мы выехали из села, по узкой извилистой дороге пересекли лес. Неподалеку от опушки, в гуще ельника скрывались коноводы с лошадьми. Мы спешили. Впереди раздавалась частая стрельба. Гулко ухали орудия, звонко лопались взрывы.

С опушки видна была деревня, занятая немцами. Она стояла на возвышенности в центре большой поляны. Оттуда простреливалось все пространство вокруг. Деревня горела,

подоженная снарядами.

К нам подбежал командир эскадрона, доложил, что немцы сильно укрепились в деревне: поставили минные поля и заграждения из колючей проволоки. Противник отбил уже две атаки. Сейчас начнется третья.

Наша артиллерия произвела по гитлеровцам огневой налет. Спешенные кавалеристы, поддержанные тремя танками, цепью приближались к крайним постройкам.

Немцы усилили стрельбу. Непрерывно строчили пулеметы.

Мы видели, как в цепи падают наши бойцы. Один танк подорвался на mine. Другой взял его на буксир, пытаясь вытянуть с поля боя. Третий медленно отходил к лесу, стреляя на ходу из пушки. Атака захлебнулась и на этот раз.

- Отставить, - сказал я Баранову. - Зря погубим людей.

- Наступать-то надо, - вздохнул он.

- Только ночью, и не в лоб, а обходя узлы обороны.

- Тут сплошь узлы.

- Надо нащупать слабые места и бить по ним.

- Придется искать, - согласился Баранов.

В Верхнее Шахлово я возвратился в сумерки.

Штаб корпуса, расположившийся в селе, установил проводную связь с дивизиями.

Полковник Грецов доложил то, что мне уже было известно. Стрелковым частям 49-й армии и нашим передовым отрядам за день почти не удалось продвинуться вперед. Действия многочисленных разведывательных отрядов и конных разъездов установлено, что промежутков в боевых порядках противника нет. Не оказалось даже таких участков, которые оборонялись бы слабыми силами и где можно было бы прорваться с ходу. Начальник штаба высказал предположение, что перед нами по меньшей мере две дивизии немцев.

Трудно было ожидать, что малочисленные 5-я гвардейская и 60-я стрелковая дивизии смогут пробить оборону противника и открыть путь нашему корпусу. Посоветовавшись с Грецовым, я решил начать наступление главными силами обеих кавалерийских дивизий, придав им по танковой бригаде. Эти дивизии насчитывали по семь с половиной тысяч бойцов и командиров и представляли собой внушительную силу. Одновременно в наступление переходила и 415-я стрелковая дивизия. В ее первом эшелоне было два стрелковых полка и приданный батальон танков Т-26 из 112-й танковой дивизии.

Я знал, что все мои указания будут выполнены точно. Беспокоили меня по-прежнему только танки. Несколько дней назад, когда ими усилили корпус, штаб фронта направил ко мне внештатным заместителем по бронетанковым силам полковника Таранова. Занятый множеством дел, я лишь наспех познакомился с полковником. Узнал, что он бывший кавалерист, хозяйственник, незадолго перед войной учился на курсах усовершенствования, после чего был послан в танковые войска на должность заместителя командира по технической части. За несколько дней, которые Таранов провел в корпусе, он ничем не проявил себя. Я вызвал его, приказал немедленно ехать к командирам танковых бригад и принять все меры, чтобы к утру хотя бы половина танков сосредоточилась на исходных рубежах.

15 ноября в наступление перешли все войска моей группы. Бой шел в лесу, телефонная связь с дивизиями и полками часто нарушалась. Чтобы постоянно быть в курсе событий, лучше управлять войсками, почти все штабные командиры и работники политотдела выехали в части.

Сведения в штаб поступали не очень обнадеживающие. 5-я и 9-я кавалерийские дивизии, усиленные танками, не смогли прорвать тактическую полосу обороны противника. Втянувшись в ожесточенный бой, спешенные кавалеристы медленно продвигались вперед, тесня врага.

Я сам ездил на место боя и убедился, как трудно приходится бойцам. Немцы сумели очень быстро организовать прочную оборону. Они обнесли деревни колючей проволокой,

установили минные поля, оборудовали под огневые точки все мало-мальски подходящие постройки. Каждый населенный пункт был превращен в крепость. Около лесных дорог и на просеках фашисты быстро начали строить дзоты, на подступах к ним устраивали завалы из деревьев, ставили мины.

Вражеская авиация висела над нашими боевыми порядками, войска несли большие потери от бомбежки.

Ко всему прочему оказалось, что оборона у гитлеровцев не только сплошная, но и глубоко эшелонированная. И чем дальше в глубь леса продвигались наши полки, тем упорнее становилось сопротивление врага. Вместо стремительного прорыва получалось медленное, упорное прогрызание позиций противника.

Все же нам удалось добиться некоторых успехов, особенно на главном направлении, где действовала 5-я кавалерийская дивизия генерал-майора Баранова, поддержанная 31-й танковой бригадой. В ночь на 16 ноября спешенные кавалеристы вместе с танкистами окружили Екатериновку, превращенную немцами в узел сопротивления, затем овладели ею и уничтожили немецкий гарнизон - пехотный полк, усиленный танками и противотанковой артиллерией. Чтобы развить этот успех, я послал Баранову свой резерв - полк 112-й танковой дивизии.

Долго не имел я сведений от командира 9-й кавалерийской дивизии полковника Осликовского и уже по одному этому догадывался, что Осликовский ничем не порадует. Так оно и оказалось. 9-я кавалерийская дивизия вместе со 145-й танковой бригадой безуспешно штурмовала село Высокое, преграждавшее путь на запад. В селе оборонялся сильный и хорошо вооруженный гарнизон. Фашисты были окружены, отрезаны от своих, но продолжали упорно сопротивляться.

Еще менее успешно шли дела в полосе 415-й стрелковой дивизии. Ее полки вышли на исходный рубеж не одновременно, наступление начали с большим опозданием. Потеряв ориентировку, некоторые подразделения заблудились в лесу. Управление боем нарушилось. Я несколько раз вызывал к телефону командира дивизии, но он толком ничего объяснить не мог.

На следующее утро выяснилось, что 1323-й стрелковый полк этой дивизии, сбившись в темноте с указанного ему направления, блуждал по лесу и оказался в тылу немцев около села Тростье. Командир полка решил атаковать не ожидавшего нападения противника. Красноармейцы с криком «ура!» поднялись в атаку и внезапным ударом разгромили в Тростье два пехотных батальона фашистов и штаб 55-го пехотного полка. Немцы разбежались по лесу, бросив материальную часть, оставив много убитых.

1323-му полку надо было закрепиться в селе, выслать разведку. Но у командира полка не было боевого опыта. Ни он, ни командиры батальонов не приняли мер предосторожности. А люди, обрадованные победой, не думали, что немцы могут вернуться. Уставшие, они разошлись по домам на отдых. Фашисты подтянули тем временем подкрепления и через несколько часов бросились в контратаку. На рассвете 1323-й полк был выбит из села Тростье и с потерями отступил к разъезду Буриновскому.

В ходе боев удалось выявить силы противника. Разведка корпуса уточнила, что перед нами обороняются вовсе не три - четыре пехотных батальона, как считал разведотдел фронта. Уже 15 ноября мы узнали, что перед нами занимают оборону части двух пехотных дивизий противника. С ходу прорвать такие плотные боевые порядки невозможно.

Меня удивляло: почему немцы сосредоточили здесь столько сил? Это казалось тем более странным, что все пленные заявляли: они совсем не ожидали нашего наступления.

Я по телеграфу сообщил командующему фронтом о сложившейся обстановке. В ответ Жуков резко упрекнул меня за медленное развитие операции и приказал быстрее продвигаться вперед.

План контрудара оставался в силе, но фактически он был уже невыполним. Стрелковые дивизии 49-й армии не смогли прорвать оборону противника и пропустить в его тыл конно-механизированную группу. Даже бросив в наступление все силы, мы не смогли прорвать

оборону немцев. На выбранном для контрудара участке оказалось куда больше фашистских войск, чем предполагалось.

Зная теперь, что враг выставил против нас по меньшей мере две пехотные дивизии, я все же надеялся еще на успех, считал, что мы хоть и медленно, но взломаем оборону противника, выйдем ему в тыл и ударим по коммуникациям.

Правда, мне так и не удалось добиться полного использования приданных танков. Из обеих танковых бригад к передовой подтянулось меньше половины боевых машин, остальные либо вышли из строя, либо застряли на дорогах.

Полковник Таранов составил подробную объяснительную записку о причинах отставания танков. Но пользы от этой бумаги было не много. Таранов не сумел сделать главного - ввести в действие все боевые машины. Еще более виновны были командиры бригад, которые так и не добились должной организованности. Использование танков затруднялось, конечно, и тем, что местность, в которой развернулись бои, была лесистая и без дорог, а это позволяло немцам создать сильную противотанковую оборону на опасных для них участках.

Конно-механизированная группа продолжала наступление почти без поддержки со стороны 49-й армии. Лишь изредка армейская артиллерия помогала нам своим огнем.

Только через два дня после начала операции, 16 ноября, мы с командующим 49-й армией генерал-лейтенантом Захаркиным подписали план взаимодействия, который не могли согласовать с полковником Верхоловичем.

Если перед началом операции увязать, взаимодействие требовало дело, то теперь, подписав план, мы выполнили лишь формальность, требовавшуюся для штабной отчетности. К сожалению, командование Западного фронта не позаботилось о выделении специального лица, которое помогало бы координировать действия конно-механизированной группы и 49-й армии, хотя в ходе операции возникало немало вопросов, решать которые нам было порой очень трудно.

Ночь на 18 ноября я провел в 9-й кавалерийской дивизии. Вместе с полковником Осликовским побывал на передовой. К этому времени мы уже применились к условиям ведения наступательного боя в лесу. Спешенные кавалеристы действовали главным образом в темноте. Ночь укрывала их от вражеской авиации, да и легче было просачиваться через позиции противника, окружать опорные пункты, наносить удары с тыла. А немцы в темноте действовали не так уверенно, их огонь реже достигал цели, и мы несли меньше потерь.

Дивизия полковника Осликовского освободила несколько деревень, но никак не могла овладеть сильно укрепленным пунктом Высокое. В ночь на 18 ноября здесь завязался особенно напряженный бой. По позициям противника дали залп батареи гвардейских минометов из полка, которым командовал подполковник Дегтярев. Огненные трассы прорезали ночное небо. Над укреплениями немцев полыхало пламя.

Спешенные кавалеристы, поддерживаемые танками 145-й танковой бригады, начали продвигаться вперед. Артиллеристы, катившие орудия вместе с ними, прямой наводкой уничтожали огневые точки противника.

Наконец передовым подразделениям удалось зацепиться за окраину населенного пункта.

- Сегодня вышибем немца! - уверенно сказал Осликовский.

Проверив готовность частей к ночному бою, я решил отдохнуть. Уже несколько суток спал урывками, где придется, и теперь отправился в землянку штаба дивизии. Прямо скажем, землянка оказалась не очень уютной: четырехугольная неглубокая яма, накрытая сверху двумя рядами бревен; потолок такой низкий, что стоять во весь рост невозможно. В углах ямы разложены костры. Над каждым из них - дыра в потолке, но дым почему-то упорно не хотел подыматься вверх, клубился в землянке, выжимал слезы из глаз, щекотал горло. Лишь внизу, у самого пола, можно было дышать более или менее нормально.

Люди спали на соломе, на еловых лапах. В углу сидел над картой начальник штаба полковник Баумштейн. Он то разговаривал с кем-то по телефону, то выслушивал доклады

связных.

Мне уступили место у дальней стены землянки. Голову согревал один костер, ноги - другой. Приятно было, конечно, согреться после мороза, но лежать пришлось согнувшись, поджав колени. А вытянуться опасно: головой или ногами угодишь в костер.

Я спал не шевелясь, как убитый. Повезло: не сжег ни шапку, ни подошвы сапог.

На рассвете меня разбудил шум, веселые голоса. Я приподнялся. Посреди землянки стоял Осликовский. Запрокинув голову, он пил из кружки. Заметив, что я проснулся, полковник оттолкнул кого-то, шагнул ко мне:

- Товарищ ге-ге-генерал! - Осликовский заикался, особенно когда был возбужден. - Крымская ди-дивизия взяла Высокое!

Я поднялся и пожал ему руку.

Осликовский рассказал подробности боя. Кавалеристам удалось захватить важные документы, в том числе карту с нанесенным на ней расположением вражеских частей. Кроме того, взят в плен офицер штаба 13-го армейского корпуса немцев, у него обнаружен боевой приказ.

- Где пленный? - спросил я.

- Разведчики в штаб к-к-корпуса увезли.

Я поставил Осликовскому новую задачу и поторопился выехать в свой штаб. Мне хотелось самому присутствовать на допросе пленного - офицера: слишком много вопросов накопилось у меня за последнее время, и я надеялся получить ответы хотя бы на некоторые из них.

По штату кавалерийский корпус не имел своего разведывательного подразделения. Однако опыт, полученный в первые дни войны, подсказал нам, что иметь такое подразделение необходимо. Мы создали в корпусе нештатный разведывательный дивизион из двух эскадронов: конного и механизированного, передвигавшегося на автомобилях и мотоциклах. Дивизион имел два противотанковых орудия и два - три броневика.

Создание дивизиона вполне оправдало себя. Штаб корпуса всегда мог самостоятельно получить интересующие его сведения о противнике.

В первые дни войны место начальника разведывательного отдела штаба корпуса оставалось свободным, и я предложил выдвинуть на эту должность Кононенко. Некоторые товарищи возражали, советуя подобрать человека более опытного. Но Кононенко остался начальником разведки, и я никогда потом не раскаивался в своем выборе.

Работал он с большой ответственностью за порученное дело, без усталости, с огоньком. Мало кто знал, что наш черноусый разведчик много пережил, многое видел. Он сражался на стороне республиканцев в Испании. Убежденный, принципиальный коммунист, Кононенко всей душой ненавидел фашистов.

Приехав в штаб, я застал там пленного офицера. Это был высокий выхоленный немец. Держался он довольно уверенно. Но при взгляде на Кононенко как-то съеживался и опускал глаза. Вероятно, майор уже успел сказать ему несколько «теплых» слов.

Офицер отвечал на вопросы, ничего не скрывая. Понимал, видимо, что молчать бесполезно: в наших руках изъятый у него приказ. А может, не считал нужным скрывать от нас то, что знал, будучи уверен, что сведения, которые он сообщит, все равно не помогут нам, так как исход войны уже решен и в самые ближайшие дни немцы возьмут Москву. В то время они еще были убеждены в своей непобедимости.

Мы сопоставили сведения, полученные от пленного, с данными, имевшимися в боевом приказе и на карте, захваченной при освобождении Высокого. Удалось узнать много важного. Только тут я окончательно понял, почему мы натолкнулись на столь упорное сопротивление врага, почему не смогли прорвать его оборону и выйти в его тыл. Не три батальона фашистов оказалось на том участке, где наносили мы контрудар, а весь 13-й армейский корпус немцев. Три пехотные дивизии противника - 17, 137 и 260-я были в первом эшелоне и еще две - во втором.

16-18 ноября фашисты намеревались начать по всему фронту последнее решающее

наступление на Москву. С этой целью 13-й армейский корпус сосредоточился в намеченном для него районе - в лесном массиве на правом фланге 4-й немецкой армии. Наш контрудар оказался для противника полной неожиданностью. Не зная наших сил, он вынужден был перейти к обороне. Больше того, командующий 4-й армией, опасаясь прорыва, перегруппировал на свой правый фланг армейские резервы - две танковые и одну пехотную дивизии. Уже после окончания операции под Серпуховом мне стало известно объяснение, посланное командующим 4-й полевой армией в гитлеровский генеральный штаб. В нем говорилось: «Командование 4-й армии докладывает, что оно вследствие больших успехов, достигнутых противником на ее правом фланге, оказалось вынужденным ввести в бой резервы, сосредоточенные в тылу для намеченного на завтра наступления и поэтому не в состоянии перейти в наступление в районе между р. Москва и р. Ока...»

Все полученные сведения мы немедленно послали в штаб Западного фронта. Туда же отправили и пленного офицера.

Мы продолжали вести наступательные бои, захватили семь узлов сопротивления противника и близко подошли к реке Протве в районе Вязовни. Сковав крупные силы противника, мы не дали возможности использовать их для наступления на Москву.

Наступление 13-го армейского корпуса немцев было пока задержано. Но на других направлениях противник 18 ноября нанес удар по советским войскам и стал в ряде мест продвигаться вперед. В связи с этим командование изъяло из конно-механизированной группы 31-ю танковую бригаду и полк 112-й танковой дивизии, а вскоре в моем подчинении снова остался лишь 2-й кавалерийский корпус.

21 ноября корпусу было приказано перейти к обороне.

Операция под Серпуховом стоила нам немалых жертв.

Выбыл из строя комиссар 5-й кавалерийской дивизии К. М. Нельзин. Ему ампутировали ногу. Тяжелое ранение получил командир 145-й танковой бригады генерал-майор М. Д. Соломатин.

Однако и немцы понесли большие потери. Они оставили на поле боя три тысячи сто трупов солдат и офицеров.

В то время ни мне, ни старшим начальникам еще не были хорошо известны замыслы и планы противника. Трудно было судить, где мы действовали безошибочно, а где упустили имевшиеся возможности. Только теперь, изучая и сопоставляя различные данные, можно уверенно судить обо всем этом.

Во время Серпуховской операции у нас были, разумеется, просчеты. Взять, к примеру, использование подвижных частей и соединений. Танкисты и кавалеристы вели затяжные бои в лесу, в бездорожной местности и были лишены тем самым своего главного преимущества - маневренности. Оправдать это можно лишь тем, что Западный фронт не имел тогда в своем распоряжении других свободных войск.

Как известно, немецко-фашистское командование создало для ноябрьского наступления на Москву две сильные группировки. Одна из них развернулась от Волоколамска до Московского водохранилища. Эта группировка включала в себя 3-ю и 4-ю танковые группы и часть сил 9-й армии. Она должна была нанести удар на Москву с северо-запада, одновременно обходя нашу столицу через Дмитров и Загорск.

В районе Тулы сосредоточилась другая группировка противника, состоявшая из 2-й танковой армии генерал-полковника Гудериана и приданных ей пехотных дивизий. Гудериан намеревался прорваться к Кашире и Серпухову, направляя в то же время часть сил к Коломне. Возле Ногинска и Орехово-Зуева танковые клинья немцев должны были сомкнуться. Москва оказалась бы в окружении.

Это были так называемые «большие клещи». Кроме того, существовал еще план «малых клещей». Командующий 4-й полевой армией фельдмаршал фон Клюге, имевший в своем распоряжении до двадцати дивизий, создал на флангах два ударных кулака. Левифланговая группировка этой армии начинала наступление из района Можайска, а правифланговая - из лесов юго-западнее Серпухова. Эти группировки должны были

встретиться в Кунцеве, окружив значительную часть противостоявших им войск Западного фронта.

Командование 4-й полевой армии рассчитывало зажать советские войска в «малые клещи». Однако план фон Клюге был сорван в самом начале. Контрудар нашей конно-механизированной группы пришелся по фашистам, изготовившимся к наступлению. Вместо того чтобы двигаться вперед, немцы вынуждены были обороняться, используя для этого не только корпусные, но и армейские резервы.

Наша конно-механизированная группа совместно с войсками 49-й армии сковала под Серпуховом до восьми дивизий противника и тем самым обезвредила правую «клешню» фельдмаршала фон Клюге. Кроме того, немцам пришлось перебросить под Серпухов и часть резервов, предназначенных для развития удара левофланговой армейской группировки. В результате левая «клешня» тоже была ослаблена. 4-я армия начала наступление под Можайском не 16 ноября, а значительно позже.

К сожалению, контрудар конно-механизированной группы под Серпуховом до сих пор не освещен в нашей военной литературе. А в тех немногих работах, где затрагивается эта операция, встречаются явные ошибки.

Приведу один пример. Вот книга А. М. Самсонова «Великая битва под Москвой», выпущенная издательством Академии наук СССР в 1958 году. На стр. 132-133 сказано: «В районе Серпухова был нанесен сильный контрудар по правофланговым войскам 4-й полевой армии противника. Войска 49-й армии под командованием генерал-лейтенанта Захаркина в результате шестидневных ожесточенных боев (14-19 ноября) нанесли здесь серьезное поражение гитлеровцам. Фашистское командование вынуждено было перебросить в этот район подкрепления (две танковые и одну пехотную дивизии), сняв эти войска с участка, откуда по намеченному ранее плану они должны были наносить удар вдоль Варшавского шоссе на Подольск. Наступление 4-й армии врага благодаря контрудару наших войск было задержано и началось позднее, чем на других участках...»

В книге Самсонова, как и в других трудах, ничего не сказано о действиях усиленного кавалерийского корпуса, или, другими словами, конно-механизированной группы. Упоминается только 49-я армия. А между тем эта армия, очень ослабленная в предыдущих боях, не могла сыграть значительной роли в операции под Серпуховом. Контрудар проводился главным образом войсками конно-механизированной группы, специально созданной для этой цели.

Следует подчеркнуть, что конно-механизированная группа выступала в этой операции как самостоятельное оперативное объединение, подчиненное непосредственно командованию Западного фронта. Группа взаимодействовала с 49-й армией, но вовсе не входила в ее состав. Будущий историк может найти много документов, подтверждающих этот факт. В архиве Министерства обороны имеется, например, копия плана операции конно-механизированной группы. Там же хранится план взаимодействия ее с войсками 49-й армии и много других документов.

Если обратиться к немецким штабным картам того времени, то можно заметить любопытную деталь. На них в районе Серпухова отмечена только одна кавалерийская дивизия, да и та под ошибочным номером. Другие соединения конно-механизированной группы на картах противника не значатся. Это еще раз подтверждает, что подготовку нам удалось провести скрытно и контрудар явился для противника неожиданностью.

Операция войск конно-механизированной группы и 49-й армии была одним из первых крупных контрударов по фашистам в районе Москвы. За ним последовала целая серия других, сыгравших большую роль в срыве планов гитлеровского командования. Эти контрудары помогли на некоторых участках остановить врага, нащупать его слабые места и способствовали подготовке того грандиозного контрнаступления советских войск, которое развернулось в декабре 1941 года.

Удержать Каширу во что бы то ни стало

С 23 ноября кавалерийский корпус начал выводиться из боя. Мы сдавали свою оборонительную полосу стрелковым частям 49-й армии. Но сдача происходила медленно. У 49-й армии не хватало сил, чтобы принять и надежно прикрыть наш участок.

Я надеялся, что корпус получит несколько дней отдыха для приведения себя в порядок после тяжелых боев. У нас много было некованых лошадей из маршевого пополнения. Мы собирались провести массовую ковку и перековку. Однако сделать это не удалось. 24 ноября поступило распоряжение командующего Западным фронтом: в связи с тем что под Веневом резко усложнилась обстановка, корпусу совершить форсированный марш и к исходу 25 ноября сосредоточиться в районе Чернево, Зарайск.

На форсированный марш нам отводилось немногим больше суток. Срок этот был нереален. 9-я кавалерийская дивизия двигалась в район Лопасни. Ее нужно было повернуть теперь назад. Даже по наикратчайшему пути кавалеристам полковника Осликовского предстояло сделать марш в сто пятьдесят километров. 5-й кавалерийской дивизии предстоял путь более короткий, но она все еще не могла сдать свою оборонительную полосу 194-й стрелковой дивизии, у которой не было сил для удержания позиций.

Я принял решение оставить для сдачи полосы один кавалерийский полк. Все остальные части немедленно выступали в поход.

Корпус должен был войти в подчинение командующего 50-й армией генерал-лейтенанта И. В. Болдина. Эта армия защищала Тулу и Венев. Я получил приказание прибыть 25 ноября в районный центр Мордвес и ожидать там генерала Болдина, который уточнит задачу корпуса.

«Скорей, скорей, скорей!» - торопили нас многочисленные распоряжения и указания сверху. Я не знал еще причин такой спешки. Лишь спустя некоторое время убедился, какое угрожающее положение создалось в том районе, куда нас перебрасывали: 2-я танковая армия Гудериана быстро продвигалась на северо-восток, стремясь выйти к Оке и захватить переправы, чтобы затем наступать на Москву. Нависла непосредственная угроза над Каширой, где находились такие важные объекты, как ГРЭС, железнодорожный мост через Оку, Ожерельевский железнодорожный узел. Потеря Каширы открыла бы немцам прямую дорогу к столице. А на участке Кашира - Коломна не было крупных сил Красной Армии, способных остановить танковую лавину Гудериана.

Когда противник подошел к городу Веневу и выявилось его стремление захватить переправы через Оку, Ставка Верховного Главнокомандования дала командующему Западным фронтом директиву немедленно организовать контрудар по наступающим немцам силами 2-го кавалерийского корпуса, придав ему стрелковую и танковую дивизии.

Кому доводилось организовывать форсированный марш в очень короткий срок, тот знает, какую надо было проделать большую работу: выбрать наиболее целесообразные маршруты, распределить силы по колоннам, организовать управление и походное охранение, разработать приказ, довести до сведения командиров новую задачу, проверить готовность частей к походу, очень многое предусмотреть. Другой человек за голову схватился бы, видя перед собой такую массу дел, а Михаил Дмитриевич Грецов не только оставался спокойным, но даже был весел, шутил, подбадривал других. Я нисколько не сомневался - Грецов с коллективом штабных командиров сделает все, что нужно, не упустит никаких мелочей.

9-я Крымская кавалерийская дивизия и 15-й полк гвардейских минометов, оставшийся в корпусе после боев под Серпуховом, получили приказ двигаться из Лопасни на Озеры и сосредоточиться в Черневе и Зарайске. 5-я Ставропольская кавалерийская дивизия совершала марш непосредственно к Кашире. Мы послали вперед на автомашине группу командиров штаба во главе с начальником оперативного отдела майором Шреером с задачей встречать и направлять по новым маршрутам части корпуса, двигавшиеся через Коломну и Зарайск. Кроме того, майору Шрееру поручалось встретить и поторопить 9-ю отдельную танковую бригаду, которая должна была прийти со стороны Подольска в Зарайск на усиление корпуса.

В напряженной работе быстро пролетела длинная осенняя ночь. Ранним утром мы с полковником Грецовым вышли на улицу подышать свежим воздухом. Падал редкий мелкий снежок. Мы стояли молча. Глядя в темноту, я мысленно представлял себе, как двигаются сейчас по дорогам длинные колонны всадников. Люди и лошади устали после непрерывных боев. Успеют ли они прибыть на место в установленный срок? Ведь для этого требуется огромное напряжение. А если не успеем, немцы могут опередить нас.

- Чертова погода, - выругался Грецов. - Вчера потеплело, а сейчас мороз. Дороги затвердели. Для машин хорошо, а лошади ноги набьют.

Я молча кивнул. Мы с начальником штаба думали об одном и том же.

Грецов поежился, поправил накиннутую на плечи потертую старенькую шинель. У него была такая привычка: одеваться попроще, по-солдатски, не выделяться среди других.

- Наденьте в рукава, Михаил Дмитриевич, - посоветовал я. - Простудитесь.

- Ничего не случится. Простуды - на войне не бывает, - возразил он. - Так где же мы с вами встретимся?

Грецову надо было ехать в Каширу и организовать там пункт управления, а мне - в Мордвес, к генералу Болдину.

- Встретимся в Кашире, Михаил Дмитриевич.

- Город-то незнакомый, - напомнил Грецов.

- А вы, как приедете, зайдите на почту, на телефонную станцию, и оставьте там свой адрес.

Вскоре Грецов отправился в путь. Через некоторое время уехал и я, взяв с собой заместителя по танковым войскам полковника Таранова.

Две наши машины медленно двигались по ухабистой дороге. Крепчал мороз. Несколько раз пролетали в стороне немецкие самолеты. Во время коротких остановок мы слышали далекий приглушенный грохот, доносившийся со стороны Каширы.

- Бомбят. А где бомбят, там и наступать будут, - сказал умудренный опытом шофер. Он был прав. Немецкая авиация расчищала, вероятно, путь для своих танков.

Только к вечеру, уже в сумерках, добрались мы наконец до Мордвеса. Почти одновременно со стороны Венева приехал в Мордвес командующий 50-й армией генерал Болдин. Вместе с ним - член Военного совета армии Сорокин и прежний командующий армией генерал А. Н. Ермаков.

Днем Мордвес бомбили немцы. Жители, не успевшие эвакуироваться, спрятались по подвалам. Нам пришлось затратить немало времени, прежде чем нашли дом, в котором остались хозяева. Зажгли в комнате керосиновую лампу, разостлали на столе карту.

Генерал Болдин ознакомил меня с обстановкой. Штаб 50-й армии находился под Хулой, а сам генерал выехал на левый фланг армии в Венев, где сложилось критическое положение. Сопровождала Болдина только охрана да группа связистов.

В Веневе был создан боевой участок, который занимали 413, 299, 173-я стрелковые, 108-я танковая и 31-я кавалерийская дивизии, две танковые бригады и два отдельных танковых батальона. Однако эти войска понесли большие потери в прошлых боях и имели очень мало людей и техники. После жестокого боя немцы захватили Венев. Войска боевого участка частично рассеяны и отошли на Рязань и Зарайск. Сам Болдин, не имея под рукой штаба, не в состоянии наладить связь с этими войсками и восстановить управление. Фактически путь на Каширу для немцев открыт. Танки Гудериана находятся совсем близко - в восьми километрах от Мордвеса.

Склонившись над картой в тесной, едва освещенной комнатке, мы остро чувствовали, какую страшную угрозу представляли прорвавшиеся фашистские танки. Это та самая правая «клешня», которая должна охватить Москву с юго-востока. И нам пока нечем отбросить ее. Главные силы 2-го кавалерийского корпуса выйдут к Кашире и Озерам наверняка только через двое суток. А сейчас от Мордвеса до ближних подступов к Москве почти нет наших войск, если не считать разрозненных частей и подразделений, которые противник легко может смять.

Да и хватит ли у кавалерийского корпуса сил и средств, чтобы противостоять танковой лавине? Ведь конница предназначена решать совсем другие задачи!

- Что вы предлагаете, товарищ Белов? - спросил генерал Болдин.

- Мне нужно ехать в Каширу. Там часть моего штаба. С его помощью я постараюсь ускорить сосредоточение корпуса в Кашире, Зарайске и Озерах. Надо прежде всего прикрыть переправы. Иначе противник даже слабыми передовыми отрядами захватит мосты через Оку и двинется на Москву.

- Ну что же, - согласился командующий армией. - Считайте это своей первоочередной задачей.

На этом наш разговор закончился. Я оставил у Болдина для связи полковника Таранова, а сам пошел на квартиру, которую подыскал адъютант. После бессонной ночи, напряженной работы и долгой дороги я чувствовал себя совершенно разбитым. И хотя немецкие танки находились очень близко, решил все-таки задержаться в Мордвесе и отдохнуть несколько часов.

Немцы неохотно воевали по ночам, предпочитая отсиживаться в тепле. Но на всякий случай я приказал шоферу держать машину наготове.

К счастью, выспаться удалось без помех. Утром, в половине шестого, я выехал в Каширу. Генерал Болдин отправился на восток, куда отходили из Венева левофланговые соединения его армии. Едва успел он покинуть Мордвес, как туда ворвались немецкие танки. Об этом рассказал мне впоследствии вернувшийся в штаб полковник Таранов.

В Кашире, зайдя на почту, я узнал, где остановился полковник Грецов, и сразу позвонил ему. Михаил Дмитриевич сообщил мне о том, как двигаются кавалерийские полки. А под конец сказал весело:

- Генерал Баранов и часть его штаба уже здесь!

- Молодец! - невольно вырвалось у меня. Я радовался тому, что в эти трудные часы рядом со мной будут испытанные товарищи, которым можно доверить любое дело.

Иногда Виктор Кириллович Баранов доставлял мне серьезные неприятности. Человек кипучей энергии, сильный и смелый, он обычно тяжело переживал неудачи и вынужденное безделье. В такое время на него нападала тоска, появлялось желание выпить. За это ему делали выговоры, не раз предупреждали. Мне приходилось отстаивать его перед высшим начальством. Баранов был настоящим боевым генералом. Он не боялся трудностей, сам рвался туда, где опаснее, где тяжелее. Вот и на этот раз он сумел прибыть в Каширу раньше срока, обогнав на машине свои полки.

- Пришлите Баранова ко мне, - приказал я Грецову. - Жду на телефонной станции.

В доме, где помещалась почта, я решил устроить свой временный КП. Штаб корпуса еще не имел связи ни с войсками, ни с соседними населенными пунктами, а отсюда, с почты, я мог, пользуясь городской связью, звонить куда нужно. Удалось даже связаться с Зарайском и поговорить с майором Шреером, посланным, туда для встречи 9-й танковой бригады подполковника И. Ф. Кириченко. Танкисты запаздывали, о них не было пока никаких известий. Шреер отправил навстречу бригаде, чтобы поторопить ее, делегата связи на автомашине.

Из штаба фронта поступило еще одно распоряжение. Оно было очень кратким: «Любой ценой восстановить положение!» Какое положение имеется в виду? Взять обратно Мордвес или город Венева, оставленный накануне 50-й армией? Или гнать немцев до того рубежа, откуда они начали наступление? Увы, сделать это корпус был не в состоянии. Удержать Каширу до подхода наших главных сил - вот в чем видел я сейчас свою цель.

Обстановка между тем ухудшалась с каждым часом. Разведка донесла, что сильный отряд противника, насчитывающий до ста танков и штурмовых орудий, занял вместе с моторизованным полком населенный пункт Пятницу, находящийся в нескольких километрах от города.

Танковая разведка немцев достигла окраины Каширы, но была отбита артиллеристами 352-го отдельного зенитного дивизиона.

Единственное, что можно было сделать в тех условиях, - это объединить разрозненные подразделения местного гарнизона и бросить их на защиту города. Я назначил генерала Баранова начальником гарнизона и подчинил ему все воинские части, находившиеся в Кашире и ее окрестностях.

Баранов получил приказ оборонять город имеющимися силами и не допустить переправы противника через Оку. Одновременно он должен был ускорить подход частей своей дивизии. Виктор Кириллович энергично взялся за выполнение этой задачи. На подступах к Кашире заняли оборону инженерный батальон особого назначения, отдельный зенитный дивизион, школа младших лейтенантов 49-й армии и школа сержантов той же армии, а в самом городе готовился к уличному бою истребительный батальон, сформированный из молодежи Каширы и Ступино.

Командиру 352-го отдельного зенитного дивизиона майору Смирнову было приказано поставить часть орудий на южной окраине города с таким расчетом, чтобы они могли вести огонь по наземным целям, в первую очередь по танкам. Бойцы инженерного батальона начали минировать танкоопасные направления.

Все эти войска были, конечно, слабы, чтобы отразить серьезный натиск противника. Но я надеялся, что они хоть на время задержат немцев, заставят их развернуться, ввязаться в бой, потерять драгоценное время.

Я подчинил себе также 173-ю стрелковую дивизию, размещавшуюся близ Каширы в селе Богословском. Эта дивизия была сформирована в августе Киевским райкомом партии Москвы из ополченцев. Командовал ею молодой полковник А. К. Богданов, военным комиссаром был участник гражданской войны кандидат экономических наук И. А. Анчишкин. Штаб возглавлял полковник Г. Н. Первенцев, бывший преподаватель тактики Военной академии имени М. В. Фрунзе.

Костяк дивизии составляли добровольцы, рабочие и служащие Дорогомиловского завода имени Фрунзе, завода имени Бадаева, Московского холодильника, редакции газеты «Известил», сельскохозяйственной выставки и других предприятий и учреждений столицы. Дивизия уже участвовала в боях на территории Смоленской области и под Тулой, понесла большие потери. Теперь она переформировывалась и пополнялась. В ней насчитывалось около трех тысяч командиров и красноармейцев.

Эта дивизия выделила по моему приказу один полк, который тоже занял оборонительный рубеж [2].

С такими силами встретили мы передовые отряды немцев, в середине дня вышедшие на подступы к городу. На рубеже ручья Мутенки завязалась перестрелка. Фашисты вели разведку, стремясь определить, какие войска противостоят им. Одновременно гитлеровская авиация почти без перерыва бомбила город.

Четыре часа провел я на почте, и все это время то вдали, то поблизости ухали взрывы, гудели в небе бомбардировщики. Было иной раз жутковато. Я становился в простенок, чтобы не ранило осколками через окно. Вместе со мной на коммутаторе находились две женщины-телефонистки. Они не обязаны были подвергать себя такой опасности, но славные патриотки понимали, как важна была в эти часы надежная телефонная связь.

Напротив почты - здание городского Совета. Немецкая авиабомба угодила во двор этого дома. Взрывной волной в помещении коммутатора выбило все стекла, комната наполнилась запахом гари. Молодая телефонистка вскрикнула, закрыла руками лицо. Ей сделалось дурно, работать она больше не могла. Зато старшая телефонистка - Козлова оставалась на своем посту до последних минут. Она обеспечила бесперебойную связь как раз в те часы, когда мы создавали вокруг города импровизированную оборону.

Убедившись, что для создания обороны сделано все возможное, я решил проехать по шоссе из Каширы в Ступино. Хотелось самому встретить приближающихся к городу кавалеристов, поторопить их, посмотреть, в каком они состоянии. Было около трех часов дня, когда неподалеку от Ступино я увидел первые эскадроны. Навстречу двигался один из лучших наших полков - 131-й Таманский кавалерийский, не раз отличавшийся в трудных

боях. Командир его подполковник В. Г. Синицкий старался держаться бодро, докладывал громко, но я видел, что он смертельно устал. Глаза воспалены, лицо серое. Не лучше выглядели и другие командиры. Бойцы проходили мимо меня, с трудом передвигая натруженные ноги. За неполные двое суток они совершили марш более чем в сто километров, не останавливались на ночлег, делая только короткие привалы. И весь этот путь преодолели пешком, ведя лошадей в поводу.

Стояли уже довольно сильные морозы, но снег еще не покрыл поля. Почва промерзла, окаменела. А у нас многие лошади были подкованы по-летнему, только на передние ноги. Значительная часть коней из маршевого пополнения вообще не имела подков. Твердая земля наминала мягкую часть (подушку) некованых ног. Лошади были измучены, шли медленнее, чем люди.

Эскадрон за эскадронам проходил мимо меня. Люди подтягивались, выравнивали тройки. А я смотрел на них и гордился ими. Им было очень трудно, невероятно трудно, но они - настоящие солдаты - выполнили боевой приказ. Они шли без сна и отдыха, зная, что впереди их ждет бой, а может быть, смерть.

Прямо с марша 131-й кавалерийский полк занял оборону на окраине Каширы. Вслед за ним начали подходить и другие части 5-й Ставропольской имени Блинова кавалерийской дивизии. В нашу оборону вливались все новые и новые силы.

В тот день, 26 ноября, фашисты до 15 часов имели полную возможность с ходу захватить Каширу и переправы через Оку. Те импровизированные заслоны, которые мы выставили для защиты города, не смогли бы сдержать напор ударной группы Гудериана, насчитывавшей более ста танков. Но немцы остановились в селе Пятница, не дойдя до города восьми километров. Вероятно, противник считал, что под Каширой встретит упорное сопротивление, и подтягивал новые силы, намереваясь сразу нанести мощный удар.

Как бы там ни было, но один день гитлеровцы потеряли, а мы выиграли. К городу подошли испытанные в боях полки кавалерийского корпуса. И хотя по-прежнему противник имел над нами значительный перевес, я почувствовал себя более уверенно. Теперь нам уже было чем воевать.

На южной окраине города, поблизости от передовой, мне оборудовали наблюдательный пункт в помещении штаба местной ПВО, в глубоком надежном подвале, куда была подведена телефонная связь.

Встретив полки, я некоторое время провел на НП. Сюда мне принесли несколько телеграмм, и в том числе срочную телеграмму начальника штаба Западного фронта генерал-лейтенанта В. Д. Соколовского. В ней сообщалось, что Военный совет фронта возложил на меня персональную ответственность за оборону Каширы. Мне предписывалось действовать смело и решительно, разбить противника и отбросить его на юг.

Я и сам прекрасно понимал, что пассивной обороной город нам не удержать. Хорошо было бы упредить противника, нанести ему удар. Но для этого у меня пока не было достаточных сил. Полковник Грецов разрабатывал план обороны Каширы, а добрая половина войск корпуса была еще где-то в пути.

Покинув наблюдательный пункт, я поехал к Грецову в штаб корпуса, который разместился в деревушке Суково на правом берегу Оки. В Кашире из-за непрерывной бомбежки штабу работать было трудно, но и Суково оказалось далеко не самым удобным местом. Путь к деревушке проходил мимо аэродрома 445-го истребительного авиационного полка, которым командовал майор В. П. Круглов. Наши летчики причиняли фашистам много неприятностей, но и немцы почти непрерывно бомбили аэродром. Налеты не прекращались даже с наступлением темноты.

Бомбы падали на дорогу, ведущую в Суково. Мне пришлось остановиться на краю леса, выждать, когда прекратится бомбежка и можно будет проскочить опасный участок.

Только приехал в Суково и принялся вместе с Грецовым разрабатывать план контрудара, как из Каширы сообщили, что меня вызывает к прямому проводу Ставка. Для разговора нужно прибыть в Каширский городской комитет партии. Мы со Щелаковским

переглянулись.

- Чувствуете, Павел Алексеевич, какое внимание нам? - сказал комиссар. - Из штаба фронта то и дело запрашивают, Грецов отбиваться не успевают. А теперь и Ставка требует...

- Не удивительно. От Каширы до Москвы немногим больше ста километров.

- Ясное дело, - согласился Щелаковский. - Возьмут немцы Каширу, переправы захватят, - значит, выйдут на финишную прямую к столице.

- Не возьмут, - сказал я.

- Верите, Павел Алексеевич?

- Москву не отдадим. В этом убежден!

- И я тоже, - улыбнулся Алексей Варфоломеевич. - Был сегодня в полках, с людьми говорил. Мысль у всех одна: будем стоять насмерть, фашистов не пропустим.

- Стоять мало. У немцев сил больше, они и по нашим трупам могут пройти. Бить их надо, вот в чем суть. Я в Каширу. А вы как, Алексей Варфоломеевич, со мной или здесь останетесь?

- Поезжайте, я тут побуду. Грецову помогу. Очень уж много распоряжений сверху идет, - ответил комиссар.

На этот раз мне удалось без задержки проскочить мимо аэродрома. Прежде чем отправиться в горком партии, я заехал на станцию военного телеграфа СТ-35, чтобы поговорить с командующим фронтом. Доложил ему, какие части корпуса прибыли в город, какие меры приняты по укреплению обороны. От командующего узнал, что 112-я танковая дивизия, снова приданная корпусу, будет прикрывать наш фланг со стороны Серпухова.

- Кому подчинен корпус? - спросил я командующего фронтом.

Это был не праздный вопрос. Формально корпус был подчинен командующему 50-й армией. Но генерал-лейтенант Болдин с тех пор, как выехал из Мордвеса, не давал о себе знать, и Жуков разыскивал его через меня. С другой стороны, в Каширу должен был с часу на час прибыть командующий 49-й армией генерал-лейтенант Захаркин. Он был старшим по должности и по званию, а ответственность за оборону Каширы и намечаемый контрудар возлагалась на меня персонально.

Жуков дал мне довольно неясный ответ. Считаю, сказал он, что вы выполняете не армейскую, а фронтовую задачу, подчиняться будете не Болдину, а штабу фронта, но через генерала Захаркина. Я подумал, что в напряженной обстановке, когда важна каждая минута и нет времени для детального согласования, такое двойное подчинение не принесет пользы.

Закончив разговор с командующим, я отправился разыскивать горком партии. Было еще только часов восемь вечера, а казалось, что наступила глухая полночь. На улицах пусто, жителей не видно. Изредка встречались красноармейцы, но никто из них не знал, где горком.

На южной окраине города слышалась редкая перестрелка. Где-то над Окой высоко в небе гудели немецкие ночные бомбардировщики.

Наконец старший лейтенант Михайлов разыскал в каком-то дворе местного жителя и узнал адрес. Оказывается, мы бродили поблизости от нужного нам здания.

В кабинете секретаря городского комитета партии товарища Егорова было полутемно. В углу слабо горела керосиновая лампа. Я даже не разглядел, сколько человек в кабинете. Запомнился только генерал Баранов. Он сообщил, что в горком звонил Сталин, обстановка ему доложена, но телефон с Москвой остается неразьединенным - Верховный Главнокомандующий ждет меня.

Я взял трубку, назвал свое звание и фамилию.

- Товарищ Белов, - донесся до меня приглушенный расстоянием голос, - есть возможность послать вам для подкрепления два танковых батальона.

- Спасибо.

- Куда их вам направить?

- Мост через Оку у Каширы очень слаб и не выдержит тяжелых танков, поэтому прошу направить через Коломну в Зарайск. В Зарайске мой представитель встретит танковые батальоны.

- Не нужны ли вам еще автоматы?
- Очень прошу прислать! - ответил я.
- Не нужны ли вам две стрелковые бригады?

- Это было бы очень кстати. Прошу направить их прямо в Каширу.
- Я вам их пришлю. Это легкие бригады новой организации. Они укомплектованы отборными людьми и приспособлены для маневренных действий.

Сказав это, Верховный Главнокомандующий умолк. Молчал и я, не зная, о чем еще говорить. Наступила долгая пауза. Я уже хотел попросить разрешения положить телефонную трубку, когда снова услышал голос Сталина.

- Товарищ Белов! Вы представьте свои кавалерийские дивизии к званию гвардейских. Это надо было сделать раньше: ваши дивизии отлично дрались на Украине и понесли большие потери под Серпуховом.

- Завтра же представлю, товарищ Сталин!
- Желаю вам успеха.
- Спасибо.

Те, кто присутствовали в кабинете, с напряженным вниманием слушали разговор. Слышали они только то, что говорил я, но главное, конечно, поняли.

- Ну, товарищи военные, сумеете Каширу удержать? - спросил секретарь горкома. - Чувствую, драться тут будете. Посоветуйте, что делать с населением: эвакуировать или подождать пока?

Ответить на этот вопрос было нелегко, Разве я мог дать полную гарантию? Ведь фашисты приблизились к нашей столице, захватили тысячи населенных пунктов. Будет Кашира исключением или разделит участь многих других?..

- Завтра начнется бой, - сказал я. - Тяжелый и жестокий. Мы сделаем все возможное, постараемся отстоять город. Но, чтобы избежать напрасных потерь от бомб и снарядов, надо эвакуировать за Оку женщин, детей и стариков.

- Понятно, - кивнул Егоров.

- Товарищ Белов, - обратился ко мне председатель райсовета Т. М. Горб. - А что делать с ГРЭС? Часть оборудования мы вывезли, но электростанция работает...

- Пусть работает, - ответил я. - И город и ГРЭС будем защищать до последней возможности. Так и разъясните людям, чтобы не было никаких других настроений. А теперь у меня просьба к вам, товарищи. Вы должны нам помочь кое в чем.

- Постараемся.

Я перечислил, что требуется сделать в первую очередь. От моста через Оку дорога идет на крутой подъем и обледенела. На ней буксуют автомашины, скользят и падают лошади. Дорогу нужно посыпать песком и золой.

- К утру будет готово, - сказал Егоров, делая пометку в блокноте.

- Надо строить укрепления в самом городе, на случай если противник ворвется в Каширу. Этим должны заняться бойцы истребительного батальона и мирные жители.

- Начнем часа через три.

- Нам позарез нужны подковы. Нельзя ли наладить их производство на предприятиях города?

- Это мы возьмем на себя, - ответил секретарь Ступинского горкома партии В. В. Золотухин. - С утра начнем делать. Присылайте за подковами.

Я тепло простился с товарищами. Им предстояла напряженная, тревожная ночь. Мне тоже.

Прежде чем отправиться в штаб корпуса, я заехал на свой наблюдательный пункт. Здесь ожидал меня начальник разведки Александр Константинович Кононенко. Он приехал в Каширу еще засветло с эскадром разведывательного дивизиона, посаженным на машины. Эскадрон сразу же выслал вперед несколько разведывательных групп и успел собрать важные сведения. Выяснилось, что в Барабанове, Пятнице, Зендикове и Мицком сосредоточены части 17-й танковой дивизии противника и отдельная танковая группа СС

полковника Эбербаха. Немцы тоже вели усиленную разведку, готовясь к наступлению. Мелкие диверсионные и разведывательные группы противника действовали по всем дорогам в северном и восточном направлениях, пытаясь глубже проникнуть в наше расположение, узнать наши силы, устроить диверсии, вызвать панику. Наши разведывательные отряды и разъезды вели борьбу с этими отрядами фашистов.

Я поблагодарил Кононенко за информацию и приказал передать разведчикам благодарность командования корпуса.

С наблюдательного пункта поехал в деревню Суково. Сейчас, когда выяснилось, какими силами мы будем располагать в предстоящем бою и какой противник перед нами, замысел контрудара вырисовывался и в общих чертах, и в деталях.

Враг находится в четырех километрах от Каширы. В его руках инициатива, у него преимущество в танках. А главные силы наших войск еще на подходе. Поэтому прежде всего надо надежно прикрыть рубеж по Оке от Каширы до Озер. Это - оборонительный этап операции. Он продлится до утра. За это время к линии фронта подтянутся кавалерийские полки. И тогда мы сами перейдем в наступление на противника, расплывшего свои войска на широком фронте, постараемся вырвать у него инициативу.

До подхода главных сил я решил возложить оборону Каширы на 131-й Таманский кавалерийский полк. Таманцам придавался местный истребительный батальон. Личный состав его хорошо знал город и окрестности, поэтому батальон целесообразно было использовать в уличных боях. Для борьбы с танками и штурмовыми орудиями надо снабдить бойцов достаточным количеством противотанковых гранат.

Имея в тылу надежно защищенный город, 5-я кавалерийская дивизия совместно с 1313-м полком 173-й стрелковой дивизии начнет наступление в общем направлении на Пятницу. Действия 5-й кавалерийской дивизии будет поддерживать 15-й полк гвардейских минометов.

Главный удар по немцам я решил нанести на левом фланге из района Озер, где сосредоточивалась 9-я кавалерийская дивизия, и из Зарайска, куда должна была подойти 9-я танковая бригада. Кавалеристы получили задачу наступать во фланг гитлеровцам от Озер через Ожерелье на Пятницу, а танкисты - от Зарайска на Барабаково. Промежуток между 5-й и 9-й кавалерийскими дивизиями обязаны занять две стрелковые бригады, которые обещал прислать Верховный Главнокомандующий.

В то же время на правом фланге начнет наступление подчиненная мне 112-я танковая дивизия 49-й армии, имевшая около сорока боевых машин, артиллерийский и мотострелковый полки.

Два танковых батальона, направляемые ко мне из Москвы, и все части, отошедшие из Венева в Зарайск и Коломну, объединяются под общим руководством полковника Таранова. Эта группа прикрывает Коломну и ведет разведку на Рязань и Серебряные Пруды.

Мне оставалось решить еще один важный вопрос: когда начать операцию? Многие причины побуждали начать контрудар не завтра, 27 ноября, а на сутки позже. Кавалеристы, совершившие длительный форсированный марш, сильно устали. В полках много отставших. Главная ударная группировка корпуса - 9-я Крымская кавалерийская дивизия и 9-я танковая бригада - еще находилась в пути и не вышла в район сосредоточения. Не подтянулась основная масса артиллерии, не успели подвезти снаряды. Казалось, начинать наступление завтра утром будет преждевременно. Нет полной уверенности, что к утру главные силы успеют выйти на указанные им рубежи. Особенно беспокоили меня танкисты и конная артиллерия.

Однако время становилось сейчас важнейшим фактором. Чтобы упредить противника, надо наносить удар не позже, чем завтра утром. Я надеялся, что наши войска будут усиливаться за счет отставших кавалерийских полков, артиллерии и танков. Через некоторое время они подойдут к месту боя.

Разумеется, я понимал, что такое решение сопряжено с риском. Но нужно было навязать противнику свою волю, ударить там, где он меньше всего ожидает. Опыт нескольких месяцев войны научил нас действовать именно таким образом.

Вернувшись в штаб корпуса, я рассказал Щелаковскому о разговоре с Верховным Главнокомандующим. Алексей Варфоломеевич прихварывал последние дни, у него болели почки. Но, выслушав меня, сразу повеселел, забегал по комнате:

- Ну, Павел Алексеевич, наши орлы и так высоко летали, а если гвардию получат, в поднебесье взвоятся!

- Летать не стоит, - пошутил я. - Мы уж как-нибудь к земле поближе: на лошади или пешком, по-пластунски.

- Представляю себе, как люди обрадуются. Горы своротят! Но ведь это не только награда за прошлое, это обязывает нас в будущем воевать еще лучше.

- Правильно, - согласился я. - Только рано еще об этом. Вы рассуждаете, будто все уже решено. Представление еще писать надо, а это не раз-два и готово... Может, кого-нибудь из штаба позовем?

- Сами справимся, Павел Алексеевич. Дело такое, что самому приложить руки хочется.

Щелаковский отправился в соседнюю комнату и вернулся оттуда с пачкой чистой бумаги. Ординарец принес горячего чая. Мы разделили труд. Комиссар взялся писать представление на 9-ю Крымскую, а я - на 5-ю имени Блинова дивизию.

В коротком документе нужно было сжато изложить многое. Фразы у нас получались сухие, официальные. Но за ними стояли незабываемые для нас события, погибшие друзья, жестокие схватки с врагом и изнурительные марши. Горечь пережитых поражений и радость побед вкладывали мы в эти фразы.

Время летело незаметно. Алексей Варфоломеевич писал не отрываясь. Мы рассчитывали часа через полтора закончить краткое изложение боевых действий обеих наших дивизий и к утру с нарочным отправить представление в штаб фронта. Но случилось нечто такое, чего мы не могли ожидать.

Открылась дверь, быстро вошел начальник штаба полковник Грецов. Он был сильно взволнован.

- Товарищ генерал, - торжественным голосом начал он. - Только что по телеграфу поступил приказ: нашему корпусу присвоено звание гвардейского.

- Как?! - удивился я. - Мы еще только составляем представление на дивизию...

Щелаковский вскочил со стула, бросился обнимать меня.

- Ну, здорово, Павел Алексеевич! - возбужденно говорил он. - Грецов, дай приказ, сам посмотреть хочу!

Алексей Варфоломеевич пробежал глазами по строчкам и начал громко читать вслух:

- «За проявленную отвагу в боях с немецкими захватчиками, за стойкость, мужество и героизм личного состава 2-го кавалерийского корпуса Ставкой Верховного Главнокомандования преобразованы:

Пункт «а». 2-й кавалерийский корпус - в 1-й гвардейский кавалерийский корпус. Командир корпуса - генерал-майор Белов Павел... Александрович...» - Щелаковский сделал паузу. - Слушайте, Павел Алексеевич, они там в спешке отчество перепутали...

- Неважно, - махнул я рукой. - Не в этом суть. Читайте дальше.

- «Пункт «б». 5-я кавалерийская дивизия - в 1-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию. Командир дивизии - генерал-майор Баранов Виктор Кириллович.

Пункт «в». 9-я кавалерийская дивизия - во 2-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию. Командир дивизии - полковник Осликовский Николай Сергеевич.

Пока Щелаковский читал, в комнате собралось много народу. Усталые люди будто преобразились. Я видел радостные лица, сияющие глаза.

- Поздравляю, товарищи! - сказал я. - Отныне мы с вами гвардейцы. Мы первыми среди советских кавалеристов заслужили такую честь. И сражаться теперь должны так, чтобы оправдать это высокое звание.

Телеграфный аппарат, связывавший нас со штабом Западного фронта, стучал без перерыва. К нам сыпались запросы о противнике, о том, где находятся наши части, когда они смогут начать бой. Поступали распоряжения и указания. По обилию переговоров

чувствовалось, что в штабе фронта не очень спокойная обстановка.

Среди ночи меня вызвал к аппарату командующий фронтом:

- Как там у вас дело? Доложил ему сколь мог подробно:

- Час назад я разговаривал по телефону с генерал-лейтенантом Болдиным. Он находится в Зарайске. Связи с вами не имеет. Просил меня доложить лично вам следующее. Он с группой штаба подвергся нападению авиации и танков противника. Попытки пробиться на запад не удалось, поэтому он ушел на восток. Сообщает, что сегодня из района Михайлова на Рязань двигалось до трехсот крытых автомашин противника с небольшой группой танков. Связи со своей армией Болдин не имеет. Считает, что 41-я и 31-я кавалерийские дивизии выполняют его приказ и наступают в тыл противнику в районе Венева. 239-я стрелковая дивизия вела бой в окружении в районе Сталиногорска, но вышла из окружения... Где она сейчас - неизвестно. Товарищ Болдин просит ваших указаний, куда ему направиться со своим штабом. Просит разрешения переехать в Лаптеве. Будет пытаться из Зарайска связаться с вами по Морзе. Что прикажете передать товарищу Болдину?

- Передайте, пусть переезжает в Лаптеве. Какие войска есть у Болдина в Зарайске?

- Ничего нет. Мой заместитель Таранов собрал там около батальона и занял этим батальоном оборонительный рубеж на подступах к Коломне.

- Как вы намерены выполнять задачу?

- Части в течение ночи будут двигаться для занятия исходного положения, а утром начнут наступление. Подробности донес.

- Обращаю ваше внимание на организацию взаимодействия всех частей боевого порядка и авиации. 112-я танковая дивизия должна не отстать от вас, тем более что она имеет возможность действовать активно и вторым танковым полком. Получен приказ о преобразовании вашего корпуса в гвардейский. Срочно доведите его до сведения всех бойцов и командиров. Имеете ли вы такой приказ?

- Приказ получен. Я и Щелаковский сердечно благодарим Военный совет фронта. Уверены, что в ближайшем бою будем уничтожать врага по-гвардейски... Прошу решить такой вопрос. У меня было два командных пункта, хорошо оборудованных связью. Один в Кашире, другой в Сукове. Сейчас в Кашире узел связи выведен из строя бомбежкой. Товарищ Соколовский требует перейти в Каширу. Но восстановление связи потребует там не менее десяти часов. Разрешите в Кашире иметь наблюдательный пункт, а основной командный пункт - в Сукове.

- Не возражаю. Держите с нами непрерывную связь. Все.

После этого разговора мы со Щелаковским обсудили, как быстрее довести до бойцов приказ о присвоении нам звания гвардейцев. Это нужно было сделать еще до начала наступления, чтобы вдохновить людей, поднять их боевой дух.

Решили разослать в полки и эскадроны работников политотдела корпуса. Там, где позволяет обстановка, провести в подразделениях краткие митинги. Щелаковский и я тоже отправились в войска. Приятно было самим сообщить людям замечательную новость. Кроме того, мне нужно было посмотреть, как подготовились к бою 1-я гвардейская кавалерийская дивизия генерала Баранова и приданный ей 1313-й стрелковый полк 173-й стрелковой дивизии.

Приехав в Каширу, я убедился, что секретарь горкома партии сдержал свое слово и выполнил обещанное. Шоссе на крутом подъеме от Оки было посыпано песком и золой. Машины шли теперь не буксуя, лошади не скользили.

На улицах - много людей. И военных, и гражданских. Сюда уже пришел с передовой смененный другими частями 131-й кавалерийский полк, назначенный на защиту города в случае прорыва немцев. Красноармейцы вместе с бойцами Каширско-Ступинского истребительного батальона строили с помощью жителей оборонительные сооружения. Возводились баррикады и противотанковые заграждения. Угловые кирпичные дома оборудовались так, чтобы из них можно было вести огонь одновременно по разным улицам.

Другие части 1-й гвардейской кавалерийской дивизии совместно с 1313-м стрелковым

полком занимали рубеж Лужники, ручей Мутенка, Аладьино, готовились к наступлению. На этот раз кавалеристам повезло: они заняли позиции, которые возводились еще с лета на подступах к Кашире военно-строительным батальоном и местными жителями. Не будь тут укреплений, кавалеристам даже при напряженной работе вряд ли удалось бы оборудовать до утра свой рубеж. Промерзшая земля затвердела как камень. От нее со звоном отскакивала лопата.

Многие бойцы и командиры уже знали о том, что мы стали гвардейцами. Эта весть распространилась с удивительной быстротой. У людей было приподнятое, радостное настроение. Политработники, секретари партийных и комсомольских организаций, красноармейцы-агитаторы добирались до самых отдаленных окопов, до боевого охранения, чтобы порадовать своих товарищей. В подразделениях начались митинги.

- Товарищ генерал, - обращались ко мне бойцы. - Скоро мы наступать начнем? Под Серпуховом били фашистов, а теперь вдвойне бить будем.

В 11-м кавалерийском полку выступил на митинге боец Чиквидзе. Он выразил настроение, владевшее всеми командирами и красноармейцами.

- Отныне я, как гвардеец, буду до последней капли крови драться за победу над немецкими варварами, - говорил Чиквидзе. - Не бывать им в древнем русском городе Кашире. Буду стараться как можно больше истребить немецко-фашистских захватчиков!

Я видел, чувствовал, что люди рвутся в бой. Находились и такие, которые хотели прямо сейчас, немедленно ударить по противнику, ответить делом на то доверие, которое было оказано нам. Мне даже пришлось предупредить некоторых командиров, чтобы они ничего не вздумали предпринимать до начала общего наступления.

1-я гвардейская кавалерийская дивизия была готова идти вперед. Мне оставалось только дать ей команду. Но на флангах дело обстояло хуже. 2-я гвардейская кавалерийская дивизия, которой предстояло наносить совместно с 9-й танковой бригадой главный удар, еще не вышла в намеченный для нее район. А 9-я танковая бригада вообще находилась неизвестно где. Не удалось даже установить связь с ее штабом. Из 112-й танковой дивизии, располагавшейся на правом фланге, тоже не поступало донесения о готовности к атаке. Передо мной стоял вопрос: ждать, когда все войска изготоятся к бою, или начать наступление пока только частями 1-й гвардейской кавалерийской дивизии?

Видя, что бойцы и командиры охвачены энтузиазмом, а длительное ожидание способно приглушить боевой порыв, я отдал генералу Баранову приказ начать наступление утром, как предусмотрено планом.

Предрассветную тишину разорвал гром выстрелов: началась получасовая артиллерийская подготовка. Батареи 1-й гвардейской кавалерийской дивизии вели огонь по заранее разведанным целям. В городе дрожали оконные стекла. Потом будто горный обвал прогрохотал в морозном воздухе. Это прозвучал залп нескольких дивизионов 15-го полка гвардейских минометов. И сразу все стихло. Слышались только далекие пулеметные и винтовочные выстрелы, казавшиеся очень слабыми после артиллерийской канонады.

Я снял телефонную трубку, связался с командиром дивизии.

- Пошли! - возбужденно прохрипел Баранов. - Атака началась!

К этому времени я, чтобы лучше управлять боем, перебрался на свой наблюдательный пункт в подвал штаба местной ПВО. Отсюда было ближе к наступающим войскам. Хорошо работала связь. Однако вскоре сюда прибыл с группой своих офицеров командующий 49-й армией генерал-лейтенант Захаркин. В подвале стало очень тесно и шумно, прямо как в трамвае в часы «пик». Трудно было сосредоточиться, что-либо обдумать.

А обстановка требовала полного напряжения сил и быстрых решений. Операция развивалась не совсем так, как предусматривалось планом. Мы пока добились только одного: упредили немецкую группировку, собиравшуюся наступать на Каширу. Огонь нашей артиллерии и «катюш» обрушился на головы гитлеровцев, готовившихся к атаке. Враг был ошеломлен. Воспользовавшись этим, 96-й Белозерский полк подполковника М. Н. Данилина и 160-й Камышинский полк подполковника А. В. Князева, действуя в пешем строю, выбили

фашистов из села Мицкое. Овладев им, оба полка двинулись на деревню Пятница, где сосредоточились крупные силы противника.

Пятница насчитывала в то время около шестидесяти дворов. У немцев здесь было много сил и средств, и они оказали упорное сопротивление. Открыла огонь вражеская артиллерия, стреляли сразу семь батарей. Из Верзилова и Дудылова начали бить фашистские пулеметы. И конечно, вскоре появилась вражеская авиация. У нас не было истребителей, чтобы прикрыть с воздуха наступающие полки. Немецкие летчики хорошо видели сверху спешенных кавалеристов, двигавшихся по белому, заснеженному полю. Гитлеровские самолеты с ревом входили в пики, засыпая бомбами наши боевые порядки, поливая их из пулеметов.

Наступление замедлилось. Но врагу не удалось сломить боевой порыв гвардейцев. Спешенные эскадроны продолжали упорно двигаться вперед. Их поддерживали дивизионная артиллерия и минометы.

В это время мое внимание было приковано не столько к центру, сколько к тем нашим группировкам, которые должны были действовать на флангах.

На правом фланге, в районе Иваньково, 112-я танковая дивизия упустила время и позволила противнику упредить себя. 4-я танковая дивизия немцев первой пошла в атаку. Маши танкисты, вместо того чтобы двигаться вперед, стояли на месте и отражали атаки гитлеровцев.

На левом фланге 2-я гвардейская кавалерийская дивизия полковника Осликовского, перейдя в наступление с опозданием на два часа, вступила в бой прямо с марша, имея много отставших. Большая часть ее артиллерии еще находилась в пути. Выступив из района Знаменского и Макарова, дивизия прошла через Ожерелье, еще не занятое противником, и завязала встречный бой с немцами: ей преградил дорогу пехотный батальон, поддержанный пятнадцатью танками.

Хуже всего обстояло дело с нашими танками, на которые я возлагал большие надежды. Полковник Таранов, посланный в Зарайск, чтобы ускорить движение 9-й танковой бригады и принять два отдельных танковых батальона, направленных к нам из Москвы, не подавал никаких вестей. Его молчание беспокоило и удивляло меня. Неужели случилось что-либо непредвиденное?

Приехавший из Зарайска начальник политотдела корпуса батальонный комиссар Милославский с возмущением доложил мне, что Таранов все пустил на самотек. В самое напряженное время, не чувствуя ответственности, он сидел сложа руки, в роли наблюдателя. Я приказал немедленно отстранить его от должности.

Нужно было послать в Зарайск энергичного, знающего командира, который смог бы объединить и правильно использовать танковые части. Подумав, я назначил командиром сводного танкового отряда полковника Грецова. Конечно, мне было трудно обойтись без начальника штаба. Но кандидатура Грецова была наиболее подходящей. Он сам участвовал в разработке плана контрудара и знал, какая важная роль отводится в этой операции нашей танковой группировке.

- Примите все меры, сделайте все, что можно, - напутствовал я Михаила Дмитриевича.
- Танкисты должны выступить сегодня же. Хотя бы частью сил.

- Будет сделано, - ответил Грецов. Он улетел на самолете.

Вскоре Грецов позвонил мне и доложил, как обстоит дело. 35-й и 127-й отдельные танковые батальоны, прибывшие из Москвы, выгрузились на железнодорожной станции. Всего в обоих батальонах сорок шесть танков: десять КВ, шестнадцать Т-34, двадцать Т-60. Однако, пока батальоны двигались к Зарайску, из-за плохой дисциплины марша и поломок они растеряли в дороге большую часть машин. В район боевых действий прибыло лишь восемнадцать легких танков. Я приказал Грецову начать наступление этими силами, увязывая свои действия с командиром 2-й гвардейской кавдивизии полковником Осликовским, и усиливать свой отряд за счет тех боевых машин, которые отстали на марше.

В то же время командир 9-й танковой бригады подполковник Кириченко, приехавший в

Зарайск раньше своих танков, доложил, что танки не могут переправиться через реку Осетр. Моста, способного выдержать боевые машины, на реке нет, а берега крутые. Я не очень верил в такое объяснение и потребовал, чтобы Кириченко ускорил переправу. На моей карте берега реки Осетр не были обозначены как крутые. А наши военные картографы работали хорошо - в этом я не раз убеждался на практике.

К слову сказать, много лет спустя, в 1958 году, обдумывая эту книгу, я проехал по местам боев. Побывал и на реке Осетр у Зарайска. Берега там совершенно пологие и препятствий для танков не представляют. А глубина реки такова, что ребятишки летом переходят ее вброд, зимой же воды подо льдом еще меньше.

Я до сих пор не знаю, что задержало тогда танковую бригаду. Причины могут быть разные, но только не крутые берега.

Напряжение боя под Каширой возрастало с каждым часом. Ко мне поступали десятки различных сообщений. Требовалось быстро принимать решения, влиять на ход операции. Но обстановка на наблюдательном пункте не способствовала плодотворной работе. Я уже упоминал, что корпус оказался в двойном подчинении: непосредственно Военному совету Западного фронта, но через командующего 49-й армией генерал-лейтенанта Захаркина.

Генерал Захаркин, находившийся теперь на моем наблюдательном пункте, требовал, чтобы я увязывал и согласовывал с ним все свои решения, и вмешивался в ход операции. Но у нас с ним были разные взгляды, разный подход к одним и тем же вопросам. По распоряжению Военного совета фронта я нес персональную ответственность за оборону Каширы и обязан был разгромить немецкую группировку. А Захаркин, убедившись в том, что под Каширой дело обстоит сравнительно благополучно, заботился об участке, занятом его армией. Я думал, как разбить и уничтожить противника, а Захаркин стремился укрепить свою оборону, создать резервы для отражения возможных ударов противника на Серпухов.

Ни до этой операции, ни после нее мне никогда больше не приходилось, к счастью, оказываться в таком совершенно ненормальном положении. Двойное оперативное подчинение связывало мне руки, мешало действовать по своему усмотрению.

Взять, к примеру, 112-ю танковую дивизию. Она входила в состав 49-й армии, но командующий фронтом формально подчинил ее мне. Этой дивизии приходилось буквально разрываться на две части, чтобы выполнить указания и Захаркина, и мои. Я считал, что для успешного развития операции эта дивизия должна нанести удар всеми силами во фланг противнику, способствовать окружению немцев. А Захаркин берег танкистов на тот случай, если немцы прорвутся близ Иванькова и двинутся к Серпухову. Поэтому один полк 112-й танковой дивизии, имевший до сорока танков, он держал в резерве, а другой, ослабленный в предыдущих боях, «уступил» мне. Такое половинчатое решение распыляло средства, которых и без того было не много.

Я вовсе не осуждаю генерала Захаркина. В ряде вопросов он со своей точки зрения был, возможно, и прав. Но я тогда на горьком опыте лишний раз убедился, что, чем больше начальников пытаются руководить одной и той же операцией, тем хуже.

В душе я надеялся, что гвардейцы прорвут фронт, мы быстро уйдем вперед и освободимся от бесполезной опеки. Но мечты мечтами, а дело делом.

Видя, что в подвале ПВО стало слишком тесно и шумно, генерал Захаркин предложил переехать в Ступино, в просторное и хорошо оборудованное бомбоубежище одного из заводов. Я согласился, преследуя свою цель.

Бомбоубежище в Ступине действительно оказалось отличным: много места, надежные перекрытия, способные выдержать даже прямое попадание небольшой бомбы. Захаркин со своим штабом разместился довольно комфортабельно. Для штаба обороняющейся армии лучшего нечего было и желать. Но руководить наступательным боем, когда обстановка быстро меняется, когда нужно чувствовать накал событий и без промедления реагировать на них, из тылового бомбоубежища было трудно. Объяснив это Захаркину, я с небольшой группой штабных командиров вернулся в Каширу на свой наблюдательный пункт, обретая таким образом некоторую свободу действий.

В середине дня мне позвонили из штаба Западного фронта и сообщили, что Тула перестала получать энергию от Каширской электростанции. Может быть, немцы повредили линию высокого напряжения между Каширой и Тулой? Но линия оказалась исправной. Повреждение следовало искать на самой электростанции. С этой целью из Москвы прибыла группа инженеров. Мне было приказано доставить их на Каширскую ГРЭС, расположенную у Ожерелья, и организовать надежную охрану электростанции.

Уже после войны я узнал, насколько тяжелым было положение в Туле, Осажденный город остался без энергии. Остановились заводы, изготавливавшие оружие и боеприпасы. Тульский городской комитет обороны вынес 26 ноября специальное решение: восстановить одну турбину патронного завода, для того чтобы дать городу хотя бы минимальное количество электричества.

Я постарался как можно скорее доставить специалистов на электростанцию. Инженеры сразу же взялись за дело. Им помогали рабочие, наши бойцы. Фронт был совсем близко, но инженеры трудились спокойно, надеясь на гвардейцев. Вскоре неисправность была обнаружена и устранена. Тула снова получила электроэнергию.

К середине дня немцы, оправившись от неожиданного удара 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, начали быстро создавать оборону. Они располагали значительным количеством танков и применили свой испытанный, довольно эффективный способ - маскировали боевые машины в домах или зарывали в землю, превращая их в неподвижные огневые точки. Это создавало для нас большие трудности, так как танк, зарытый в землю чуть ли не до самой башни или стоящий в бревенчатой избе, был малоуязвим.

Особенно цепко и упорно обороняли немцы высоту 211, очень выгодную позицию на подступах к деревне Пятница. Эта высота господствовала над прилегающей местностью, с нее открывался хороший обзор.

1313-й стрелковый полк, приданный 1-й гвардейской кавдивизии, начав наступление из района Корыстова, стремительной атакой отбросил противника, оборонявшего высоту. Немцы бежали, оставив множество убитых, раненых и несколько врытых в землю танков. Однако радоваться успеху было еще рано. Гитлеровцы не смирились с потерей этой позиции. Они сразу же открыли по высоте 211 артиллерийский огонь и вызвали свою авиацию. Самолеты буквально «повисли» над высотой. Они прилетали группами по двадцать - тридцать единиц, бомбили, стреляли из пушек и пулеметов. Улетала одна группа - появлялась другая. Земля на высоте и вокруг нее была изрыта воронками. Издали окутанная дымом высота напоминала вулкан, черневший посреди бескрайних снегов.

Потом фашисты послали в контратаку усиленный батальон с десятком танков. Им удалось отбросить наших пехотинцев и вернуть выгодный рубеж. Это встревожило и командира 1-й гвардейской кавдивизии, и меня. Мы с Барановым понимали, что бой за высоту 211, а следовательно, и за деревню Пятница грозит стать затяжным. Тогда мы потеряем свое преимущество - маневренность, а немцы выиграют время, подтянут крупные резервы, сорвут наш контрудар.

Надо было принимать решительные меры. Я приказал Баранову поддержать 1313-й стрелковый полк огнем двух дивизионов гвардейских минометов и ввести в действие 11-й Саратовский кавалерийский полк майора Зубова, усилив его артиллерией.

После залпа «катюш» наши пехотинцы и спешенные кавалеристы снова пошли в атаку. Немцы были выбиты с высоты и бежали к Пятнице. Высота осталась в наших руках. Приблизительно в то же время 96-й кавалерийский полк овладел селом Базарове, 166-й захватил Чернятино. Продвигаясь на юг, гвардейцы начали обходить Пятницу с северо-запада.

Так развивались события на участке генерала Баранова. А что же делалось в это время на флангах?

112-я танковая дивизия полковника Гетмана, действовавшая справа, весь день вела упорные бои с наступающим противником и вперед не продвинулась. Больше того, возникали опасения, особенно у генерала Захаркина, что немцы могут потеснить ее. Лишь к

вечеру положение у Гетмана стало сравнительно устойчивым.

На левом фланге 2-я гвардейская кавалерийская дивизия несколько потеснила противника, выбив его передовые части из населенных пунктов Кокино и Ягодня.

Энергично действовал полковник Грецов. Он сколотил в Зарайске отряд из восемнадцати танков, подчинил себе мотострелковый батальон 9-й танковой бригады и начал с этими силами наступление левее 2-й гвардейской кавдивизии.

Грецову встретились несколько разведывательных групп противника, двигавшихся на Зарайск и Коломну. Танкисты без особого труда разгромили их, заняли населенные пункты Топканово и Острога. Грецов повел свой отряд дальше, к Никулину и Кипелову, охватывая вражескую группировку в районе Пятницы с юго-востока. К сожалению, отряд Грецова был все еще слишком слаб.

В общем, день 27 ноября принес нам некоторые успехи. Мы не дали немцам возможности наступать на Каширу, сами ударили по врагу и потеснили его на три - восемь километров.

Командующий Западным фронтом так сообщал об этом бое Верховному Главнокомандующему: «Белов с утра начал действовать. Продвигается вперед. Против Белова действуют части прикрытия противника... По состоянию на 16.00 27.11 противник отошел на три - четыре километра. Захвачены пленные. Сегодня в бою танковые батальоны и танковая бригада не участвовали. Задержались в пути из-за мостов. Подойдут ночью и будут участвовать с утра. 112-я танковая дивизия на месте и ведет бой в 16 км юго-западнее Каширы» [3].

В этот день инициатива на участке корпуса начала переходить в наши руки. Теперь нужно было развить наметившийся успех.

Пока нам не удалось окружить и разбить противника. Но мы не отказались от этой цели. Она продолжала оставаться главной. Ночью мы произвели перегруппировку своих войск, усилили те части, которые занимали охватывающее положение по отношению к гитлеровцам, сосредоточившимся в пятницком оборонительном узле. Я решил по-прежнему связывать фашистов в Пятнице, Дудылове, Верзилове и прилегающих населенных пунктах фронтальным наступлением. А основные свои силы, особенно танки, сосредоточить на флангах для охвата и обхода противника.

На 112-ю танковую дивизию, действовавшую справа, надежда была плохая. С генералом Захаркиным так и не удалось договориться об использовании ее для решительного удара. Он по-прежнему опасался прорыва немцев к Серпухову, поэтому держал на всякий случай один танковый полк в резерве. Второму полку я приказал наступать от Иванькова на Барабаново, в тыл пятницкой группировке немцев. С противоположной стороны, с востока, на Барабаново должен был наступать танковый отряд Грецова. С ним взаимодействовала 2-я гвардейская кавдивизия. Она получила приказ продвигаться вперед, обходя населенные пункты, не ввязываясь в затяжные бои в деревнях, чтобы совместно с 1-й гвардейской кавдивизией окружить и уничтожить противника в Пятнице. Главный удар мы наносили на своем левом фланге, где обстановка складывалась для нас более благоприятно.

В нашем замысле была заложена идея двойного окружения пятницкой группировки вражеских войск. 1-я и 2-я гвардейские кавалерийские дивизии получили задачу охватить гитлеровцев с обоих флангов. 112-я танковая дивизия, 9-я танковая бригада и два отдельных танковых батальона должны были обойти группировку противника и создать внешнее кольцо окружения.

Не буду здесь вдаваться в оценку наших планов. Их, как говорят, проверила жизнь. Но с уверенностью могу сказать, что в 1-м гвардейском кавкорпусе были хорошие бойцы и командиры. Они и решили исход боя.

С 11 ноября корпус не знал отдыха. Марш сменялся боем, бой - маршем. Были забыты все нормы отдыха, ночлегов и дневок. Люди ели на ходу, спали урывками, как-нибудь и где-нибудь, по несколько дней не бывали в теплом помещении, хотя стояли довольно сильные морозы.

Мы, как и положено кавалеристам, вели маневренные бои, совершали перегруппировки, быстрые марши. Высшее командование подразумевало, что все это люди делают верхом. Но под Москвой нашим бойцам и командирам пришлось большей частью маршировать пешком, ведя усталых коней в поводу.

У нас было много лошадей, мобилизованных из народного хозяйства, не прошедших ни выездки, ни тренировки. Присылали к нам и малорослых лошадей, и слабый молодняк. Когда начались бои в районе Каширы, весь конский состав был совершенно измотан. Не выдерживали нагрузки даже те отличные кони, которые сохранились в корпусе еще с мирного времени.

Характерный случай произошел 28 ноября во 2-й гвардейской дивизии. 72-й кавалерийский полк прорвал оборону немцев в районе Булгакова. Сложилась выгодная обстановка для конной атаки. Противник деморализован, нужно не дать ему остановиться, ворваться на его плечах в село, уничтожить врага.

Полковник Осликовский приказал резервному 108-му полку ударить по гитлеровцам. Всадники двинулись вслед за отступающими немцами, нагоняя отставших. Громкое «ура», топот копыт, блеск клинков - все это произвело впечатление на противника, прибавило паники. Фашисты бежали, почти не сопротивляясь. Но, увы! Бежали они так быстро, что наши всадники не сумели догнать их.

Усталые, некованные лошади не способны были двигаться даже рысью, не говоря уже о галопе. Они едва переставляли ноги, а в полукилометре от Булгакова большинство лошадей совсем выдохлось. Конная атака захлебнулась. Командиры и бойцы начали спешиваться.

Немцы, воспользовавшись передышкой, попытались организовать оборону на окраине села. Кавалеристы ударили по врагу в пешем строю и захватили Булгаково.

В корпусе не хватало автотранспорта для доставки боеприпасов. Мало осталось тягачей для буксировки гаубиц. Моторы по мере возможности заменялись лошадьми. А когда иссякали силы лошадей, вся тяжесть доставки грузов ложилась на плечи людей.

Не выдерживала техника. Ломались, выходили из строя танки и автомашины. Не выдерживали кони, валившиеся с ног от изнеможения. Только наши замечательные люди с честью вынесли все невзгоды.

Не было времени для того, чтобы проводить митинги, собрания, беседы. Политработники шли во взводы, в эскадроны, вместе с красноармейцами и командирами участвовали в боях, увлекая бойцов своим примером.

«Товарищи! За нами Москва!», «Гвардейцы, вперед! Оправдаем свое высокое звание!» - вот два основных лозунга, которые политработники, коммунисты довели до сердца и сознания каждого солдата и командира. И люди глубоко осознали важность происходящих событий. Десятки, сотни подвигов свершались на поле боя.

Гвардейцы 11-го кавалерийского полка штурмовали деревню Верзилово, сильно укрепленную немцами. Несколько раз бойцы поднимались в атаку, но пулеметный и минометный огонь противника прижимал их к земле. Тогда командир послал в обход небольшой отряд. Семнадцать гвардейцев во главе с лейтенантом Трегубовичем скрытно зашли фашистам в тыл и ворвались в деревню. Красноармеец Ткачук, перебегая от дома к дому, уничтожил расчеты четырех станковых пулеметов. Фашисты начали выскакивать из укрытий. Гвардеец Яремчук хладнокровно расстреливал их. Он уничтожил двух офицеров и шестерых немецких солдат.

Один из своих пулеметов гитлеровцы установили на скирде соломы. Этот пулемет очень мешал нашим подразделениям. Чтобы подавить его, лейтенант Трегубович ракетами вызвал огонь артиллерии.

Местные жители указали Трегубовичу, где находится штаб вражеского батальона. Под прикрытием начавшейся метели гвардейцы незаметно окружили дом, перерезали провода. В окно полетели гранаты. Немецкие офицеры выбегали из дома и попадали под огонь автоматчиков. Штаб батальона был уничтожен. В помещении, которое он занимал, наши, бойцы захватили оперативные документы, карты, радиостанцию. Трофеи тотчас были

отправлены командиру полка.

Взвод Трегубовича отвлек на себя значительную часть вражеских сил, оборонявших деревню. Немцы с трех сторон окружили гвардейцев. Их положение с каждой минутой ухудшалось. Было убито и ранено несколько бойцов. Тяжелое ранение получил и сам Трегубович. О раненых позаботились жители. Клавдия Андреевна Сухова оказала первую помощь лейтенанту Трегубовичу и укрыла его в доме.

Между тем командир 11-го кавалерийского полка, увидев, что в Верзилове поднялся переполох, послал красноармейца Баранова к командиру эскадрона с приказом немедленно перейти в атаку. Гитлеровцы заметили пробиравшегося по полю связного, открыли сильный огонь из пулеметов и минометов. Но Баранов понимал: если он спрячется и будет пережидать, пока огонь прекратится, пройдет драгоценное время и будет упущен выгодный момент. Рискуя жизнью, Баранов бросился вперед и доставил приказ.

Эскадрон поднялся в атаку. Вот уже совсем недалеко окраина деревни. Но в это время с фланга ударил гитлеровский пулемет. Упали несколько бойцов. Рухнул на землю командир взвода. Еще секунда, другая - и атака сорвется.

- Гвардейцы! За мной! - крикнул рядовой Маркунян и первым побежал к деревне. Красноармейцы устремились за ним, ворвались в крайние избы. Фашисты были выбиты из Верзилова.

Упорный бой разгорелся в этот день за деревню Умрыщенки. Батальон вражеской пехоты при поддержке десяти танков контратаковал наши части. 1313-й стрелковый полк отбил контратаку. Московские ополченцы встретили гитлеровцев дружным огнем, отбросили в сторону деревни Елькино и сами перешли в атаку. А в это время в наступление на Умрыщенки пошел 96-й кавалерийский полк.

Ближе других продвинулся к деревне спешенный эскадрон старшего лейтенанта Погорелова. Гвардейцы залегли в трехстах метрах от крайних домов. Фашисты вели такой сильный огонь, что поднимать эскадрон в атаку было невозможно.

Старший лейтенант позвал к себе Михаила Богера, опытного и смелого бойца:

- Пулеметы видишь?

- Вижу три штуки.

- Надо их снять.

- Попробую.

- Один пойдешь?

- Одному сподручней, - улыбнулся Богер.

Гвардеец взял десяток гранат и пополз к домам, маскируясь в кустах. Вскоре он исчез из виду. Прошло томительных полчаса. Немцы продолжали вести сильный огонь. Старший лейтенант подумал, что Богер погиб и нужно послать в обход группу бойцов. Но вдруг в деревне раздались взрывы. Один за другим. Это действовал Богер. Проникнув в деревню, он взял на заметку шесть домов: в трех стояли пулеметы, из остальных немцы вели ружейный и автоматный огонь. Богер вскочил с земли и побежал от дома к дому, бросая гранаты в окна. Шесть огневых точек вывел из строя отважный боец. Старший лейтенант Погорелов поднял в атаку эскадрон. Его поддержали соседние эскадроны.

Овладев деревней Умрыщенки, 96-й и 160-й кавалерийские полки завязали наконец бой на северной окраине Пятницы. Немцы обрушили на кавалеристов сотни снарядов. С нашей стороны ударили «катюши», занявшие позиции на базарной площади в Кашире. Противник бросил против нас авиацию. Не успевала отбомбиться одна группа самолетов, как на горизонте уже появлялась другая. Над полем боя стоял непрерывный грохот и треск. Горели дома, горели подбитые машины. Морозный ветер медленно относил в сторону клубы дыма.

На наблюдательный пункт позвонил начальник политотдела корпуса батальонный комиссар Милославский.

- Товарищ генерал, прошу вас приехать в Ступино. Комиссар чувствует себя очень плохо, а от госпитализации отказывается.

Щелаковский был болен уже несколько дней. Горячий, порывистый человек, он

стремился всегда сам побывать на трудных участках. Он не привык сидеть на одном месте и теперь тяжело переживал, что болезнь почек приковала его к постели. Щелаковский надеялся скоро встать на ноги, но, вопреки ожиданиям, здоровье его ухудшилось.

Когда я приехал в Ступино, Алексей Варфоломеевич лежал на топчане, укрытый шинелями. Губы его запеклись, лицо осунулось, побледнело. Он старался скрыть от меня боль, но приступы бывали такие сильные, что он вздрагивал, судорожно стискивал кулаки.

- Ничего, Павел Алексеевич, - сказал он, пытаюсь улыбнуться. - Скоро пройдет... Вы уж извините, не вовремя я свалился.

Пришлось отправить его на лечение в Москву. Вот и случилось, что в разгар сражения остался я без самых близких и испытанных помощников: комиссара увезли в госпиталь, начальник штаба возглавлял танковый отряд на левом фланге.

Мне пришлось задержаться на командном пункте, чтобы решить множество накопившихся вопросов. Начальник оперативного отдела майор Шреер доложил, как продвигаются наши войска, спросил, какие меры принять, чтобы 9-я танковая бригада подтянулась наконец к передовой. Полковник Сакунов сообщил: удалось достать десять тысяч подков - часть привезли из Москвы, остальные изготовили в Ступине. Он спрашивал, скоро ли будет передышка, чтобы организовать ковку коней.

- Передышки не ждите, - ответил я.

- Но на каждого коновода приходится по три лошади...

- Знаю. Однако начинайте ковать сейчас же.

Начальник 5-го отдела капитан Оганесян просил указать, где разместить боеприпасы. Подполковнику Фролову требовалось уточнить, куда направлять прибывающее пополнение. Все это были нужные, важные вопросы, но они отвлекали меня от непосредственного управления боем.

Части корпуса действовали на большом пространстве, на значительном удалении друг от друга. При таких условиях необходимо было особенно внимательно следить за обстановкой и успевать давать нужные распоряжения, предусматривая дальнейший ход операции. Все это удобнее делать в Кашире. Я вызвал машину и поспешил на свой наблюдательный пункт.

Захватив несколько населенных пунктов, 1-я гвардейская кавалерийская дивизия к исходу дня завязала бои на окраине деревни Пятница. Несколько медленнее продвигалась 2-я гвардейская кавалерийская дивизия. Немцы, почувствовав угрозу окружения, бросили против нее довольно крупные силы пехоты и танков. Дивизия с трудом отражала танковые контратаки. Дело осложнялось тем, что треть ее артиллерии застряла на дорогах: ослабевшие лошади не могли везти орудия.

В тот день, 28 ноября, особенно отличились танкисты сводного отряда полковника Грецова. Отряд, пополнившийся за счет подтянувшихся танков, насчитывал двадцать две боевые машины: семь Т-34 и пятнадцать Т-60. В состав его входил и мотострелковый батальон 9-й танковой бригады.

Отряд начал наступление в середине дня. Неожиданно для противника танки ворвались в населенные пункты Наумовское и Барабаново, перерезали дорогу между Пятницей и Мордвесом, являвшуюся главной коммуникацией немцев. Гитлеровцы, занимавшие пятницкий узел сопротивления, оказались в окружении.

Зная общий замысел операции, полковник Грецов не остановился и двинул отряд из Барабанова на Жижелну, в тыл 4-й танковой дивизии противника, ведшей бой с нашей 112-й танковой дивизией. У немцев поднялся переполох. Они срочно стали снимать части с передовой, чтобы повернуть их против отряда Грецова. Воспользовавшись ослаблением боевых порядков противника, 112-я танковая дивизия выбила гитлеровцев из села Тепловка и начала развивать наступление на Жижелну, навстречу отряду Грецова.

Фашисты, обеспокоенные таким оборотом дела, бросили против наших танков свою авиацию. Самолеты прилетали группами по пятнадцать - двадцать единиц, сбрасывали бомбы, обстреливали наши боевые машины из пушек. А я не имел возможности помочь

танкистам с воздуха. Авиационная бригада, поддерживавшая действия корпуса, имела совсем мало самолетов и не способна была сорвать воздушные атаки врага.

Гитлеровцы быстро сосредоточили полк мотопехоты, подтянули до сорока танков и штурмовых орудий и нанесли удар по Барабанову, в тыл отряду Грецова. Им удалось захватить это село, но продержались они в нем недолго. С востока на них давила 2-я кавалерийская дивизия. Полковник Грецов, повернув свой отряд, ударил с запада. Барабаново вновь оказалось в наших руках.

Но выполнить задачу до конца в этот трудный день нам все же не удалось. Не хватало сил. Две стрелковые бригады, которые обещал Верховный Главнокомандующий, так и не пришли. Я ничего не слышал больше о них. 9-я танковая бригада все еще не могла собрать свои танки, отставшие на дорогах между Подольском, Коломной и Зарайском. Да и те машины, которые удалось стянуть в одно место, не переправились через реку Осетр.

А танки нам так были нужны! Они развили бы и закрепили успех, достигнутый отрядом Грецова, помогли бы нашим спешенным кавалеристам отражать танковые атаки немцев.

Противник однако понес значительные потери, был частично деморализован. Главное теперь - не дать ему опомниться, привести в порядок потрепанные подразделения, подтянуть резервы. Я решил продолжать наступление и ночью. Темнота мешала гитлеровцам использовать артиллерию, пулеметы и минометы столь же эффективно, как днем. Это неизбежно снижало их огневое превосходство. Кроме того, противник уклонялся от ближнего боя, а ночью легче подобраться к его позициям.

На этот раз нам очень помогли недавно полученные автоматы. Для штурма Пятницы 1-я гвардейская кавалерийская дивизия выделила три эскадрона автоматчиков, усилив эти эскадроны ручными пулеметами. Бойцы получили по несколько ручных гранат и достаточное количество патронов. В тех условиях это была своего рода роскошь: мы постоянно испытывали недостаток в боеприпасах и зачастую экономили даже патроны.

Под покровом темноты эскадроны автоматчиков с трех сторон незаметно приблизились к окраине деревни. По команде разом затрещали сотни автоматов. Немцы были ошеломлены. Ворвавшись в деревню, гвардейцы забрасывали гранатами дома, в которых укрылись фашисты. Гитлеровцы выскакивали на улицу. Вспыхивали ожесточенные рукопашные схватки.

Одним из первых проникший в деревню комсомолец Федор Килочка оказался в самом центре вражеского расположения. Он выбрал удобную позицию и, открыв огонь из ручного пулемета, уничтожил оружейный расчет и более десятка вражеских солдат. Но и сам пулеметчик был ранен. Пулемет замолчал. Гитлеровцы подбежали к Федору, намереваясь добить. Один из фашистов уже поднял винтовку со штыком. Но в эту секунду раздалась очередь из автомата. Фашист замялся рядом с пулеметчиком. Это на выручку Федору подоспели его товарищи. Потерявшего сознание гвардейца вынесли с поля боя.

Немцы, отстреливаясь, отходили к центру деревни. Сосредоточившись там, они попытались пробиться на юг, в сторону Мордвеса. Но не многим из них удалось уйти живыми. Часть фашистов была убита, часть взята в плен.

В небольшой деревушке гитлеровцы оставили около семисот трупов и десять танков.

Выбив противника из Пятницы, наши гвардейцы, охваченные боевым порывом, продолжали преследовать его. Продвинувшись дальше на юг, за ночь части корпуса овладели населенными пунктами Стародуб и Тимирязеве. Танковый отряд полковника Грецова установил в районе Жижелны непосредственную связь с подразделениями 112-й танковой дивизии.

Рано утром генерал-майор Баранов и полковник Осликовский доложили мне об итогах ночного боя. Прошло ровно трое суток с того времени, как мы пришли в Каширу. Положение города казалось тогда почти безнадежным. Сейчас я имел все основания поздравить командиров дивизий с победой.

В те дни начальник генерального штаба сухопутных войск гитлеровской Германии

генерал Гальдер записывал в своем служебном дневнике:

«28 ноября 1941 г. обнаружены переброски войск с севера под Тулу. Русские предприняли сильную контратаку из района Каширы.

29 ноября 1941 г. перед 2-й танковой армией отмечено усиление сопротивления противника в районе Каширы. В этом районе наши авангарды (17-я танковая дивизия) вынуждены были отойти...»

1-й гвардейский кавалерийский корпус выполнил боевой приказ. Гитлеровские войска потерпели под Каширой поражение, нависшая над городом угроза миновала. Фашистам не удалось замкнуть «большие клещи» вокруг нашей, столицы.

Но все мы понимали, что это только начало. Перед нами стоял опытный враг. Мы не имели превосходства над ним в силах и средствах.

Машины остаются на дорогах

13 конце ноября и в первых числах декабря общая обстановка под Москвой продолжала оставаться напряженной. Немцы на ряде участков продвигались вперед. Они были убеждены, что через несколько дней захватят советскую столицу. Их генералы уже хвастались, что могут разглядеть город в бинокль.

25 ноября советские войска оставили Солнечногорск. Через трое суток в районе Яхромы гитлеровцы форсировали канал Москва - Волга. А на южном крыле Западного фронта немцы после поражения под Каширой перешли в наступление против нашей 49-й армии, пытаясь замкнуть с севера кольцо окружения вокруг Тулы. Еще южнее, на елецком направлении, 2-я танковая и 2-я полевая армии противника продолжали двигаться вперед вплоть до 4 декабря.

На центральном участке гитлеровцам удалось 1 декабря прорвать оборону наших войск под Наро-Фоминском. Танки и мотопехота врага устремились по шоссе на Кубинку во фланг нашей 5-й армии, но были задержаны частями, выдвинутыми из резерва.

Чтобы окончательно остановить врага и создать благоприятные условия для перехода в контрнаступление, советское командование перебросило под Москву крупные стратегические резервы. На разных участках фронта по вырвавшимся вперед фашистским дивизиям было нанесено несколько контрударов. 1-я ударная армия генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова 29-30 ноября атаковала немецкие войска, переправившиеся через канал Москва - Волга, и отбросила их на левый берег.

Контрударами удалось разбить передовые отряды противника, определить состав сил и нащупать слабые места в его боевых порядках.

Особенно важным представляется мне моральное значение этих контрударов. Война продолжалась уже более пяти месяцев, и все это время мы отходили в глубь страны. Некоторые бойцы и командиры начали считать отступление неизбежным. Если, мол, и будет удача, то временная, а потом опять придется отходить. Были командиры, которые, получив приказ о контрударе, не спешили выполнять его, действовали вяло, полагая, что, если вырвешься сильно вперед, труднее будет отходить назад и немудрено попасть в окружение.

А фашистские офицеры привыкли к мысли, что никакой противник не выдержит их атаки. Они не беспокоились о тыле и флангах, будучи уверены, что, как бы далеко ни ушли они вперед, их вскоре нагонят свои войска.

Контрудары наших войск под Москвой укрепили веру красноармейцев и командиров в успех борьбы, помогли преодолеть инерцию отступления. Эти же контрудары поубавили у фашистов спеси. Красная Армия дала гитлеровцам несколько хороших уроков на поле боя. Но противник все еще действовал самоуверенно и нагло.

Потерпев поражение в районе Каширы, немецкие войска начали отходить к Мордвесу, прикрываясь сильными арьергардами. Утром 29 ноября передо мной встал вопрос, что делать дальше: броситься вслед за немцами или дать возможность хоть немного отдохнуть своим частям, чтобы новый удар получился более сильным. Я выбрал последнее. Войскам

дал приказ сосредоточиться в указанных им пунктах и приготовиться к дальнейшему наступлению. Срок - одни сутки.

Пока войска отдыхали, разведывательные и передовые отряды преследовали фашистов, не теряя с ними соприкосновения, собирали сведения о противнике, держали его в постоянном напряжении.

Сводный танковый отряд выполнил свою задачу. Я отозвал Грецова в штаб. Михаил Дмитриевич вернулся веселый и довольный. Ему редко приходилось непосредственно руководить боевыми действиями. На этот раз он успешно провел важный бой, добился хороших результатов и имел все основания радоваться. Большой любитель штабной работы, он, как мне показалось, без особого энтузиазма взялся опять за бумаги и карты. Я познакомил его с обстановкой, предложил разработать план преследования противника.

В этот день особенно много пришлось потрудиться штабникам и интендантам. Составлялись отчеты, подсчитывались потери. В полки вливались отставшие на марше люди, отставшая техника. Подвозились и распределялись патроны, снаряды, продукты. Во многих эскадронах ковали коней.

На марше и в бою люди питались большей частью всухомятку. Сухари, колбаса или консервы - вот и весь рацион. Даже кипятком погреться удавалось не всегда и не всем. Теперь было приказано обеспечить бойцов горячей пищей. Но усталые люди прежде всего хотели спать. Они набивались в уцелевшие избы, устраивались в сараях и на сеновалах.

- Какая у нас на сегодня задача? - говорил политработникам батальонный комиссар Милославский, исполнявший обязанности комиссара корпуса. - Мы должны проследить, чтобы все красноармейцы были сыты и имели курево. Чтобы выспались в тепле. Чтобы привели в порядок коней и оружие... Еще вот что. Пойдете в эскадроны - возьмите с собой бумагу и карандаши. Людям некогда было письма писать, а сейчас есть такая возможность...

Политработники разъехались по частям, с ними и Милославский.

Еще утром я отправил в штаб Западного фронта боевое донесение, в котором изложил свои соображения о дальнейших действиях. Ближайшей задачей корпуса я считал захват Мордвеса и уничтожение венеvской группировки противника. Корпус должен был наступать строго на юг, имея ударные танковые группировки на обоих флангах и подвижный резерв за центром.

В ответ я получил распоряжение: наступать одной кавалерийской дивизией на Мордвес, а другую иметь в резерве и приводить ее в порядок; 173-ю стрелковую дивизию вывести из Каширы и использовать для боя в районе Мордвеса; 112-я танковая дивизия подчинялась мне с задачей вести параллельное преследование на правом фланге в направлении Михайловское, Ушакове; 9-я танковая бригада должна использоваться для параллельного преследования слева, то есть с востока.

Распоряжение командующего фронтом совпадало с моими наметками. Только командующий требовал привести в порядок одну кавалерийскую дивизию, а мы к утру 30 ноября сумели привести в порядок обе. Я приказал 2-й гвардейской кавалерийской дивизии выступить для преследования противника вместе с 9-й танковой бригадой. Таким образом, мы опять имели на своем левом фланге ударный кулак, позволявший нам не только охватывать противника, но и обходить его.

В штабе корпуса была закончена разработка приказа, в котором войскам ставились новые задачи. Ночью, когда приказ был подписан и отправлен в части, работники штаба тоже получили наконец возможность отдохнуть.

Полковник Грецов, я и только что возвратившийся из поездки в части комиссар Милославский собрались поужинать.

Грецов выложил на стол пачку писем и телеграмм. Это были поздравления, присланные по случаю присвоения корпусу гвардейского звания. Михаил Дмитриевич читал их вслух. Потом, придвинув к себе стакан чаю, сказал:

- Вы обратили внимание, что особенно много поздравлений поступает во вторую гвардейскую дивизию? Чем объяснить такую популярность Осликовского?

- А кто поздравляет его? - спросил я.
- Киностудия, журналисты, режиссеры.
- Все ясно, Михаил Дмитриевич!

Мы посмеялись и решили поскорей отправить поздравления полковнику Осликовскому.

- Ну а как бойцы отдыхают? - спросил я Милославского. - Писем много написали?

- Мешки! - ответил комиссар. - Мешками носили. Пришлось дополнительно грузовик выделять... И отдохнули неплохо... Зашел я в одну хату, а там храп такой стоит, что стены трясутся. Хозяйка шутит: «Товарищ начальник, они же так дом разрушат, что я делать буду?»

А сама радуется, что немцев выгнали. На целый взвод портянки постирала, пуговицы всем пришила, пока спали... В общем, товарищ генерал, наши бойцы и воюют и спят по-гвардейски. Неплохо бы и нам у них поучиться.

Как-то в самом начале войны к нам приехал корреспондент одной из центральных газет. Видимо, он слабо разбирался в тактике и представлял себе бой приблизительно таким, каким описывали его лет двадцать назад. В наших повседневных фронтовых буднях корреспондент не нашел чего-либо особенно интересного. Он искал сенсационное, необычное. В результате появился очерк, в котором восторженно описывалась конная атака одного из наших подразделений по железнодорожному мосту через Прут. Эффектный был очерк, но... совершенно неправдоподобный. Хотел бы я посмотреть, как проскакал бы автор очерка галопом по шпалам! Через железнодорожный мост даже шагом проехать невозможно, конь сразу поломает ноги.

Вспоминается и другой случай. В декабре сорок первого года в печати появился снимок с подписью: «Конная атака конногвардейцев генерала Белова». На нем были изображены всадники, которые во всю прыть неслись на врага, размахивая клинками. У меня сразу возник вопрос: как фотокорреспондент ухитрился снять мчавшуюся на него конную лавину? Для этого надо было оказаться вместе с немцами, которых атаковали гвардейцы. Фальшь была явная. В погоне за эффектным материалом фотокорреспондент, скорее всего, попросил изобразить для него конную атаку вдали от поля боя. А какой-нибудь командир полка, посмеиваясь в душе, выделил для этой цели эскадрон.

Дело, разумеется, не в том, что один или несколько корреспондентов оказались далекими от действительности. Я хочу подчеркнуть другое: многие люди имели, а некоторые имеют и до сих пор, совершенно неправильное представление о боевых действиях конницы в годы Великой Отечественной войны.

Огневая мощь воюющих сторон выросла к тому времени настолько, что атаки в конном строю стали анахронизмом. Они применялись разве только во время преследования деморализованного противника или для нанесения неожиданных стремительных ударов, если складывалась очень уж благоприятная обстановка. А как правило, кавалеристы воевали в пешем строю. Но это не означает, что конница в тех условиях потеряла все свои преимущества. Благодаря подвижности, маневренности кавалерия с успехом использовалась для решения ряда важных задач. Конные полки можно было быстро перебрасывать с одного участка фронта на другой. Они использовались для охватов и обходов, для рейдов по вражеским тылам.

Фашисты не успевали организовать сопротивление и начинали отступать. В декабре их отступление порой превращалось в паническое бегство.

Бои чаще всего развивались так. Часть сил кавалерийской дивизии сковывала противника с фронта, тем временем один или два полка обходили фашистов и наносили им удар с фланга или с тыла. Успех такого боя решали быстрота и неожиданность. Полк начинал движение в конном строю. Сабельные эскадроны рысью двигались по лесу, по кустарнику или за возвышенностью, укрывающей всадников от вражеских наблюдателей, станковые пулеметы перевозились на тачанках, запряженных четверками лошадей. Минометы и орудия на конной тяге тоже следовали с полком. Достигнув намеченного

рубежа, полк спешил и разворачивался в боевой порядок. Если позволяли условия, полк даже развертывание производил для быстроты в конном строю, а потом уже спешил. Коноводы, из расчета один на три лошади, уводили коней в укрытия.

Если возникала необходимость, командир полка сажал на коней эскадрон и посылал его дальше в тыл противника, чтобы нащупать там слабое место и нанести дополнительный удар. Внезапное наступление одного эскадрона с тыла приносило обычно больше успеха, чем методическое наступление целого полка с фронта.

Противник со своей техникой был привязан к дорогам. А мы действовали без дорог - по полям, через леса, наносили удары неожиданно для фашистов.

Такой бой был, как правило, весьма скоротечным. Чтобы без промедления поддержать стремительную атаку сабельных эскадронов, наши артиллеристы, если имели свежих лошадей, галопом выезжали к намеченному рубежу, с ходу занимали открытые огневые позиции и начинали бить по врагу прямой наводкой. Не менее отважно действовали и станковые пулеметчики. Тачанки вылетали на позиции полевым галопом, а иногда даже на карьере. Ездовые поворачивали тачанки, а пулеметчики открывали огонь.

Под прикрытием артиллерии и пулеметов спешенные кавалеристы быстро двигались вперед, стреляя из винтовок, автоматов.

Только тогда, когда противник имел сплошной фронт и упорно сопротивлялся, приходилось производить лобовую атаку. Мы очень редко располагали танками непосредственной поддержки. Минометов и артиллерии у нас было меньше, чем у фашистов. Поэтому спешенные эскадроны стремились как можно быстрее сблизиться с противником, чтобы лишить его огневого преимущества. Граната, огонь в упор, на прямой выстрел, - всем этим наши бойцы и командиры владели отлично. Немцы боялись ближнего боя со спешенными кавалеристами и всячески избегали его.

Мы предпочитали действовать по ночам, когда гитлеровская авиация отсиживалась на аэродромах, а фашистские артиллеристы и минометчики не могли вести точный огонь. Да и танкисты противника побаивались темноты. Ночь как бы уравнивала силы обеих сторон, уменьшая огневое и техническое превосходство врага.

Наступление на Мордвес мы начали 30 ноября после небольшой артиллерийской подготовки. Части корпуса сразу же наткнулись на сильное сопротивление фашистов. Сплошного фронта не было, но немцы упорно оборонялись в деревнях, превратив их в опорные пункты с минными полями, проволочными заграждениями, врытыми в землю танками. Поэтому мы отказались от фронтальных атак, которые обычно приводят к большим и неоправданным потерям.

Первые сутки наступления под Мордвесом не принесли нам значительного успеха. На правом фланге немцы контратаковали пехотой и танками 112-ю танковую дивизию полковника Гетмана. Она нанесла противнику значительный урон, уничтожила десять боевых машин и даже два самолета, но продвинуться вперед почти не смогла. Осталась на месте и 1-я гвардейская кавалерийская дивизия, против которой оборонялся пехотный полк, усиленный пятьюдесятью танками и штурмовыми орудиями. Генерал Баранов вовсе не имел танков. Да и артиллерии у него было маловато.

Более удачно действовала 2-я гвардейская кавалерийская дивизия, наступавшая вместе с 9-й танковой бригадой и двумя отдельными танковыми батальонами. Она вышла к селу Малое Ильинское и вела разведку на Серебряные Пруды, откуда выдвигалась 29-я моторизованная дивизия гитлеровцев.

Напряженные схватки продолжались и 1 декабря. Ни в центре, ни на правом фланге мы не смогли значительно продвинуться вперед. Сопротивление врага не только не ослабевало, но усиливалось за счет войск, подходивших с других участков. Зато на нашем левом фланге, в полосе 2-й гвардейской кавдивизии, благодаря тесному взаимодействию кавалеристов с танкистами наметился явный успех. Полковник Осликовский приказал посадить на танки 9-й танковой бригады десант из спешенных кавалеристов. Десант захватил несколько населенных пунктов и помог дивизии сломить сопротивление врага. К исходу дня гвардейцы

вместе с танкистами освободили ряд деревень, обошли Мордвес с востока и отрезали гитлеровцам пути отхода на юг.

Мы знали, что немцы очень болезненно реагируют на обходы, на удары по коммуникациям. Они либо предпринимают отчаянные контратаки, либо спешат вывести свои войска из угрожаемого района. Успех, достигнутый полковником Осликовским, позволял надеяться на освобождение Мордвеса в самое ближайшее время. Однако случилось так, что здесь нам пришлось вести ожесточенные бои еще несколько суток.

Ни огромные потери фашистов, ни наши контрудары, в ряде мест отбросившие гитлеровцев назад, не отрезвили немцев. Они упорно лезли к нашей столице. Правда, командование группы армий «Центр» уже отказалось от окружения Москвы. Войскам было приказано захватить Москву, наступая кратчайшим путем.

Командующий 2-й танковой армией генерал-полковник Гудериан бросил новые силы против нашей оперативной группы. Одновременно он предпринял решительное наступление, чтобы завершить наконец окружение Тулы и овладеть ею. С востока город обходили 3-я и 4-я танковые дивизии 24-го танкового корпуса, с северо-запада - 43-й армейский корпус противника. Эти войска должны были встретиться в районе населенного пункта Кострово, в двадцати пяти километрах от города, на шоссе Тула - Москва и замкнуть кольцо вокруг 50-й советской армии.

Выйдя утром 30 декабря к селу Севрюково (в пятнадцати километрах северо-западнее Тулы), немцы вели наступление на Кострово. Войска 50-й армии генерала Болдина, оборонявшие Тулу, с трудом сдерживали противника, а на некоторых участках отходили. Наш корпус продолжал в это время теснить немцев в районе Мордвеса, угрожая тем самым флангу и тылу вражеской группировки, намеревавшейся окружить Тулу.

Немцы сознавали, какая опасность нависла над их правым флангом. Гудериан стремился остановить продвижение 1-го гвардейского кавалерийского корпуса и отбросить его назад. Для этого он значительно усилил свои войска в районе Мордвеса. Против нас продолжали действовать остатки 17-й танковой дивизии и моторизованного полка СС, разбитые под Каширой. На помощь им подошли 167-я пехотная и 29-я моторизованная дивизии противника.

А моя оперативная группа не только не усилилась, но была значительно ослаблена. С утра 3 декабря 112-я танковая дивизия и 35-й отдельный танковый батальон перестали тактически взаимодействовать с 1-м гвардейским кавкорпусом. Подчиненные теперь только командующему 49-й армией, они получили задачу наступать на юго-запад. Жаль было расставаться с танкистами, но зато корпус получил свободу действий, перестал зависеть от генерала Захаркина.

Вместо 112-й танковой дивизии на правый фланг моей группы войск вышла из-под Каширы 173-я стрелковая дивизия, имевшая всего около трех тысяч человек. Я поставил ей задачу наступать на Гритчине, Оленьково, охватывая Мордвес с северо-запада. А тут получил приказ начальника штаба Западного фронта прикрыть Зарайск, которому якобы угрожают мотопехота и танки противника. По моему мнению, никакой угрозы Зарайску уже не существовало. Он являлся тыловым городом. Инициатива на этом участке находилась в наших руках. Однако во исполнение приказа пришлось 5-й кавалерийский полк 2-й гвардейской дивизии перебросить в Зарайск. Он занял там оборону и простоял несколько дней.

У меня остались две ослабленные потерями кавалерийские дивизии, 173-я стрелковая дивизия, укомплектованная меньше чем наполовину, и 9-я танковая бригада, насчитывавшая около двадцати боевых машин. С этими силами о быстром разгроме противника, который имел три дивизии, в том числе одну танковую и одну моторизованную, теперь нечего было и думать. Части вверенной мне группы продвигались вперед медленно, с тяжелыми боями. Все же постепенно мы все глубже охватывали Мордвес с юго-востока и северо-запада.

Интересно, что после войны немецкие генералы пытались оправдать свое поражение под Москвой плохой погодой и численным превосходством советских войск. Но погода была

тогда одинаковой и для нас и для немцев. Фашисты, как обороняющаяся сторона, имели в этом смысле даже ряд преимуществ: они сидели в населенных пунктах, стреляя из окон и подвалов, спали в домах, имея возможность согреться. Отступая, немцы сжигали деревни. И наши красноармейцы и командиры по несколько суток оставались на морозе, в открытом поле.

Данные о соотношении сил под Москвой были опубликованы, я не стану повторять их. Скажу о своем участке. По численному составу силы сторон во время боев под Мордвесом были примерно равны. Но гитлеровцы превосходили нас по количеству орудий и минометов, имели гораздо больше танков. И все-таки наступали и удерживали инициативу в своих руках мы.

В этом и проявились высокие моральные качества наших войск.

Вспоминается такой случай. Командир взвода Марков обратился к командиру конноартиллерийского дивизиона:

- Разрешите мне освободить деревню Большие Вязы. Я родом из этой деревни, там у меня остались родные, жена. Захватчу неожиданно, чтобы фашисты не успели людей побить и дома пожечь.

Командир достал карту. Деревня находилась несколько в стороне от полосы нашего наступления. Но случай был такой, что командиру пришлось дать согласие.

Марков отобрал десять добровольцев, посадил их на сани и тронулся в путь. Ехали ночью, в кромешной мгле. Метель занесла дорогу. Но Марков хорошо знал местность и привел свой отряд к одному из крайних домов деревни. Он постучал в знакомую дверь.

- Кто там? - раздался настороженный голос.

Марков назвал себя. Обрадовавшиеся земляку хозяева впустили бойцов в хату и рассказали о том, сколько вражеских сил в деревне и как они размещены.

Немецкий гарнизон насчитывал тридцать - сорок человек, которые расположились на ночлег в нескольких избах. Проще всего было забросать спящих гитлеровцев гранатами через окна. Но тогда погибнут и мирные жители, начнутся пожары.

- Будем бить гадов на улице! - решил Марков. Между тем хозяйка дома тайком сходила в ближние избы, привела несколько мужчин и парней, остававшихся в деревне. Они вызвались помочь отряду. За неимением винтовок вооружились вилами и топорами.

На себя командир взвода взял самую трудную задачу. Вместе с одним из бойцов он снял немецкого часового и ворвался в дом, где находился немецкий офицер. Фашисты спали на печке и на кровати. Гвардейцы подняли автоматы. Раздалось несколько коротких очередей, и все было кончено. Спавшие не проснулись.

Из соседних домов начали выскакивать разбуженные стрельбой немцы. Выбегали полуодетые, не понимая, в чем дело. Гвардейцы поджидали их у дверей и расстреливали.

Более двух десятков фашистов уничтожили наши бойцы. Остальные, пользуясь темнотой и метелью, бежали. Все закончилось так удачно, что в отряде Маркова не было потерь, если не считать двух легко раненных красноармейцев. Гитлеровцам так и не удалось уничтожить деревню. Марков ненадолго забежал домой, обнял родных, поговорил с ними и отправился догонять бежавших немцев.

Много стариков и подростков стали просить Маркова принять их в отряд. Марков дал им трофейное оружие, разбил на отделения. Отряд вырос в несколько раз. Конечно, новые бойцы не имели военной подготовки, но они испытали на себе все прелести немецкой оккупации, горели ненавистью к захватчикам.

Этой же ночью отряд Маркова неожиданной атакой с тыла разгромил фашистский гарнизон в соседней деревне. Были уничтожены и те немцы, которым сначала удалось бежать из Больших Вязов. Отряд закрепился в освобожденной деревне и удержал ее до подхода советских войск.

Обстановка под Тулой изменялась в нашу пользу. Гудериану так и не удалось окружить героический город. 50-я армия отразила вражеское наступление и удержала Тулу. Этому способствовали и активные действия 1-го гвардейского кавкорпуса, сковавшего, а потом

разгромившего крупные силы противника. Гудериан вынужден был подписать приказ об отходе. Вот что говорит он об этом в своей книге «Воспоминания солдата»: «...Я в ночь с 5 на 6 декабря, впервые с начала этой войны, решил прекратить это изолированное наступление и отвести далеко выдвинутые вперед части на линию: верхнее течение р. Дон, р. Шат, р. Упа, где и занять оборону. За все время войны я не принимал ни одного решения с таким трудом».

К тому времени, о котором пишет Гудериан, его танкисты были уже отброшены нами от Каширы на двадцать пять - тридцать километров. Кстати сказать, противнику не удалось задержаться на намеченном рубеже. Конногвардейцы вместе с другими советскими войсками погнало гитлеровцев дальше.

На нашем участке бои не прекращались ни днем ни ночью. Особенно высокого напряжения они достигли после того, как 50-я армия отбросила в район Венева 3-ю и 4-ю танковые дивизии противника, ранее наступавшие на Тулу. Теперь эти дивизии оказались перед нашим корпусом.

Стояли сильные морозы. Бушевала метель, заноса снегом дороги. А наши части, невзирая на стужу, почти не имея отдыха, продолжали продвигаться вперед. На карте видно было, как все ту же затягивается петля вокруг фашистской группировки в районе Мордвеса. Чувствовалось: вот-вот немцы не выдержат.

Перелом наступил 5-6 декабря. К вечеру 6 декабря 2-я гвардейская кавалерийская дивизия и 9-я танковая бригада перерезали дорогу, ведущую из Мордвеса в Венев. Это был единственный тракт, связывавший противника с его тылом.

Немцы, боясь полного окружения, только начали отходить на юг, как наши части встали у них на пути. У фашистов поднялась паника. Бросая технику, они убегали по проселкам, заметенным сугробами. Танкисты и мотопехота, проехавшие на машинах половину Европы, удирали теперь пешком.

В ночь на 7 декабря наши войска с трех сторон ворвались в Мордвес. Кавалерийские эскадроны в конном строю стремительно преследовали убегающего противника.

Вездеход с трудом двигался по дороге. На возвышенностях дорога, обдута ветрами, обледенела, а в низинах ее совсем завалило снегом. Машина то буксовала, то упиралась носом в сугроб. Стояла светлая холодная ночь. Мороз перевалил за двадцать градусов. Из ртов вырывался пар. Воротники и шапки бойцов покрылись густым инеем.

Мы ехали по тому пути, по которому отступали немцы. Повсюду видны были следы их поспешного бегства. Стояли артиллерийские орудия. Горками высились ящики со снарядами. Возле дороги - кладбище разбитых, сгоревших автомашин, танков и мотоциклов. Там и тут чернели присыпанные снегом трупы. Чем ближе к Мордвесу, тем больше брошенной техники.

Навстречу шли колонны пленных. Да, это были совсем не те немцы, с которыми мы воевали летом. Исчезла их наглость и самоуверенность. Послушно брели они в тыл, усталые, равнодушные ко всему, думающие только о спасении. Смешно и противно было смотреть на этих вояк, повязавшихся бабьими платками, обутых и одетых, наверно, столь же «живописно», как французы, убегавшие от Москвы в 1812 году. На одном гитлеровце - драный полушубок, на другом - красноармейская шинель без хлястика, на третьем - женское пальто, подпоясанное веревкой.

Я подозвал конвоира, спросил, из какой дивизии пленные.

- Из двадцать девятой, товарищ генерал! - весело и бойко ответил мне сержант. - Моторизованные мешочники.

Рослый, широкоплечий сержант сидел на гнедом коне, шутил без улыбки, а в глазах прыгали веселые чертики - того гляди засмеется. Одет он был легко и добротно. Валенки, стеганые штаны, на груди автомат. Сержант, кажется, не чувствовал холода: шапка была сдвинута на затылок.

- Давно воюете? - поинтересовался я.

- Давно, товарищ генерал, с Днепра начал. Сколько раз уж пленных видел, а такие

вонючие фрицы еще не попадались. Пообморозились они, что ли? Гнилью от них несет. А вшей расплодилось столько, что подойти боязно. Прямо поверху ползают.

- Это от грязи.

- Извиняюсь, товарищ генерал, по-моему, это с тоски у них. Давно уж известно: как затоскует солдат, так и вошь тут... А ведь это пока цветочки. Они у нас еще дурным голосом взвоят.

Я пожелал сержанту счастливого пути, и он поскакал вслед за ушедшей колонной.

Почти все деревни, через которые мы проезжали, были сожжены и разрушены. Над пепелищами высились закопченные трубы. Лишь кое-где ютились уцелевшие жители.

- Что делают, сволочи! - возмущался старший лейтенант Михайлов.

Наконец въехали в Мордвес. Гитлеровцы убежали отсюда настолько поспешно, что не успели сжечь поселок, разрушили только центр. Улицы были так забиты брошенной техникой, что мой вездеход с трудом пробирался вперед. Рядами стояли сотни тяжелых крытых грузовиков. Застыли без движения черные танки. На перекрестках - горы ящиков со снарядами, патронами, минами. Много было полевых и зенитных орудий, повозок, груженных всяким добром.

На стенах домов виднелись немецкие надписи: «Отходить в Хавки». Я посмотрел на карту. Ничего себе шарахнулись гитлеровцы! От Мордвеса до этой деревеньки чуть не тридцать километров на юг.

Мы поехали дальше, к Веневу. И здесь тракт и проселки запружены брошенной техникой. Трудно было определить, сколько тут пушек, грузовиков, танков.

Корреспондент П. Лидов, побывавший на нашем участке фронта, писал в «Правде» 13 декабря: «Все дороги, расположенные между Мордвесом и Сталиногорском, усеяны трупами немецких машин: автомобилей, вездеходов, мотоциклов, тягачей и пр. По предварительным подсчетам, какие возможны в условиях продолжающегося наступления, количество оставленных здесь немцами машин достигает 2000. Это значит, что если от 29-й мотопехотной дивизии что-нибудь и осталось, то моторизованной дивизией она быть бесспорно перестала».

Нам действительно некогда было заниматься подсчетами. Надо было как можно быстрее продвигаться вперед, чтобы не дать немцам передохнуть и закрепиться на новых рубежах. Ломая сопротивление арьергардов противника, мы один за другим освобождали населенные пункты и приближались к Веневу.

Мне хотелось побывать у командира 1-й гвардейской кавалерийской дивизии генерала Баранова, уточнить обстановку. Но сделать это оказалось не так-то просто. Штаб дивизии редко задерживался на месте, перемещался вслед за войсками из одной деревни в другую.

Несколько часов мой вездеход блуждал по проселкам. С юга доносился гул артиллерии. Небо в той стороне было багрово-красным. Там пылали пожары. Отступая, немцы жгли деревни.

Наконец нам удалось разыскать штаб дивизии. В селе не уцелело ни одной хаты. Штаб разместился в полуразрушенном покосившемся домике. Через проем вывороченной двери в коридор нанесло снегу. Окна тоже выбиты. Их завесили одеялами. Стужа в комнатах была ничуть не меньше, чем на улице.

Штабные командиры сидели в полушубках, в валенках, с трудом удерживая закоченевшими пальцами карандаши. То один, то другой командир вскакивал, бегал по комнате, размахивая руками, чтобы немного согреться. Хотел я поругать начальника штаба за нерегулярную отправку в корпус оперативных донесений, но не стал. Только предупредил, чтобы впредь донесения отправлял вовремя.

- А где Баранов? - спросил я.

- Товарищ генерал, командир дивизии не спал двое суток. Только что лег. Приказал разбудить через три часа.

Меня провели в сарай рядом с домом. Старший лейтенант Михайлов посветил фонариком. Посреди сарая на куче соломы спал, закутавшись в бурку, генерал-майор

Баранов. Сопровождавший меня командир сказал, будто оправдываясь:

- Здесь хоть не дует.

Мне было жаль будить Баранова. Но и уехать, не поговорив с ним, я не мог. Нужно было поставить ему конкретные задачи по овладению Веневом.

Я пробыл в штабе 1-й гвардейской кавалерийской дивизии почти до утра. Ознакомившись с обстановкой и состоянием кавалерийских полков, распорядился разбудить Баранова. Мы обсудили, как лучше захватить в клещи немецкую группировку в Веневе.

На левом фланге Осликовский снова, как и под Мордвесом, посадил на танки 9-й танковой бригады спешенных гвардейцев-кавалеристов. Этот десант освободил несколько населенных пунктов и успешно продвигался вперед, обходя Венев с востока. У Баранова не было танков, и наступать ему было труднее. Я поставил ему задачу частью сил сковать противника с фронта, а остальные полки направить в обход вражеской группировки с запада.

В штабе Баранова меня разыскал начальник разведки корпуса майор Кононенко. Он приехал на маленькой косматой лошадке, будто поседевшей от инея. Щеки у Кононенко красные от холода, на черных усах намерзли ледяшки. Майор сообщил нам последние данные о противнике и интересную новость: на одной из проселочных дорог наши бойцы обнаружили брошенное немцами орудие необычайных размеров.

Возвращаясь в штаб корпуса, я сделал крюк, чтобы осмотреть эту пушку. Дальнобойное орудие было столь громоздким, что фашисты перевозили его, разобрав на три части. Ствол везли на специальном прицепе из пневматических катков, которые соскользнули с дороги в кювет. Эта пушка, калибром более 300 миллиметров, могла посылать снаряды на расстояние свыше пятидесяти километров. Ее везли для обстрела и разрушения нашей столицы. Но гитлеровцам так и не довелось использовать ее. Тяжелое дальнобойное орудие мы передали трофейным учреждениям фронта. Впоследствии его доставили в Москву и выставили для всеобщего обозрения в парке культуры и отдыха.

В корпус прибыл вручать гвардейское Знамя начальник политотдела 49-й армии бригадный комиссар Смирнов. Войска находились в бою, и стянуть их в одно место не было возможности. Поэтому каждая дивизия выслала в штаб корпуса сводный эскадрон из лучших бойцов и командиров. Прибыли на торжество и представители артиллеристов, саперов, связистов.

8 декабря в полдень сводные эскадроны выстроились на окраине поселка Ожерелье. Я прошел мимо ровных шеренг, вглядываясь в лица людей. Здесь был собран цвет корпуса, мужественные воины, не раз отличавшиеся в боях. Среди них были и пожилые усачи, сражавшиеся с немцами еще двадцать с лишним лет назад, и молодые парни, ровесники нашей революции. Рядом с теми, кто первыми встретили натиск противника на берегах Прута, стояли и те, что пришли в корпус с недавним пополнением, но уже проявили себя смелыми и умелыми солдатами.

Бригадный комиссар Смирнов поздравил бойцов, командиров и политработников с присвоением гвардейского звания, пожелал нам новых побед над немецко-фашистскими захватчиками.

С волнением принял я символ высокого доверия Родины - гвардейское Знамя. Опустившись на колени, поцеловал край Знамени, которое стало отныне святыней нашего корпуса.

От имени личного состава корпуса я поблагодарил партию и правительство за оказанную нам честь.

- Клянусь, что под этим Знаменем мы с удесятеренной силой будем громить фашистских оккупантов до их полного уничтожения. Будем беспощадно преследовать врага. За Родину, вперед, товарищи!

Краткий митинг закончился. Команда «По коням!». Знамя провезли перед строем. Следом устремились многочисленные корреспонденты, приехавшие к нам на торжество.

Милославский, Грецов и я смотрели вслед комендантскому эскадрону. Всадники ехали ровными рядами. Впереди эскадрона величаво развевалось на ветру алое гвардейское Знамя.

На следующий день, 9 декабря, корпус освободил от гитлеровцев Венев.

1-я гвардейская кавалерийская дивизия, взаимодействуя со 173-й стрелковой дивизией, наступала на город с севера и северо-запада. Тем временем 2-я гвардейская кавалерийская дивизия и 9-я танковая бригада обошли город с юга и перерезали вражеские коммуникации. Произошло почти то же, что и под Мордвесом. Почувствовав угрозу полного окружения, немцы в панике начали отступать. Они убегали по проселкам и прямо по полям, бросая технику. Снова велики были наши трофеи.

Как только мы освободили улучшенную дорогу Венев - Тула, я направил в сторону Тулы усиленный кавалерийский полк, чтобы прикрыть корпус от возможных контратак гитлеровцев с запада. Кроме того, полк получил задачу: если позволит обстановка, ударить в тыл частям противника, которые еще продолжали блокировать Тулу.

Главные силы корпуса двигались на юг. Гвардейцы в конном строю стремительно преследовали деморализованных гитлеровцев, не позволяя им сжигать или разрушать села и деревни. Выйдя к вечеру на линию Теребуши, Ольховец, Медведки, Гати, корпус занял выгодное положение: он нависал с севера над сталинградской группировкой противника и одновременно угрожал флангу и тылу фашистских войск, действовавших под Тулой. Мы имели возможность наступать в том и в другом направлениях.

Две недели мы сражались плечом к плечу со славными московскими ополченцами. Состоявшая из них 173-я стрелковая дивизия была малочисленна, к началу боевых действий под Каширой имела лишь, одно орудие. Несмотря на это, ополченцы действовали мужественно и самоотверженно.

После освобождения Венева вместо 173-й дивизии в состав моей оперативной группы была включена 322-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник П. И. Филимонов. Она сформировалась недавно, была полностью укомплектована личным составом, но совсем не имела боевого опыта.

Радостное настроение владело в эти дни бойцами и командирами корпуса. Мы стали гвардейцами, били и гнали немцев. Еще не было официально объявлено, что в решительное наступление перешли войска Калининского и Западного фронтов, но мы уже знали об успехах, достигнутых нашими соседями. 10-я армия, действовавшая левее нас из района Рязани, освободила город Михайлов и ряд населенных пунктов. 8 декабря 50-я армия, оборонявшая полуокруженную Тулу, частью своих сил нанесла удар по врагу в направлении на юго-восток.

Дубина народной войны поднялась

После сильных морозов и метелей наступила вдруг оттепель. 12 декабря даже пошел дождь. Дороги развезло. Мой вездеход М-41 вышел из строя. Пришлось использовать трофейный немецкий вездеход с гусеницами, предназначенный для буксирования легкой пушки.

Все бойцы и командиры были в валенках - они набухли, отяжелели от воды. Намокли шинели и ватники. Ночью опять подморозило. А обсушиться бойцам было негде, большинство селений вокруг сожгли немцы. Выход оставался один: стремительной атакой овладеть ближайшими деревнями, чтобы гитлеровцы не успели разрушить их.

Во время распутицы в штаб корпуса, в Свиридове, приехал заместитель командующего Западным фронтом генерал-лейтенант Ф. И. Кузнецов. Он направлялся в штаб 10-й армии, но по пути заехал к нам. Кузнецов сказал, что командование фронта высоко оценивает действия 1-го гвардейского корпуса.

Начиная от Каширы, мы наступали строго на юг. Теперь же, согласно новым директивам, должны были повернуть на запад и двигаться в общем направлении на Щекино для участия в окружении и разгроме группировки фашистских войск, сосредоточенной южнее Тулы.

Корпус уже готов был повернуть на запад. Однако после беседы с заместителем

командующего мне пришлось несколько изменить планы. Генерал Кузнецов сообщил, что войска 10-й армии встретили на рубеже Сталиногорск (ныне Ново-Московск), Бобрик-Донской, Узловая сильное сопротивление врага. Вот уже несколько дней стрелковые дивизии ведут бои за эти населенные пункты, несут большие потери, но продвинуться вперед не могут. А из-за этого замедляется наступление всего левого крыла Западного фронта. Кузнецов указал, что неплохо было бы помочь соседу, тем более что корпус занимает выгодное положение и может нанести удар во фланг и даже в тыл сталиногорской группировки противника. Пришлось несколько распылить силы вверенной мне группы войск. 1-ю гвардейскую кавалерийскую и 322-ю стрелковую дивизии я решил повернуть на запад, а на помощь 10-й армии двинуть 2-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию с приданной ей 9-й танковой бригадой. Я сразу же выехал в войска, чтобы поставить им новые задачи.

В разгар боев трудно, а порой и невозможно бывает собрать на совещание командный состав. Но тут мне просто повезло. Когда приехал в штаб 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, туда были уже вызваны люди, отличившиеся в боях. Представитель штаба фронта вручил им ордена. В штабе оказались все командиры и комиссары полков. Воспользовавшись этим случаем, я познакомил их с обстановкой и с нашими планами.

Двигаться строго на запад, преследовать врага, не давая ему передышки, - такова задача. Снова, уже в который раз, я призвал командиров творчески подходить к организации боя, отказаться от какого бы то ни было шаблона. Немцы с их машинами привязаны к дорогам. Кавалеристы же способны пройти где угодно. Поэтому я потребовал широко использовать маневр вне дорог, обходить населенные пункты, бить немцев с флангов и с тыла.

Значительно дольше пришлось мне пробыть в штабе 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Я вынужден был изменить решение, принятое полковником Осликовским, так как оно не предусматривало взаимодействия с соседом. А это теперь было особенно важно: дивизии наступали по расходящимся направлениям, и между ними мог образоваться разрыв. Я предложил Осликовскому направить на Сталиногорск два кавалерийских полками 9-ю танковую бригаду. Два других кавалерийских полка должны были вместе с частями 1-й гвардейской кавдивизии наступать на село Прохоровку.

Город, уже тогда представлявший собой крупный промышленный центр, по своей планировке не похож на другие города. Он занимает большую площадь и состоит из двух частей, отделенных друг от друга озером. Гвардейцы подошли сначала к Сталиногорску 2-му. С востока на эту часть города безуспешно пыталась наступать 330-я стрелковая дивизия 10-й армии. Кавалеристы, подоспевшие ей на помощь, ударили с севера и с запада.

Бои отличались необыкновенным упорством. Немцы имели приказ во что бы то ни стало удержаться на этом рубеже, остановить здесь советские войска и подготовиться к новому наступлению.

Гитлеровцы, оборонявшие Сталиногорск 2-й, имели около пятидесяти танков, которые применяли в контратаках, использовали как неподвижные огневые точки. А наша 9-я танковая бригада, действовавшая вместе со 2-й гвардейской кавдивизией, имела в строю всего пять боевых машин - в десять раз меньше, чем у противника. К тому же пришлось наступать в невыгодных условиях - по льду. Три боевые машины провалились под лед и затонули. Это в еще большей степени затруднило наши действия.

На помощь нам при освобождении этой части города пришли местные жители, сражавшиеся вместе с бойцами на улицах. Комсомольцы Николай Лукин и Сима Селезнева подносили патроны. Другие девушки и юноши ходили в разведку, помогали эвакуировать раненых. Двенадцать молодых рабочих во главе с Сарычевым и Володиным напали на немецкий штаб, располагавшийся в городе. Благодаря этому на какое-то время было нарушено управление войсками противника.

Наконец сопротивление фашистов, окруженных с трех сторон, было сломлено. Мало кому из них удалось спастись. Сотни трупов валялись на улицах. Вся техника противника

осталась в наших руках. Только артиллерийских орудий разных калибров гвардейцы захватили около пятидесяти штук. 5-й и 136-й кавалерийские полки преследовали отступающих немцев, не давая им опомниться, и на их плечах ворвались в Сталиногорск 1-й. После ожесточенного ночного боя был полностью освобожден город, а также села Мошок и Рига.

Командир 9-й танковой бригады подполковник Кириченко доложил мне, что почти не имеет боевых машин. Требовалось некоторое время для того, чтобы собрать и отремонтировать вышедшие из строя танки. Я разрешил сосредоточить бригаду в городе и привести ее в порядок.

В наступательных боях командный состав корпуса использовал различные тактические приемы, добиваясь наилучшего сочетания огня и маневра. Поучителен в этом отношении бой за станцию Узловая.

14 декабря в район станции вышел 108-й кавалерийский полк 2-й гвардейской кавдивизии. Разведка полка, скрытно подобравшаяся к Узловой, донесла, что там скопилось много эшелонов. Гитлеровцы поспешно грузят в них воинское имущество.

Командир полка подполковник В. Д. Васильев решил захватить станцию и не дать фашистам увезти ценные грузы. Но как это сделать? Противник сильный, времени мало.

Командир батареи 76-миллиметровых орудий капитан Обуховский предложил прикрыть своим огнем наступление полка.

76-миллиметровые орудия имели дальность стрельбы более одиннадцати километров. Это были как раз те пушки, которые корпус получил перед боями под Серпуховом. Батарея капитана Обуховского, не теряя времени, открыла беглый огонь с предельного расстояния. Снаряды рвались на железнодорожных путях, попадали в вагоны. Ошеломленные гитлеровцы бросились прочь от опасного места, прекратив все работы. А тем временем подполковник Васильев, используя складки местности, скрытно подвел полк к Узловой, в тыл противника.

Немцы не ждали атаки. Прячась от снарядов, они разбежались по укрытиям. Васильев решил не спешивать полк, а произвести атаку в конном строю.

Получив условный сигнал, капитан Обуховский прекратил обстрел. Но едва гитлеровцы начали вылезать из укрытий, воздух содрогнулся от громкого «ура!». На фашистов стремительно неслись гвардейские эскадроны. Ошеломленные фашисты падали, срезанные автоматными очередями или зарубленные клинками. Лишь немногие из них пытались оказать сопротивление.

Полк занял станцию почти без потерь. Трофеи нам достались огромные. В вагонах кроме снарядов и патронов оказалось пятьсот с лишним совершенно новых станковых пулеметов. Мы очень обрадовались этому: с самого начала войны пулеметные эскадроны не получали техники, а убыль была большая. Часть пулеметов мы немедленно распределили по кавалерийским полкам.

Против нас действовали дивизии танковой армии, насыщенные техникой. В свое время они быстро наступали, а теперь столь же быстро откатывались назад. Но корпус, как соединение маневренное, не имел своих тыловых органов, и мы просто лишены были возможности собирать и оберегать брошенные гитлеровцами машины и вооружение. Не могли даже наладить учет, так как для этого пришлось бы отрывать слишком много людей. Я просил командующего фронтом, чтобы к нам прислали специальные команды для сбора и ремонта трофейного автотранспорта.

13 декабря в штаб корпуса приехали из Москвы заместитель наркома автомобильной промышленности товарищ Ермаков и директор авторемонтного завода товарищ Поташ. Убедившись, что мы отбили у немцев действительно много техники, приехавшие товарищи в виде, так сказать, поощрения согласились вне очереди отремонтировать мой вездеход М-41 и пообещали прислать для штаба корпуса утепленную машину М-1.

Конечно, не все наши бои протекали удачно. Бывали и ошибки, и неоправданные потери. Особенно в свежих частях, прибывавших на фронт. Порой за приобретение опыта

приходилось расплачиваться слишком дорогой ценой.

Так было в 322-й стрелковой дивизии, которая вступила в бой необстрелянной и несколоченной. Дивизии удалось освободить несколько деревень, но первый успех усыпил бдительность некоторых командиров, внес успокоение. Гитлеровцы имели еще достаточно сил, чтобы оказывать сопротивление, и всячески старались приостановить продвижение наших войск.

3-й батальон 1089-го стрелкового полка этой дивизии продвигался к селу Быково, составляя усиленный авангард. Бойцы шли в колоннах. Командир батальона не организовал как следует походного охранения, не выслал вперед разведку. Воспользовавшись этим, противник силами двух рот с десятью танками, в числе которых были и огнемётные, устроил на дороге засаду, подпустил батальон на близкое расстояние и потом разом ударил из автоматов и пулеметов. Танки выбросили струи огня.

В первые же минуты батальон понес очень большие потери и начал отступать. Немцы преследовали его. Батальону требовалась немедленная помощь, но главные силы полка далеко отстали от авангарда. Приданная полку артиллерия могла бы нанести удар по гитлеровцам, остановить их. Но с артиллерией, тоже отставшей от авангарда, у командира батальона не было связи, и он не мог вызвать ее огонь. Батальон был разгромлен.

Конечно, устроившие засаду две роты гитлеровцев были уничтожены нашими подоспевшими войсками, артиллеристы разбили танки противника. Но это не успокаивало. Жертвы, понесенные 322-й стрелковой дивизией, были совершенно неоправданны.

Пришлось издать специальный приказ, наказать виновных и сделать соответствующие выводы. Я решительно потребовал от всех командиров строго выполнять уставные требования, бдительно следить за противником.

Случай с 3-м стрелковым батальоном был единственным в своем роде. Такие печальные происшествия больше не повторялись.

13 декабря пришли газеты с сообщением Совинформбюро о поражении немцев на подступах к Москве. Теперь во всеуслышание было объявлено, что наши войска, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок. В результате этого наступления обе фланговые группировки гитлеровцев разбиты и поспешно отходят, бросая технику, вооружение и неся большие потери. Угроза, нависшая над столицей, миновала. Свершилось то, о чем мы мечтали в те тяжелые месяцы, когда вынуждены были отступать на восток, оставляя противнику города и села.

Бойцам и командирам 1-го гвардейского кавалерийского корпуса это сообщение принесло особую радость. В нем было отмечено и наше соединение: «Первый гвардейский кавалерийский корпус генерала Белова, последовательно разбив 17-ю танковую, 29-ю мотопехотную и 167-ю пехотную дивизии противника, преследует их остатки и занял города Венев и Сталиногорск».

В подразделениях стихийно возникали митинги. Выступая, бойцы и командиры клялись бить гитлеровских захватчиков, не щадя ни своих сил, ни самой жизни.

С того дня как корпус повернул на запад, полковник Грецов потерял спокойствие. Мы все понимали душевное его состояние: корпус приближался к родным местам Михаила Дмитриевича. И не гостем, а освободителем возвращался он на свою родину.

Михаил Дмитриевич вырос в селе Дедилово, бывшей Тульской губернии. Учился он в школе в Огаревке. Отсюда в гражданскую войну ушел в Красную Армию. И вот теперь Огаревка и Дедилово оказались в полосе наступления нашего корпуса.

Издалека видно было багровое зарево над селом. Когда начался бой за Дедилово, немцы, по своему обыкновению, подожгли его.

- Кирпичных домов у нас много. Может, уцелеют, - негромко сказал мне Грецов.

15 декабря, как только было освобождено Дедилово, мы с Грецовым поехали туда. Михаил Дмитриевич смотрел и не узнавал знакомую улицу. По обеим сторонам ее тянулись выгоревшие изнутри коробки домов. Развалины сменялись черными пепелищами.

- Останови, - сказал Грецов шоферу.

Мы вышли из машины. Михаил Дмитриевич сделал несколько шагов и снял шапку.

- Это и есть мой дом.

Обуглившиеся бревна, потрескавшиеся кирпичи да полуразрушенная русская печь - все, что осталось от постройки. Мелкий снежок уже припорошил угли и золу.

Грецов прислонился спиной к печке и на несколько секунд закрыл глаза. Глядя на него, я подумал, что возле этой печки грелся он, наверное, в те далекие годы, когда был еще мальчуганом.

Вокруг нас постепенно собирались жители. Женщины, старики, дети вылезали из погребов и землянок, где нашли себе временное убежище. Лица у всех худые, изможденные. Одежда старая, порванная. Немцы отобрали не только продукты, но и теплые вещи.

У Грецова не осталось в селе родных, но он внимательно смотрел на людей, надеясь встретить знакомых. Внимание его привлекла сгорбленная старушка с морщинистым лицом.

- Няня! - бросился к ней Михаил Дмитриевич. - Здравствуйте, няня!

Старая женщина не сразу узнала в рослом, затянутом ремнями и уже немолодом командире того ребенка, которого выпестовала когда-то своими руками. А узнав, потянулась к нему, прижалась щекой к его груди. Он обнял ее, поддержал, чтобы не упала. Женщина плакала, не скрывая слез.

В годы войны мы не слишком часто радовали весточками своих родных и близких: бои, напряженная работа. Трудно было выкроить время, чтобы остаться наедине с самим собой.

Но в тот день, когда мы приехали в Деделово, мне вдруг особенно сильно захотелось побывать в своем родном городе, увидеть мать, жену, детей. Вечером я решил написать письмо им. В комнате, потрескивая, горела лампа, заправленная бензином с солью. За окном хрустел снег под ногами часового.

Закончив письмо, я прилег отдохнуть. Перед глазами вставали дорогие мне лица, нахлынули воспоминания.

Вот немощеная улочка в древнем русском городе Шуе, на которой прошло мое детство. Под окном - старая береза с густой кроной. Я рано научился читать, читал все подряд, что попадалось под руку. Увлекался, как и все мальчишки, Жюлем Верном, Фенимором Купером и Майн Ридом. Заберешься, бывало, на березу, усядешься на толстом суку. Листва надежно скрывает от посторонних глаз. Выйдет во двор дед, поищет меня, позовет и уйдет ни с чем. До самой осени не нашел он моего убежища.

Когда наступали морозы, мальчишки со всей улицы собирались после уроков и гурьбой шли на речку. Катались на льду, играли в снежки. Забавы эти сами собой прекратились, когда в город прибыл пехотный полк. Он разместился в пустовавших корпусах старой фабрики и в других помещениях. Мы, мальчишки, с утра до вечера стали пропадать возле 'казарм. Смотрели, как маршируют по плацу солдаты, как изучают ружейные приемы. Пристроившись к колонне, мы следом за ней маршировали по городу, пели песни вместе с солдатами. Многие из нас смастерили себе деревянные ружья и дома щеголяли солдатскими приемами.

В то время я еще не знал, насколько тяжела была солдатская доля в царской армии. Мы видели только внешнюю, красивую сторону военной службы. Нас пленяли строгий военный порядок, четкий строй, чеканные слова команды. И мы тоже стали «ходить в походы», «штурмовать крепости», разыгрывать «сражения».

В 1916 году я впервые надел военную форму. Служил в кавалерии, окончил учебную команду. А вскоре рухнул царский строй, распалась старая армия. В начале 1918 года я вернулся в родные места. Потом снова простился с матерью: по партийной мобилизации поехал на фронт. В разных частях довелось служить. Памятна служба в 1-й Конной армии...

С тех пор как в первый день войны мы расстались в Одессе, я очень беспокоился о семье. На душе стало легче, когда узнал, что жена сумела вывезти дочерей из прифронтовой полосы. Проскитавшись несколько недель, они добрались до Шуи. Все мои близкие жили теперь там вместе.

Когда главные силы корпуса заняли Дедилово, наши разведывательные отряды подошли уже к селам Житово и Ясная Поляна, намереваясь перерезать шоссе и железную дорогу Тула - Орел. Активные действия разведчиков заставили гитлеровцев откатиться на юг и юго-запад.

При содействии нашего разведывательного отряда бойцы 217-й стрелковой дивизии 50-й армии освободили Ясную Поляну. Разведчики побывали в музее-усадьбе Льва Николаевича Толстого. Вернувшись, с негодованием рассказывали о том, как надругались гитлеровцы над памятью великого писателя. Они содрали со стен редчайшие фотографии Толстого и унесли с собой. В музей приезжал Гудериан. Один из его офицеров захватил для своего начальника в качестве «сувениров» несколько ценных экспонатов. Солдаты, размещавшиеся в усадьбе, топили печки обломками мебели, картинами, книгами из библиотеки Толстого. Работники музея предлагали им дрова, но солдаты смеялись в ответ: «Нам дрова не нужны. Мы сожжем все, что осталось от вашего Толстого». Фашисты осквернили могилу Толстого, поклониться которой приезжали люди со всех концов земли.

Рассказы об этом варварстве вызвали у командиров и красноармейцев новый прилив ненависти к врагу. Это была грозная ненависть. По вполне естественной ассоциации мне вспомнилась та дубина народной войны, о которой писал Толстой в «Войне и мире». Да, теперь снова дело подходило к тому, что эта дубина поднимется с еще более грозной и величественной силой и будет гвоздить новых пришельцев, пока не погибнет все нашествие.

В ночь на 18 декабря части 1-й гвардейской кавалерийской дивизии завязали бой за крупное село Карамышево, лежащее на шоссе Тула - Орел.

Со мной под Карамышево приехала фотокорреспондент Г. З. Санько. Ей хотелось запечатлеть бой с самого начала и до конца. Она засняла нашу цепь, наступающую под огнем противника, 96-й кавалерийский полк, в конном строю выдвигавшийся из резерва, эскадроны в момент развертывания и спешивания. Но дальше ей не повезло: гвардейцы стремительно захватили село без помощи резерва. Обрадованные красноармейцы расположились обогреться по избам. Одна только Галина Санько была, пожалуй, несколько огорчена таким быстрым окончанием боя.

В тот день разведка доставила особенно ценные сведения. Майор Кононенко доложил, что между населенными пунктами Щекино и Сумарокове, один в двадцати, другой в сорока пяти километрах южнее Тулы, у противника получился разрыв между двумя отступающими группировками. Мы сразу же воспользовались этим. Части вверенной мне группы войск вошли в образовавшийся «коридор». Передовые отряды быстро продвигались к селу Крапивна - районному центру Тульской области. Кононенко с группой своих разведчиков лесом, строго соблюдая, маскировку, приблизился к селу с востока, Противник не обнаружил разведчиков.

Не надеясь удержать Крапивну, немцы уже начали жечь ее восточную окраину - Казачью слободу. Наши разведчики увидели, как в нескольких местах вспыхнуло пламя. Подкрались к крайним домам и открыли стрельбу. Факельщики бросились наутек. Но спастись удалось немногим.

К этому времени 11-й кавалерийский полк майора Зубова и 131-й кавалерийский полк подполковника Кушнера [4] обошли Крапивну и повели наступление на ее западную окраину, в тыл противнику. Гарнизон Крапивны оказался зажатым. Враг заметался. А тут вдруг загремели выстрелы и на северной окраине: это на помощь нам пришли местные партизаны. Они переправились через реку Упу и ударили с той стороны, откуда немцы совсем не ожидали нападения.

Воспользовавшись тем, что окружение еще не было полным, гитлеровцы отступили, понеся значительные потери. Разведчики Кононенко и партизаны по пятам преследовали фашистов, не давая им поджигать дома. Крапивна перешла в наши руки сохранившейся почти полностью. Немцы успели уничтожить лишь отдельные постройки.

Когда шел бой за Крапивну, тридцать наших бойцов зашли глубоко в тыл гитлеровцев и перехватили дорогу, по которой они отступали. Заняв выгодную позицию, кавалеристы

расстреливали их из автоматов и пулеметов, уничтожили много повозок, сожгли несколько автомашин.

Дуть отхода для немцев был закрыт, а сзади их настигали наши преследующие части. Тогда гитлеровцы собрали крупные силы и взяли наших бойцов в кольцо. Гвардейцы сражались до последнего патрона, до последней гранаты. Но силы были слишком неравны. Тридцать смельчаков пали в этом бою. Мы с воинскими почестями похоронили погибших товарищей.

Совсем недавно мне довелось побывать там, где сражались тридцать гвардейцев. Трудящиеся Крапивенского района поставили памятник на могиле героев. У подножия памятника я видел цветы.

Тульская наступательная операция была закончена. Справа от нас 50-я армия овладела к этому времени городом Щекино. Действовавшая левее нас 10-я армия вышла к городу Плавску. Немцы были отброшены на юг и юго-запад, осада Тулы снята.

Главной задачей стало теперь освобождение Калуги. Основную роль в захвате этого города предстояло сыграть 50-й армии. На левом фланге полосы ее действий образовался широкий разрыв между 4-й полевой и 2-й танковой армиями противника. Через этот разрыв должна была пройти подвижная группа 50-й армии, чтобы неожиданным ударом с юга захватить Калугу.

1-му гвардейскому кавалерийскому корпусу поручалось нанести удар по тылу 4-й немецкой армии. Я получил директиву Военного совета Западного фронта, в которой говорилось:

«Командующему конно-механизированной группой генерал-майору т. Белову. Вам поручает Военный совет фронта особо ответственную задачу: быстро выйти в район Юхнова и разгромить тылы и штаб 4-й армии немцев. Для обеспечения флангов и тыла группы нужно захватить и прочно удержать Сухиничи, Мещовск, Мосальск.

Военный совет фронта может в ваше распоряжение дать дополнительно три кавалерийские дивизии (от 10-й армии), одну - две стрелковые дивизии, пополнить танками до 50 шт. Донесите свой план действий.

При составлении плана иметь в виду, что Калуга к моменту прохода группы будет занята» [5].

Действовавшая южнее нас 10-я армия имела задачей наступать на город Людиново.

Выйдя на Варшавское шоссе и на железную дорогу Вязьма - Брянск, войска левого крыла Западного фронта перехватили бы важнейшие коммуникации противника. Немцы потеряли бы железнодорожный узел Сухиничи с воинскими складами, питавшими большой участок фронта. Это лишало гитлеровцев возможности маневрировать резервами.

В момент получения директивы Военного совета фронта части корпуса находились примерно в ста семидесяти - двухстах километрах от Юхнова. Впереди нас снова ожидали стремительные марши по бездорожью, кровопролитные бои. А между тем войска очень устали. Ослабли кони. Растянулись тылы. Резко ухудшилось снабжение боеприпасами и продовольствием. Фураж для лошадей вообще почти не доставлялся. Эскадроны добывали сено и солому как могли.

Чтобы лучше подготовиться к новой операции, я решил дать 19 декабря главным силам суточный отдых. За это время нужно было подтянуть отставших, пополнить запасы патронов и снарядов, привести в порядок подразделения. Преследование противника возлагалось на передовые отряды.

Штаб корпуса принялся за разработку плана операции. Решено было прежде всего

освободить районный центр Тульской области - поселок Одоevo, лежащий на перекрестке нескольких дорог, затем форсировать реку Оку на участке Лихвин - Белев. В дальнейшем корпусу предстояло ликвидировать узел сопротивления немцев в городе Козельске. Лишь после этого, к концу декабря, мы могли выйти в тыл врага близ города Юхнова.

Я считал, что на первом этапе мы не встретим особых трудностей. В район Одоева отошли остатки 112, 167 и 296-й немецких пехотных дивизий. Эти дивизии были потрепаны и не могли оказать сильного сопротивления. Предполагалось обойти Одоevo с двух сторон и разбить противника в открытом поле.

В дальнейшем возможны были значительные трудности. Предстояло форсировать Оку. В глубине своей обороны противник имел сильные резервы: 19-ю танковую дивизию и полк СС «Великая Германия». Мог бросить против нас и другие войска.

Оперативная обстановка благодаря хорошей работе разведки представлялась нам достаточно ясной.

План операции был передан по радио в штаб Западного фронта.

От Мордвеса до Крапивны мы продвигались настолько быстро, что большинство маршевых эскадронов, направленных в корпус на пополнение, не могли догнать нас. И только 19 декабря, когда гвардейские дивизии остановились на отдых, один за другим прибыли несколько маршевых эскадронов. Многие бойцы оказались без оружия, лошади без седел. Но это не вызывало особого беспокойства. Некоторый запас седел мы имели, а для вооружения красноармейцев можно было использовать трофейные автоматы, винтовки и пулеметы. В этом мы нужды не испытывали. Главное, что радовало - в маршевых эскадронах был хороший личный состав. Значительную часть пополнения составляли выпускники школ младших командиров: молодые, крепкие ребята, имевшие неплохую подготовку. А нам как раз требовалось много сержантов: потери среди младшего комсостава были особенно велики.

Бойцы и командиры, получив ранения, отправлялись в госпитали и по излечении редко попадали снова в свои полки. Из госпиталей их посылали в различные части, и не обязательно в кавалерию. Но в корпусе сложилось боевое товарищество, и люди тянулись в свои полки, многие бойцы, даже рискуя быть обвиненными в дезертирстве, не являлись по месту назначения, а разыскивали свои подразделения.

Давно известно, что боевая дружба, спайка, верность традициям своей части - очень важное условие высокой боеспособности войск. Сколько раз приходилось видеть полки и дивизии, собранные на скорую руку, - как говорят, с бору по сосенке. И люди отличные, и вооружение хорошее, а в бою действуют вяло, происходит путаница, неразбериха. Люди не знают своих товарищей, командиров и зачастую не надеются друг на друга. Совсем иначе чувствует себя боец во взводе, эскадроне или роте, которые давно стали для него родной семьей. Он знает, что товарищи его не подведут - сами погибнут, но не оставят в беде. Командир знает, на что способны его люди. А они в свою очередь доверяют командиру.

К сожалению, у нас недостаточно учитывалось значение этого морального фактора, плохо использовался опыт прошлых войн в закреплении запасных полков за определенными соединениями. Перемешивание личного состава вело к тому, что ослаблялись узы боевого товарищества, основанные на совместной борьбе с фашистскими захватчиками, на уважении боевых традиций полков и дивизий.

Кстати сказать, для сохранения и развития боевых традиций далеко не все делается у нас и сейчас. Многие дивизии и корпуса были расформированы в связи с сокращением армии, а их знамена, боевые истории сданы в музеи и архивы. Их полезнее было бы передать тем полкам и дивизиям, которые не участвовали в войне или участвовали только на завершающем ее этапе. Принимая знамена и боевые истории, а вместе с ними и наименования своих предшественников, такие полки и дивизии торжественно брали бы на себя ответственность за сохранение боевых традиций, обязательства развивать их своими достижениями в боевой и политической подготовке. Следовало бы восстановить дивизионные и полковые праздники, приглашать на них ветеранов, которые могут рассказать

молодежи о делах воинов старшего поколения.

В конце 1941 года после настойчивых просьб мне удалось наконец добиться, чтобы все выздоровевшие после ранений бойцы и командиры 1-го гвардейского кавкорпуса сосредоточивались в одном запасном полку, а оттуда с маршевыми эскадронами направлялись в свои части. За корпусом был закреплен запасный кавалерийский полк, дислоцировавшийся в городе Коврове.

19 декабря вместе с новым пополнением к нам прибыла первая группа вылечившихся после ранения ветеранов. Тепло встретили их боевые друзья. Много было радости, шуток, вопросов.

В штабе корпуса собрались командиры и комиссары дивизий и полков. Я поставил новые задачи, объявил боевой приказ, дал необходимые указания.

Чтобы успешно провести операцию, нам нужно было двигаться вперед по двадцать - двадцать пять километров в сутки. Если учесть сопротивление врага и климатические условия - морозы и вьюги, заметавшие дороги сугробами, - это темп довольно высокий.

После меня выступил Милославский, замещавший комиссара корпуса. Он посоветовал, как проводить политраблиту в условиях такого быстрого наступления, напомнил, что политраблитоики должны находиться на трудных участках.

Когда командиры и комиссары уже разошлись по своим частям, в штаб корпуса приехал командир 322-й стрелковой дивизии полковник Филимонов, опоздавший из-за неотложных дел. Задачу ему пришлось ставить отдельно.

Казалось, все складывалось благоприятно. Главные силы корпуса отдыхали. В штабах заканчивалась подготовка операции. Люди знали, что от них требуется. Я был уверен, что личный состав с честью выполнит боевой приказ.

Но в то самое время, когда я инструктировал полковника Филимонова, по радио уже летело новое указание, заставившее нас без всяких разумных оснований менять план первого этапа наступления и значительно осложнявшее действия на этом этапе.

Новая директива штаба Западного фронта гласила: «Завтра, 21 декабря, в честь рождения товарища Сталина корпус должен овладеть Одоево».

Эта короткая, категоричная фраза доставила нам много хлопот. Срывался отдых людей перед трудным и длительным наступлением. Чтобы успеть выйти к Одоеву, полкам надлежало выступить немедленно. Кроме того, нужно было менять боевой приказ, доведенный до частей, когда уже заработали многочисленные пружины сложного корпусного механизма. Требовалось очень быстро перестроить работу этого механизма на новый лад. И, наконец, самое главное. Районный центр Тульской области Одоево занимает выгодное для обороны географическое положение: расположен на возвышенности, с которой открывается хороший обзор; крутой берег Упы и глубокие овраги, склоны которых обледенели зимой, делали подступы к Одоеву труднодоступными. Гитлеровцы превратили поселок в сильный оборонительный узел. Штурмовать его - неизбежно нести значительные потери, расходовать драгоценное время. Мы не собирались делать этого. Дивизии должны были обойти Одоево с юга и с севера и, не задерживаясь, выйти к Оке, захватить мосты. Немцы, чтобы избежать окружения, сами покинули бы Одоево, и мы без лишних потерь уничтожили бы их не в населенном пункте, подготовленном к обороне, а на снежных дорогах, в сугробах.

Но приказ надо было выполнять. Я принял компромиссное решение: немедленно двинуть часть сил на Одоево, остальным - продолжать подготовку по прежнему плану.

Для управления войсками, направленными на Одоево, пришлось создать импровизированный штаб из нескольких командиров. Поставив во главе этого штаба полковника Таранова, я приказал ему обеспечить взаимодействие войск и проследить за ходом боя.

21 декабря, едва только стало светать, я выехал в штабы дивизий. Сначала намеревался побывать в 1-й гвардейской, но мост через реку Плаву у Крапивны оказался разрушенным, и переправиться нам не удалось. Поэтому я направился в Алтухово, в штаб 2-й гвардейской

кавалерийской дивизии.

Полковник Осликовский имел надежную связь с 1-й дивизией по телефону и радио. Я вызвал к телефону генерал-майора Баранова. Он доложил, что послал на Одоево 131-й Таманский кавалерийский полк, разделив его на два отряда: один движется по правому, а второй - по левому берегу Упы. Отряды должны атаковать Одоево с востока и с севера. Я одобрил решение Баранова, но приказал усилить один из отрядов батареями дивизионной артиллерии.

Самолюбие не позволяло полковнику Осликовскому допустить, чтобы Баранов, находившийся ближе к Одоеву, первым захватил поселок, до которого от Осликовского было тридцать - тридцать пять километров. В распоряжении Осликовского было пять танков. Он посадил на них спешенных гвардейцев и приказал этому десанту быстро идти к Одоеву, а вслед за танками двигаться в конном строю 72-му кавалерийскому полку. Я посоветовал ему послать туда еще один конный отряд с батареями.

Осликовский отправился отдавать необходимые распоряжения, а я связался с командиром 322-й стрелковой дивизии. Пехотинцам требовались сутки только на то, чтобы выйти на подступы к Одоеву. А поселок было приказано взять сегодня. Поэтому полковник Филимонов собрал имевшиеся под рукой автомашины, разыскал несколько десятков саней и посадил на них усиленный стрелковый батальон. Когда я разговаривал с Филимоновым, этот батальон уже проделал добрую половину пути к Одоеву.

Пехотинцы должны были действовать левее 72-го кавалерийского полка и обойти поселок с юга.

Покончив с делами, я вместе с несколькими командирами вышел на улицу. Погода была пасмурная. Недавно выпавший снег истоптан сотнями ног, копытами лошадей.

Около дома, в котором помещался штаб, собралась большая группа бойцов и командиров. Тут же стоял пожилой мужчина, с виду рабочий. Рядом с ним - шестеро детей, пять девочек и один мальчик, самой старшей из девочек было, наверное, лет семь или восемь.

- Товарищ начальник, - обратился ко мне рабочий. - Я из Тулы. А здесь скрывался в деревне у родственников, хотел детей от фашистов уберечь. Вчера, как наши пришли, я будто второй раз родился, белый свет снова увидел. Нечем нам отблагодарить вас: я старый, а они, - он указал на детей, - еще малые. Так мы хоть песни для красноармейцев споем. Можно?

Я не успел и слова сказать, как детишки начали:

Расцветали яблони и груши, Поплыли туманы над рекой...

Их худые, бледные лица были серьезны и строги. Над затихшей улицей далеко разносились чистые, звонкие голоса. Бойцы и командиры слушали пение с таким напряженным вниманием, какому могут позавидовать заслуженные артисты. Молодой красноармеец, опершись на винтовку, смотрел на певцов, приоткрыв рот. Пригорюнился возле походной кухни усатый повар. На крыльцо штаба один за другим выбегали командиры.

Закончив «Катюшу», дети сразу же запели следующую песню - о том, как уходил солдат на войну, как прощался со своей семьей. Грустны были слова и мелодия. Наверное, многие из нас вспомнили в эту минуту о женах и матерях, думали, доведется ли когда-нибудь снова перешагнуть родной порог... Мужественные люди, не раз вступавшие в схватку со смертью, отворачивались, скрывая наворачнувшиеся на глаза слезы. Я смотрел на бойцов и думал: теперь эти люди с еще большей яростью будут мстить фашистам, прервавшим нашу мирную жизнь, разрушившим наши дома, разлучившим нас с родными и близкими.

Когда смолкла песня, бойцы подхватили детей на руки. Отдавали им шоколад, сахар - у кого что нашлось в кармане.

- Не надо больше, - сказал я рабочему. - Холодно, дети простудиться могут.

- Соскучились мы по песне, - ответил он. - Любим петь, а при немцах целый месяц молчали.

Я поблагодарил рабочего за столь неожиданный концерт и уехал из 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Уже в сумерках возвратился в штаб корпуса, располагавшийся в селе Пруды. От войск, ушедших в сторону Одоева, еще не поступало никаких сообщений. На мой вопрос, нет ли сведений от Таранова, Грецов только махнул рукой:

- Безнадежно, товарищ генерал.

В тот вечер мы слышали радиопередачу из Москвы о боевых действиях 1-го гвардейского кавалерийского корпуса. Интересная была передача, но я, обеспокоенный отсутствием сведений из Одоева, слушал ее рассеянно. Не понравилось мне, что диктор назвал много населенных пунктов, освобожденных нашим корпусом. Ведь передачу слушали не только мы, но и гитлеровцы. Отметив на карте перечисленные пункты, немцы могли в общих чертах определить направление, по которому мы двигались.

- Черт знает что, куда там смотрят! - вырвалось у меня.

- Дают противнику ценные разведывательные данные, - согласился полковник Грецов.

Часов в восемь из-под Одоева вернулся наконец полковник Таранов. За весь день он так и не смог узнать, как разворачиваются там действия, не сумел даже установить связь с войсками, которыми должен был руководить. Может быть, на хозяйственной работе Таранов и смог бы принести какую-нибудь пользу, но как строевой начальник никуда не годился. Не подействовало на него даже строгое предупреждение за бесцельное сидение под Коломной. Пришлось отправить его назад, приказав выполнять поставленную задачу.

- Безнадежно, - снова повторил полковник Грецов. - Вреда, конечно, не принесет, однако и пользы от него не ждите.

Но вот начали поступать сообщения из отрядов, посланных освобождать Одоevo. Из этих сообщений, а также из данных разведки стало ясно: мы, кажется, несколько недооценили силы противника - у фашистов оказалось там больше войск, чем предполагалось.

Непосредственно Одоevo обороняли полки 296-й пехотной дивизии гитлеровцев. В районе поселка находились также части 112-й и 167-й пехотных дивизий. Об этом мы знали и раньше. Но появились еще части 3-й танковой дивизии, задержавшие продвижение стрелкового батальона, посланного полковником Филимоновым. Деревни вокруг Одоева немцы превратили в опорные пункты. Каждую деревню приходилось брать с боем.

Посоветовавшись с Грецовым, я решил послать нашим войскам под Одоevo значительные подкрепления. Шел на это скрепя сердце. Ввязавшись в бой за поселок, мы действовали вопреки испытанным правилам. Куда проще и выгоднее было обойти его и выполнять главную задачу, стоявшую перед корпусом.

Самые ожесточенные бои в районе Одоева развернулись в ночь на 22 декабря. Гитлеровцы упорно цеплялись за каждую деревушку, используя минно-взрывные заграждения. Под прикрытием сильного артиллерийского и минометного огня гитлеровская пехота и танки неоднократно предпринимали контратаки то на одном, то на другом участке. Мы не имели численного и огневого превосходства над противником. С трудом наши подразделения продвигались вперед.

В течение ночи наши полки овладели деревнями, расположенными вокруг Одоева и, обойдя поселок с юга и севера, почти замкнули кольцо окружения. Немцы начали отступать. Вначале они отходили медленно, пытаясь вывезти свою технику. Но когда в Одоevo ворвался 131-й Таманский кавалерийский полк, гитлеровцы побежали, думая только о том, как бы спастись. Они бросали повозки, автомашины, минометы и тяжелые орудия. В спешке им не удалось сжечь и разрушить дома. Поселок Одоevo, как и Крапивна, перешел в наши руки почти полностью сохранившимся.

В сквере на центральной площади воины 131-го кавалерийского полка похоронили своих боевых товарищей - старшего лейтенанта Махарадзе и младшего лейтенанта Манцива, павших смертью храбрых при освобождении Одоева. Трижды разорвали воздух залпы прощального салюта.

Кавалеристы в конном строю двинулись дальше, на запад, преследуя противника,

убегавшего к Оке. Перед нами стояла теперь задача как можно быстрее форсировать реку, не позволить гитлеровцам закрепиться на ее берегу.

Едва закончился бой за Одоево, в штаб корпуса прибыла из Тулы делегация трудящихся во главе с секретарем областного комитета партии В. Г. Жаворонковъга. От имени жителей города и области члены делегации горячо благодарили гвардейцев за освобождение от гитлеровского ига. Кавалеристы обещали мужественно сражаться с ненавистным врагом.

Близился Новый год. Рабочие прислали красноармейцам и командирам много подарков: гармошки, баяны и, конечно, знаменитые тульские самовары. Самовар был преподнесен и мне, я с гордостью храню его по сей день.

Товарищ Жаворонков пообещал мне прислать автоматический снайперский карабин системы Токарева. Присланный карабин, отлично сделанный тульскими умельцами-оружейниками, я вручил одному из лучших стрелков корпуса. Потом он передавался «по наследству» самому меткому снайперу. За годы войны только два снайпера, Комарецкий и Гореликов, уничтожили из этого карабина около двухсот фашистов. Теперь он хранится в Центральном музее Советской Армии.

Вместе с делегацией приехал в корпус и Алексей Варфоломеевич Щелаковский. Комиссар вылез из Москвы, был бодр и весел. Радостной и теплой была наша встреча.

- Ну, Павел Алексеевич, далеко шагнули вы за три недели, - сказал Щелаковский. - Несколько дней за вами гонюсь, хорошо вот, товарищ Жаворонков помог...

Комиссар прямо с дороги отправился в дивизии и полки, чтобы на местах познакомиться с положением дел.

Штаб подвел некоторые итоги боевых действий корпуса за время с 6 по 22 декабря. За две недели с небольшим гвардейцы освободили города Венев, Сталиногорск, Щекино, поселок Мордвес и другие. Противник потерял только убитыми 2150 человек. Было уничтожено 130 автомашин, 90 орудий, 31 танк. Части корпуса захватили 105 танков, 1985 автомашин, 164 орудия, 48 минометов, более 500 пулеметов, 45 тонн горючего, 2 миллиона пудов зерна. Было много и другого воинского имущества, учитывать которое мы не имели возможности, так как все время шли вперед, не задерживаясь подолгу на одном месте.

На запад!

О последней декаде декабря резко усилилась активность немецкой авиации. Даже в пасмурные дни самолеты группами и в одиночку висели над дорогами, бомбили и обстреливали из пулеметов колонны наших войск, обозы, автомашины. В светлое время просто невозможно было находиться на дорогах и вообще на открытых местах. Фашистские летчики гонялись за отдельными машинами, всадниками.

Утром 23 декабря я выехал на вездеходе в одну из дивизий. По лесу мы двигались спокойно. Однако вскоре лес кончился, и нам предстояло продолжать свой путь по полю. Прежде чем покинуть спасительный лесной массив, мы остановились посмотреть, нет ли поблизости самолетов противника.

В это время из леса выскочил на коне связист с телефонной катушкой в руках. Неожиданно откуда-то сбоку появился фашистский самолет. Он шел на бреющем полете, так низко, что издали казалось, будто шасси его вот-вот коснутся сугробов. Самолет пронесся над связистом. В морозном воздухе резко прозвучала длинная пулеметная очередь. Боец прищипорил коня и помчался по дороге. А самолет, набрав высоту, разворачивался - делал новый заход для пикирования.

- К лесу! К лесу давай! - кричал кавалеристу старший лейтенант Михайлов, выпрыгнув из машины. Связист был далеко и не мог слышать его. Но, видимо, он и сам догадался, что надо скорее добраться до укрытия. Всадник свернул с дороги к кустарнику. На поле лежал глубокий снег, конь двигался медленно, а гитлеровский самолет стремительно приближался.

Снова пулеметная очередь. Всадник упал.

Когда самолет скрылся из виду, я послал Михайлова помочь раненому кавалеристу. Увязая в сугробах, старший лейтенант добрался до связиста и вскоре вернулся. Боец был убит, а лошадь тяжело ранена.

Мы поехали дальше. Неподалеку от Одоева дорога круто спускается в низину, я увидел там одиноко стоявшую автомашину. Дорога и поле вокруг были изрыты воронками, валялись черные глыбы замерзшей земли. Тут тоже побывали недавно немецкие бомбардировщики.

Около крытого грузовика, в котором находилась радиостанция, стояли два красноармейца. На краю дороги лежал убитый командир. Я узнал его. Это был командир радиоэскадрона корпусного дивизиона связи гвардии капитан Богданов, смелый, инициативный, отличный знаток своего дела.

Улицы Одоева были пустынные, лишь изредка увидишь красноармейца или обозные сани. Немцы бомбили и обстреливали Одоevo с рассвета и до темноты, и не столько сам поселок, сколько дороги, расходившиеся отсюда в четырех направлениях.

Бойцы сидели в укрытиях, спасаясь от самолетов.

Незадолго перед моим приездом немцы пробомбили перекресток дорог. Бомбы угодили в небольшой парк. Взрывы повалили на землю толстые деревья, засыпали ветками, обломками досок, битым кирпичом шоссе, проходившее вдоль парка.

Ехать дальше было рискованно. Я решил дожидаться темноты, тем более что ночь в декабре наступает рано.

Резко возросшую активность вражеской авиации мы ставили в прямую связь с недавними сообщениями Совинформбюро, в которых говорилось, что наша конница успешно бьет немцев в районе Крапивны и преследует противника, убегающего на запад. Эти сообщения были для немцев чистым кладом. На нашем участке фронта у них образовался широкий разрыв между войсками 4-й полевой и 2-й танковой армий. Немецкое командование плохо знало обстановку здесь и никак не могло установить направление нашего удара. Благодаря сообщениям Совинформбюро оно совершенно точно узнало, что в разрыв вошел мой кавалерийский корпус. Мы вырвались вперед по сравнению с соседними нашими войсками, создали угрозу флангам и тылам обеих немецких армий. Фашистское командование немедленно воспользовалось точными сведениями, полученными из авторитетного источника. У противника не было свежих сил, способных остановить наше продвижение. Поэтому он бросил против нас авиацию, перенацелив ее с других участков фронта.

Мы с комиссаром сообщили Военному совету Западного фронта наши выводы и попросили принять меры, чтобы подобные сводки Совинформбюро больше не появлялись. Военный совет согласился с нами и принял меры. Но ошибка уже дала себя знать. Всего несколько слов текста дорого обошлись нам, за них пришлось расплачиваться жизнью десятков, а может быть, и сотен бойцов и командиров.

Немцы бомбили главным образом дороги, поэтому особенно велики были потери в артиллерийских подразделениях и в обозах. Мы потеряли большое количество упряжных лошадей, а это привело к тому, что артиллерия и пулеметные тачанки отставали от частей, которым приходилось наступать без огневой поддержки. Вместо сильных и рослых артиллерийских лошадей мы использовали верховых, но они были слишком слабы.

Отстали от передовых частей и обозы. Конные полки стремительно шли вперед, сами добывая себе на месте фураж и продовольствие. Все чаще случались перебои в снабжении горючим и боеприпасами.

Конница почти не имела защиты от атак с воздуха. Еще летом из штатов кавалерийских дивизий изъяли дивизионы зенитной артиллерии. Остались лишь взводы счетверенных пулеметов в полках. Но им очень редко приходилось вести огонь по противнику, так как немцы летали обычно на большой высоте. Погода благоприятствовала им. Но с 21 по 25 декабря низкая облачность и плохая видимость заставили их действовать чуть ли не на бреющих полетах. Теперь пришел черед наших пулеметчиков. За три дня расчеты

счетверенных пулеметов сбили шесть фашистских самолетов. Однако спасти положение пулеметчики были, конечно, не в состоянии.

Чтобы обезопасить наступающие войска от нападений с воздуха, требовались значительные зенитные средства и истребители.

В ответ на мои настойчивые просьбы командующий фронтом придал корпусу дивизион 20-миллиметровых зенитных пушек и роту крупнокалиберных зенитных пулеметов. Но пушки и пулеметы, установленные на машинах, были привязаны к дорогам. А дороги занесло снегом.

Спасаясь от вражеской авиации, части корпуса действовали в основном по ночам. В светлое время движение почти замирало. Люди и лошади прятались в укрытиях; орудия, машины и повозки маскировались от наблюдения с воздуха. Все это уменьшало потери, но снижало и темпы наступления.

Обеспечивать нашу оперативную группу должна была 28-я авиадивизия, имевшая на вооружении истребители. Но она базировалась далеко от фронта, и мы с ней не имели связи. Лишь в конце декабря прибыли ко мне представители авиадивизии и полка У-2. Я поставил авиаторам задачи, однако и после этого дело не улучшилось. наших самолетов в воздухе не было видно.

Как-то ночью я ехал верхом в село Подкопаево. Стоял крепкий мороз. Под яркой луной поблескивали на сугробах снежинки. Картина была красивая и мирная. И вдруг за одним из поворотов я увидел разбитый авиацией обоз. Трупы людей были уже убраны, но на дороге валялись убитые лошади, обломки саней и повозок, разбитые ящики с боеприпасами.

В сильном возбуждении я послал резкую радиограмму командиру авиационной группы генералу Николаенко, находившемуся в Туле: «Прекратите нейтралитет, начинайте воевать».

Эта радиограмма вызвала неожиданные, благоприятные для нас последствия. Ее перехватила радиостанция штаба Западного фронта, и оттуда последовало распоряжение генералу Николаенко: выехать в штаб 1-го гвардейского кавкорпуса и на месте организовать прикрытие наступающих войск с воздуха.

Николаенко прилетел в Подкопаево на У-2. День был солнечный, яркий. В пути самолет Николаенко несколько раз перехватывали немецкие истребители. Только мастерство пилота У-2 спасло генерала. Уже у самого Подкопаева «уточка» на наших глазах была атакована двумя «мессершмиттами». Опытный пилот прижал машину почти вплотную к земле и умело посадил на лесной поляне.

За генералом и прилетевшим с ним радистом я послал сани. Николаенко прибыл в штаб корпуса возбужденный, взволнованный только что пережитой опасностью.

- Ну, хорошо добрались? - спросил я его.

- Сам удивляюсь, как проскочили. Ведь это черт знает что!

- Нормальное явление, - пожал я плечами. - Немцы летают без помех, никто им не мешает.

Николаенко внимательно посмотрел на меня и перестал возмущаться.

В тот же день ему еще раз довелось убедиться, сколько неприятностей доставляет нам фашистская авиация. Едва мы сели обедать - появились гитлеровские бомбардировщики. Нам негде было укрыться, кроме как в избе. По звуку определяли, с какой стороны упадут бомбы и, укрываясь от осколков, «маневрировали» вокруг массивной печи, стоявшей посреди избы.

В разбитые окна врвался холодный воздух. Земля вздрагивала. Изба скрипела, и казалось, того гляди развалится. Обед наш очутился на полу.

- Фу, жарко! - сказал Николаенко, когда бомбежка кончилась.

- От печки, что ли? - усмехнулся я.

- И от печки тоже, - ответил Николаенко. - Вообще день неудачный какой-то.

- Самый обычный, - возразил я. - Необыкновенным будет тот день, когда вы наконец очистите от фашистов небо.

- Чем очищать-то? Только название одно - авиадивизия, а исправных самолетов раз, два

и обчелся...

Генерал Николаенко долго пробыл в корпусе. Он оказался человеком общительным, дело свое знал и любил. Мы часто останавливались с ним под одной крышей, много беседовали, обсуждали сложившуюся обстановку.

Взаимодействие с авиацией улучшилось. Стоило появиться в воздухе большой группе гитлеровских самолетов - Николаенко по радио вызывал свои истребители, нацеливая их на противника. Аэродром истребителей переместился ближе к линии фронта.

Генерал Николаенко искренне старался помочь нашим гвардейцам. Но сил, имевшихся в его распоряжении, было явно недостаточно, чтобы справиться с авиацией противника, брошенной против нашей оперативной группы. Фашистская авиация продолжала причинять нам чувствительные потери.

Опасаясь за стык между 4-й полевой и 2-й танковой армиями, гитлеровское командование стремилось во что бы то ни стало задержать продвижение нашего корпуса, остановить его на рубеже Оки. Противник, видимо, рассчитывал, что главные силы моей группы будут наступать по дороге из Одоева на Белев, по которой отходили остатки 112, 167 и 296-й немецких пехотных дивизий. Поэтому гитлеровцы готовили к упорной обороне Белев и Лихвин (ныне город Чекалин).

Учитывая это, я несколько изменил план наступления. Преследовать противника в направлении на Белев поручил 322-й и 328-й стрелковым дивизиям, действовавшим на левом фланге группы. В помощь им выделил 15-й полк гвардейских минометов подполковника Дегтярева. А на Лихвин наступали войска соседней, 50-й армии.

Если связать противника боями у Белева и Лихвина, он не сможет выделить значительных сил и средств, чтобы надежно прикрыть сорокакилометровый промежуток между этими городами. Я и решил нанести удар и форсировать Оку именно на этом участке, надеясь, что лед на реке уже достаточно крепкий и по нему можно переправить войска. Данные разведки полностью подтвердили эти предположения. Удалось узнать также, что у села Николо-Гастунь сохранился легкий мост.

23-24 декабря корпус на широком фронте вышел к Оке. Передовые отряды форсировали реку по льду - бойцы перешли ее, ведя коней в поводу. Рота фашистов, оборонявшая мост, была неожиданно атакована с обоих флангов. Немцы не успели уничтожить мост, и он перешел в наши руки.

Главные силы 1-й и 2-й кавалерийских дивизий переправились через реку почти без боя. Выставив прикрытие в сторону Лихвина, корпус устремился вперед, в тыл противника, путая его планы. Так начался набег на Юхнов.

Командование фронта усилило оперативную группу. 10-я армия должна была передать нам три кавалерийские дивизии - 41, 57 и 75-ю. Дивизии эти были легкими, как их тогда называли, имели в три раза меньше сил и средств, чем гвардейские дивизии корпуса. По сути дела, все они, вместе взятые, равнялись одной гвардейской. Но мы радовались и этому подкреплению.

Прежде всего надо было разыскать новые дивизии и вывести их в полосу действий оперативной группы. Но сделать это оказалось не так-то просто.

24 декабря в штаб корпуса прибыл на самолете заместитель командующего 10-й армией генерал К. С. Калганов, чтобы решить на месте вопросы взаимодействия.

- Еще трое суток назад вы должны были передать нам кавалерийские дивизии, - обратился я к нему, - но их до сих пор нет. Я давно уже послал разьезды, чтобы разыскать их. Однако о семьдесят пятой и пятьдесят седьмой все еще нет сведений. Где они?

- Сам не знаю, - смущенно ответил Колганов.

- Как же так? - удивился я. - Ведь это же дивизии вашей армии.

- Мы сами не имеем с ними связи, - признался Колганов. - Штабы все время в движении. Ищем, но не можем найти.

Не знаю, действительно ли штаб 10-й армии не имел связи с этими дивизиями или просто не торопился передавать их нам, чтобы не ослаблять свои силы. Во всяком случае, во

время войны подобные задержки случались нередко. Учитывая это, мы каждую новую часть или соединение, придававшиеся корпусу, разыскивали обычно сами и переводили в свою полосу действий. Так было под Серпуховом, под Каширой и в других местах.

Я попросил Колганова принять в состав 10-й армии 322-ю и 328-ю стрелковые дивизии, которые вели бой под Белевом. Целесообразность такого переподчинения состояла в том, что Белев входил в полосу действий 10-й армии; кроме того, пехота могла отстать от корпуса, быстро продвигавшегося вперед. Колганов обещал доложить об этом командующему армией. Когда все вопросы были решены, он улетел.

Вскоре к нам прибыли командир 41-й кавалерийской дивизии полковник М. И. Глинский, комиссар дивизии старший политрук П. Т. Кутузов и начальник штаба подполковник П. И. Русс. Глинского я знал давно, еще по службе в Москве, когда он был в Особой кавалерийской бригаде, а я - в инспекции кавалерии. Я считал его опытным и смелым командиром, хорошим товарищем. Он и теперь сумел первым привести в корпус свою дивизию.

На другой день прибыли наконец представители 57-й и 75-й дивизий. Командира 57-й полковника И. И. Мурова я тоже знал с 1927 года, когда он учился в отделении командиров эскадронов на кавалерийских курсах в Новочеркасске. Он запомнился мне бодрым, жизнерадостным человеком. Теперь я с трудом узнал бывшего лихого комэска. Муров постарел, вид у него был какой-то растерянный, горло завязано бинтом. Говорил натужно и хрипло.

Муров сразу же заявил, что болен ангиной, участвовать в походе не может, и стал проситься в госпиталь. Не знаю, насколько серьезно он был болен, но я решил, что с таким настроением он не принесет пользы. Я отпустил его. Вместо него командование 57-й кавдивизией принял один из командиров полков полковник М. Н. Завадовский. Кстати сказать, ангину Муров лечил очень долго. Мы ушли в набег, потом прорвались в глубокий тыл противника, а его все не было. До марта 1942 года он так и не вернулся в дивизию.

Командир 75-й кавалерийской дивизии полковник В. А. Конинский, раненный в бою, находился в госпитале. В командование дивизией вступил начальник штаба полковник М. Э. Москалик. С ним мы тоже встречались - в 1940 году в Славуте на полковом празднике. Я был тогда начальником штаба 5-го кавалерийского корпуса. Москалик пригласил меня на праздник в свой полк, которым я командовал в 1922-1926 годах. Мы посидели теперь с ним, вспомнили прошлые дни, товарищей по службе. Вместе с Москаликом приехал комиссар дивизии полковой комиссар Привалов. Побеседовав с ними, я убедился, что они понимают свои задачи и настроены по-боевому.

В тот же день 57-я и 75-я кавалерийские дивизии двинулись на запад, чтобы в темноте переправиться через Оку и догнать гвардейские соединения. 41-ю кавдивизию я оставил в резерве.

После того как к нам в группу влились новые войска, особенно важное значение приобрела связь. Наступление шло быстро, хотя в полосе действий группы не было ни единой шоссейной дороги. Части двигались по проселкам, часто через леса. Повсюду лежал глубокий снег. Корпусные и дивизионные радиостанции, установленные на машинах, отстали от штабов. Многие рации были повреждены или уничтожены немецкими самолетами. Радисты не всегда могли угнаться за часто перемещавшимися штабами.

Порой мы не имели радиосвязи даже со штабом Западного фронта. Приходилось изощряться, чтобы отослать донесение. 26 декабря, например, мы отправили донесение в штаб фронта самолетом. Но погода была плохая, бушевала метель. Опасаясь, что самолет не долетит, пришлось передать копию донесения через делегата связи 10-й армии.

В 30-х годах мне довелось служить в Белорусском военном округе, которым командовал командарм 1 ранга И. П. Уборевич. Он настойчиво учил нас пользоваться радио, тогда еще сравнительно новым видом связи, заботился, чтобы войска не ощущали недостатка в радиоаппаратуре и чтобы командиры сами умели работать если не на ключе, то с помощью микрофона. К сожалению, после того как Уборевич был оклеветан и

репрессирован, я не встречал больше среди общевойсковых военачальников таких энтузиастов внедрения радио.

В начале войны корпус, как, впрочем, и другие соединения Красной Армии, имел мало радиостанций. Немецкие генералы и офицеры разъезжали в машинах, снабженных рациями, и имели постоянную связь с подчиненными и с вышестоящими начальниками, даже находясь в движении. А наши радиостанции, установленные на машинах, можно было использовать, как правило, только на стоянке.

Применение радио затруднялось громоздкими кодовыми таблицами, сложным шифром. Иногда требовалось быстро передать срочное распоряжение. Но пока его зашифровывали, а потом расшифровывали, проходило много времени. И ничего больше не оставалось, как полагаться по старинке в основном на проводную связь, на делегатов связи и на личное общение с подчиненными. Разве могло удовлетворить это наши штабы в условиях маневренной войны, при стремительном движении по бездорожью на больших пространствах!..

Справедливости ради надо отметить, что горький опыт первого года войны был учтен Верховным Главнокомандованием. Вскоре радиостанции начали поступать в войска в значительном количестве, стали прибывать и хорошие радиоспециалисты, было упрощено шифрование, но коды до конца войны остались неудобными.

А в декабре 1941 года недостаток средств связи очень затруднял управление войсками, действовавшими на широком фронте. У меня в группе насчитывалось пять кавалерийских, две стрелковые дивизии и танковая бригада. Такой состав имела в то время добротная общевойсковая армия. Но армия располагала гораздо большим количеством раций. А в группе вся нагрузка легла на штаб корпуса, мало приспособленный к управлению такой массой войск.

В поисках выхода из затруднительного положения я послал своего заместителя по артиллерии полковника Семенова, дав ему в помощь капитанов Деревенца и Поха, руководить действовавшими под Белевом двумя стрелковыми дивизиями и 15-м полком гвардейских минометов. Получился импровизированный стрелковый корпус. Семенов находился при штабе дивизии, имевшей надежную связь со штабом оперативной группы.

57-ю легкую кавалерийскую дивизию я подчинил командиру 1-й гвардейской генерал-майору Баранову, 75-ю легкую кавдивизию - командиру 2-й гвардейской полковнику Осликовскому. Таким образом, было создано еще два импровизированных кавалерийских корпуса. Может быть, такое подчинение задевало самолюбие некоторых командиров, но эта временная мера целиком оправдала себя. Управление войсками стало более надежным. Радисты, хоть и работали с огромным напряжением, успевали обеспечить довольно устойчивую связь по всем каналам.

Непосредственно в своем подчинении я оставил 41-ю легкую кавдивизию и 9-ю танковую бригаду. К этому времени бригада начала пополняться новыми боевыми машинами. Полковник Таранов, которого я отослал в Тулу решать административные и хозяйственные вопросы, связанные с танковой бригадой, сообщил, что на пополнение прибыло двадцать три танка, среди них четыре КВ и четыре Т-34, остальные Т-60. Машины эти прибыли «россыпью» - с экипажами, но без командного состава, не объединенные в маршевые роты. Командир бригады полковник Кириченко, возглавив отряд из пятнадцати танков, повел его к линии фронта. Но танки двигались медленно и находились еще где-то в районе Крапивны.

Когда оперативная группа увеличилась до семи дивизий, ездить в части мне стало значительно труднее. Нахлынуло множество новых вопросов, решать которые можно было только в штабе группы, а Кириченко, стараясь сохранить устойчивую связь со штабом фронта и с подчиненными, стоял на одном месте и все больше отставал от войск. Тогда я решил передвинуть штаб группы как можно дальше на запад, а сам выехал вперед, в наступающие дивизии.

Мой адъютант окрестил наш полугусеничный вездеход «змеем», и это название так и

сохранилось за машиной. Грузовые и легковые автомобили застревают в сугробах. А «змеи» упорно полз вперед, прорываясь через снежные заносы, преодолевая наледи. И не только сам двигался, но и помогал вытащить застрявшие грузовики. Однако дороги были настолько плохи, что я не доверял даже вездеходу. На всякий случай следом за машиной ехали коноводы, ведя лошадей.

Переправившись через Оку по мосту возле Николо-Гастуни, мы свернули вправо и вскоре оказались в 96-м Белозерском кавполку, который был оставлен командиром дивизии в резерве близ станции Лихвин. Полк прикрывал свою дивизию со стороны Лихвина, в котором противник держался до 25 декабря. Кроме того, кавалеристы охраняли трофеи, захваченные на железнодорожной станции. В числе трофеев было много легковых автомашин, погруженных на платформы.

Однако надобность в прикрытии фланга дивизии давно уже отпала. Для охраны трофеев достаточно было тыловых подразделений, которые уже успели подтянуться к станции. Гвардейцы наши ушли вперед на шестьдесят - семьдесят километров, и полк остался в глубоком тылу. Все это показалось мне странным. Решил выяснить, в чем дело.

Командира полка подполковника М. Н. Данилина я знал еще с мирного времени. Он зарекомендовал себя исполнительным командиром, но, отличаясь медлительностью, обычно не спешил вступать в бой. Судя по всему, Данилину на этот раз понравилось состоять в резерве. В доме, где расположился его штаб, на столах, на лавках и даже на подоконниках стояли бутылки с ромом и всевозможными заграничными винами. Много было продуктов в немецкой упаковке: консервы, сыр, масло - всего не перечислишь.

Среди трофеев, захваченных на станции Лихвин, оказалась масса рождественских подарков, присланных немцам из Германии. Данилин решил использовать эти продукты, чтобы подкрепить своих бойцов, питавшихся во время преследования противника плохо и нерегулярно. Несколько дней бойцы и командиры отдыхали, как на курорте.

Формально Данилин был, возможно, и прав: он находился в резерве командира дивизии и ждал приказа двигаться дальше. Но я пристыдил его за отсидку в тылу, в то время как товарищи ведут напряженные бои. Какой же это резерв дивизии, если он находится дальше от линии фронта, чем штаб корпуса?! Делегат связи доберется к ним за сутки, да и то с трудом. Надо двигаться вслед за своим соединением, чтобы командир дивизии в любой момент мог использовать резерв.

Слушая мои упреки, командир и комиссар потупились. Убедившись, что они поняли свою ошибку, я приказал поднять полк по тревоге и догнать главные силы дивизии.

Впоследствии мне стала известна директива Гитлера от 16 декабря 1941 года, в которой, в частности, говорилось: «Группе армий «Центр». Недопустимо никакое значительное отступление, так как оно приведет к полной потере тяжелого оружия и материальной части. Командующие армиями, командиры соединений и все офицеры своим личным примером должны заставить войска с фанатическим упорством оборонять занимаемые позиции, не обращая внимания на противника, прорывающегося на флангах и в тыл наших войск».

Но никакое фанатическое упорство не способно было задержать продвижение советских полков и дивизий. В течение всего декабря 1-й гвардейский кавалерийский корпус наступал столь стремительно, что немцы бросали при отходе не только тяжелое оружие и автомашины, но даже винтовки и противогазы.

Фюрер считал главным сберечь технику, и меньше всего его тревожила судьба солдат. Ударили морозы, а немцы продолжали воевать в легких шинелях. Солдаты и офицеры грабили местное население. Но одеть все войска по-зимнему за счет населения было невозможно.

Вскоре после того как наши части форсировали Оку, разъезд из 1-й гвардейской кавалерийской дивизии двигался по глухому проселку. По обеим сторонам тянулся густой лес. И вдруг конь одного из всадников шарахнулся в сторону. Красноармеец увидел немецкого солдата, прислонившегося к стволу березы, и дал автоматную очередь,

- Хенде хох! - крикнул кавалерист. Но немец не шелохнулся, будто не слышал ни выстрелов, ни команды.

Гвардейцы подъехали ближе и увидели, что фашист мертв. Лицо его было совершенно белое, пилотка и плечи запорошены снегом. Немец замерз стоя. Он был не один. На поляне лежало больше сотни закоченевших трупов, некоторые замерзли в сидячем положении.

Среди трупов красноармейцы разыскали несколько немцев, в которых еще теплилась жизнь. Долго оттирали их, заставляли двигаться, прежде чем они хоть немного пришли в себя. Среди уцелевших фашистов оказался майор инженерных войск. Его доставили в штаб дивизии.

Офицер рассказал, что его рота восстанавливала под Лихвином железнодорожный мост через Оку, когда неожиданно появились советские войска. Боясь быть отрезанным, он повел роту на запад через леса: по дорогам уже двигались советские кавалеристы. Солдаты увязали в сугробах - майор торопил их. К вечеру люди совершенно обессилели, валились с ног. Пришлось сделать привал.

Мороз в ту ночь достиг почти тридцати градусов. А на немцах - холодные сапоги, тонкие штаны и шинели. Заснувшие солдаты больше уже не проснулись. До утра дожили лишь несколько человек, у которых хватило сил, чтобы согреть себя движениями.

Еще 16 декабря из состава 50-й армии генерала Болдина была образована подвижная группа под командованием генерала В. С. Попова. В ее состав вошли 112-я танковая и 31-я кавалерийская дивизии, два полка 154-й стрелковой дивизии, Тульский рабочий полк, 131-й танковый батальон, две батареи гвардейского минометного дивизиона и другие подразделения. Эта группа быстро вышла к Калуге и утром 21 декабря с трех сторон повела наступление на город.

Советские войска ворвались на окраину Калуги, но встретили яростное сопротивление врага. На усиление гарнизона фашисты перебросили из Можайска части 20-й танковой дивизии. Группа генерала Попова вскоре была окружена превосходящим противником и отрезана от своих. Начались затяжные уличные бои, продолжавшиеся несколько дней. Тем временем к городу приблизились главные силы 50-й армии. Но и они не смогли с ходу освободить город, так как гарнизон немцев значительно возрос и сопротивлялся отчаянно.

В этой обстановке особое значение приобрели действия нашей оперативной группы, наступавшей юго-западнее Калуги в тыл фашистских войск. Быстрое продвижение кавалеристов грозило немецкой группировке в этом районе окружением. Гитлеровское командование почувствовало опасность. Об этом свидетельствуют записи, сделанные в служебном дневнике начальником генерального штаба немецких сухопутных войск генералом Гальдером.

«27.12.41 г. Центральный участок фронта группы армий удерживался. На участке фронта у р. Ока прорвался кавалерийский корпус русских...

29.12.41 г. В районе разрыва фронта у р. Ока создана сильная боевая группа, которая ведет разведку боем. Однако это не мешает главным силам противника беспрепятственно продвигаться в направлении Юхнов. Придется оставить участок фронта у Калуги - севернее ее (выдвинутый вперед фронт восточнее Малоярославца). Это необходимо для того, чтобы высвободить часть сил с этого участка и бросить их против частей противника, прорвавшихся через Оку...»

В эти дни соединения оперативной группы наступали по двум направлениям: 1-я гвардейская, 57-я и 41-я кавалерийские дивизии - на Юхнов, 2-я гвардейская с 75-й кавдивизией - на Козельск. В наших частях осталось мало артиллерии, танки все еще не подтянулись к линии фронта. Это значительно ослабляло пробивную силу войск группы.

Гитлеровцы бросили навстречу нам силы, снятые с других участков. Их авиация по-прежнему господствовала в воздухе. Но гвардейцы продолжали наступать, тесня и

отбрасывая врага.

27 декабря 2-я гвардейская и 75-я кавалерийские дивизии подошли вплотную к Козельску, где оборонялись остатки 216-й и 296-й немецких дивизий. На подступах к городу противник встретил наши войска сильным артиллерийским, минометным и пулеметным огнем. Фашисты в большом количестве использовали и ранцевые огнеметы. Самолеты звеньями и эскадрильями бомбили и обстреливали наши наступающие части и обозы.

Одна бомба угодила в дом, где расположился штаб 2-й гвардейской кавалерийской дивизии (в селе Красный Клин). От взрыва ее погибли комиссар дивизии Т. Л. Веденеев, военврач 3 ранга Сотников и военюрист 3 ранга Григор.

Бой продолжался весь день, но не принес нам успеха. Противник оборонялся упорно.

Штурм Козельска продолжался всю ночь на 28 декабря. Скоывая гарнизон фронтальным наступлением с востока, наши войска одновременно обошли город с юга и северо-запада. Опасаясь полного окружения, немцы поспешно отступили, бросив много техники. По пятам гитлеровцев в город ворвались наши части.

Веденеева, Сотникова и Григора мы похоронили в сквере в центре Козельска.

Сразу же после освобождения города 2-я гвардейская и 75-я кавалерийские дивизии присоединились к главным силам оперативной группы, наступавшим на Юхнов.

Положение гитлеровских войск в районе Калуги и Малоярославца ухудшалось с каждым днем. С фронта их теснили войска 50-й армии, во фланг и тыл действовали кавалерийские дивизии моей группы. Немецко-фашистское командование начало отводить свои силы на запад. 30 декабря советские войска полностью очистили от противника Калугу - важный узел дорог, крупный экономический и административный центр.

После освобождения Козельска и Калуги немцы начали сдаваться не только тогда, когда оказывались в безвыходном положении, но и добровольно. Они предъявляли листовки-пропуска, которые разбрасывали наши самолеты. Длинные колонны пленных потянулись по заснеженным дорогам в тыл.

Чтобы спасти положение, гитлеровское командование принимало экстренные меры. Из тыла и с других участков фронта сюда перебрасывались новые войска. Гитлер снял с должности и перевел в резерв командующего 2-й танковой армией генерал-полковника Гудериана. Для бойцов и командиров 1-го гвардейского кавалерийского корпуса отставка этого любимца фюрера была особенно знаменательна. Мы воевали с танками Гудериана под Штеповкой, в районе Каширы, Тулы и Белева. Фактически его танковая армия потерпела полное поражение. В ней почти не осталось боевых машин.

Как я и предполагал, 322-я и 328-я стрелковые дивизии, ведшие тяжелый бой за Белев, значительно отстали от кавалеристов. Главные силы группы оторвались от них на пятьдесят - шестьдесят километров. 29 декабря приказом командования Западного фронта обе стрелковые дивизии были переданы в 10-ю армию. Это развязало нам руки.

По существу, мы находились уже в тылу противника. В свою очередь некоторые его части все еще держались в нашем тылу. Немцы, очевидно, надеялись закрыть брешь, через которую мы прорвались, восстановить фронт по Оке и окружить наш корпус. Но события развертывались не так, как хотелось гитлеровцам.

29 декабря в район Козельска вышла 239-я стрелковая дивизия 10-й армии и установила связь с моей группой. На следующий день эта и действовавшая левее ее 325-я стрелковая дивизии были подчинены мне взамен дивизий, оставшихся у Белева.

Утром 30 декабря 239-й и 325-й дивизиям была поставлена задача овладеть Мещовском, Мосальском и Сухиничами.

1942 год мы встречали в селе Подкопаево. В полночь собрались к праздничному столу командиры штаба корпуса. Пришли комиссар Щелаковский, полковник Грецов, начальник политотдела Милославский. Сослуживцы поздравили меня: в конце декабря мне было присвоено звание генерал-лейтенанта. Командир 2-й гвардейской кавалерийской дивизии Осликовский получил звание генерал-майора.

Первый тост был предложен за то, чтобы наступающий год принес нам новые победы в

борьбе с ненавистным врагом.

Марш-маневр усиленного 1-го гвардейского кавкорпуса проходил успешно. Казалось, еще несколько дней - и мы захватим или блокируем город Юхнов, перережем Варшавское шоссе и повернем на Медынь. Вражеская группировка, отступавшая от Калуги, оказалась бы в этом случае в полном окружении, создались бы благоприятные условия и для окружения главных сил 4-й полевой армии гитлеровцев.

Бойцы и командиры корпуса, понимая, что настал самый ответственный момент операции, действовали мужественно, несмотря на усталость и нехватку боеприпасов. Мы одну за другой освобождали деревни, выгоняя немцев на мороз. 2 января захватили юхновский аэродром. Несколько кавалерийских отрядов вышли на Варшавское шоссе, у деревни Касимовки, в восьми километрах юго-западнее Юхнова, освободив при этом около пятисот советских военнопленных, которых немцы намеревались угнать в Спас-Деменск.

Мы были уверены, что победа близка. 1-я гвардейская дивизия генерал-майора Баранова с 41-й и 57-й легкими кавалерийскими дивизиями наступала на город, держа под артиллерийским и минометным огнем пути отхода противника. 2-я гвардейская дивизия генерала Осликовского с 75-й легкой кавдивизией все больше поворачивала на север, стремясь выйти в тыл малоярославецкой группировки гитлеровцев. Мы намеревались как можно скорее покончить с врагом у Юхнова и всеми силами обрушиться на фашистов, отступавших из района Малоярославца.

4-я полевая армия противника оказалась в критическом положении. Это признавал и генерал Блюментрит, занимавший тогда должность начальника штаба 4-й полевой армии. Вот что он писал в статье «Московская битва» (сборник «Роковые решения»):

«Намерения русских были понятны. Они планировали широкое двойное окружение 4-й армии путем нанесения ударов на севере и юге. Их окончательной целью было окружение и уничтожение этой армии на ее позициях западнее Москвы. Немецкое командование почти не надеялось избежать окружения и разгрома огромной южной группировки. Русские медленно расширяли брешь между 2-й танковой и 4-й полевой армиями. У фельдмаршала фон Клюге не было резервов, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над южным флангом. Более того, 4-ю армию связывала с тылом только одна дорога. Она проходила через Юхнов, Медынь, Малоярославец и Подольск. Все остальные дороги в районе армии скрылись под толстым снежным покровом. Если бы русские, наступая с юга, сумели захватить нашу единственную жизненную артерию, с 4-й полевой армией было бы покончено».

А вот что писал тот же автор о событиях, происшедших в январе 1942 года:

«Что-то вроде чуда произошло на южном фланге 4-й армии. Нам было непонятно, почему русские, несмотря на их преимущество на этом участке фронта, не перерезали дорогу Юхнов - Малоярославец и не лишили 4-ю армию ее единственного пути снабжения. По ночам кавалерийский корпус Белова, который во второй половине декабря причинил нам так много беспокойства, продвигался в нашем глубоком тылу по направлению к Юхнову. Этот корпус достиг жизненно важной для нас коммуникации, но, к счастью, не перерезал ее. Он, продолжал продвигаться в западном направлении и скрылся где-то в огромных Богородицких болотах».

Блюментрит не во всем прав: Варшавское шоссе наш корпус перерезал, а уже потом ушел дальше на запад. Это подтверждает и бывший гитлеровский генерал К. Типпельскирх. Но какое же «чудо» спасло 4-ю полевую армию гитлеровцев от окружения и уничтожения? Никакого чуда, разумеется, не было.

В то время как положение под Юхновом сложилось для нас весьма удачно, когда наш успех почти не вызывал сомнений, мы получили из штаба фронта новую директиву. Она

отменяла прежнюю и ставила перед войсками более широкие, но и более трудные задачи. В этом документе, в частности, говорилось:

«...2. Создалась очень выгодная оперативная обстановка для окружения 4-й и 9-й армий противника, причем главную роль должна сыграть ударная группа Белова, оперативно взаимодействуя через штаб фронта с нашей ржевской группировкой.

Основа успеха вашей операции будет заключаться в быстроте выхода в район Вязьмы и захвате путей отхода противника. Ваш выход из района Юхнов на Вязьму в основном должен проходить в следующем плане:

а) Первый этап - 2-3 дня. Уничтожение юхновской группировки противника и содействие уничтожению противника 43, 49 и 50 армиями ударом с тыла. В этом этапе в район Юхнов стянуть как можно быстрее не менее двух стр. дивизий 50 армии (217 и 413 сд), одну легкую кавдивизию форсированным маршем выбросить для захвата ст. Чипляево и ст. Занозная.

б) Второй этап. Оставив в районе Юхнов две стр. дивизии 50 армии с задачей завершения ликвидации отходящего противника, самому с группой форсированным маршем захватить город Вязьму и все пути отхода противника, охватывая Вязьму с юго-западного фланга.

Ваш план представить не позднее 4.1.42.

Жуков. Хохлов. Соколовский. 2.1.42. 15.25» [6].

Замысел новой операции, излагавшийся в этой директиве, выглядел многообещающе. Окружить и уничтожить две немецкие армии - значит во многом предрешить в нашу пользу дальнейший ход военных действий.

В принципе это был смелый и значительный замысел. Но как его осуществить - вот вопрос. Не слишком ли широко замахнулись в штабе фронта? Ведь немцы далеко еще не утратили способности к упорному сопротивлению. Конечно, противник понес значительные потери, он уже не тот, что был месяц назад. Но и советские войска были ослаблены, утомлены в предыдущих боях. Отстала значительная часть танков, артиллерии, тылов и обозов. Хватит ли у нас сил и средств, чтобы окружить и уничтожить 4-ю и 9-ю полевые армии гитлеровцев? Не лучше ли действовать наверняка - добить 4-ю полевую армию, а потом приниматься за 9-ю? Вот о чем думал я, прочитав директиву.

Нужно было прежде всего окружить и разгромить немецкие войска в районе Юхнова, занять или блокировать этот город. Тем самым мы успешно завершили бы рейд. После этого наши дивизии могли бы двигаться на Вязьму, не опасаясь за свой тыл. Обстановка требовала действовать именно таким образом. Но вскоре после того как я отправил командующему фронтом план действий, был получен новый приказ. Он не только не учитывал выдвинутые мной доводы и соображения, но и во многом противоречил директиве от 2 января, полученной сутки назад.

Этот приказ отразился впоследствии на боевых действиях не только моего корпуса, но и всего Западного фронта. Привожу его в полном виде:

«Тов. Белову. От 3.1.42 г.

Ваше решение о повороте главных сил группы против щелканово-посской [7] группировки не отвечает оперативной обстановке и нашему плану в целом.

Отход ваших главных сил от мосальской группировки противника даст возможность противнику быстро закрыть образовавшийся прорыв и организовать оборону.

Приказываю:

1. Оставить часть сил против посской группировки противника, а главные силы повернуть на Мосальск для уничтожения группировки противника в районе Мосальска и выхода западнее Юхнова.

2. Против зубовско-посской группировки противника ударить 217 сд, действующей в районе Зубово. В этот же район выйдут 154 сд и 112 тд 50 А.

3. Ускорить выдвижение в Мещовск и Мосальск двух сд 10 А.

Жуков. Хохлов. Соколовский» [8] .

Приказ удивил меня своей непоследовательностью. Во-первых, мое решение о повороте главных сил корпуса против щелканово-посской (то есть юхновской) группировки противника соответствовало полученной накануне директиве: она требовала уничтожить на первом этапе юхновскую группировку гитлеровцев. Во-вторых, вызывал недоумение упрек за то, что будто бы мы отводим свои главные силы от Мосальска. При чем тут Мосальск? Мы не вели и не намеревались наступать главными силами на этот город, да никто и не приказывал нам этого. Против мосальской группировки гитлеровцев были выделены 239-я и 325-я стрелковые дивизии, переданные в мое подчинение из состава 10-й армии. Кроме того, противник в Мосальске не был в то время достаточно сильным, чтобы появилась необходимость повертывать на город еще и кавалерийские соединения. Там с немцами вполне могли справиться две стрелковые дивизии, возглавляемые моим заместителем полковником Семеновым. И, наконец, в-третьих, мне приказывалось ударить против зубовско-посской группировки фашистов силами 217-й стрелковой дивизии, но я не мог сделать этого хотя бы по той причине, что дивизия не подчинялась мне. Она входила в состав 50-й армии и действовала по указаниям своего командующего.

Мы сделали еще несколько попыток убедить Военный совет фронта в том, что гораздо целесообразнее действовать так, как предписывала его же директива от 2 января. Мы имели прекрасную возможность обойти Юхнов слева, ввести через разрывы в боевых порядках противника у деревни Касимовки и в других местах по меньшей мере четыре кавалерийские дивизии. Перерезав Варшавское шоссе и повернув на Медынь, эти дивизии начали бы громить тылы и штабы немецких войск.

Взаимодействуя с 43, 49 и 50-й армиями, мы окружили бы и уничтожили 4-ю полевую армию гитлеровцев или, по крайней мере, ее главные силы. А это, в свою очередь, значительно помогло бы Западному фронту разгромить и остальные войска немецкой группы армий «Центр», то есть выполнить задачу, поставленную Ставкой еще при

организации контрнаступления под Москвой.

К сожалению, этого не произошло. Мы с большим огорчением вынуждены были прекратить бой, близившийся к успешному завершению, и повернуть на Мосальск. По мнению командования Западного фронта, захват Мосальска должен был развязать нам руки для предстоящего рейда на Вязьму. Но эта дополнительная операция задержала нас на семь суток. За это время немцы успели закрыть разрывы в своих боевых порядках.

Овладеть же Юхновом было поручено вместо нас войскам 50-й армии генерала Болдина. 4 января из штаба Западного фронта была послана радиограмма:

«Т. Болдину.

1. Белов поворачивает на Мосальск. В дальнейшем действует в северном направлении.

2. Уничтожение противника и закрытие всех путей отхода через Юхнов возлагается на 50 А. Двигать быстрее 217, 154 сд, 112 тд, 31 кд и, сбивая противника в районе Плоское, быстрее овладевайте городом Юхнов.

Жуков» [9].

Однако, пока части 50-й армии подошли к городу, немцы успели усилить свою оборону за счет войск, отступивших от Калуги и Малоярославца. Задачу, которую в первые дни января наша группа могла решить относительно легко и быстро, 50-я армия выполнить не сумела, так как время было упущено. Важнейшая для противника дорога - Варшавское шоссе - осталась в его руках. А Юхнов удалось освободить только 4 марта 1942 года, то есть через два месяца. Да и то сделали это войска 49-й армии.

Возможность окружить и разгромить 4-ю полевую армию гитлеровцев была потеряна. Избежала окружения и 9-я полевая армия немцев. Из двух зайцев не удалось убить ни одного.

В чем же причина ошибки нашего высшего командования? По-моему, в следующем. Разгром фашистов под Москвой, успешное преследование отступающих гитлеровцев породили у некоторых военачальников преувеличенное представление о возможностях наших войск и привели к недооценке противника.

Мы двигались вперед, гнали врага. Но это давалось нам нелегко. Немцы, отступая, оказывали ожесточенное сопротивление. Советские войска устали, были слабо обеспечены боеприпасами, горючим и другими видами снабжения. Военный совет фронта не учел всего этого, когда решил, что овладеть Юхновом и окружить 4-ю гитлеровскую армию можно и без 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, который, кстати сказать, подошел к городу раньше и ближе, чем другие соединения.

1-й гвардейский кавкорпус получил приказ совершить рейд на Вязьму, что увеличивало глубину операции на сто километров. Эта задача сама по себе была очень сложная. Командование фронта еще больше усложнило ее, заставив расходовать силы и время на уничтожение мосальской группировки противника.

На решении Военного совета Западного фронта отразилась, видимо, та оценка оперативной и стратегической обстановки, которая выработалась тогда в Ставке Верховного Главнокомандующего. Успехи советских войск, достигнутые в декабре, породили в Ставке малооправданную надежду на то, что теперь можно добиться больших побед, не делая паузы перед новой наступательной операцией.

В Ставке ослабло критическое отношение к обстановке, многое представлялось в слишком розовом свете. Усилилось стремление проводить крупные операции, хотя

возможности для этого были далеко не всегда. Верховный Главнокомандующий начал утрачивать чувство меры. Войска 43, 49, 50-й армий и моей группы вполне могли окружить и уничтожить 4-ю полевую армию противника. Ставка распорядилась окружить сразу две армии - 4-ю и 9-ю.

В первых числах января в Ставке Верховного Главнокомандования вынашивался еще более крупный замысел - окружение всей немецкой группы армий «Центр», в которую кроме 4-й и 9-й полевых армий входили три танковые армии и авиационные соединения.

С этой целью намечено было провести так называемую Ржевско-Вяземскую операцию, к участию в которой привлекались главные силы Калининского, Западного и даже часть сил Северо-Западного фронтов.

Это решение Ставки, вероятно, и заставило командование Западного фронта расплыть и без того небольшие силы своего левого крыла.

Одновременно с замыслом окружения немецкой группы армий «Центр» Ставкой допускался и такой чрезвычайно оптимистический прогноз, как полный разгром гитлеровских войск в 1942 году. «Теоретической базой» для этого служили слова Сталина о том, что через несколько месяцев, через полгода или, в крайнем случае, через год гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений. Так было сказано на параде 7 ноября 1941 года.

Разрабатывая гигантские планы, Ставка иногда, как видно, не учитывала реальную действительность. А между тем Западный фронт уже исчерпал все свои резервы. Необходима была пауза для того, чтобы произвести перегруппировку, укрепить тылы. Нельзя забывать и о том, что большая часть войск не была еще моторизована. Люди тратили много сил для передвижения по дорогам и без дорог, для ведения боя в сложных зимних условиях, нередко оставались голодными из-за отставания тылов и перебоев в снабжении. Бойцам и командирам негде было выспаться и обогреться.

Решение Ставки продолжать операцию без паузы имело все признаки того огульного наступления, которое Сталин сам раскритиковал в 1929 году. Он говорил тогда: «...Не бывало и не может быть успешного наступления без перегруппировки сил в ходе самого наступления, без закрепления захваченных позиций, без использования резервов для развития успеха и доведения до конца наступления. При огульном продвижении, то есть без соблюдения этих условий, наступление должно неминуемо выдохнуться и провалиться. Огульное продвижение вперед есть смерть для наступления».

Сделавшись Верховным Главнокомандующим, Сталин сам забыл то, чему поучал. Пример тому - нереальный замысел разгрома группы армий «Центр» в начале января 1942 года.

Я отнюдь не утверждаю, что проведение наступательных операций без пауз вообще невозможно. Такие операции проводить можно и нужно. Однако для этого требуются определенные условия. В частности - более полная моторизация войск, чем это было во время сражения под Москвой.

По моему мнению, в той обстановке, которая сложилась в конце декабря - начале января 1941 года, оперативная пауза была просто необходима. Западный фронт должен был закрепить свой успех, перейдя к временной обороне, произвести перегруппировку для нового наступления, создать фронтовые резервы, подтянуть тылы, пополнить поредевшие войска. После этого Западный фронт совместно с Калининским, возможно, и прорвал бы оборону противника и, наращивая силу наступления за счет резервов, окружил бы и уничтожил войска группы армий «Центр».

Но планы Ставки не предусматривали ни оперативной паузы, ни перегруппировки сил с целью создания решающего превосходства над противником на главных направлениях.

Зима 1941/42 года была не только морозная, но и очень снежная. Вьюги заметали дороги. На улицах городов и деревень выросли высокие сугробы; постройки будто осели, сделались ниже.

Снег доставил нам много неприятностей. Особенно после того как корпус, выполняя

приказ командующего Западным фронтом, повернул на Мосальск. Немцы превратили город в узел сопротивления, подтянули сюда подвижные резервы. Бои приняли ожесточенный характер. Противник хотел во что бы то ни стало сохранить в своих руках важнейшую для него магистраль - Варшавское шоссе.

Немцам по шоссе доставляли боеприпасы в неограниченном количестве. А у нас позади были сотни километров снежной целины. База наша находилась в Туле, мы далеко ушли от нее. Я специально выделил группу командиров, которые привлекали местное население к расчистке дороги, ведущей на Тулу через Николо-Гастунь, Одоево и Крапивну. Но пока люди расчищали один отрезок дороги, пурга заметала другой. На всем пути от базы до линии фронта стояли застрявшие автомашины с грузами, предназначенными для корпуса.

В первых числах января штаб Западного фронта направил к нам несколько старших командиров, которые должны были помочь корпусу подготовиться к рейду на Вязьму, наладить снабжение. Они воочию убедились, в каком отчаянно плохом состоянии находилась дорога, связывавшая нас с тылом. Из Тулы они выехали на автомашине, но уже в Крапивне машину пришлось оставить и продвигаться дальше то на санях, то пешком. Дорогу завалили сугробы. Виднелись запорошенные снегом грузовики с боеприпасами и продовольствием.

Лишь 6 января эти командиры добрались наконец до штаба корпуса, который размещался в селе Подкопаево. Едва принялись они после отдыха за работу, как штаб атаковали три немецких танка. Эти танки отбились от своих и, потеряв ориентировку, оказались в расположении советских войск. Атака была отражена бойцами штабных подразделений. Но в воздухе появились гитлеровские самолеты.

- Ну и обстановочка, - покачал головой один из командиров.

- Вернетесь в штаб фронта, расскажите там обо всем, что видели, - посоветовал комиссар Щелаковский.

- Да уж рассказать будет о чем!

Побывавшие в корпусе командиры всячески старались потом помочь нам. По их докладу штаб фронта выделил добавочный автотранспорт, чтобы ускорить доставку грузов. Но толку от этого было не много. Машины застревали. Лишь единицы добирались до корпуса.

Продовольствие и фураж вообще перестали к нам поступать. Их мы старались изыскивать на месте. Но корпус находился в районах, где несколько месяцев продержалась немецкая власть. Гитлеровцы успели разграбить склады, вывезли на запад запасы. Жители делились с нашими бойцами тем, что имели, а имели они очень мало. Гвардейцы воевали на полуголодном пайке. Но самое главное, конечно, боеприпасы. Бойцы и командиры берегли каждый патрон, каждый снаряд и каждую гранату.

Когда завязались бои под Мосальском, огневое преимущество противника стало особенно заметно. Немцы встречали наши атакующие цепи плотным огнем, а с нашей стороны раздавались только редкие выстрелы.

Мне доложили, что в войсках корпуса совсем не осталось снарядов для 76-миллиметровых орудий. Не было и мин. Кончались патроны. Подразделения, штурмовавшие укрепления гитлеровцев, несли неоправданные потери. В таких условиях пытаться продолжать наступление было невозможно. Нельзя же допускать напрасную гибель бойцов и командиров! Я на свой страх и риск принял решение временно перейти к обороне.

Штаб корпуса изыскивал средства и способы, чтобы как можно скорее наладить снабжение войск. Надежда на автотранспорт была плохая. Часть боеприпасов перевозилась на лошадях. Потом штабу корпуса удалось добиться, чтобы снаряды и патроны доставили нам самолетами. Но прежде чем они поступили, мы получили радиogramму Военного совета Западного фронта. Узнав, что мы приостановили наступление, Военный совет потребовал «немедленно прекратить несоответствующие обстановке оборонительные действия», овладеть Мосальском и начать рейд на Вязьму. Вся вина за плохое снабжение войск была возложена на командование группы: «Отсутствие горючего, снарядов, продовольствия

происходит от вашей беззаботности. Вы не занимаетесь устройством тыла, ложно думая, что эта обязанность лежит на тыле фронта».

Такое обвинение выглядело по меньшей мере странным. Ведь в штабе фронта должны были знать, что кавалерийский корпус своих тылов не имел и только координировал работу дивизионных тылов. По всем правилам, дивизии кавалерийского корпуса должны были обслуживаться непосредственно тылом той армии или того фронта, которому корпус подчинялся оперативно. Нас обязан был обслуживать Западный фронт. Однако, не говоря даже о том, что тыл фронта работал недостаточно четко, на фронтовых базах зачастую не оказывалось необходимых запасов.

Вот несколько сводок по тылу Западного фронта, свидетельствующих о далеко не благополучном положении.

«4.1.42 г. Основными видами снабжения армии обеспечены, за исключением горючего и мин, запасы которых на складах армий и фронта очень незначительны, и возможны перебои...»

«6.1.42 г. Подача снабжения группе Белова затрудняется плохими дорогами...»

«7.1.42 г. Выбрасываются боеприпасы группе Белова - самолетами...»

«8.1.42 г. Имеется снижение запасов в войсках ввиду недостатка автотранспорта при растяжке подвоза и плохих дорогах. Требуется усилить фронт автотранспортом...»

«15.1.42 г. Запасы фронтовых складов незначительны, особенно мин всех калибров и 76-мм выстрелов, а также жиров и овса» [10].

Начальник тыла фронта признавал, что важнейших видов боеприпасов на складах мало, что доставка их в войска очень затруднена, что бывают перебои в снабжении. От этого прежде всего страдали бойцы и командиры, находившиеся на передовой, страдали люди нашего корпуса.

Как ни тяжело было нашим солдатам и командирам, но плохое снабжение не повлияло на моральное состояние частей. Едва только транспортные самолеты доставили боеприпасы, я отдал приказ продолжать наступление на Мосальск.

Мы снова предприняли обходный маневр. Наши войска обошли город с юга. Опасаясь полного окружения, гитлеровцы начали отводить свои части, прикрываясь сильными арьергардами. Мы по пятам преследовали фашистов. 8 января наши войска ворвались на окраину города, а на следующий день полностью очистили его от противника, захватив богатые трофеи и пленных.

Битва под Москвой закончилась. Еще полтора месяца назад немцы были уверены, что через несколько дней пройдут торжественным маршем по Красной площади. А теперь они откатывались на запад, думая лишь о том, как спастись. Фашистские армии, до сих пор считавшиеся за рубежом непобедимыми, были разбиты на подступах к нашей столице.

За полтора месяца 1-й гвардейский кавалерийский корпус проделал трудный путь от Каширы до Мосальска. Если брать по прямой, не считая извилин дорог и маневрирования полков и дивизий, то путь этот равен четыремстам километрам, отвоеванным у противника в жестоких боях. Корпус принимал участие в освобождении Московской, Тульской, Калужской и Смоленской областей. Гвардейцы гордились тем, что вместе с другими

советскими войсками сумели остановить врага и отбросить его от столицы.

Часть вторая

Через Варшавское шоссе

Десять суток мы вели напряженные бои, пытаясь прорваться через Варшавское шоссе, чтобы выйти в тыл противнику. И безуспешно. Шоссе было важнейшей жизненной артерией 4-й немецкой армии. По нему доставлялись грузы, перебрасывались подкрепления, вывозились раненые. Для защиты этой артерии гитлеровское командование не жалело ни сил, ни средств.

С начала зимы немцы расчищали шоссе. По обеим сторонам его образовались высокие снежные валы, закрывавшие шоссе от глаз наших наблюдателей. В некоторых местах фашисты облили валы водой, превратив их в ледяные. Под защитой этих валов гитлеровцы имели возможность незаметно для нас маневрировать резервами.

В населенных пунктах на подступах к шоссе враг оборудовал многочисленные очаги обороны. Деревни были опоясаны окопами и проволочными заграждениями, наиболее прочные постройки приспособлены под доты. Противник располагал подвижными резервами, которые быстро перебрасывались на угрожаемые участки.

Моя группа имела тридцатикилометровую полосу наступления между двумя общевойсковыми армиями и вынуждена была отбивать сильные контратаки гитлеровцев, действия которых становились все более активными. Это затрудняло сосредоточение наших войск для нанесения удара по врагу на узком участке прорыва.

Во второй половине января группа состояла из пяти кавалерийских и двух стрелковых дивизий, ослабленных к этому времени значительными потерями. Нам были приданы пять лыжных батальонов. Вместе с частями усиления группа на 20 января насчитывала в своем составе до двадцати восьми тысяч человек. Нам противостояли четыре немецкие дивизии - 216-я, 403-я пехотные, 10-я моторизованная и 19-я танковая. Попадалось много пленных и из частей, не входивших в эти дивизии. Значит, гитлеровцы усиливали войска, оборонявшие Варшавское шоссе между Юхновом и Мосальском, за счет полков и батальонов, снятых с других направлений.

По численности силы были приблизительно равны. Но немцы имели около шестидесяти танков, а мы - только восемь. Гитлеровцы господствовали в воздухе. Их самолеты с рассвета до темноты бомбили и обстреливали наши боевые порядки, тылы и обозы. А приданный нам авиационный полк располагал всего-навсего тремя исправными истребителями. Нередко бывало так: ночью наши части продвигались вперед, захватывали несколько населенных пунктов, а днем авиация противника наносила массированный удар, гитлеровская пехота поднималась в контратаку и с помощью танков отбрасывала гвардейцев назад.

На рассвете 18 января 131-й кавалерийский полк с ротой 115-го лыжного батальона неожиданной и стремительной атакой смял боевое охранение противника и ворвался в село Трушково. Гвардейцы и лыжники выбивали немцев из каждого дома, забрасывали их гранатами, расстреливали из автоматов. К полудню село было полностью освобождено. Мы на несколько километров приблизились к Варшавскому шоссе. Однако гитлеровцы не смирились с поражением. Над селом появились вражеские самолеты. Они шли волна за волной, сбрасывая бомбы. В Трушково горели и рушились постройки. Большие потери понесли наши подразделения, занявшие оборону на окраине села.

Потом началась контратака, поддержанная артиллерией. Немцы бросили на деревню пехоту с танками. Противник имел на этом участке подавляющее численное превосходство, но наши гвардейцы и лыжники дрались за каждый дом, за каждую постройку. Многие бойцы и командиры были ранены, многие погибли. В роте лыжников уцелело всего десять человек.

Но и гитлеровцы понесли большие потери. Более ста немецких трупов валялось на улицах.

Противнику удалось захватить Трушково. Однако ненадолго. Едва опустилась ночь, части 1-й гвардейской кавалерийской дивизии снова пошли в наступление и ворвались на окраину деревни. Бой за Трушково продолжался потом еще несколько суток.

Так мы пробивались к Варшавскому шоссе.

Заранее подготовленную оборону противника прорывают, как правило, общевойсковые соединения, а потом уже, для развития тактического успеха в оперативный, в прорыв вводятся подвижные группы. Однако и такой способ не всегда приводил к успеху.

Взять, к примеру, Погорелово-Городищенскую операцию, проводившуюся войсками Западного фронта в августе 1942 года. Вражескую оборону прорывали стрелковые соединения 20-й армии при поддержке артиллерии, танков и авиации. Достигнутый успех развивала армейская подвижная группа полковника П. М. Армана, состоявшая из танковых и моторизованных частей. И лишь после этого в прорыв должна была войти подвижная группа Западного фронта под командованием генерала И. В. Галанина - два танковых корпуса и гвардейский кавалерийский. Но и при таких условиях армейская и фронтовая подвижные группы, имевшие в общей сложности около шестисот танков, не смогли развить тактический успех в оперативный.

А мы должны были сами оборонять широкий участок фронта, сами прорывать заранее подготовленную оборону и сами развивать тактический успех в оперативный. И все это при отсутствии танков, с малым количеством артиллерии. Надо учесть еще и то, что наш левый фланг оставался открытым, так как соседняя, 10-я армия отстала от нас. Образовался двадцатикилометровый разрыв.

Мы меняли тактику, наносили удары то в одном, то в другом месте, то днем, то ночью, но всюду наталкивались на упорную оборону гитлеровцев. И все-таки задачу надо было выполнить во что бы то ни стало.

Изучая сведения о противнике, собранные разведкой и при опросе пленных, мы убедились, что немцы, обороняя главным образом населенные пункты, мало уделяют внимания лесным массивам. Поэтому для прорыва мы выбрали узкую полосу леса, которая тянулась вдоль восточного берега реки Пополты до самого Варшавского шоссе. По другую сторону шоссе тоже был лес.

В полях и лесах лежал снег глубиной восемьдесят сантиметров и больше. А это означало, что мы не можем взять с собой артиллерию, обозы и те несколько танков, которые имели. Однако из двух зол приходилось выбирать меньшее. Важно было перебросить через шоссе главные силы кавалерийских дивизий, а там расширит и закрепит прорыв пехота, через образовавшуюся брешь следом за нами пройдут артиллерия, обозы и части прикрытия.

Началась перегруппировка дивизий к правому флангу. Первым перешел на восточный берег Пополты и разведка лес 115-й лыжный батальон. Скрытно продвинувшись почти до самого шоссе, лыжники убедились в том, что в темное время противник не контролирует лес.

В ночь на 26 января вслед за 115-м батальоном на подступы к Варшавскому шоссе вышли 116-й лыжный батальон и 1092-й стрелковый полк 325-й стрелковой дивизии. На рассвете гитлеровцы обнаружили наши головные части и попытались отбросить их назад. В лесу восточнее села Подберезье завязался бой. Противник начал было теснить 116-й лыжный батальон и 1092-й стрелковый полк. Но на помощь подоспели 57-я кавалерийская дивизия и 115-й лыжный батальон. Фашисты отступили, понеся очень большие потери. Тогда 1092-й стрелковый полк, преследуя немцев, захватил мост на шоссе севернее Подберезья. Полку было приказано во что бы то ни стало удерживать занятый рубеж.

Итак, небольшой отрезок Варшавского шоссе находился в наших руках. Теперь дорог был каждый час, каждая минута. Я вызвал к телефону командира 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, которая вместе с 75-й легкой кавалерийской дивизией составляла второй эшелон группы и должна была наращивать удар.

- Вы готовы? - спросил я Осликовского.

- Да. Полки уже подходят к шоссе.

- Действуйте, Николай Сергеевич! Желаю успеха! В эту ночь в штабе никто не ложился спать. Мы с напряженным вниманием ждали, как будут развиваться события.

Под прикрытием темноты 2-я гвардейская и подчиненная Осликовскому 75-я легкая дивизии вышли к месту прорыва'. По существу, они превратились теперь из второго в первый эшелон группы. Отбрасывая вражеские заслоны, сабельные эскадроны переправлялись через шоссе. Противник попытался закрыть проход. Завязался огневой бой. Но мы предвидели это и заранее стянули к месту прорыва свою артиллерию. Как только начали бить немецкие батареи, а на шоссе появились танки, наши артиллеристы поставили заградительный огонь и прикрыли фланги наступающих кавалерийских частей. К сожалению, из-за нехватки снарядов заградительный огонь был непродолжителен.

К утру стало ясно, что прорыв удался. Главные силы 2-й гвардейской и 75-й кавалерийских дивизий пересекли Варшавское шоссе и, оказавшись севернее его, двинулись дальше. Однако Осликовскому не удалось взять с собой ни минометов, ни дивизионной артиллерии, не говоря уже об обозах. Не прошла по глубокому снегу и машина с радиостанцией.

На рассвете немцы подбросили в район Подберезья пехоту с четырьмя танками и тремя бронев автомобилями. Они атаковали 1092-й стрелковый полк, захвативший мост, и оттеснили наши подразделения. Мост снова оказался в руках противника, а это значило, что фашисты восстановили контроль над всем шоссе и прервали наше сообщение с ушедшими вперед дивизиями.

Мы понимали, что кавалеристам, оказавшимся севернее шоссе, приходится очень трудно. Утром 27 января было хорошо видно, как в той стороне кружатся в воздухе десятки вражеских самолетов. По-видимому, наши части в тылу гитлеровцев вели тяжелый бой. Помочь им мы могли только одним способом - скорее организовать прорыв следующего эшелона, то есть 1-й гвардейской и части сил 57-й дивизий.

Прошел день, наступил вечер, а от Осликовского не было никаких известий. Я направлял на поиски разъезды, посылал специальный самолет, но обнаружить ушедшие части не удалось. Где они? Что с ними? Эти мысли ни на минуту не оставляли меня.

Второй эшелон, готовившийся к прорыву, я намеревался возглавить сам, но заместитель командующего Западным фронтом генерал Г. Ф. Захаров приказал мне остаться, чтобы потом вести замыкающие группу части 325-й стрелковой и 41-й кавалерийской дивизий.

Генерал Захаров прибыл с поручением побудить нас скорее выполнить задачу. Присутствие его создавало нервную обстановку. Он щедро расточал угрозы, прибегал к самым крутым мерам. Я не мог согласиться с его «методами» управления. Люди в корпусе были опытные и добросовестные. Если и случались неудачи, то, как правило, не по вине наших командиров, а из-за ожесточенного сопротивления врага, превосходившего нас в танках, артиллерии и авиации.

Одним из первых на глаза Захарову попался майор Кононенко. Ни с того ни с сего генерал обвинил его в том, что корпус не имеет хороших дорог для движения автомашин. Кононенко, как говорится, едва унес ноги и ушел в прорыв вместе с генералом Осликовским. Вообще командиры старались избегать встреч с Захаровым.

К этому времени полковник Грецов был отозван в штаб фронта. Впоследствии мы узнали, что Михаила Дмитриевича послали в Подольск на должность начальника курсов младших лейтенантов. Он перешел на преподавательскую работу, о которой давно мечтал. Вместо Грецова в корпус прибыл полковник М. М. Заикин, ранее командовавший стрелковой дивизией. Он окончил в свое время Академию имени Фрунзе, но не имел качеств, необходимых для начальника штаба кавалерийского корпуса. Через неделю после прибытия он получил легкое ранение в ногу, отправился в госпиталь и в рейд не пошел. На плечи Майоров Вашурина, Шреера и других легла дополнительная нагрузка.

Минули почти сутки с тех пор, как эшелон генерала Осликовского пересек Варшавское шоссе. Донесений от него по-прежнему не поступало. И только в 18 часов 27 января прибыл

наконец посыльный. Старший сержант Коробков сумел пробраться между немецкими опорными пунктами, а потом верхом проскочил под вражеским огнем через шоссе. Его сразу же привели ко мне.

Осликовский доносил, что на пути движения его частей немцы подготовили сильный опорный пункт в селе Стреленки. Наши дивизии атаковали село. Гитлеровцы оказали очень упорное сопротивление, так что бой продолжался до середины дня. Наконец противник был выбит из села. Но не прошло и часа, как немцы, имея значительное превосходство в силах и средствах, начали контратаку, и кавалеристы вынуждены были оставить Стреленки. Однако гвардейцы не повернули назад. Генерал Осликовский повел обе дивизии дальше в тыл противника. Пробиваясь без дорог, по глубокому снегу, они вышли к селу Куколка и захватили его.

С донесением Осликовского старший сержант Коробков привез записку майора Кононенко. Кроме сведений о противнике начальник разведки сообщал, как трудно приходится гвардейцам. Люди двое суток не отдыхали, находясь все время под открытым небом, на сильном морозе, горячей пищи не получали. Обессиленные лошади падали от усталости, кормить их было нечем. С рассвета до темноты вражеская авиация бомбила и обстреливала кавалеристов из пулеметов. В подразделениях появилось много раненых, которых некуда эвакуировать.

Теперь мы знали, где находится Осликовский и какова там обстановка. Через несколько часов я приказал командиру 1-й гвардейской кавалерийской дивизии генерал-майору Баранову начать прорыв через шоссе несколько правее того участка, где прорывались дивизии первого эшелона. Учтя ошибку Осликовского, не сумевшего взять с собой артиллерию, минометы и радиостанцию, Баранов переправил через шоссе часть своих орудий и дивизион 107-миллиметровых минометов под командованием капитана Мельникова.

Командир 57-й легкой кавалерийской дивизии полковник Завадовский прямого приказа о переходе в тыл противника не имел. Но, увидев, что 1-я гвардейская дивизия успешно продвигается вперед, он повел следом за ней эскадроны двух своих ближайших полков. А из 41-й легкой кавдивизии, которая должна была действовать вместе с гвардейцами Баранова, до рассвета сумел прорваться только один полк, главные же силы дивизии остались на месте.

Как бы там ни было, но к утру 28 января части Баранова оказались по ту сторону Варшавского шоссе. Снова выбивать немцев из села Стреленки пришлось частям Баранова. Теперь бой был недолгим. 107-миллиметровые минометы подавили огневые точки противника, и в населенный пункт ворвался 160-й гвардейский кавалерийский полк подполковника А. В. Князева. Генерал Баранов сообщил радиোগраммой, что Стреленки освобождены и наши подразделения продолжают углубляться во вражеский тыл.

К прорыву готовился третий эшелон - штаб корпуса, 41-я легкая кавдивизия полковника Глинского, 96-й Белозерский кавалерийский полк, отставший от 1-й гвардейской кавдивизии, а также пять танков и часть обозов. Всего в третьем эшелоне насчитывалось более двух тысяч человек.

Генерал Захаров пытался удержать меня и на этот раз, предлагая двигаться с частями 325-й стрелковой дивизии, которая по плану должна была замыкать группу. Однако его удалось убедить, что мне со штабом целесообразнее находиться ближе к своим войскам и на месте руководить ими. Кстати, 325-я стрелковая дивизия так и не сумела прорваться вслед за кавалеристами. Она осталась на месте и была потом включена в состав 50-й армии.

Заместителю начальника штаба корпуса по тылу полковнику Сакунову я приказал возглавить части и подразделения, которые не брались в рейд: 212-й кавалерийский полк, ожидавший получения лошадей, и дивизионные тылы. Сакунов должен был находиться в Мосальске и поддерживать со мной связь по радио.

Вечером 28 января, едва стемнело, мы выступили в поход, намереваясь следовать тем же маршрутом, по которому прошел генерал Баранов. Весь штаб корпуса двигался в конном строю. Радиостанции везли на санях.

Достигнув села Дубровня, я получил сообщение командира 41-й кавалерийской дивизии полковника Глинского, что у противника отбиты деревни Сычево и Бесово. Глинский просил разрешения двигаться через эти деревни, то есть значительно правее того места, где прорывался Баранов. Я разрешил, так как действительно противник усилил свои войска, оборонявшие шоссе близ моста через реку Пополту, и прорываться на этом участке пришлось бы с боем. А тут гитлеровцы, видимо, не ожидали нашего появления.

Штаб 41-й дивизии я нагнал возле деревни Бесово. Глинский доложил, что он взял из местных жителей проводников и эскадроны движутся на север по летней дороге, о существовании которой противник не знает. Правда, дорога эта была занесена снегом, по ней никто зимой не ездил, но все же она сослужила нам хорошую службу.

Ночь выдалась очень темная, поднялась сильная метель. В десяти метрах трудно было различить всадника. Я мысленно похвалил Глинского за проводников. Без них подразделения могли бы сбиться с маршрута. Кавалеристы ехали колонной по два, прокладывая путь через снежную целину. В некоторых местах кони проваливались в сугробы по брюхо. Изредка слышалась негромкая ругань, слова команд. Снег оседал на крупах коней, запорошил плащ-палатки, накинутые бойцами и командирами поверх шинелей.

Метель помогла нам незаметно пройти между двумя расположенными близко одна от другой деревнями, в которых засели гитлеровцы. Их дозорные не спали. В воздух то и дело взлетали ракеты, но при таком снегопаде они не могли осветить местность.

Меня беспокоило то, что наша колонна двигалась недостаточно быстро. Надо было поторопить 168-й кавалерийский полк полковника Панкратова, находившийся в авангарде. Захватив с собой трех штабных командиров и адъютанта, я поехал по полю, обгоняя колонну. Мой выносливый дончак Победитель хорошо шел по глубокому снегу.

Панкратова мы разыскали у самого шоссе. Полковник стоял среди деревьев на краю дороги.

- Доложите обстановку, - негромко сказал я.
- Противника поблизости нет, товарищ генерал. Один мой эскадрон уже на той стороне,
- показал рукой командир авангарда.
- Почему не переправляете остальных?
- Жду донесения от головного отряда.
- Вы задерживаете всю дивизию и штабы. Колонна стоит вам в затылок. Сейчас же займите выгодные позиции справа и слева, чтобы остановить немцев, если они появятся. Поставьте противотанковые орудия и пулеметы. Выделите в прикрытия два эскадрона. Остальные переправляйте немедленно.

Пока полковник отдавал приказания подчиненным, я с группой командиров проехал вперед. Вот оно, Варшавское шоссе, доставившее нам столько неприятностей! Широкое полотно его расчищено, гладко укатано колесами автомашин. Видны следы танковых гусениц. По обеим сторонам - высокие снежные валы. Я воочию убедился в том, какие прекрасные условия имели гитлеровцы для быстрого и скрытного маневрирования резервами. Надо было торопиться, чтобы успеть переправить главные силы, пока противник не обнаружил нас и не бросил к месту прорыва свои танки и мотопехоту.

Шоссе осталось позади. Я догнал головной эскадрон, остановившийся в полукилометре от села Стреленки. Командир эскадрона послал в село разъезд и ожидал его возвращения. Пришлось подождать и нам.

Метель кончилась, видимость значительно улучшилась. Стали заметны следы недавнего боя. На опушке леса лежало около тридцати трупов наших бойцов, прикрытых белым саваном свежего снега. Это были люди из 2-й гвардейской и 75-й легкой кавалерийских дивизий, первыми прорвавшиеся через шоссе. Они погибли во время боя за Стреленки. В лесу я увидел несколько раненых лошадей, которые стояли возле деревьев и грызли кору.

Вскоре возвратился разъезд. В селе противника не оказалось.

Когда мы въехали в Стреленки, я понял: гвардейцы Осликовского и Баранова, штурмовавшие село, не даром пролили свою кровь. Около каждого дома валялось по три, по четыре, а то и по пять окоченевших трупов немецких солдат и офицеров. Кавалеристы отплатили гитлеровцам за товарищей, павших на подступах к селу.

К часу ночи в Стреленки прибыл штаб корпуса. Комиссар Щелаковский слез с коня и подошел ко мне. Мы обменялись крепким рукопожатием.

Все войска третьего эшелона пересекли Варшавское шоссе без боя. Лишь под утро немцы обнаружили наши подразделения, замыкавшие колонну, и сразу же бросили к месту прорыва танки. Но они успели отрезать только хвост нашего обоза. Сосредоточившись в районе Стреленок, части третьего эшелона заняли круговую оборону, замаскировались от наблюдения с воздуха в лесу, окружавшем село.

День наступил морозный и солнечный. Блестел свежевывпавший снег. В холодном голубом небе появились немецкие самолеты - сначала «хейнкели», за ними «юнкерсы-86». Они рыскали над селом, над окружающими лесами, пытаясь обнаружить конницу. Но наши люди сумели отлично замаскироваться. Село казалось вымершим.

Полагая, что до наступления темноты авиация противника не прекратит поисков, мы решили остаться в Стреленках до вечера. Люди отдыхали. Штаб разрабатывал маршрут и порядок движения. Было найдено несколько надежных проводников из местных жителей.

В сумерках наш третий эшелон отправился в путь. Подразделения двигались без дорог, по лесу. Головных всадников приходилось часто менять: их кони, прокладывавшие путь в глубоком снегу, быстро уставали. Некоторое время откуда-то слева слышались приглушенные звуки выстрелов. Я предполагал, что это ведет бой 325-я стрелковая дивизия, которая тоже должна была прорваться через шоссе. Однако стрельба постепенно затихала и вскоре прекратилась совсем.

Лесные деревушки, через которые мы проезжали, были переполнены нашими лыжниками и кавалеристами, которые сумели мелкими группами пересечь Варшавское шоссе еще до того, как в тыл врага прошли части под командованием Осликовского. Некоторые бойцы уже прочно обжились в теплых избах. Я приказал штабу заняться этими людьми, организовать их и направить в свои подразделения.

Мне было известно, что десять суток назад в тылу врага высадился авиадесантный отряд - два батальона парашютистов, общей численностью более семисот человек. Командовал отрядом капитан И. А. Суржик, а комиссаром его был политрук П. А. Захаров. Парашютисты имели приказ наступать на юг, на деревню Людково, и помочь нашему корпусу прорвать оборону противника. Однако активных действий отряд не вел и практической помощи нам не оказал.

Главные силы авиадесантного отряда занимали 30 января населенные пункты Татьянино, Бородино, Александровку и Андрияново. Штаб Суржика находился в деревне Новой. Одна из рот парашютистов достигла Тыновки, где и остановилась. Проезжая через эту деревню, мы встретились наконец с десантниками.

Я решил сделать в Тыновке привал. За Суржиком были посланы на лыжах несколько парашютистов, и капитан довольно быстро явился ко мне. На вопросы о том, почему он держит свои силы далеко от линии фронта, почему не наступал ни на Людково, ни на Стреленки, Суржик не мог дать вразумительного ответа. У меня сложилось впечатление, что командир парашютистов - человек чересчур осторожный, не способный действовать, настойчиво и проявлять инициативу. Последующие события полностью подтвердили правильность этого мнения.

Близился рассвет, когда мы приехали в населенный пункт Вязовец. Еще до начала прорыва все командиры дивизий были предупреждены, что в этой деревушке, затерянной среди лесов, остановится штаб корпуса. Поэтому здесь нас уже ожидали делегаты связи, присланные штабами соединений. С их помощью мне удалось быстро собрать в Вязовец командиров и комиссаров дивизий.

Началось наше первое совещание в тылу противника. Мы со Щелаковским выслушали

краткие доклады командиров о состоянии войск, подвели некоторые итоги. Выяснилось, что через Варшавское шоссе прорвалось в общей сложности около семи тысяч человек.

- Ну что же, товарищи, - сказал я, развертывая топографическую карту. - Одно дело сделано. Теперь впереди у нас - Вязьма. До нее около девяноста километров. Будем наступать на Хватов Завод и дальше на север.

По замыслу Ставки Верховного Главнокомандования советские войска должны были в январе - феврале завершить окружение и уничтожение группы армий «Центр», начатое во время Московской битвы. Эта задача была поставлена перед Западным и Калининским фронтами, занимавшими охватывающее положение по отношению к фашистским войскам. Ставка дала указания по проведению Ржевско-Вяземской наступательной операции.

Немцы, отброшенные от Москвы, успели стабилизировать свои позиции, однако их оборонительные полосы еще не имели большой тактической глубины.

Перед началом операции Западный и Калининский фронты имели некоторое превосходство над противником по пехоте. Зато у немцев было значительно больше танков, артиллерии и авиации.

В таких условиях особенно необходимо было создать на главных направлениях мощные ударные группировки, хотя бы за счет переброски войск с других участков. К сожалению, принцип сосредоточения сил был нарушен в самом начале.

По плану операции Калининский фронт наносил главный удар своим правым крылом, концентрируя для этой цели западнее Ржева три армии и подвижную группу.

Западный фронт, имевший больше войск, должен был наступать на нескольких направлениях. Перед 20-й армией, усиленной 2-м гвардейским кавалерийским корпусом, танковой дивизией и другими частями, стояла задача прорвать оборону противника и наступать на Шаховскую, Гжатск. Совместно с 20-й армией должны были наступать 16-я и 1-я ударная армии, но этот хороший замысел не удалось претворить в жизнь. По решению Ставки 1-я ударная армия во второй половине января была отправлена под Старую Руссу и вошла в состав Северо-Западного фронта. А управление 16-й армии, переброшенное под Сухиничи, объединило там войска левого крыла Западного фронта (61-ю армию и часть сил 10-й армии).

Вторая ударная группировка Западного фронта состояла из 5-й и 33-й армий, получивших приказ наступать из района Рузы и Боровска на Можайск и Гжатск.

Третья группировка - 49, 43 и часть сил 50-й армии - имела задачей нанести удар от Малоярославца и Калуги на Юхнов, а потом развивать успех в сторону Вязьмы.

И, наконец, еще одна, левофланговая ударная группировка Западного фронта, состояла из остальных войск 50-й армии и моей оперативной группы. Мы должны были прорваться к Вязьме с юго-запада и, соединившись с войсками Калининского фронта, захватить город, перерезав противнику пути отхода. Таким образом, вся немецкая группа армий «Центр» оказалась бы в оперативном окружении.

Получалось, что вместо сосредоточения сил на важнейших участках наше командование распылило их на несколько самостоятельных направлений. 50-я армия должна была, например, действовать в двух ударных группировках: с 43-й и 49-й армиями, а также с 1-м гвардейским кавалерийским корпусом.

Распыление сил привело к тому, что ударные группировки не имели достаточного количества техники, необходимой для прорыва обороны и развития операции. Наибольшая плотность техники была достигнута в полосе 20-й армии, но и там насчитывалось лишь пять танков и сорок орудий и минометов на километр фронта. Куда уж тут до тройного превосходства над врагом, необходимого для прорыва обороны противника при его упорном сопротивлении!

Войска первого эшелона при прорыве несут, как правило, значительные потери. Поэтому для наращивания и развития наступления на главных направлениях необходимо иметь во фронте вторые эшелоны и резервы. Но их тоже не было.

Командование Западного фронта могло избежать этих ошибок. Вместо четырех

ударных группировок следовало создать одну, на левом крыле, в районе Мосальска. Можно было включить три общевойсковые армии в первый эшелон этой группировки и одну иметь в резерве, а для развития прорыва использовать два усиленных кавалерийских корпуса (1-й и 2-й гвардейские) и две танковые дивизии. Тогда и артиллерия и авиация были бы сосредоточены на одном направлении.

Создание мощной ударной группировки на левом крыле Западного фронта следовало начать еще в середине или, в крайнем случае, в конце декабря 1941 года, предвидя логическое развитие событий. Имея такую группировку, вполне можно было бы прорвать фронт противника, выйти крупными силами к Вязьме, соединиться с войсками Калининского фронта и нанести серьезное поражение гитлеровской группе армий «Центр».

В Ржевско-Вяземской операции был еще один очень серьезный недостаток, общий для Калининского и Западного фронтов. Прорывы вражеской обороны производились на узких участках. Войска уходили вперед. А мер для расширения прорыва и свертывания вправо и влево боевых порядков противника почти не принималось. Немецкая пехота и танки при поддержке авиации наносили контрудары и довольно легко восстанавливали оборону, а наши прорвавшиеся войска оказывались изолированными от главных сил.

В начале операции удачно действовал Калининский фронт. 8 января войска 39-й армии прорвали позиции противника под Ржевом. Прорыв был расширен до пятнадцати километров, через него во вражеский тыл вошли две армии и подвижная группа. 29-я армия начала охватывать Ржев с запада. 22-я армия повела наступление на город Белый, продвинулась к концу января на сто двадцать километров, охватывая гитлеровцев близ села Карпове и поселка Ленине.

Подвижная группа фронта, 11-й кавалерийский корпус полковника Соколова, имевший в своем составе три кавалерийские и одну мотострелковую дивизии, успешно продвигался к Вязьме и вышел к автомагистрали несколько западнее города.

23 января немцы нанесли встречные удары из Ржева и Ленина и закрыли участок прорыва. Войскам Калининского фронта, оказавшимся в тылу противника, пришлось пользоваться для сообщения с главными силами узким проходом, сохранившимся между городами Белым и Нелидово. 29-я армия, наступавшая на Ржев, попала в окружение. Только в середине февраля остатки ее пробились через вражеское кольцо и соединились с частями 39-й армии.

В полосе Западного фронта события развивались не лучше. 20-я армия вначале продвинулась до районного центра Шаховская. Но для развития успеха у нее не было сил. Противник остановил ее наступление.

Южнее 20-й армии прорвалась ударная группировка 33-й армии под командованием опытного и решительного военачальника генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова. Однако прорваться смогла не вся армия, а только четыре стрелковые дивизии, ослабленные в предшествовавших боях. Группа Ефремова устремилась на запад, к Вязьме. А в тылу ее немцы нанесли контрудар и восстановили линию фронта. Группа Ефремова тоже была изолирована от главных сил.

43, 49 и 50-й армиям сломить сопротивление противника не удалось. Они остались на прежних рубежах.

На левом крыле Западного фронта прорвала оборону противника только вверенная мне группа войск. Через Варшавское шоссе в тыл к немцам прошли пять кавалерийских дивизий. Расширить и закрепить участок прорыва должны были 325-я стрелковая дивизия, часть сил 239-й стрелковой дивизии и еще одна дивизия из состава 50-й армии, выделить которую для этой цели требовал генерал Захаров.

Сразу же за конницей в прорыв должна была войти 325-я стрелковая дивизия, дивизионная артиллерия гвардейских кавалерийских дивизий, 2-я гвардейская танковая бригада (бывшая 9-я танковая бригада полковника Кириченко), а также те тыловые подразделения, которые мы намечали взять в рейд.

Генерал Захаров обещал мне, что прорыв будет расширен и укреплен. У меня не было

оснований ставить под сомнение его обещания. Однако немцы, едва только конница пересекла шоссе, сомкнули за нами свои фланги. Целую неделю я посылал радиogramмы командирам 325-й стрелковой дивизии и 2-й гвардейской танковой бригады. Ни пехота, ни танки прорваться через шоссе не сумели.

Повторилось почти то же самое, что произошло с войсками Калининского фронта и 33-й армией генерала Ефремова. Моя группа оказалась отрезанной от главных сил.

Я не могу простить себе того, что, понадеявшись на обещание генерала Захарова, сразу не взял в рейд 76-миллиметровые пушечные батареи дивизионной артиллерии. Конечно, 122-миллиметровые гаубичные батареи на тракторной тяге, дивизионы гвардейских минометов и зенитная артиллерия со своими автомашинами не могли бы пройти по снежной целине и являлись бы только лишней обузой. Но, несмотря на недостаток фуража, на усталость артиллерийских уносов, надо было провести в прорыв дивизионные пушки, так как отсутствие их очень ослабило огневую мощь наших соединений.

Вторая ошибка состояла в том, что гвардейская кавалерийская дивизия генерала Осликовского не взяла с собой 107-миллиметровых минометов. А могла бы взять, несмотря на все трудности. Ведь сумела же 1-я гвардейская кавалерийская дивизия генерала Баранова захватить свои минометы, и в тылу противника они принесли ей очень большую пользу.

Когда выяснилось, что участок прорыва накрепко закрыт немцами и отставшие подразделения корпуса переправиться через Варшавское шоссе не смогут, наша артиллерия, а также кавалерийские и другие подразделения, не ушедшие в рейд, были отведены в тыл. На их базе начал постепенно формироваться второй состав нашего корпуса.

Картина Ржевско-Вяземской операции будет неполной, если не сказать о крупном воздушном десанте, которому, по замыслу Ставки и по плану командования Западного фронта, отводилась немаловажная роль.

В тридцати пяти километрах западнее Вязьмы, в районе села Озеречня, намечалось высадить целиком весь 4-й воздушнодесантный корпус, состоявший из трех бригад. Перед воздушным десантом стояла задача оседлать железную дорогу и автомагистраль, связывающие противника с тылом, и удерживать занятый район до подхода наступавших навстречу друг другу 11-го и 1-го гвардейского кавалерийских корпусов. Ставка рассчитывала, что три корпуса, соединившись, завершат окружение главных сил гитлеровской группы армий «Центр», после чего Калининский и Западный фронты общими усилиями ликвидируют окруженного противника.

К сожалению, осуществить крупную воздушнодесантную операцию не удалось. С 27 января по 1 февраля была высажена только 8-я воздушнодесантная бригада. Высадка прошла неудачно. Производилась она по ночам, при плохой погоде. Штурманы транспортной авиации не смогли точно проложить курсы своих кораблей. Парашютисты были разбросаны между Вязьмой и Дорогобужей на большом пространстве, иногда в пятидесяти - шестидесяти километрах от заданной точки.

Некоторые группы парашютистов попали в районы, занятые противником, и были сразу же уничтожены гитлеровцами. Фашисты относились к десантникам с особой ненавистью, мучили и пытали их.

Всего было выброшено около двух тысяч трехсот парашютистов. Но командир бригады сумел собрать в назначенном месте только восемьсот бойцов и командиров - треть своего личного состава. Около двухсот человек удалось собрать нашим кавалеристам и партизанам. Через две недели эти люди были переданы в свою бригаду. Позже было собрано еще триста человек.

Немецкая разведка установила, на каких аэродромах производится погрузка десанта в самолеты. Гитлеровская авиация нанесла по аэродромам бомбовые удары. Из-за этого, а также из-за неудачной высадки 8-й воздушно-десантной бригады операция была приостановлена, десантирование двух других бригад временно отменено.

Высаженные парашютисты попытались своими слабыми силами выполнить задачу всего 4-го воздушнодесантного корпуса. Они направились к железной дороге, но

продвинулись только до села Карманово, где оказались в тактическом окружении. Нашим гвардейцам пришлось выручать их.

Для координации действий Западного и Калининского фронтов, участвовавших в Ржевско-Вяземской операции, 1 февраля было создано главное командование Западного направления. Военным советом направления стал по совместительству Военный совет Западного фронта. Ставка дала директиву, в которой, в частности, говорилось: «Задачей ближайших дней Западного направления наряду с занятием г. Вязьмы считать окружение и пленение ржевско-сычевской группы противника...»

Овладеть Вязьмой, перерезать коммуникации нескольких фашистских армий должны были наши соединения, прорвавшиеся во вражеский тыл: четыре очень слабые дивизии генерал-лейтенанта Ефремова, 11-й кавалерийский корпус полковника Соколова, вверенная мне группа и часть сил воздушнодесантной бригады. Надо сказать, что все эти войска не имели танков и артиллерии, кроме полковой, почти не имели минометов. Мы испытывали острый недостаток всех видов снабжения. Но были полны решимости выполнить поставленные перед нами задачи.

До Великой Отечественной войны я прослужил в коннице двадцать пять лет и не раз изучал историю кавалерийских рейдов, или набегов, как называли их в русской армии в прошлом веке. Собираясь двигаться на Вязьму по тылам врага, я припомнил наиболее поучительные рейды последних десятилетий, чтобы найти в них опыт, который можно использовать и в новых условиях. К сожалению, такого опыта было совсем немного.

Вот, например, рейд генерала Мищенко, совершенный во время русско-японской войны. Кавалерийский корпус, которым он командовал, должен был напасть на маньчжурский город Инкоу, находившийся в глубоком тылу неприятеля. Однако корпус слишком перегружен запасами, имел громоздкий обоз, двигался медленно, теряя время и давая возможность японцам подготовиться к обороне. Кроме того, сам Мищенко действовал нерешительно, а конница его не была приучена самостоятельно вести бой против пехоты. Через неделю корпус возвратился к главным силам русских войск, не добившись никакого успеха. А ведь этот рейд проходил в благоприятных условиях маневренной войны, когда не было сплошного фронта и коннице не приходилось прорывать вражескую оборону. Не было в ту пору и авиации, которая могла причинить кавалерии очень большой вред.

Не менее благоприятной была обстановка и для действий 3-го английского кавалерийского корпуса в 1917 году под Камбре. Он вошел в готовый прорыв шириной двенадцать километров и глубиной до пятнадцати километров, сделанный пехотой. Корпус, насчитывавший около тридцати тысяч человек, был усилен танками - новейшим по тому времени видом боевой техники.

Спеша закрыть прорыв, немцы подбросили свои резервы, кстати сказать, довольно слабые. Но их оказалось достаточно для того, чтобы остановить крупные силы британской кавалерии. Встретив сопротивление и попав под огонь всего нескольких батарей противника, англичане укрылись в складках местности. Удачно начавшийся рейд не получил развития из-за неумения кавалеристов бороться против пехоты.

Почти то же самое повторилось и под Амьеном в августе 1918 года. И здесь английский кавалерийский корпус, усиленный танками, был введен в готовый прорыв. На этот раз британские кавалеристы обогнали свою пехоту, и это, пожалуй, можно считать для них достижением. Однако стоило кавалеристам войти в боевое соприкосновение с отступающей немецкой пехотой и со слабыми резервами, прибывшими из глубины, как они спасовали. Англичане и здесь не решились прорвать тонкий, только создававшийся фронт обороны. Конники предпочли спешиться и ждать подхода своей пехоты.

Неудачи британской конницы в Европе стали своего рода традицией. Нарушить ее англичанам удалось только в Палестине, где кавалерийский корпус решительно вошел в прорыв, сделанный пехотой в обороне турецких войск. Конница развила наметившийся успех и вырвалась на оперативный простор. По существу, эта операция предрешила исход боевых действий в пользу англичан, и война в Палестине закончилась.

Моя память хранила и другие, более обнадеживающие примеры действий конницы во время первой мировой войны. Так, в конце августа 1915 года 6-й немецкий кавалерийский корпус удачно использовал пятидесятикилометровый разрыв, образовавшийся в русском фронте, и углубился на сто - сто пятьдесят километров в тыл русских войск, совершив так называемый Свенцянский рейд. Но армейское командование немцев не сумело быстро воспользоваться успехом конницы. Русские войска вытеснили кавалерию противника, разгромив при этом одну из неприятельских дивизий. Линия фронта была восстановлена.

В гражданскую войну у нас были созданы кавалерийские объединения, способные самостоятельно решать оперативные задачи.

Летом 1920 года 1-я Конная армия под командованием С. М. Буденного собственными силами прорвала оборону белополяков, хорошо оборудованную в инженерном отношении, насыщенную огневыми средствами. Действия 1-й Конной армии, получившие полный тактический и оперативный успех, доказали, что при определенных условиях хорошая конница способна сама произвести прорыв линии фронта. Однако подобная операция явилась, пожалуй, единственной. И наши военные теоретики были совершенно правы, разделяя функции различных родов войск: одни должны прорывать вражескую оборону, расширять и закреплять прорыв, а другие - подвижные соединения - развивать наметившийся успех.

В годы гражданской войны хорошо действовала дивизия червонных казаков, которой командовал В. М. Примаков. Она не раз совершала дерзкие рейды по вражеским тылам. Но опыт червонных казаков был у нас мало обобщен и изучен. Сам Примаков трагически погиб в период культа личности Сталина, а печатные труды о рейдах его дивизии были изъяты из библиотек.

Обдумывая причины успехов или неудач кавалеристов во время рейдов, я снова и снова убеждался в том, что главное в таких операциях - решительность и маневренность соединений, оказавшихся в тылу противника. Гитлеровцы значительно превосходили нас и по количеству войск, и по всем видам вооружения. Чтобы не дать им возможности использовать многочисленные преимущества, нашей группе нужно было прочно удерживать инициативу действий в своих руках.

Под Вязьмой

Кавалерийские дивизии форсированным маршем шли к Вязьме. Двигались главным образом по ночам, а днем скрывались от вражеской авиации в дремучих лесах. По пути гвардейцы уничтожали в селах и деревнях немецкие гарнизоны.

А. В. Щелаковский и я ехали верхом вместе с 41-й кавалерийской дивизией, составлявшей резерв группы. С нами ехал в санях полковник А. И. Сидоренко, командир 66-го истребительного авиаполка. Полк базировался на аэродром близ Мосальска и имел лишь три исправных самолета. Полковник Сидоренко хотел наиболее целесообразно использовать их для помощи кавалеристам и поэтому настоял, чтобы его вместе с радистом взяли в рейд. К сожалению, несмотря на его старания, полк из-за малочисленности не мог оказать нам нужной поддержки.

Опередив колонну, я с небольшим отрядом всадников пересек севернее станции Угра железную дорогу. Мы миновали несколько деревень, где нам часто встречались группы вооруженных людей в гражданской и полувоенной одежде. Это были отряды самообороны, охранявшие деревни и села.

Представьте себе такую картину. Морозная лунная ночь. По дороге, на краю деревни, расхаживает девушка в тулупе, в валенках и с винтовкой в руках. Конечно, наши конники не упускали случая пошутить. Но девушкам было не до шуток. Они с удивлением и восторгом разглядывали всадников. Еще бы! Здесь тыл немцев, оккупированная территория, и вдруг - советские войска, кавалеристы с красными звездочками на шапках.

Ехали мы, не соблюдая особых предосторожностей: знали, что впереди идет головной

168-й полк полковника Панкратова, а сзади движутся главные силы 41-й кавалерийской дивизии. Но очень скоро нам пришлось убедиться, что война в тылу противника имеет свои особенности, которых нельзя не учитывать. Одна из этих особенностей состоит в том, что враг может появиться совершенно неожиданно, в любом месте и в любое время.

Мне нужно было скорее добраться до деревни Бабенки, чтобы оттуда повернуть на Хватов Завод, в 1-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию. Мы нагнали 168-й полк. От полковника Панкратова я узнал, что головной эскадрон его полка уже достиг Бабенок и что немцев в деревне нет. Я обогнал полк и поехал вслед за головным эскадронном.

К Бабенкам мы приблизились, когда занялся рассвет. Не доехав до крайних домов, я остановил коня. У дороги лежали в снегу три убитых кавалериста и их лошади. Видно было, что бойцы погибли совсем недавно. Это насторожило меня. Подозрительной показалась и тишина в деревне. Обычно в это время крестьянки топят печи, а сейчас над крышами не видно было ни одного дымка.

- Товарищ генерал, дальше ехать нельзя! - сказал адъютант.

- Да, - согласился я. - Подождем полк.

- Лучше вернуться назад, - настаивал Михайлов.

Только мы повернули коней, как напряженную тишину нарушили выстрелы. Из деревни вслед нам и откуда-то справа ударили из винтовок и пулеметов. Мы поскакали галопом.

Стрельба усилилась, когда из-за поворота дороги появилась колонна следовавшего за нами 168-го кавалерийского полка. Оказавшись под огнем противника, полк свернул с дороги. Всадники, увязая в снегу, устремились к ближайшей роще. Туда же поехали и мы.

В роще снег был настолько глубок, что конь проваливался по брюхо. Пришлось спешиться. Мы с Михайловым были одеты в белые халаты. Маскируясь среди кустов, вдвоем пробрались на опушку рощи, выходящую к Бабенкам. Я смотрел на деревню в бинокль, но немцев не видел, хотя расстояние не превышало километра. Они хорошо укрылись. По звукам выстрелов определил, что противник ведет огонь из четырех пулеметов и нескольких десятков винтовок.

Вскоре в рощу приехал командир 41-й дивизии полковник Глинский. Я приказал ему овладеть деревней, а сам направился в штаб корпуса, который следовал с 41-й дивизией.

В ожидании, пока кончится бой, штаб корпуса остановился на небольшой поляне с несколькими сараями. Бойцы укрыли лошадей под деревьями, а сами тесно набились в сарай.

Над лесом появилась пара советских У-2, или «уточек», как называли их красноармейцы. За ними гнались несколько фашистских бомбардировщиков. Легкие фанерные У-2 не могли бороться с самолетами противника, вооруженными пушками и пулеметами. Казалось, судьба «уточек» предрешена. Несколько наших бойцов выбежали на открытое место, начали махать руками, делая знаки. Летчики заметили их. Зная, что где-то в этом районе находятся советские кавалеристы, летчики стали приземляться. Посадив машины между рощей и железной дорогой, они бегом бросились в лес. И вовремя: немецкие бомбардировщики сейчас же начали обстреливать «уточек» из пулеметов, сбрасывать на них мелкие бомбы. Один из бомбардировщиков двенадцать раз заходил на У-2. Действовали фашисты спокойно и нагло, уверенные в своей безнаказанности. А я следил за ними, не имея возможности предпринять что-либо для спасения наших самолетов.

К счастью, все закончилось благополучно. Когда бомбардировщики улетели, выяснилось, что У-2 получили только легкие повреждения. Они смогли снова подняться в воздух.

Между тем 41-я кавалерийская дивизия уже освободила Бабенки. Я отправился туда. На улице валялись трупы убитых немцев, стояло много саней, нагруженных оружием и боеприпасами. Все это фашисты бросили при поспешном бегстве.

В штаб корпуса доставили пленных. Оказалось, что в Бабенках мы разгромили карательный батальон гитлеровцев, посланный для борьбы с партизанами. Немцы, обнаружив колонну наших войск, устроили в деревне засаду. Без единого выстрела они

пропустили головной эскадрон. Следом, ничего не подозревая, двигался разъезд 168-го кавполка. Фашисты уничтожили его. Такая же участь ожидала и мой небольшой отряд.

Из этого случая штаб корпуса сделал необходимые выводы.

Карательный батальон гитлеровцев не случайно был направлен в эти места. На территории, где мы теперь находились, еще с осени начали действовать партизаны. Чаще всего они объединялись в небольшие группы и нападали на мелкие подразделения противника. Но были уже и крупные отряды.

В ночь на 1 февраля, проезжая через Хватов Завод, мы со Щелаковским обратили внимание, что на улицах много людей в гражданской одежде, но с оружием. Алексей Варфоломеевич приказал одному из наших командиров узнать, кто они. Это были бойцы партизанского отряда, базировавшегося на Хватов Завод и окрестные деревни. Вскоре я познакомился с командиром отряда А. А. Петрухиным. Он произвел на меня приятное впечатление. Впоследствии я узнал, что Петрухин хорошо разбирается в военном деле, умело руководит своими подразделениями в бою и держит тесную связь с Семлевским райкомом партии.

Через несколько дней, когда штаб корпуса стоял в деревне Бели, ко мне пришел начальник штаба партизанского отряда «Северный медведь» Крылов. Он сказал, что имеет звание подполковника, ранее был начальником штаба артиллерии 1-й Московской мотострелковой дивизии, в бою на Западном фронте попал в окружение, потом пробрался под Вязьму, в свои родные места, и вступил в партизаны.

По словам Крылова, отряд «Северный медведь» насчитывал около трехсот человек. Точную цифру он назвать не смог, так как партизаны жили по деревням, некоторые уходили в другие отряды, приходили новые бойцы. Судя по всему, крепкого порядка в отряде не было.

У нас в корпусе образовался большой некомплект личного состава, части требовалось пополнить людьми, прежде чем наступать на Вязьму. Мы хотели сделать это за счет партизан, но решились не сразу. Надо было еще хорошо узнать, что представляют собой эти отряды, какова их боеспособность.

В то же время нас очень беспокоило положение в тылу и на флангах корпуса. Торопясь к Вязьме, мы обошли группировку противника у станции Угра и оставили ее у себя в тылу. Другая вражеская группировка находилась на нашем левом фланге в районном центре Семлево и окружающих деревнях. Справа действовали где-то поблизости 250-й воздушнодесантный полк и ударная группа 33-й армии, но территорию между ними и корпусом контролировал противник.

Мы со Щелаковским решили договориться с командирами ближайших партизанских отрядов о том, чтобы они взяли на себя охрану нашего тыла и флангов. Партизаны согласились. Это позволило нам не расплывать свои силы, нацелить их на решение главной задачи.

Так началось наше боевое сотрудничество с партизанами, продолжавшееся потом до самого конца рейда.

2 февраля 1942 года начальник генерального штаба германских сухопутных сил генерал Гальдер записал в своем служебном дневнике:

«255-й день войны. На фронте группы армий «Центр» идет подготовка к наступательным действиям с целью ликвидации бреши в районе Медыни. Завтра должна начаться атака. 5-я танковая дивизия будет действовать с целью уничтожения группы русских, прорвавшихся к нам в тыл. Картины этих боев за линией фронта носят уродливый характер и показывают, что война, как таковая, вырождается в какую-то драку, которая все больше отдаляется от принципов настоящей войны».

Видно, не по вкусу пришлось Гальдеру неожиданное появление наших кавалеристов и воздушных десантников в фашистском тылу. Немцы в тех местах, куда мы прорвались,

вынуждены были бросать обозы с оружием и ценными военными грузами, вывозить на самолетах различные штабы, а кое-где обращались в паническое бегство. Ему ли, Гальдеру, одному из тех, кто планировал и осуществлял разбойничье нападение на Советский Союз, кто причастен к уничтожению сотен тысяч мирных советских граждан, морализировать по поводу отхода от «принципов настоящей войны»? Гитлеровцы сами растоптали их, да и не только их, а все общепринятые нормы морали и права. История давно оправдала русских, на которых таким же образом жаловались за сто тридцать лет перед тем французские пришельцы. И снова не могу не напомнить ответ великого писателя на их жалобы:

«Представим себе двух людей, вышедших со шпагами на поединок по всем правилам фехтовального искусства... вдруг один из противников, почувствовав себя раненым, - поняв, что дело это не шутка... бросил шпагу и, взяв первую попавшуюся дубину, начал ворочать ею... Фехтовальщик, требовавший борьбы по правилам искусства, были французы, его противник, бросивший шпагу и поднявший дубину, были русские. Несмотря на жалобы французов о неисполнении правил... дубина народной войны поднялась со всею своею грозною и величественною силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие».

Выдержка из дневника Гальдера говорит о том, что высшее немецкое командование было всерьез обеспокоено появлением в фашистском тылу наших войск. Немцы приняли ряд мер, надеясь уничтожить их. Под Вязьму противник перебросил 5-ю и 11-ю танковые дивизии, тут же находились 203-я и часть сил 246-й пехотных дивизий, ряд полков из других соединений, штрафной офицерский батальон и т. д.

Наше наступление на Вязьму не явилось для гитлеровцев неожиданным. Слишком много было признаков, указывавших им, что советское командование стремится овладеть именно этим городом. 18 января под Вязьмой был сброшен один наш воздушный десант, через десять дней - второй. 26 января с северо-запада начал наступать на город 11-й кавалерийский корпус полковника Соколова. 1-2 февраля к городу подошла с юго-востока ударная группировка 33-й армии генерала Ефремова. 3 февраля атаковали противника с юго-запада мы и тоже включились в бой. Вполне понятно, что фашисты постарались как следует укрепить Вязьму, через которую проходили железная и шоссейная дороги, связывавшие группу армий «Центр» с глубоким тылом.

Несогласованность сроков наступления на Вязьму не позволила нам использовать элемент внезапности. Больше того, противник получил возможность отражать наступление советских войск по частям, то в одном, то в другом месте, маневрируя своими силами и средствами.

3 февраля наши кавалерийские дивизии с боем вышли на рубеж Тесниково, Молошино, Капустине. Гитлеровцы оказывали упорное сопротивление. Они использовали инженерные сооружения, возведенные возле города советскими войсками в конце лета и осенью 1941 года. В сохранившихся дзотах были установлены вражеские пулеметы. Деревни и села, расположенные на подступах к Вязьме, немцы превратили в узлы обороны, часть танков зарыли в землю для ведения огня с места. Проникнуть между этими очагами обороны нам, как правило, не удавалось, так как наступающие подразделения попадали под перекрестный огонь, а потом отбрасывались контратаками пехоты и танков противника.

В нашем тылу крупный вражеский гарнизон занимал село Семлево. У нас не было возможности уничтожить его. Чтобы в какой-то степени обезопасить тыл, я вынужден был направить в район Семлево, Хмельники, разъезд Добрянский 41-ю кавалерийскую дивизию. Заодно дивизия должна была заготовить там продовольствие и фураж, так как наши запасы кончились.

На следующий день, 4 февраля, в штаб группы поступил приказ командующего Западным фронтом. Согласно этому приказу мы должны были нанести удар на Вязьму с юга, взаимодействуя с войсками 33-й армии. Одновременно с нами должен был наступать 11-й

кавалерийский корпус, находившийся в это время в двенадцати километрах западнее города у автострады Москва - Минск.

. Ожесточенный бой длился несколько суток и стоил нам больших жертв. Каждая наша атака встречалась сильным артиллерийским и минометным огнем. На поле боя то и дело появлялись фашистские танки. Немецкая авиация с утра до вечера бомбила и обстреливала нас.

Несмотря на это, кавалеристам удалось все-таки добиться некоторого успеха. Мы заняли деревню Стогово. А 6 февраля гвардейцы выбили противника из опорного пункта Зубово.

Первыми проникли в деревню Зубово разведчики 11-го кавалерийского полка во главе с сержантом Араповым. Наши бойцы определили, какими силами располагает противник, где находятся огневые точки, разведали подступы и проходы к деревне. Гитлеровцы обнаружили гвардейцев, но они сумели с боем прорваться к своим. Сержант Арапов доложил командиру полка майору П. И. Зубову о результатах разведки. Данные,, полученные о противнике, позволили командиру полка правильно распределить свои силы и средства.

Атака началась на исходе ночи, когда гитлеровцы меньше всего ожидали нападения. Спешенные кавалеристы ворвались в деревню и к восходу солнца очистили ее от противника.

Фашисты многократно пытались вернуть свой опорный пункт. Сначала в воздухе появилась вражеская авиация. Десять раз немецкие бомбардировщики сбрасывали на Зубово свой смертоносный груз. Но наши бойцы выдержали это испытание, хотя многие из них имели уже легкие ранения. Потом начались контратаки пехоты и танков противника. Гвардейцы подпускали танки на близкое расстояние и забрасывали их гранатами. Пулеметчики уничтожали вражеских пехотинцев. Гитлеровцы засыпали наши позиции минами и снарядами, а спешенным кавалеристам нечем было ответить противнику. Один за другим выходили они из строя, но оставшиеся в живых по-прежнему отражали натиск врага. Лишь вечером фашисты прекратили наконец контратаки. Деревня осталась в наших руках.

Каждый, даже самый небольшой, успех мы завоевывали дорогой ценой. Только героизм и беззаветное мужество бойцов и командиров давали нам возможность хоть и медленно, но все-таки продвигаться вперед, тесня превосходящие силы противника. Однако уже чувствовалось, что наступательный порыв наших войск иссякает. В боях погибли многие командиры подразделений. Эвакуировался по ранению командир 96-го кавалерийского полка подполковник Данилин. Убыл в госпиталь командир 2-й гвардейской кавалерийской дивизии генерал Осликовский.

За десять суток мы почти полностью израсходовали боеприпасы. Командование Западного фронта обещало снабжать нас снарядами и патронами через 33-ю армию генерала Ефремова, но выполнить это обещание было попросту невозможно. Войска 33-й армии находились в таком же положении, как и мы.

Мы с генерал-лейтенантом Ефремовым регулярно обменивались информацией по радио и считали, что нам целесообразно создать общий фронт, сомкнув фланги. В этом случае мы смогли бы свободнее маневрировать имевшимися у нас силами. Но и соединиться нам не было разрешено. Штаб фронта дал мне странное указание: «Локтевая связь с пехотой (имелась в виду 33-я армия) вам не нужна». Однако я считаю, что объединиться все-таки стоило. Распыление сил, находившихся в тылу врага, стало потом одной из причин гибели всей ударной группировки 33-й армии и ее командующего.

Наша разведка отмечала появление перед фронтом корпуса новых вражеских частей. 10 февраля противник нанес удар по 75-й кавалерийской дивизии и окружил ее. Чтобы освободить дивизию из окружения, нам пришлось снять силы с других участков. Немцы воспользовались этим и предприняли атаки там, где наша оборона была ослаблена.

После упорного боя 75-я кавалерийская дивизия вырвалась из вражеского кольца. Товарищей мы выручили, но группа в целом оказалась отброшенной на 12-15 километров от Вязьмы. О наступлении на город теперь нечего было думать.

Штаб корпуса размещался в маленькой деревушке Бели, насчитывавшей восемь или девять дворов. Отсюда мы руководили боем за Вязьму, здесь принимали представителей партизанских отрядов.

В одной избе со мной жил командир 66-го истребительного авиационного полка полковник Сидоренко. Утром 5 февраля мы сели завтракать. Через окно, покрытое причудливыми узорами инея, светило яркое, но не греющее солнце.

- Плохо, - сказал я. - Самая подходящая погода для немецких летчиков.

- Да, - вздохнул Сидоренко. - Навалятся, сволочи. А что я сделаю против них тремя истребителями? Обещают, товарищ генерал, в ближайшее время еще семь машин прислать. Будет у нас десять истребителей, тогда поможем.

- Десять - это тоже не много.

- Конечно, товарищ генерал, но на большее надеяться трудно.

Я хорошо понимал Сидоренко. Находясь при штабе корпуса, он часто попадал вместе с нами под обстрел с воздуха и бомбардировку, своими глазами видел, какие потери несут наши войска от вражеской авиации. Немало упреков по адресу летчиков пришлось ему выслушать. Но он почти ничего не мог противопоставить тем десяткам, а может быть, и сотням самолетов, которые посылали против нас гитлеровцы.

Во время завтрака Сидоренко поделился своими впечатлениями о полетах над вражеской территорией, которые ему неоднократно приходилось совершать. Полковник обратил внимание на то, что все немецкие солдаты ведут, как правило, огонь из личного оружия по снижающимся советским самолетам и порой достигают цели - сбивают машины или ранят летчиков. А гитлеровцы летают над нашей территорией без особой опаски, так как по ним ведут огонь лишь зенитные пушки и пулеметы, которых у нас немного. Пехотинцам же стрелять по снижающимся самолетам зачастую не разрешают, требуя соблюдать «дисциплину огня».

В нашем корпусе ручное оружие использовалось для борьбы с самолетами. Но из разговора с Сидоренко я сделал вывод: нужно развернуть эту борьбу как можно шире, чтобы не позволять фашистам вести обстрел и прицельное бомбометание с небольших высот.

Вдалеке послышался гул авиационных моторов.

- Немцы, - определил полковник. - Легки на помине!

Схватив автомат и бинокль, он выбежал на улицу, Пока мы завтракали, в избе собралось много народу. Пришли штабные командиры, вызванные по разным делам. У печки, гремя ухватами, возилась хозяйка. На самолеты не обращали внимания. Летало их много, и к ним привыкли. Никто не думал, что они могут подвергнуть массивной бомбежке маленькую деревню, казавшуюся сверху пустынной.

Дверь с улицы вдруг распахнулась, раздался громкий встревоженный голос Сидоренко:

- Товарищи! Бомбардировщики пикируют на нас!

Последние слова полковника потонули в грохоте взрывов. Со звоном вылетели стекла, в комнату хлынул морозный воздух.

- Ложись! - скомандовал я.

Люди попадали на пол. Взрывы следовали один за другим. Изба вздрагивала, осела на один бок, грозя рухнуть. Пахло гарью.

С улицы вбежал адъютант Сидоренко:

- Товарищ генерал, полковник убит!

Я бросился за адъютантом. Сидоренко лежал на снегу у самой двери, жадно ловил ртом воздух. Это была агония: крупный осколок попал ему в голову и расколол черепную коробку. Через несколько минут полковник скончался, не приходя в сознание.

К вечеру умерла хозяйка дома, раненная в бок осколком, влетевшим, вероятно, через окно.

В деревушке осталась неповрежденной только одна изба. Было ясно, что немцы совершили налет на Бели не случайно. Скорее всего, они охотились за нашим штабом. Наша рация стояла совсем в другом пункте. Значит, следя за ней, немцы не могли обнаружить

расположение штаба. Может быть, внимание их привлек самолет У-2, прилетевший на рассвете с «Большой земли» и стоявший около крайнего дома. «Уточка» была выкрашена в белый цвет, но при солнечном свете от нее падала на снег резкая тень, заметная с воздуха.

Мы принимали в своем штабе много людей: окруженцев, представителей партизан и т. д. А ведь среди них могли быть (и были, как выяснилось позже) вражеские агенты. Пришлось сделать печальный вывод, что мы плохо маскируем свой штаб.

В дальнейшем мы устраивали деловые встречи в других деревнях, а не в той, где размещалось управление корпуса. Кроме того, чтобы отвлечь внимание разведки и агентуры противника, мы создавали ложные штабы. Располагались они поодаль от настоящего штаба и вводили гитлеровцев в заблуждение.

Труп полковника Сидоренко был отправлен самолетом в Мосальск. Там летчики и похоронили своего командира. Я написал в полк о том, как он погиб, послал теплое письмо семье Сидоренко, выразив свое сочувствие и восхищение мужеством этого отважного командира.

По распоряжению командующего Западным фронтом в мою группу были последовательно включены воздушнодесантный отряд капитана Суржика, 250-й воздушнодесантный полк и 329-я стрелковая дивизия. Вначале все эти войска имели свои задачи в тылу противника и подчинялись другим штабам, некоторые - непосредственно штабу фронта. Но как только они попадали в тяжелое положение, их сразу же переподчиняли штабу корпуса и на нас возлагалась особая ответственность за их спасение. Такие дополнительные заботы были обременительны. Но мы свято соблюдали солдатское правило: сам погибай, а товарища выручай.

Нечто подобное произошло и с 8-й воздушнодесантной бригадой. Она была подчинена мне 6 февраля, когда нас разделяли крупные силы противника. Пришлось помочь десантникам вырваться из окружения. 13 февраля я впервые говорил по телефону с командиром этой бригады подполковником А. А. Ануфриевым. Он доложил о боевых делах парашютистов, о том, что они вывели из строя участок железной дороги в районе Реброва и автомагистраль в районе Таратонова. Десантникам удалось также разгромить штабы 5-й танковой дивизии и 11-го пехотного полка противника. Подполковник Ануфриев сообщил, что бригада овладела населенными пунктами Мармоново, Савино, Дяглево и удерживает их. В Дяглеве парашютисты установили локтевую связь с 41-й кавалерийской дивизией.

Казалось, с 8-й воздушнодесантной бригадой все теперь благополучно, за нее можно не беспокоиться. Но уже на следующий день противник снова овладел деревней Дяглево. Парашютисты опять были отрезаны от корпуса и попали в тактическое окружение. Тогда я решил оставить на участке Селиванове, Стогово, Забново в качестве прикрытия 329-ю стрелковую дивизию и 250-й воздушнодесантный полк, а главные силы повернуть на Семлево, чтобы помочь 8-й воздушнодесантной бригаде. Уничтожение вражеского гарнизона в этом сильно укрепленном опорном пункте обезопасило бы нас от ударов с тыла. Кроме того, мы располагали сведениями, что в Семлеве есть большие склады продовольствия и фуража, в чем мы остро нуждались.

1-й гвардейской кавдивизии и 114-му лыжному батальону, наступавшим на Семлево, не удалось произвести неожиданную и стремительную атаку. Помешал глубокий снег. Спешенные эскадроны продвигались вперед очень медленно. У противника было много боевой техники, особенно минометов. Под плотным огнем гвардейцы залегли, а потом начали продвигаться вперед ползком. Артиллерия и 107-миллиметровые минометы 1-й гвардейской кавдивизии не могли оказать своим войскам эффективной поддержки из-за нехватки боеприпасов. После нескольких часов напряженного боя 160-й и 96-й кавалерийские полки овладели юго-восточной окраиной села, но дальше продвинуться не смогли. Они были остановлены огнем многочисленных орудий, пулеметов и контратаками фашистских танков.

11-й и 131-й кавалерийские полки подошли к восточной окраине Семлева. Левее их наступала 75-я легкая кавдивизия. Ломая сильное сопротивление врага, бойцы продвигались

медленно.

Радисты штаба корпуса перехватили несколько радиogramм коменданта Семлева майора Штейнбока своему командованию. Майор сообщал, что гарнизон окружен «казаками и партизанами», и настоятельно просил помощи.

На подкрепление осажденному гарнизону фашисты перебросили из Вязьмы два батальона с танками. Эти батальоны были укомплектованы разжалованными офицерами и насчитывали девятьсот - тысячу человек каждый. Один из батальонов только что прибыл из города Ульма.

Над нашими боевыми порядками то и дело появлялись гитлеровские самолеты. Бомбежка не превращалась даже ночью. Фашисты сбрасывали осветительные ракеты и разыскивали цели.

Наивысшего напряжения бой за Семлево достиг 15 февраля. Немцы продолжали получать подкрепления, их силы увеличивались. Нашим гвардейцам приходилось отражать частые контратаки гитлеровских танков и пехоты, которые поддерживались сильным артиллерийским и минометным огнем. Части несли большие потери.

В этот день 8-я воздушнодесантная бригада вырвалась из окружения и присоединилась к главным силам группы. Ко мне явились командир бригады подполковник Ануфриев и комиссар Распопов. Они доложили, что в бригаде осталось лишь триста восемьдесят человек,

- Могу вас обрадовать, - сказал я. - Кавалеристами собрано около двухсот парашютистов, рассеявшихся во время выброски. Принимайте их под свое командование.

Для удобства управления я подчинил подполковнику Ануфриеву отряд капитана Суржика. По распоряжению штаба фронта на пополнение бригады было сброшено еще триста парашютистов. Таким образом, бригада снова стала боеспособной.

Наступление на Семлево нам пришлось прекратить, не доведя его до конца. 17 февраля главком Западного направления приказал моей группе обойти Вязьму с запада и перехватить железную дорогу Вязьма - Смоленск. В это же время 11-й кавалерийский корпус полковника Соколова, наступавший с севера, должен был выйти на автомагистраль.

Командиры и комиссары соединений собрались на совещание в деревню Сапроново. Я объяснил, какая задача стоит теперь перед нами, познакомил людей с боевым приказом. Наступление решено было начать вечером 18 февраля. С рубежа Беломир, Никулино (пять - десять километров западнее районного центра Семлево) войска двинутся на север, чтобы перехватить участок железной дороги между станциями Семлево и Алферово.

Противник явно не ожидал наступления в этом направлении. Мы сразу же добились значительного успеха. 2-я гвардейская кавалерийская дивизия стремительным ударом выбила гитлеровцев из села Изборово. Поспешно отступая, немцы бросили много техники, в том числе два шестиствольных реактивных миномета. Мне думается, это были первые реактивные минометы, захваченные советскими войсками. Один из них мы погрузили в самолет и отправили в штаб фронта.

На третьи сутки наступления 8-я воздушнодесантная бригада с боем заняла село Бекасово, а 41-я легкая кавдивизия - Яковлеве. Таким образом, задача, поставленная главкомом Западного направления, была выполнена.

Мы перерезали железную дорогу Вязьма - Смоленск и частично разрушили ее. Движение по дороге прекратилось.

По данным, которые мы получили из штаба фронта, 11-й кавкорпус полковника Соколова в это время перехватил автостраду и закреплялся в селах Азарово и Чернове. Нас разделяло теперь всего шесть километров. Я приказал командиру 41-й кавалерийской дивизии полковнику Глинскому и командиру 8-й воздушнодесантной бригады подполковнику Ануфриеву двигаться навстречу Соколову.

Немецкое командование, боясь потерять важнейшие коммуникации, бросило против наших войск крупные силы, поддержанные авиацией. По железной дороге курсировали три бронепоезда, огнем пушек и пулеметов мешая дальнейшему наступлению кавалеристов.

Мы продвинулись вперед, но на узком участке, и поэтому оказались в очень невыгодном тактическом положении. Противник нажимал на нас слева, справа и с фронта. С трудом сдерживая его натиск, мы не оставляли попыток соединиться с корпусом полковника Соколова. Один батальон десантников сумел пробиться через боевые порядки фашистов и вышел на автостраду между селами Черново и Азарово. Но 11-го корпуса там уже не было. Видимо, противник оттеснил его на север.

Массированными бомбовыми ударами авиации, огнем бронепоездов и наступлением пехоты с танками противник вынудил 41-ю кавалерийскую дивизию оставить Яковлеве. Это было началом серии частных операций, которые наметили провести немцы, чтобы разгромить и уничтожить мою группу.

25 февраля гитлеровцы предприняли решительное наступление. Их танки и пехота нанесли сильные удары по правому и левому флангам наших войск. В течение дня противник занял населенные пункты Беломир, Бекасово и Сакулино. 41-я кавалерийская дивизия и 8-я воздушнодесантная бригада оказались отрезанными от главных сил.

Свободных резервов у меня не было. Оставалось одно: прекратить выполнение других задач и направить высвободившиеся войска на помощь товарищам, попавшим в беду. 2-я гвардейская и 57-я кавалерийские дивизии, оставив заслоны, двинулись туда, где решался исход боев. 1-я гвардейская кавалерийская дивизия двумя полками перешла в наступление на Беломир.

Части 2-й кавдивизии пробивались вперед, навстречу нашим отрезанным подразделениям. Гитлеровцы бросили против гвардейцев танки. Наши артиллеристы вступили с ними в бой. Силы были неравными. Мы не получали боеприпасов с «Большой земли», поэтому использовали пушки и снаряды, которые собирали в тылу врага. Они были оставлены тут еще при отступлении советских войск осенью 1941 года. Снаряды долго пролежали под снегом, девяносто процентов их не разрывалось.

Почти вся артиллерия 2-й гвардейской кавдивизии погибла в этих неравных боях. Пал на поле боя командир 136-го кавалерийского полка майор Костин. И все же гвардейцы выполнили задачу. С их помощью 27 февраля 41-я кавдивизия и 8-я воздушнодесантная бригада прорвались через вражеское кольцо и соединились с главными силами группы.

Противнику не удалось разгромить наши части. Но и мы не смогли соединиться с 11-м кавкорпусом Калининского фронта и отрезать Вязьму с запада.

Гитлеровцы имели многократное превосходство над нами, особенно в танках, самолетах и артиллерии. Силе врага мы могли противопоставить только маневр и решительность действий. Нам во что бы то ни стало нужно было удержать в своих руках инициативу. Поэтому я решил произвести набег на мост через Днепр в десяти километрах западнее Издешкова. Задача состояла в том, чтобы взорвать мост и разрушить железную дорогу по обе стороны от него.

Для участия в набеге были выделены 2-я гвардейская и 41-я кавалерийские дивизии, а также 8-я воздушнодесантная бригада. Парашютисты должны были наступать на мост с юга. Вместе с ними направлялись саперы со взрывчаткой. Справа действовала 41-я кавалерийская дивизия, прикрывавшая фланг воздушнодесантной бригады. Кроме того, 41-я кавалерийская дивизия обязана была разрушить железнодорожные пути правее моста, чтобы не допустить подхода со стороны Вязьмы немецкого бронепоезда. На левом фланге наступала 2-я гвардейская кавалерийская дивизия без одного полка, посланного пополняться людьми под Дорогобуж.

Мы знали от разведки, что мост сильно охраняется немцами, и возлагали большие надежды на внезапность нападения. Однако внезапности не получилось. Вражеские агенты, маскировавшиеся под партизан, успели предупредить гитлеровцев, и те приготовились к обороне.

41-я дивизия удачно начала бой. Спешенные кавалеристы взорвали в нескольких местах железную дорогу и не давали немцам возможности восстановить разрушенное полотно. Благодаря этому вражеский бронепоезд со стороны Вязьмы не смог подойти к

мосту на прямой выстрел. Зато левее моста, там, где наступала 2-я гвардейская кавалерийская дивизия, действовали сразу два немецких бронепоезда. Сильным артиллерийским и пулеметным огнем они остановили наступление гвардейцев. Наши саперы сумели разрушить железную дорогу между этими бронепоездами, но тот из них, который находился ближе к реке, нанес своим огнем большие потери 8-й воздушнодесантной бригаде. Парашютисты залегли в шестидесяти метрах от моста и дальше продвинуться не смогли.

О ходе боя мне доложили по телефону. Я приказал подтянуть к железной дороге противотанковые пушки и подразделение противотанковых ружей, чтобы повредить бронепоезд огнем с близких дистанций. После этого не представляло бы особой трудности уничтожить охранение противника на мосту.

Наступивший день принес нам неприятные известия. 329-ю стрелковую дивизию, оборонявшуюся на правом фланге группы, окружил противник, прорвавшийся на стыке с 75-й кавалерийской дивизией. Вместе с пехотинцами в окружение попали 250-й воздушнодесантный полк и некоторые партизанские отряды. Это заставило меня прервать бой за мост и направить войска на выручку окруженных частей.

Чтобы произвести набег на мост и разрушить очень важную для противника железную дорогу, я вынужден был произвести перегруппировку и высвободить для намеченной операции часть сил. В дальнейшем мы рассчитывали соединиться с кавалеристами полковника Соколова, который находился севернее Издешкова, и тем самым выполнить приказ об организации взаимодействия с 11-м кавалерийским корпусом для совместного наступления на Вязьму с запада. Все это делалось согласно указаниям штаба фронта. А 5 марта я получил от командующего фронтом радиogramму, в которой он обвинял меня в самоуправстве:

«...Почему вы, вопреки приказу Ставки и Военного совета фронта, ушли из-под Вязьмы? Кто вам дал право выбирать себе задачу? Задача определена моим приказом. Вы, кажется, забыли, что бывает невыполнение приказа, хотя сами арестовываете и передаете суду виновных...» [11]

Я вовсе не забывал, что приказ начальника - закон для подчиненных, и от своих подчиненных требовал точного и быстрого выполнения приказаний и распоряжений. Но я считал и считаю, что, получив оперативную задачу, командир соединения или объединения вправе самостоятельно выбирать наиболее целесообразные в конкретных условиях тактические приемы и действия.

Еще 11 февраля я получил разрешение использовать две - три дивизии для наступления на Вязьму с запада совместно с корпусом Соколова. 12 февраля я донес, что намерен силою трех дивизий наступать на Лезыкино и Чепчугово, чтобы отрезать Вязьму с запада. Еще через пять дней командующий фронтом потребовал от меня и от Соколова «прочной перехватить железную дорогу Вязьма - Смоленск, не допуская движения железнодорожных эшелонов противника». Таким образом, наш набег на мост никак не нарушал приказа командования.

В ответ я писал генералу Жукову:

«Подробное донесение отправлено вам самолетом (летчиком Ефремовым). По существу докладываю: оперативно главные силы корпуса оставались на подступах Вязьмы, но тактически я менял направление удара, обходя узлы сопротивления противника и стремясь выполнить вашу оперативную задачу. Формально на тактический маневр мне давали право №№ 1921, 1690, 1774, 86/оп.» [12].

По получении моего подробного донесения командующий новой радиogramмой разрешил мне маневрировать войсками. Это развязало нам руки, давало возможность

действовать по своему усмотрению, что особенно важно в тылу врага, где обстановка меняется часто и быстро.

В дни, когда наша группа пыталась отрезать Вязьму с запада, стало известно, что партизаны освободили районный центр Смоленской области старинный русский город Дорогобуж. Произошло это 15-16 февраля. Позже мы узнали подробности этой операции.

По предложению секретаря Дорогобужского райкома партии товарища Булейко партизанский отряд «Ураган» под командованием А. Т. Калугина, отряд «Дедушка», возглавляемый В. И. Воронченко, и еще несколько отрядов объединили свои силы для захвата города. Вначале они заняли деревни вокруг Дорогобужа, на всех идущих из него дорогах устроили завалы и около них укрыли засады. Вражеский гарнизон, состоявший из запасного пехотного полка, двух рот белофиннов, карательного отряда СД, подразделений заградительного полка СС и роты полиции, был блокирован.

Противник располагал значительными силами. Чтобы легче справиться с ним, партизаны пошли на хитрость. В город проникла группа подрывников из отряда «Дедушка». В условленное время она взорвала вражеский склад, в котором хранилось около пятидесяти вагонов снарядов и других боеприпасов.

Как и следовало ожидать, фашисты бросились в окружающие деревни, чтобы расправиться с партизанами. Гитлеровцы везли с собой десятки заранее приготовленных виселиц. Тут и сыграли свою роль засады у завалов. На всех дорогах каратели попадали под убийственный огонь замаскировавшихся партизан.

В ночь на 15 февраля большая группа партизан пробралась по замерзшему Днепру, забросала гранатами караульное помещение гитлеровцев и завязала бой внутри города. Немцы оставили Дорогобуж и устремились через Днепр на север, к городу Сафонове, чтобы соединиться со своими более крупными силами.

Этого как раз и ожидали партизаны. На дорогах, по которым немцы начали отступать, были выставлены самые сильные засады. Они встретили гитлеровцев огнем из винтовок и пулеметов. К утру значительная часть Дорогобужского гарнизона была уничтожена. Среди убитых фашистов оказался и командир карательного отряда. Партизаны захватили в городе много трофеев: склад оружия и боеприпасов, склад с продовольствием, тридцать автомашин, около пяти тысяч немецких винтовок. Вместе с партизанами действовала группа десантников, по ошибке сброшенная вместо Озеречни в этом районе. Она насчитывала более шестидесяти человек.

Возглавлявший операцию А. Т. Калугин получил в бою за город тяжелое ранение и был впоследствии эвакуирован на «Большую землю». - На территории Дорогобужского района была восстановлена Советская власть. Мы направили туда кавалерийский полк, а в конце февраля - 1-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию генерал-майора Баранова, которому подчинили все местные партизанские формирования. На Баранова возлагалась ответственность за удержание и расширение освобожденной территории, за развитие партизанского движения в Дорогобужском, Ярцевском и Глинковском районах. Кроме того, 1-я гвардейская кавалерийская дивизия имела задачу пополниться там людьми, а по возможности, и конским составом.

Чтобы спасти от гибели 329-ю стрелковую дивизию и 250-й воздушнодесантный полк, попавшие в окружение, нам пришлось отказаться от наступления на Вязьму с запада и перебросить главные силы группы на правый фланг. Три наши кавалерийские дивизии и 8-я воздушнодесантная бригада совершили форсированный марш в район Дебрево, Княжное, Хватов Завод. 7 марта мы начали с этого рубежа наступление на противника, чтобы разорвать кольцо окружения. В условиях большого превосходства гитлеровцев в артиллерии, минометах и авиации наши части продвигались вперед очень медленно.

К сожалению, нам не удалось наладить взаимодействие с 329-й стрелковой дивизией и координировать с ней удары по врагу. После того как она оказалась отрезанной от главных сил 33-й армии, ее подчинили мне.

Однако командование дивизии считало такое подчинение временным и по-прежнему

тяготело к той армии, в которой она числилась раньше. В дивизии имелась исправная радиостанция. Но когда положение осложнилось, штаб дивизии прекратил радиосвязь с нами и поддерживал ее только со штабом Западного фронта и с генералом Ефремовым. Командование дивизии надеялось, что Ефремов поможет разорвать кольцо и дивизия снова соединится со своей армией. К сожалению, ударная группа 33-й армии в то время не только не могла помочь окруженным, но и сама нуждалась в поддержке. Если раньше наши с Ефремовым попытки сомкнуть фланги и создать единый фронт встречали резкую критику свыше, то теперь главком Западного направления требовал от меня: «Не бросайте Ефремова, иначе он погибнет».

Мы получили достоверные сведения, что 329-я стрелковая дивизия намерена пробиваться на восток, к 33-й армии. Такое решение не имело шансов на успех и привело бы к большим неоправданным потерям. Я послал в штаб окруженной дивизии пешую разведывательную партию во главе с лейтенантом Бабичевым. Разведчики скрытно пробрались через боевые порядки противника и доставили в 329-ю стрелковую дивизию мой приказ, согласно которому окруженные должны были наступать на юг, то есть навстречу нам. Однако к этому времени командование дивизии полностью выпустило управление из своих рук, предоставив право подчиненным самим выбирать способы и направления выхода из кольца.

Первыми пробились к нам командиры штаба 329-й дивизии лейтенант Волков и политрук Канев. От них мы узнали, что штаб дивизии, выполняя мой приказ, движется на соединение с нами.

Чтобы облегчить окруженным выход из кольца, мы продолжали вести наступление, сковывая противника. В ночь на 10 марта в расположение наших войск пробился командир 250-го воздушнодесантного полка майор Солдатов. Он привел с собой семьдесят пять лыжников. Вслед за ними вышел из окружения командир 1112-го стрелкового полка Астанин без людей. Прибыл также командир саперного батальона. Но никто из них не знал, где находятся части дивизии и в каком они состоянии.

14 марта из окружения вышло командование дивизии, а также около двухсот пятидесяти бойцов и командиров. Впоследствии мы узнали, что более четырехсот человек просочились через боевые порядки противника и присоединились к 33-й армии.

Командира и комиссара 329-й стрелковой дивизии судил военный трибунал. Они были понижены в звании и в должности и отправлены в другие части. Командиром дивизии назначили майора Н. Л. Солдатова, а комиссаром стал бывший начальник политотдела 75-й кавалерийской дивизии А. И. Юхов.

Во вражеском тылу

Прошло больше месяца с тех пор, как наша группа пересекла Варшавское шоссе и оказалась в тылу противника. За это время войска 50-й и некоторых других армий предприняли несколько попыток прорвать оборону гитлеровцев и соединиться с нами. Однако все попытки закончились неудачно. Мы продолжали действовать изолированно от главных сил фронта.

Изнурительные бои, бесконечные марши по бездорожью, плохое питание - все это до крайности утомило людей. Бойцы были так измотаны, что на привалах падали в снег и мгновенно засыпали. Части понесли большие потери. 15 февраля командир 75-й легкой кавалерийской дивизии доложил мне, что в дивизии после спешивания ведут бой всего 59 человек.

В марте выдалось наконец несколько относительно спокойных дней. Мы использовали их для того, чтобы дать отдых бойцам и командирам, провести некоторую реорганизацию.

В районах Вязьмы, Ельни и Дорогобужа, то есть в тех местах, где мы теперь действовали, осенью 1941 года немцам удалось окружить крупные силы советских войск. Окруженные рассеялись по деревням. Некоторые из них скрывались среди местных жителей.

Другие, наиболее смелые, вступали в партизанские отряды и продолжали борьбу с фашистами. В лесных деревнях скрывалось также много бойцов и командиров, бежавших из немецкого плена.

Я послал в штаб фронта радиogramму с просьбой разрешить на месте доукомплектовать части группы.

12 февраля получил ответ: мне разрешалось пополнить войска за счет военнослужащих, которые организовано укрывались в тылу противника, и за счет местного населения в возрасте до 49 лет.

Работа по призыву и приему пополнения была возложена на политические органы группы. В каждой дивизии была создана специальная призывная комиссия из штабных командиров и представителей местных партийных комитетов во главе с начальником политотдела. Кроме того, было создано несколько временных военных комиссариатов, через которые производился призыв местных жителей.

Призывная комиссия 1-й гвардейской кавалерийской дивизии сначала вела призыв только в Дорогобужском районе. Но уже к началу марта людские резервы здесь были исчерпаны. Поэтому председатель комиссии полковой комиссар Марченко направил своих представителей в соседние Глинковский и Ярцевский районы. Созданный в Глинковском районе военный комиссариат провел мобилизацию не только на территории своего района, но и в Кардымовском районе. Была также установлена связь с партизанами, действовавшими южнее Ельни, в частности с партизанским полком имени Лазо. По нашему поручению этот полк провел на занятой им территории мобилизацию и направил к нам большую группу мобилизованных.

Деятельность призывных комиссий не только давала возможность укомплектовывать части регулярных войск, но и помогала быстрому росту партизанских отрядов. В Глинковском районе, например, местный партизанский отряд за две первые недели марта вырос с тысячи до полутора тысяч человек. Комиссия послала командира и комиссара в Ярцевский район для формирования партизанского батальона. Сначала там объединились три отряда, насчитывавшие в общей сложности восемьдесят человек. За какие-нибудь три дня к ним прибавилось еще сто человек. Некоторые являлись с оружием.

С начала своей работы до 12 марта комиссия, возглавляемая полковым комиссаром Марченко, направила в части 1-й гвардейской кавалерийской дивизии две тысячи четыреста тридцать семь человек, в том числе четыреста одиннадцать человек из Семлевского района, центр которого все еще находился в руках немцев. За счет пополнения в полках 1-й гвардейской кавдивизии были восстановлены все сабельные, пулеметные эскадроны и полковые батареи, доукомплектованы саперные полуэскадроны и полуэскадроны связи. Много людей призывная комиссия направила и для пополнения 2-й гвардейской кавалерийской дивизии.

Больше половины бойцов, прибывших в сабельные эскадроны, не имели оружия. Политработники нашего корпуса совместно с местными партийными органами провели разъяснительную работу среди жителей Дорогобужского, Ярцевского, Глинковского и Ельнинского районов, подняли все население на сбор винтовок, пулеметов, боеприпасов. Женщины, дети и старики искали оружие на полях и в лесах, где минувшей осенью шли бои. Но, несмотря на их старания, оружия нам все-таки не хватало.

С бойцами, поступавшими на пополнение минометных, артиллерийских и пулеметных подразделений, были организованы занятия. Новички изучали материальную часть, овладевали необходимыми навыками, сживались с коллективом.

«Окруженцы», особенно кадровые красноармейцы, с радостью возвращались в регулярные войска. Они своими глазами видели, что значит «новый порядок», установленный немцами на оккупированной территории. Им надоело скитаться по лесам и глухим деревням. Они безропотно переносили голод и холод, добросовестно выполняли боевые задания, показывая отвагу и мужество, гордились, что им доверено воевать в гвардейских частях.

Бойцы из поступившего пополнения почти полгода пробыли на занятой врагом территории, ничего не зная о событиях на фронте и в стране, или получая сведения, извращенные немцами. Политотделы наших дивизий и политработники полков уделили пополнению особое внимание. С людьми проводили политзанятия, им рассказывали о разгроме немцев под Москвой, под Ростовом и Тихвином. Важную роль сыграли и наши агитаторы, ветераны корпуса. В дружеских беседах с новичками они вспоминали о славных делах конногвардейцев, о том, как били мы фашистов на Украине, под Каширой, под Тулой. Ветераны знакомили новичков с историей и с традициями наших частей, личным примером показывали, как должен вести себя гвардеец в бою.

В подавляющем большинстве люди, прибывшие с пополнением, стали хорошими солдатами. Многие из них прошли потом долгий путь по дорогам войны, стали командирами.

С помощью призывных комиссий мы пополнили гвардейские дивизии. 329-я стрелковая дивизия пополнилась за счет партизанского отряда «Северный медведь» и нескольких других отрядов. Но возместить все потери не было возможности. Особенно ослаблены были легкие кавалерийские дивизии, превратившиеся, по существу, в усиленные эскадроны.

Мы со Щелаковским послали в Военный совет Западного фронта радиogramму, прося разрешить нам расформировать 41, 57 и 75-ю легкие кавалерийские дивизии, а их личный состав использовать для доукомплектования двух гвардейских. Такое разрешение было дано, и реорганизация произведена.

В конце февраля, в разгар напряженных боев, мы получили директиву: нашим полкам присваивались новые номера. 11, 96, 131 и 160-й кавалерийские полки 1-й гвардейской кавалерийской дивизии стали теперь 1, 3, 5 и 6-м гвардейскими кавалерийскими полками. 136, 108, 5 и 72-й кавалерийские полки 2-й гвардейской кавалерийской дивизии были переименованы во 2, 4, 7 и 8-й гвардейские кавалерийские полки. Новые названия прижились не сразу. Некоторое время мы по привычке продолжали в разговорах называть полки их старыми номерами.

8-ю воздушнодесантную бригаду мы передали в 4-й воздушнодесантный корпус, куда она входила и раньше.

После реорганизации в группе остались 1-я и 2-я гвардейские кавалерийские дивизии, 329-я стрелковая дивизия и два партизанских соединения - «Дедушка» и «Особая группа партизанских отрядов». Силы наши значительно возросли. Когда начинался рейд, через Варшавское шоссе прорвалось около семи тысяч бойцов и командиров. А в конце марта в группе насчитывалось уже до семнадцати тысяч человек.

Основная масса личного состава группы мужественно переносила все трудности и невзгоды. Но не все выдерживали напряжение. Иные теряли способность трезво оценивать обстановку, поддавались панике.

Не выдержали нервы у прокурора корпуса Мусабаева. 13 марта он отправил прокурору фронта Румянцеву большую радиogramму, в которой подробно освещал состояние группы. Сообщал он о том, что корпус действует без отдыха с первого дня войны, что личный состав утомлен непрерывными боями и бессонными ночами, что за время рейда выбыло из строя восемьдесят процентов командного состава, приводил много других фактов. Все эти факты соответствовали действительности. Если судить только по ним, то положение корпуса было безнадежно. Но Мусабаев упускал самое главное - какой вред противнику мы нанесли, воюя в фашистском тылу. Командование Западного направления не отказывалось от мысли окружить и уничтожить главные силы гитлеровской группы армий «Центр». Поэтому большое значение придавалось плацдарму, который мы удерживали на занятой врагом территории. Наши действия в тылу противника были очень важны для успеха намеченной операции. Мусабаев так и не понял этого.

Свое донесение прокурор заканчивал словами: «В целях сохранения оставшегося боеспособного кадра прошу вас возбудить ходатайство перед Военным советом о выводе

корпуса из рейда и дать ему возможность полного укомплектования».

Ни я, ни комиссар ничего не знали о посланном донесении. Мы не считали положение корпуса безнадежным, наоборот, были уверены, что сможем успешно выполнять задачи, которые будут поставлены перед нами.

На другой день после того как прокурор отправил свое паническое послание, мы получили радиogramму Военного совета Западного фронта, требовавшую вести решительную борьбу с упадочническими настроениями, подобными тем, какие были у Мусабаева.

«Надлежит разъяснить, - говорилось в радиogramме, - что благодаря прорыву корпуса в тыл противнику в районах Вязьма, Дорогобуж, Ельня и других поднялось и расширяется партизанское движение; его воздействие на противника с каждым днем усиливается. Нахождение 1-го гвардейского кавалерийского корпуса на тылах противника заставляет его оттягивать с фронта части, расходовать резервы. Вывод корпуса из рейда обречет на разгром противником партизан и много ухудшит положение Соколова, Ефремова, Жабо и Казанкина. Корпусу быть готовым к дальнейшему пребыванию в тылу противника и всемерно усилить свою активность, лучше и энергичнее организовать и активизировать партизан. Верховным Главнокомандующим приказано всеми средствами удержать Дорогобуж в ваших руках» [13].

Через несколько дней мы получили еще одну радиogramму, оказавшую нам большую моральную поддержку. Прислал ее инспектор кавалерии герой гражданской войны генерал-полковник Ока Иванович Городовиков, Он писал, что гордится успехами нашего корпуса и желает нам новых побед над противником.

Мусабаев не долго пробыл после этого в нашей группе. Прокурор Западного фронта удовлетворил его просьбу о переводе в другое соединение. Мусабаева отправили самолетом на «Большую землю».

Весной 1942 года на всем советско-германском фронте наступило относительное затишье. Линия фронта стабилизировалась. Обе стороны пополняли войска, сильно поредевшие за истекшие месяцы, создавали резервы, готовясь к летним боям.

Немцы могли теперь выделить больше сил и средств для борьбы с советскими соединениями, которые прорвались в их тыл в районе Вязьмы. Противник решил уничтожить нас по частям. Первый удар он нанес по группировке 33-й армии генерала Ефремова, в состав которой входили три очень слабые стрелковые дивизии. Окружив эту группировку во много раз превосходящими силами, фашисты начали постепенно сжимать кольцо.

Мы с Ефремовым были знакомы еще с 1925 года. Он в то время командовал 19-й территориальной стрелковой дивизией в Воронеже, а я - кавалерийской бригадой в Острогжске. Ефремов отличался мужеством и решительностью. В первый, наиболее трудный, период войны он зарекомендовал себя умелым полководцем. Он принадлежал к числу тех людей, которые предпочитают самостоятельно преодолевать трудности, не обращаясь за помощью. И когда теперь, под Вязьмой, мы получили приказ штаба Западного фронта помочь остаткам ударной группировки 33-й армии прорваться к нам, мне стало ясно, что положение у Ефремова действительно очень тяжелое.

Задача была поставлена нам 24 марта. В это время войска моей группы были связаны боями за удержание той большой территории, которую мы контролировали в тылу противника. Значительная часть наших сил вела наступление на станцию Угра и прилегающие к ней деревни Русаново, Денисково, Вознесенье и Сенютино. В этом районе мы окружили вражеский гарнизон численностью более семисот человек и намеревались уничтожить его. Он угрожал нашему тылу, а также флангу нашего соседа, 4-го воздушнодесантного корпуса. Бои за станцию Угра приняли затяжной характер. Вражеский гарнизон получал помощь по воздуху транспортными самолетами.

Для помощи Ефремову мы сформировали сводный отряд. В него вошел 2-й гвардейский кавалерийский полк майора Г. И. Малинова, насчитывавший триста сорок шесть человек, с двумя полевыми орудиями, двумя противотанковыми пушками и несколькими минометами. К полку присоединился партизанский батальон численностью в двести сорок шесть человек при двух орудиях и трех минометах. Командование сводным отрядом принял бывший командир расформированной 57-й кавалерийской дивизии полковник М. Н. Завадовский.

Я связался по радио с генерал-лейтенантом Ефремовым, сообщил, что сводный отряд выступил на помощь его окруженным войскам. Мы уточнили, в каком месте нанесет удар Завадовский. Генерал Ефремов должен был в свою очередь сделать попытку пробиться навстречу этому отряду.

27 марта отряд перешел в наступление из района Знаменки на Свищево. Противник оказывал сильное, все возрастающее сопротивление. Бой продолжался почти без перерыва несколько суток. Гвардейцы и партизаны предпринимали атаку за атакой, но каждый раз попадали под огонь многочисленных пулеметов и минометов и вынуждены были отходить на прежние рубежи.

Полковник Завадовский неоднократно менял участки прорыва, но и это не помогало. Гитлеровцы, окружавшие группировку Ефремова, имели превосходство в силах и средствах. Им удалось отразить все наши попытки разорвать кольцо. Впоследствии мы узнали, что фашисты имели в штабе Ефремова агентов, которые сообщали немцам о месте и времени наших ударов. Двух таких агентов поймали в мае наши парашютисты.

Отряд Завадовского понес большие потери, и его пришлось расформировать. 14 апреля уцелевшие бойцы и командиры были возвращены в свои части. Полковник Завадовский был отозван в штаб Западного фронта и назначен командиром 18-й гвардейской стрелковой дивизии.

Оказать действенную помощь Ефремову мы не смогли: выделенный для этого отряд был слишком слаб, а увеличить его мы не имели никакой возможности. Дело в том, что в последних числах марта, когда наши подразделения вели упорные бои, пробиваясь к группировке Ефремова, резко ухудшилось положение нашего соседа - 4-го воздушнодесантного корпуса, которому мы тоже должны были оказать немедленную помощь.

Этот корпус, состоявший из 9-й и 214-й воздушнодесантных бригад, начал высаживаться еще 19 февраля в районе села Великополье. И снова штурманы транспортной авиации допустили ряд ошибок, в результате чего часть десантников выбросилась далеко от указанного им места. До восьмидесяти парашютистов приземлились возле деревни Коптево (в четырнадцать километрах южнее Семлева). Большая группа была сброшена неподалеку от Изборова за передним краем обороны противника, и гитлеровцы без труда уничтожили ее. Боеприпасы, оружие, продовольствие и лыжи парашютистов тоже были разбросаны на большом пространстве, и разыскать их удавалось далеко не всегда.

Командовал корпусом генерал-майор А. Ф. Левашов. Но его самолет, направлявшийся в район десантирования, попал под обстрел, и Левашов погиб. Командование принял начальник штаба корпуса А. Ф. Казанкин.

Сбор высадившихся парашютистов закончился 23 февраля. Всего в двух бригадах насчитывалось семь тысяч пятнадцать человек.

Воздушнодесантный корпус должен был наступать навстречу 50-й армии генерала Болдина и помочь ей прорвать оборону гитлеровцев. Перед 50-й армией стояла прежняя задача: продвинуться вперед и захватить Вязьму.

Начав наступление 25 февраля, десантники добились заметных успехов. За трое суток они с боями овладели населенными пунктами Ключи, Дерговочная, Татьяниха и Жердовка. Через некоторое время нескольким разведгруппам 9-й воздушнодесантной бригады удалось даже пробраться через Варшавское шоссе и установить связь с частями 50-й армии. Таким образом, парашютисты почти выполнили то, что от них требовалось. Но 50-я армия не

смогла прорвать фронт и соединиться с десанниками.

Отразив наступление армии, немцы решили расправиться с десанниками, бросив против них части трех пехотных дивизий. Парашютисты оказались в тяжелом положении. Полковник Казанкин обратился ко мне за помощью.

К этому времени мы уничтожили противника на станции Угра, захватив большие трофеи, в том числе тридцать пять вагонов со снарядами. Но операция еще не закончилась: в селах Вознесенье и Сенютино держались пока немецкие гарнизоны. Для блокады этих гарнизонов я оставил партизанские отряды Жабо, Петрухина и «Северный медведь». Возглавил эту группу майор Жабо. На помощь десанникам была послана вся 2-я гвардейская кавалерийская дивизия.

Десять дней, со 2 по 12 апреля, продолжались бои, достигавшие крайнего ожесточения. Немцы стремились во что бы то ни стало отрезать от нас и уничтожить парашютистов. Дело дошло до того, что мне пришлось ввести в действие резерв группы, 6-й гвардейский кавалерийский полк подполковника Князева. С помощью резерва удалось наконец отразить наступление гитлеровцев.

11 апреля 4-й воздушнодесантный корпус по распоряжению Военного совета фронта был подчинен мне. Десантники перешли к обороне вместе с партизанским полком майора Жабо.

Гитлеровцы не смогли уничтожить парашютистов. Но пока 2-я гвардейская кавалерийская дивизия вела бои с фашистскими войсками, наступавшими на воздушнодесантный корпус, немцам удалось спасти свои гарнизоны, блокированные в Вознесенье и Сенютино. С юга, со стороны Милятино, фашисты выдвинули батальон пехоты с десятью танками. Этот батальон оттеснил партизан, прорвался в окруженные деревни, а затем, отступая, захватил с собой остатки блокированных гарнизонов.

В конце апреля мы узнали о трагической участи ударной группировки 33-й армии генерала Ефремова. Штаб фронта прислал радиogramму, в которой говорилось, что, возможно, какие-то силы Ефремова выйдут в наш район. Из этой радиogramмы можно было понять, что ударная группировка 33-й армии прекратила свое существование. Так оно и оказалось на самом деле.

27 апреля к нам пробился отряд бойцов из 160-й стрелковой дивизии под командованием полковника Ф. М. Орлова. Он привел с собой около ста человек, среди которых было много раненых и обмороженных. Другая группа из состава 33-й армии вышла 30 апреля на участке партизанского полка Жабо. В этой группе насчитывалось шестьсот шестьдесят шесть человек, в том числе четыреста раненых. Пробившиеся к нам люди говорили, что где-то следом за ними идет еще один отряд. Но никто из них не знал, где находится командующий армией.

Еще 31 марта я получил от главкома Западного направления задачу разведать силы противника в направлении на Милятино. Готовилась новая наступательная операция. 50-я армия должна была в третий раз попытаться совершить прорыв через Варшавское шоссе, а мы - помочь ей, нанеся гитлеровцам удар с тыла. Этот замысел соответствовал нашим чаяниям. Соединившись с армией, мы смогли бы не только удержать освобожденную территорию, но и развить достигнутые успехи. От 50-й армии нас отделяла неширокая полоса, но полоса эта была занята крупными силами противника и хорошо подготовлена к отражению атак с фронта и с тыла.

10 апреля я послал главкому Западного направления генералу Жукову радиogramму:

«Докладываю на Ваше рассмотрение оценку обстановки и предложения. Протяженность фронта корпуса по окружности превышает 300 км. Силы противника: на линии Милятино - Ельня разведано шесть пехотных дивизий. К Ельне подходят подкрепления со стороны Рославля и Смоленска. Западнее р. Днепр обороняются неустановленные силы. На севере - Ярцево, Семлево, ст. Волоста Пятница - прикрывают подступы к железной дороге разрозненные сборные части, в том числе 35-й и 23-й пехотных дивизий.

Вывод: корпус участвует в окружении Вяземской, Ельнинской, Спас-Деменской группировок противника и в свою очередь находится в оперативном окружении.

Силы корпуса и протяжение фронта вынудили меня перейти к оборонительным действиям. Инициатива заметно переходит в руки противника. Резервов нет. В этих условиях выдвигаю наступательный план:

1. Прорвать кольцо окружения навстречу 50-й армии в общем направлении на Милятино.

2. Для этой цели в районе Выходы сосредоточить ударную группу в составе 1-й и 2-й гвардейских кавалерийских дивизий, 4-го воздушнодесантного корпуса и партизанского отряда Жабо.

3. Особой группе отрядов полковника Москалика оставить небольшие силы для блокировки Ельни, а главными силами наступать на Спас-Деменск.

4. Для удержания Дорогобужа оставить отряд «Дедушка». Разлив Днепра облегчает эту задачу.

5. Для обеспечения операции с севера и северо-востока оставить 329-ю стрелковую дивизию и мелкие партизанские отряды.

6. Силами 50-й армии, а возможно, и 10-й армии, овладеть Варшавским шоссе на участке Зайцева гора, Ерши, а также Милятино. После этого прочно закрепиться на шоссе в указанных пунктах.

7. После моего соединения с Болдиным в районе Милятино присоединить к корпусу все мои эшелоны с артиллерией, танковой бригадой, 7-й гвардейской кавалерийской дивизией и бросить корпус или на Ярцево для смыкания с Калининским фронтом, или для другой задачи.

8. Подготовка операции займет от 7 до 10 суток, и, возможно, удастся предупредить противника в наступлении.

9. Желательно сильное прикрытие с воздуха, так как противник будет противодействовать сосредоточенными ударами своих ВВС.

В операции могут принять участие наши танки, так как проходимость без дорог несколько улучшится.

10. Успех операции лишит противника исходного положения для ожидаемого весеннего наступления.

11. Дальнейшее же пассивное пребывание корпуса в тылу противника считаю нецелесообразным. Серьезное наступление противника на любом участке корпуса резко изменит обстановку не в нашу пользу. К тому же за 2,5 месяца местные ресурсы продфуража исчерпаны.

№ 1596. Белов. Милославский. Вашурин » [14].

С нетерпением ждали мы ответа из штаба фронта. Пришел он на следующий день и принес разочарование. Предложенный мной план признавался в принципе правильным, но сообщалось, что 50-я армия к наступлению не готова. Кроме того, нам запрещалось ослаблять район Дорогобужа, который по приказу Верховного Главнокомандующего надлежало удерживать.

Мы решили на свой страх и риск провести несколько частных операций, чтобы продвинуться на юг и создать более благоприятную обстановку для соединения с 50-й армией. 13 апреля 8-я воздушнодесантная бригада овладела станцией Вертехово. Части 2-й гвардейской кавалерийской дивизии обошли населенный пункт Ключи и вели бой в трех километрах от станции Баскаковка. 214-я воздушнодесантная бригада захватила Богородицкое и Платоновку.

14 апреля из штаба Западного фронта было получено совершенно неожиданное сообщение: 50-я армия перешла в наступление и даже овладела Зайцевой горой, в шести километрах от Милятина. Это сообщение показалось мне странным. Три дня назад армия еще не была готова к активным действиям и вдруг самостоятельно, без согласования с нами, начинает прорывать оборону противника. Чем это объяснить? Несогласованностью? Или у 50-й армии наметился просто частный успех?

Как бы там ни было, командующий фронтом потребовал от нас немедленно ускорить наступление навстречу 50-й армии. Я считал, что надо пойти на риск, снять из района Дорогобужа нашу самую сильную в то время - 1-ю гвардейскую кавдивизию с ее артиллерией и минометами. Риск уменьшался тем, что разлив Днепра в какой-то мере обезопасил наши позиции около Дорогобужа от атак с запада. Однако командование фронта было другого мнения.

2-я гвардейская кавалерийская дивизия и 4-й воздушнодесантный корпус начали наступление довольно удачно. Передовые части нашего корпуса и 50-й армии находились всего в двух километрах друг от друга. Казалось, еще одно усилие - и цель будет достигнута. Но противник бросил против нас авиацию. Одна за другой следовали контратаки вражеской пехоты и танков. А у нас не было больше резервов.

Сколько раз вспоминал я в эти горячие часы о 1-й гвардейской кавдивизии! Но вводить ее в бой штаб фронта запретил.

15 апреля противник отбил у 50-й армии Зайцеву гору и отбросил назад ее передовые части. Разрыв между нами и 50-й армией снова увеличился. Атаки продолжались в течение нескольких суток, но не принесли успеха. Наступление постепенно затухло.

Итак, попытка 50-й армии прорваться через Варшавское шоссе снова оказалась безрезультатной. Я пришел к выводу, что нам не следует возлагать надежды на помощь извне, нужно рассчитывать в основном на свои силы. Логика подсказывала, что, уничтожив группировку 33-й армии генерала Ефремова, противник должен обрушиться на нас. Наша разведка доносила, что немцы уже начали сосредоточивать свои войска у села Выходы.

В этих условиях мы разработали к 25 апреля новый план действий.

Когда корпус уходил в рейд, в районе Мосальска осталось много наших бойцов и

командиров - больше, чем прорвалось в тыл противника. Остался целиком 212-й кавалерийский полк 57-й кавалерийской дивизии, не имевший лошадей, дивизионная артиллерия, дивизионные тылы, некоторые обозы, колесный транспорт, медико-санитарные дивизионы и внештатный корпусной госпиталь с большим количеством раненых и больных.

Во второй эшелон корпуса влились маршевые эскадроны, не догнавшие нас до 28 января. А потом их прибыло довольно много.

Из Мосальска второй эшелон перевели на новое место, недалеко от Калуги. Туда же была направлена 7-я гвардейская кавалерийская дивизия, которая с 13 марта была включена в состав нашего корпуса. По сути дела, в тылу Западного фронта сформировался еще один 1-й гвардейский кавалерийский корпус из трех полностью укомплектованных гвардейских кавалерийских дивизий, имевший больше людей и техники, чем тот, который ушел в рейд. В нем к концу апреля насчитывалось около двадцати тысяч человек. Командовали этими войсками мои заместители - сначала генерал И. А. Плиев, а потом генерал М. Д. Борисов.

Согласно нашему новому плану второй эшелон корпуса, усиленный танками, артиллерией и поддерживаемый бомбардировочной авиацией, должен был прорвать оборону противника и наступать с юга на Милятино, чтобы соединиться с нами. Командование вторым эшелоном я намеревался поручить генерал-майору Осликовскому, который как раз выписался из госпиталя и находился в расположении наших войск близ Калуги.

После того как гвардейцы прорвутся через Варшавское шоссе, участок прорыва должна расширить и закрепить 50-я армия генерала Болдина. В прорыв желательно было бы ввести кроме конногвардейцев свежие силы какой-либо общевойсковой армии. Тогда мы, вероятно, смогли бы соединиться в районе Ярцева с войсками Калининского фронта и окружить наконец 4-ю и 9-ю фашистские армии.

Я сообщил об этом замысле командующему Западным фронтом. Однако предложение мое одобрения не получило. Отказ был мотивирован тем, что генералу Осликовскому произвести прорыв будет не под силу. Действительная причина была другая. Фронтное командование уже не надеялось, по крайней мере в ближайшее время, захватить Вязму и разгромить группу армий «Центр». Я понял это 26 апреля, когда получил радиограмму, в которой сообщалось, что 50-я армия перешла к обороне. Нам тоже было предложено перейти к активной обороне, дать отдых людям и беречь кадровые соединения.

Приказ был выполнен. На всей освобожденной нами территории - от районного центра Знаменка на востоке до Соловьевой переправы (река Днепр) на западе, от Дорогобужа на севере и до Варшавского шоссе на юге - наступило некоторое затишье.

Можно было не сомневаться в том, что, как только кончится распутица, как только просохнут дороги и появится возможность использовать танки, немцы сразу же попытаются уничтожить нас. Нужно было позаботиться об укреплении наших позиций, особенно на танкоопасных направлениях.

Я вызвал из-под Калуги, из нашего второго эшелона, майора Ларина, исполнявшего обязанности начальника инженерной службы корпуса. За короткий срок под его руководством была проделана большая работа. На тех направлениях, откуда мы ожидали наступление противника, были установлены различные заграждения, поставлены минные поля. Часть противотанковых и противопехотных мин нам была доставлена самолетами. Использовали мы и трофейные мины, да еще научились изготавливать их сами из взрывчатых веществ, захваченных у немцев. Майор Ларин создал подвижный резерв из саперов, имевших запас мин. Большие надежды возлагали мы и на батальон противотанковых ружей, переброшенный к нам самолетами из второго эшелона.

За время пребывания в тылу противника мы потеряли часть тех немногих артиллерийских орудий, которые удалось взять в рейд. Но общее количество пушек не только не уменьшилось, а даже увеличилось. Наши гвардейцы с помощью населения и партизан разыскивали орудия, минометы и боеприпасы, оставшиеся в лесах и на болотах после боев, шедших в этих местах осенью 1941 года. Артиллеристам 1-й гвардейской кавалерийской дивизии удалось обнаружить несколько дальнобойных орудий с запасом

снарядов. Одно из орудий оказалось исправным. Его установили вблизи села Гришино. Время от времени оно вело огонь по противнику, чаще всего по железнодорожной станции Вязьма, когда там скапливались вражеские эшелоны. Наша разведка регулярно сообщала в штаб корпуса об эффективности огневых налетов и указывала новые цели. Немецкая авиация долго и безрезультатно разыскивала эту пушку. Обстрел Вязьмы прекратился только, когда пушка разорвалась от слишком большого заряда.

Собранное и отремонтированное артиллерийское вооружение использовалось для пополнения материальной части наших подразделений. Кроме того, были заново сформированы минометный дивизион и две тяжелые артиллерийские батареи 152-миллиметровых гаубиц. Снаряды и гильзы для них мы раздобыли, а зарядов и капсюлей так и не нашли. По моей просьбе командующий артиллерией фронта генерал И. П. Камера прислал нам немного зарядов и капсюлей на самолете.

Обе батареи использовались нами южнее села Выходы. Результаты их стрельбы были отличные. Тяжелые снаряды разрушали укрепления, уничтожали живую силу противника. Но из-за нехватки зарядов гаубицы стреляли очень редко.

В тылу врага, на освобожденной территории, мы обнаружили значительное количество советских танков. Некоторые машины можно было отремонтировать и снова ввести в строй. Эта мысль не давала мне покоя. Но отремонтировать танк в тех условиях было не так-то просто. Не было ни мастерских, ни запасных частей. Да и кому поручить такое дело? Где найти опытного организатора, хорошо - знающего технику?

Я вспомнил, что в нашем штабе остался делегат связи 2-й гвардейской танковой бригады лейтенант Кошелев. Он не был своевременно отозван в свою часть и ушел в рейд вместе с нами.

Я вызвал его и поделился с ним мыслями о ремонте танков. Он ответил не сразу. Подумал, потом сказал уверенно:

- Можно, товарищ генерал-лейтенант. Только где взять людей?

- Людей выбирайте сами из частей и партизанских отрядов. Мы дадим вам специальный документ. С ним вы можете отзывать в свое распоряжение бойцов из любого подразделения.

- Будет сделано! - заверил меня лейтенант.

Через несколько дней в деревне Волочек, в двадцати четырех километрах от Дорогобужа, Кошелев развернул небольшую ремонтную базу. Он собрал бывших танкистов, бежавших из фашистского плена, партизан, знакомых со слесарным делом, трактористов. Люди работали днем и ночью в крестьянских сараях при тусклом свете коптилок, во дворах, под открытым небом, на сильном морозе. В конце марта три танка, один из них тяжелый, были готовы к боевым действиям. Я поздравил Кошелева с этой победой и назначил его командиром нашего первого танкового взвода. Окрыленные успехом, люди начали работать с большей уверенностью. Теперь у них был кое-какой опыт. Вскоре в строй вступили еще три танка. Взвод развернулся в роту.

Танковая рота Кошелева приняла участие в боях под Ельней. Танкисты проявили при этом исключительный героизм и отвагу. Они огнем и гусеницами уничтожали укрепления, технику и живую силу противника. Взаимодействуя с танкистами, наши кавалеристы и партизаны нанесли несколько сильных ударов по врагу. Лейтенант Кошелев, мужественно сражавшийся с фашистами, был представлен к награждению орденом Красного Знамени.

Во время этих боев стало известно, что в партизанском полку имени 24-й годовщины РККА есть еще одна танковая рота. Командовал ею Г. Л. Гамбург. В первых числах мая мы объединили эти роты в отдельный танковый батальон, который возглавил Кошелев, получивший звание старшего лейтенанта. Гамбург, инженер по образованию, был назначен заместителем Кошелева по технической части. В батальоне насчитывалось теперь более двадцати танков, среди них два тяжелых КВ и восемь Т-34.

Бойцы, партизаны, местные жители обнаруживали все новые и новые боевые машины, пригодные для ремонта. Восстановление танков продолжалось ускоренными темпами. В

мастерской Кошелева работало уже более двухсот человек. Ремонтировались не только танки, но и тракторы, грузовики и другая техника. Представлялось совершенно реальным развернуть танковый батальон в танковую бригаду. Кандидатом на должность ее командира был старший лейтенант Кошелев. Мы называли его в шутку «будущим комбригом». Я без колебаний доверил бы этому молодому -коммунисту, отважному командиру такой ответственный пост.

Однако обстановка резко изменилась. В конце мая противник начал наступать и а нас крупными силами.

Все готовые к бою танки были использованы для контратак. А вскоре произошло то, что, к сожалению, часто случается на войне: бесстрашный танкист Кошелев погиб.

Несколько лет назад его бывший заместитель Гамбург прислал мне письмо, в котором подробно рассказал о последнем бое Кошелева:

«Танковый батальон взаимодействовал с батальоном парашютистов. В восемь часов утра мы сосредоточились в десяти километрах южнее деревни Волочек, чтобы прикрыть отход наших главных сил, двигавшихся на совхоз Алексина. До полудня мимо нас проходили кавалеристы и десантники, а за ними стали приближаться передовые части неприятеля. Старший лейтенант Кошелев отдал приказ: «По танкам!» Сам он. был на КВ, а я - на Т-34. На поле, по которому проходила оборона батальона парашютистов, начали выползать немецкие танки. Наши машины уже урчали, готовые к бою. Ведя оружейно-пулеметный огонь, мы по приказу Кошелева двинулись в атаку. На нас обрушился ураганный огонь артиллерии противника. В броню ударялись снаряды и пули. Один немецкий танк был подбит, а остальные, не выдержав нашего натиска, ушли в лес, под прикрытие своей артиллерии. Ушла из виду и пехота...

Стреляя, танк Кошелева шел к лесу, преследуя танки врага. Наш экипаж, подавляя огневую точку противника, временно потерял КВ командира из виду, а когда развернулся, то увидел его горящим. Я пошел в его сторону, надеясь подобрать экипаж. Туда же устремились другие танки. Через несколько десятков метров снаряд попал нам во второй каток с правой стороны, и машина «захромала». Мы с трудом вывели ее из боя.

Я принял командование батальоном. Наш батальон, прикрывал отход главных сил на дороге Ельня - Глинка. Однако у нас кончились боеприпасы и горюче-смазочные материалы, мы не могли больше вести боевые действия. Впоследствии танки были уничтожены, чтобы не достались врагу...»

Василий Матвеевич Кошелев был похоронен близ деревни Волочек, а в 1952 году при перезахоронении прах его перенесен в братскую могилу на территории совхоза Алексина.

В самом начале рейда перед нами встала сложная проблема: как быть с ранеными? Через Варшавское шоссе сумели прорваться только медицинские пункты полков и медико-санитарный взвод 75-й кавалерийской дивизии. Все другие медицинские подразделения остались в районе Мосальска. Медицинскую службу пришлось организовывать заново.

Во время осенних боев под Вязьмой попало в окружение несколько советских госпиталей. Врачи, фельдшера, медицинские сестры не бросили раненых красноармейцев и командиров на произвол судьбы, укрыли их в деревнях. Больше того, врачи, отбившиеся от своих частей, по собственной инициативе создавали в тылу врага импровизированные госпитали для больных и раненых бойцов, оказавшихся в окружении. В труднейших условиях, не имея медикаментов и инструментов, постоянно рискуя своей жизнью, они продолжали оказывать людям необходимую помощь.

Один из таких наскоро созданных госпиталей находился в деревне Дебри. В нем было

более пятидесяти раненых и несколько медработников, в том числе два врача. Фамилии их, к сожалению, установить не удалось. Известно только, что старшим был врач-отоларинголог, русский, круглолицый, с небольшой бородкой. Раненые размещались в школьном здании на краю деревни. Кормило их местное население.

В январе 1942 года в деревню приехал на крестьянских санях отряд эсэсовцев. Фашисты зашли в школу и приказали одеть раненых для перевозки в Вязьму. Вместе с ранеными должен был отправиться и медперсонал. На вопрос врача-отоларинголога, как быть с тринадцатью нетранспортабельными ранеными, гитлеровский офицер ответил:

- Оставить в школе.

Он же распорядился, чтобы медперсонал не брал с собой медицинское имущество, а все ценное отнести к старосте.

Оба врача уложили в аптечный сундук хирургические инструменты, лекарства, перевязочный материал и под конвоем эсэсовца отнесли сундук в дом старосты. Здесь фашист велел им сидеть и ждать, а сам ушел. Вскоре пришел староста и объявил, что населению приказано не выходить из домов.

Врачи сидели на сундуке в мучительном ожидании. Спустя час на улице раздались испуганные крики: «Школа горит!» Врач и его товарищ выбежали из дома. Немцев не было видно - они успели уехать. Школа догорала. Уже обвалилась крыша. У крыльца крестьяне столпились вокруг лежавшего на снегу человека. Врачи узнали в нем одного из тех тяжелораненых, которые должны были остаться в деревне. Одежда его была окровавлена, сам он не подавал признаков жизни. Однако, взяв его руку, врач ощутил слабое биение пульса. Раненого отнесли в ближайший дом, осмотрели и перевязали. У него оказалось свежее пулевое ранение головы: входное отверстие под левым глазом, выходное - в области затылка.

К вечеру среди жителей стали распространяться слухи, что в лесу, неподалеку от деревни, в той стороне, куда уехали немцы, была слышна стрельба. А утром староста принес страшную весть: раненые и сопровождавшие их медработники расстреляны в лесу, у дороги.

Через несколько дней пришел в сознание боец, который был подобран около горячей школы. С трудом шевеля языком, он рассказал, что произошло с ним и его товарищами. Оставшихся в школе раненых, не способных передвигаться, гитлеровский офицер расстреливал из пистолета, переходя от одного к другому. Когда был убит лежавший рядом товарищ, боец закрыл глаза левой рукой, ощутил сильный толчок и будто провалился в черную пропасть. Очнулся он от невыносимой жары, открыл залитые кровью глаза и увидел, что комната охвачена пламенем. Собрал последние силы, раненый дополз до двери, но она была приперта снаружи. Он боялся, что снова попадет в руки фашистов, но сзади подгонял огонь. Тогда он начал раскачивать дверь. Образовалась щель. - немцев не было видно. Боец навалился на дверь, чувствуя, что еще минута - и он потеряет сознание. Но дверь поддавалась, и он выполз на крыльцо.

Уцелевшие врачи понимали, что фашисты не оставят их в покое, и решили уйти в лес. Но прежде надо было подлечить раненого бойца, чтобы захватить с собой и его. Уход откладывался со дня на день.

Однажды утром гитлеровцы снова появились в деревне.

Они подъехали прямо к дому старосты, Бежать было поздно. Фашисты приказали врачам сесть в сани. Из соседнего дома вывели раненого бойца. Всех троих немцы повезли к лесу. Было ясно, что через несколько минут эсэсовцы покончат с ними. И вдруг на опушке леса раздалось несколько автоматных очередей. Немцы спрыгнули с саней и начали отстреливаться. Лошади, немного пробежав по дороге, остановились. Врачи и раненый боец сползли с саней и зарылись в снег.

Перестрелка продолжалась очень долго. Потом у фашистов, видимо, кончились патроны. Они прекратили стрельбу. С опушки леса раздался властный голос: «Встать! Руки вверх!» Уцелевшие еще немцы поднялись, но врачи и раненый встать не смогли. Они замерзли в снегу. К ним подбежали люди в шинелях, со звездочками на шапках, подняли их,

начали оттирать.

Врачи, спасенные кавалеристами, работали потом в одном из госпиталей нашей группы.

Обо всем этом мне рассказал военный врач Г. М. Новоселов, с которым я встретился 2 февраля, когда приехал в село Покровск, расположенное в пятнадцати километрах от Вязьмы.

Осенью 1941 года Новоселов командовал медико-санитарным батальоном 144-й стрелковой дивизии. Во время октябрьских боев дивизия попала в окружение. Часть личного состава начала пробиваться на восток мелкими группами, часть рассеялась в окрестных лесах. Не имея возможности эвакуировать раненых, Новоселов остался со своим батальоном в тылу врага, чтобы продолжать лечение бойцов и командиров. Вероятно, немцы расправились бы с ними, как расправились с ранеными и медперсоналом в деревне Дебри. Но появление в районе Вязьмы нашей группы спасло их от такой участи.

Я побывал в школе, где лежали раненые, поговорил с ними и с Новоселовым. После этой встречи я отдал приказание выявить и взять на учет медицинские подразделения, уцелевшие на освобожденной территории.

В начале рейда медико-санитарную службу в группе возглавлял дивизионный врач 1-й гвардейской дивизии майор медицинской службы Глейх. Через некоторое время он доложил мне, что на освобожденной территории обнаружено несколько госпиталей, в которых лечились вышедшие из окружения военнослужащие и партизаны: в деревне Княщина - до трехсот раненых, в совхозе Алексино - около четырехсот, в деревне Гриднево и Ушакове - почти шестьсот, в селах Барсуки - триста пятьдесят человек. Кроме того, раненые размещались в мелких населенных пунктах. В общей сложности раненых и больных насчитывалось около трех с половиной тысяч. Лечили их сто семьдесят пять врачей, фельдшеров и медицинских сестер.

Многочисленные медицинские учреждения и подразделения были переформированы в десять госпиталей, медицинский персонал равномерно распределен между ними. Для раненых отводились лучшие помещения: больницы, школы, избы-читальни. Но таких помещений было немного, поэтому основная масса раненых располагалась в жилых домах. Госпитали, в пределах возможности, были специализированы: для тяжелораненых, для инвалидов и для легкораненых. В каждом госпитале имелся изолятор для инфекционных больных и терапевтическое отделение.

Вся эта сложная организационная работа проводилась главным образом начальником тыла корпуса подполковником И. Е. Грибовым под руководством полковника медицинской службы П. В. Морозова, которого прислал к нам начальник Главного санитарного управления Наркомата обороны Е. И. Смирнов.

Благодаря заботам и стараниям Морозова, его предшественников майора Глейха и полковника Суховерко, самоотверженной работе замечательных советских врачей тысячи бойцов и командиров были спасены и вернулись в строй. За один только апрель из госпиталей выписалось около двух с половиной тысяч человек. С 1 по 20 мая вернулись в свои части еще тысяча двести бойцов и командиров.

Политорганы нашей группы проводили с помощью местных партийных организаций и работников тыла сборы продовольствия для раненых. Колхозники отдавали своим защитникам лучшие продукты. Девушки и женщины помогали медицинскому персоналу в уходе за ранеными.

Для охраны от нападений диверсионных и полицейских отрядов, засылаемых к нам противником, в госпиталях создавались из выздоравливающих вооруженные группы, которые несли караульную службу.

Постепенно в госпиталях скопилось много тяжелораненых, нуждавшихся в эвакуации. Но вывезти их было очень трудно. Вначале на освобожденной территории садились только легкие самолеты - У-2 и С-2. Они могли брать лишь по два человека. В апреле дело пошло гораздо быстрее: мы расчистили аэродром и подготовили специальную посадочную

площадку в районе села Большое Вергово. Здесь смогли садиться и тяжелые корабли типа «Дуглас» и ТБ-3.

Для сосредоточения раненых и подготовки их к погрузке в самолеты в лесу, в километре от посадочной площадки, возле деревни Поделы был создан эвакуприемник. Обслуживали его два врача, фельдшер и два конных посыльных. Отправка самолетами производилась, как правило, в ночное время. Иногда удавалось эвакуировать за ночь до ста человек, а в ночь на 12 апреля было вывезено сразу триста сорок два раненых.

Рейсы воздушных кораблей далеко не всегда заканчивались благополучно. Наша связь с «Большой землей» порой прерывалась. Немцы упорно старались обнаружить посадочные площадки и вывести их из строя. Иногда им удавалось сделать это.

Из штаба ВВС Западного фронта к нам прислали полковника Агафонова, который должен был организовать аэродромную службу. Вместе с ним прибыл батальон аэродромного обслуживания. Ни Агафонов, ни его люди не знали условий действий в тылу врага, а к советам наших командиров не очень-то прислушивались, не считая их специалистами.

Стремясь сделать все «по правилам», Агафонов установил на посадочной площадке прожектор - маяк. В ночь на 13 мая прожектор был включен. Как только он начал работать, его сразу же обнаружили немцы. Фашисты подняли в воздух ночные истребители. Над аэродромом завязался неравный бой. Истребители сбили четыре «Дугласа», один из которых уходил от нас в обратный рейс с ранеными.

Утром гитлеровцы направили в район Большого Вергова бомбардировочную авиацию и вывели посадочную площадку из строя. Но и этим фашисты не ограничились. Они постоянно держали аэродром под контролем, не позволяя нам пользоваться им.

С 15 мая эвакуация раненых по воздуху почти прекратилась. Лишь изредка мы принимали самолеты в районе Дорогобужа, на посадочных площадках возле деревень Подмошье и Большая Еловка. Но за полмесяца с этих площадок было вывезено только сто три человека.

Всего за время пребывания в тылу врага нам удалось эвакуировать на «Большую землю» более трех тысяч человек, имевших, главным образом, тяжелые ранения.

Самолеты, направлявшиеся в группу за ранеными, доставляли некоторое военное имущество, в том числе медицинское. Но этого было мало. Самолеты сбрасывали его и в парашютных мешках на специально подготовленные площадки. Однако часто мешки попадали в леса, в болота, и разыскать их не удавалось. По данным органов снабжения, за май на аэродромах было сосредоточено и подготовлено к отправке в нашу группу 19605 килограммов медицинских грузов. Но нам было доставлено всего 785 килограммов.

На освобожденной территории население жило скученно и поэтому грязно. В значительной степени это объяснялось тем, что многие общественные здания и частные постройки были разрушены во время боев, и люди перебрались в уцелевшие дома. Иногда в одной комнате жили несколько семей. В этих же домах останавливались бойцы, командиры нашей группы и партизаны. Бани общего пользования имелись только в Дорогобуже, Хватовом Заводе и Алексине. В деревнях сохранилось совсем немного индивидуальных бань, топившихся, как правило, «по-черному». В таких условиях мы не были гарантированы от вспышек эпидемических заболеваний. Наши врачи провели профилактические мероприятия. Это помогло. Но все-таки полностью обезопасить себя нам не удалось.

К весне в ряде населенных пунктов были отмечены заболевания сыпным тифом. Особенно распространились заболевания в деревнях, расположенных вблизи поселка Входы и станции Угра, то есть в местах, освобожденных от противника позже других. В районе села Входы сыпным тифом были поражены целые деревни. Отмечались также единичные случаи заболевания скарлатиной и корью. У многих жителей появилась чесотка. Во второй половине марта сыпной тиф проник и в войска нашей группы, главным образом в части 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, которая действовала в районе Угра - Входы.

Эвакуировать тифозных на «Большую землю» было запрещено, и наши врачи лечили

их на месте. Были созданы специальные изоляторы, больные немедленно подвергались госпитализации. Медицинский персонал и командование частей самоотверженно боролись с опасной болезнью и не позволили ей разрастись в эпидемию. Не уберегся от тифа начальник политотдела корпуса Юрий Дмитриевич Милославский, Он надолго вышел из строя и вернулся в корпус только после окончания рейда.

В мае количество раненых и больных в наших госпиталях значительно уменьшилось. Почти все тяжелораненые были эвакуированы. Многие легкораненые вылечились и вернулись в свои подразделения. Крупных боев в этот период у нас не было. Это позволило провести с 10 по 20 мая еще одну реорганизацию нашей медицинской службы.

Мы создали госпитальную базу группы в составе эвакохирургического, инфекционного госпиталей и двух госпиталей для легкораненых. Три госпиталя были переформированы в медико-санитарные дивизионы и приданы дивизиям. Для управления госпиталями организовали ГПЭП (головной пункт эвакопомощи) со складом медицинского имущества.

На 20 мая в госпитальной базе группы насчитывалось до полутора тысяч человек, из них около полутораста - с тяжелыми ранениями. В инфекционном госпитале лечилось около ста больных сыпным тифом, большинство из них уже выздоравливало.

В начале мая я снова побывал у Новоселова, возглавлявшего теперь госпиталь в деревне Чесноковка. Условия для работы медицинского персонала были трудные. Не хватало лекарств и инструментов, случались перебои в снабжении продуктами. В госпитале не было ни кроватей, ни тюфяков, ни одеял. Раненые лежали на полу, на соломенной подстилке. Солома быстро перетиралась и теряла упругость, а добыть взамен свежую было нелегко: в районе наших действий ее давно уже перевели на корм скоту.

Я побеседовал с ранеными. Люди не жаловались. Они понимали, что делается все возможное для улучшения и ускорения лечения. Расспросил медиков - это были главным образом женщины - об их житье. Несмотря на все трудности, они сохранили бодрость и уверенность. Отвечали мне весело, с юмором. А одеты были плохо. Кто в стареньких платьях, кто в выцветших, заштопанных гимнастерках. На улице весна, сырость, а у многих на ногах валенки, не говоря уже о кирзовых сапогах и тяжелых солдатских ботинках.

- Скажите, товарищи, - обратился я к ним. - В чем вы нуждаетесь в первую очередь?

- В медикаментах.

- Об этом мы уже говорили. Сделаю, что в наших силах. А сейчас я хочу знать, в чем особенно нуждаетесь вы сами, медицинский персонал.

Женщины молчали. Им, конечно, нужно было многое. Разве не надоест шлепать по лужам в валенках, спать на голых топчанах, жить впроголодь, чинить расползающиеся от ветхости гимнастерки... Но они знали, что здесь, в тылу врага, нет вещевых и продовольственных складов, что я при всем желании не смогу удовлетворить их просьбы.

- Я не обещаю многого, требуйте только то, что вам крайне необходимо.

- Чулки, - со вздохом сказала одна из женщин.

- Очень трудно ходить без чулок, - поддержали ее другие.

Я вопросительно посмотрел на Новоселова. Он улыбнулся, наклонил голову:

- Все время о чулках вспоминают, товарищ генерал. Сапоги тяжелые, ботинки грубые...

Да и некрасиво на босу ногу.

- Постараюсь, - ответил я женщинам, несколько обескураженный такой просьбой. Вот уж не думал раньше, что в тылу противника мне придется заботиться о подобных вещах!

Через некоторое время по моему настойчивому требованию нам доставили с «Большой земли» чулки и еще какие-то предметы женского военного обмундирования. Они были распределены по медицинским подразделениям. Медики остались довольны.

Госпиталь, который возглавлял Г. М. Новоселов, считался у нас одним из лучших. В этом большая заслуга самого Новоселова, энергичного, жизнерадостного человека, любящего и знающего свое дело. Он был душой коллектива, учил, помогал, ободрял упавших духом. За большую работу по спасению раненых, за личный героизм, проявленный во время боев, Новоселов был представлен к награде. В конце 1942 года я имел удовольствие

вручить ему орден Красного Знамени. В это время я командовал общевойсковой армией, а Новоселов был ведущим хирургом нашего армейского госпиталя.

Уставы, которые мы изучали в мирное время, требовали, чтобы командир, принимающий решение на бой, считался с наличием боеприпасов и продовольствия и с возможностью их подвоза. Но в действительности часто приходилось считаться не столько с материальными возможностями, сколько с необходимостью выполнить боевой приказ.

Перед началом рейда наша группа вела непрерывные бои и не могла пополнять свои запасы. Мало помощи мог оказать нам и тыл Западного фронта. Мы имели менее половины боекомплекта вместо трех, положенных по норме, по продфуражу - менее одной суточной дачи вместо положенных шести. Не лучше было и с другими видами снабжения. Особенно же плохо - с минами и со снарядами наиболее требовавшегося 76-миллиметрового калибра. Дивизионная артиллерия, тылы кавалерийских дивизий и даже полковые обозы второго разряда не прошли вслед за нами и остались по ту сторону Варшавского шоссе. Мы оказались в тылу врага даже без тех незначительных запасов, которые смогли накопить перед рейдом.

За сутки до ухода штаба корпуса в рейд, когда главные силы группы уже прорвались через Варшавское шоссе, мы послали в тыл фронта заявку на те крайне необходимые грузы, которых войска получили мало или не получили совсем. Нам нужны были винтовочные патроны, мины разных калибров, ручные гранаты, сахар, сухари, концентраты, махорка, спички. Мы просили подать эти грузы самолетами в дивизии, которые уже действовали севернее шоссе, за линией фронта. Через некоторое время пришел ответ: «Всемерно обеспечьте свой рейд боеприпасами, горючим, продфуражом. Подача воздухом очень сложна и будет ограничена». Тыл Западного фронта сам не имел достаточных запасов и не мог снабдить войска всем тем, что требовалось. Тыл фронта оказался и организационно неподготовленным для материального обеспечения войск, ведущих бои в тылу противника.

2 февраля, когда наша группа находилась уже под Вязьмой, то есть в ста километрах от места прорыва, обеспечить наше снабжение было приказано командующему 50-й армией. Но сама армия осталась по ту сторону Варшавского шоссе.

Начиная с декабря 1941 года, с того времени, когда наши пути подвоза еще не были перерезаны противником, мы были приучены тылом фронта надеяться главным образом на самих себя и пользоваться местными средствами. Но жители, ограбленные гитлеровцами, сами едва сводили концы с концами.

В боевом донесении, отправленном в Штаб Западного фронта 2 февраля, я сообщал:

«Истекшей ночью был в частях, 2-й и 1-й гвардейских и 41-й кавалерийской дивизий. Части исключительно утомлены. Лошади вязнут в глубоком снегу, часть их, выпрягается и остается в поле, не в состоянии двигаться дальше. Увеличивается также количество вышедших из строя из-за переутомления верховых лошадей (овса лошади не получают уже давно, а в этом районе нет не только сена, но и соломы). Кавалеристы выполняют задачу пешком. Люди засыпают от усталости на каждой остановке. Они питаются за счет местных средств, но это только формально. Местное население хлеба не имеет и съедает последнюю картошку... Населенные пункты в районе корпуса забиты ранеными и бывшими военнопленными красноармейцами, которые живут и питаются за счет местного населения уже несколько месяцев. Одних красноармейских госпиталей обнаружено четыре, все они вместе - и медицинский персонал и раненые - голодают. Кроме того, значительное количество продфуража выкачано немцами».

В окрестных населенных пунктах наши снабженцы разыскали небольшие запасы картофеля и необмолоченной ржи, созданные оккупантами для своих нужд. Эти запасы были взяты на учет и планомерно распределялись между регулярными частями и партизанами. На мясо шли убитые и раненые лошади. Иногда мы получали и крупный рогатый скот, который заготавливался райисполкомами на освобожденной территории. Весной хозяйственники

корпуса организовали лов рыбы и этим несколько улучшили наш рацион.

Мы очень опасались цинги, которая могла появиться из-за недоедания и отсутствия витаминов. И бойцы, и командиры, да и мы со Щелаковским, приезжая на новую квартиру, в первую очередь спрашивали хозяйку, нет ли у нее редьки. Жители делились с нами последними запасами. Благодаря этому большинство личного состава группы цингой не болело.

Два праздника встречали мы в тылу врага: 23 февраля и 1 мая. Каждый раз колхозницы собирали и преподносили нам подарки: сало, яйца, масло, кое-где кур, а чаще всего - ковриги ржаного хлеба. Этот хлеб имел примеси, но казался нам вкусней любых пирогов. И не только потому, что мы редко ели его. Мы знали: женщины сами живут впроголодь, тем более дорог был их подарок.

Великое спасибо вам, славные смоленские колхозницы, за вашу неоценимую помощь! Вы не только делились с бойцами последним хлебом, но и оказывали им моральную поддержку. Вы верили советским воинам и надеялись на них. А это повышало у бойцов и командиров чувство ответственности за судьбу народа, за судьбу всей нашей социалистической Родины.

В первые же дни рейда лошади поели те небольшие запасы сена, которые могли нам дать жители многострадальной Смоленщины. Бойцы начали разыскивать солому.

Было предпринято несколько попыток доставлять нам самолетами через линию фронта комбикорм. Сбрасывали его без парашютов, в бумажных мешках. Рассчитывали, что снег будет амортизировать удары, но бумажные мешки рвались и комбикорм разлетался, смешивался со снегом и грунтом. Собирать его было явно нецелесообразно. От этого способа доставки пришлось отказаться. А грузовых парашютов на фураж не хватало.

К весне все запасы соломы были исчерпаны. В деревнях почти не осталось даже соломенных крыш, их тоже пустили на корм лошадям и скоту. В апреле я предложил кормить коней тонкими ветвями осины. Лошади набивали себе брюхо, но требовать от них работы после такого «фуража» было невозможно. Однако таким образом удалось сохранить значительную часть конского состава до тех пор, пока появилась из-под снега прошлогодняя трава. На подножном корму лошади стали постепенно поправляться, и бойцы снова начали ездить на них.

Приходилось добывать на месте не только продовольствие и фураж, но и боеприпасы.

Удавалось отбивать и у немцев боеприпасы советских образцов, ранее захваченные противником. Особенно много обнаружили мы авиабомб, мин, снарядов 31 марта на станции Угра. Крупные склады захватили на станции Волоста Пятница, в Дорогобуже и в некоторых других местах.

Весной, когда сошел снег, разыскивать оружие и боеприпасы стало легче. Однако в значительной части найденное оружие и боеприпасы оказывались непригодными для использования.

Боеприпасов в корпусе почти всегда не хватало, а иногда положение с ними становилось катастрофическим. Продовольствие и боеприпасы, которые мы получали с «Большой земли», были каплей в море. Тем более что доставлялось нам не более пятидесяти процентов посылаемых грузов.

В мирное время перевозки по воздуху казались делом простым и не требующим особых забот. Вероятно, поэтому не существовало никаких правил для приемки грузов. Но когда мы занялись этим новым для нас делом в боевой обстановке, сразу возникло множество трудностей. Для приема транспортных самолетов пришлось создать несколько посадочных площадок корпусного значения. Имели свои посадочные площадки также 1-я гвардейская кавалерийская дивизия и 4-й воздушнодесантный корпус. В дальнейшем их количество было значительно увеличено, создано несколько площадок для приемки грузов, сбрасываемых на парашютах.

Нужно было разыскать в лесах ровные места, расчистить снег, а потом систематически очищать площадки от снежных заносов или укатывать. Потребовалось проложить санные

дороги и поддерживать их в хорошем состоянии. Были выделены специальные команды для охраны площадок и прилегающей территории, так как самолеты часто сбрасывали грузы в стороне и их могли забирать случайные люди. После того как немцы обнаруживали посадочные площадки и начинали бомбить их, приходилось бросать старые и создавать новые.

Для вывозки грузов подполковник Грибов сформировал гужевою транспортную роту, имевшую сто саней. К весне в мастерской было отремонтировано двадцать автомашин и около десяти тракторов.

Понадобилась система световой сигнализации для самолетов. Вначале она была очень примитивная - костры на посадочных площадках. Потом мы начали разжигать костры в ямах, позже - жечь уголь в круглых печках вагонного типа. Не помню, кто придумал это последнее усовершенствование, но оно оказалось очень удачным. Печки можно было легко и быстро переносить с места на место и тем самым изменять фигуру сигнала. Имели они и другие преимущества.

Вот небольшая ровная площадка среди глухого леса. Наступает ночь. Бойцы и командиры в ожидании своего самолета. Наконец издали доносится звук мотора. Открываются крышки заранее разожженных печей. Но вот к гулу нашего самолета примешивается подозрительный звук. Летит немец. Сразу же крышки печей захлопываются, световая фигура исчезает. В черное небо поднимается ракета условного цвета - сигнал летчику: «В воздухе противник» Наш самолет уходит в сторону, а немецкий кружит над темным лесом. Сбросив наугад несколько бомб, вражеский самолет удаляется и исчезает. В воздух поднимается ракета другого цвета - «Противника нет». Опять открываются крышки печей. Люди тревожно прислушиваются, как бы -не вернулся гитлеровский летчик. Тогда все повторяется.

Во втором номере «Военно-исторического журнала» за 1962 год генерал-майор П. Калиновский весьма оптимистически рисует организацию переброски грузов к нам. Он утверждает, будто в период с февраля по май 1942 года для действовавших в районе Вязьма - Дорогобуж соединений 33-й армии, 1-го гвардейского кавалерийского корпуса и 4-го воздушнодесантного корпуса каждую ночь подавалось с подмосковных аэродромов пятьдесят - девяносто тонн различных грузов. Если бы это было так!

Самолеты прилетали к нам далеко не каждую ночь. Больше половины всех ночей за время пребывания в тылу противника наши дежурные провели на посадочных площадках напрасно. Причины разные: нелетная погода, которая часто бывает зимой и весной, противодействие авиации противника, ошибки штурманов, сбрасывавших грузы не там, где надо, и многое другое. Приказ командования Западного фронта № К-264 от 20 мая 1942 года начинался, между прочим, так: «Воздушнодесантная операция по переброске грузов группе генерала Белова проходит медленно и плохо организована». А дальше в нем вскрывались причины неудач и намечались пути улучшения дела.

В ночь на 19 мая, при относительно благоприятной обстановке, по плану к нам должны были летать сорок восемь самолетов, из них тридцать шесть тяжелых. Им предстояло произвести девяносто самолетовылетов и доставить 27 тонн груза, 4 орудия, 2 прожектора и 732 человека пополнения, главным образом зенитчиков, парашютистов и бойцов с противотанковыми ружьями.

Однако вечером 18 мая прошел сильный дождь. Почва на аэродроме в Кувшиновке, где должно было грузиться пополнение для 4-го воздушнодесантного корпуса, раскисла, и самолеты не смогли подняться. Раскисла почва и на нашем аэродроме у деревни Подмошье, где мы рассчитывали принять с самолетов малокалиберные зенитные пушки и зенитные пулеметы. Нам пришлось послать срочную радиограмму с просьбой отменить вылет тех кораблей, которые должны были приземляться. Кроме того, истребители немцев контролировали в ту ночь наш главный аэродром в Большом Вергове. А истребители для сопровождения транспортных кораблей не посылались.

Вместо девяноста запланированных самолето-вылетов было совершено только

двадцать. Но и из этого числа четыре корабля свою задачу не выполнили, причем один ТБ-3 не вернулся на базу.

Шестнадцать самолетов доставили нам 11 тонн боеприпасов, 10 тонн противотанковых мин, 2,4 тонны горючего и 19 бойцов и командиров. Груз сбрасывался на парашютах с большой высоты в радиусе до пятнадцати километров вокруг посадочной площадки. Некоторые летчики, спеша, сбрасывали груз на первый попавшийся на глаза костер, даже не пытаясь найти условный световой сигнал. Специально наряженные нами команды разыскивали грузы в лесах и болотах. Разыскать, конечно, удалось не все. При этом приходилось обнаруживать грузы с продфуражом и горючим, разбившиеся при падении.

А ведь это была перевозка из наиболее удачных. Чаще бывало и хуже.

Позже штаб Западного фронта принял некоторые меры по упорядочению воздушных перевозок. Была, в частности, установлена личная ответственность каждого экипажа за доставку порученного ему груза в указанное место и в указанный срок. К нам прилетел военный комиссар 1-й воздушной армии бригадный комиссар И. Г. Литвиненко. Он проверил состояние наших посадочных площадок, работу транспортной авиации. Отправляемые нам грузы мы стали получать почти полностью. Но добились этого уже во второй половине мая, когда наши боевые действия в тылу противника приближались к концу. Мы пробыли там пять месяцев и за все это время получили продовольствия в общей сложности на две недели, а фуража и того меньше. Бойцы воевали голодными и полуголодными, экономили каждый патрон, но не теряли воли и мужества в борьбе с ненавистным врагом.

Между тем длиннее становились дни, укорачивалось темное время суток, благоприятное для полетов транспортной авиации. Противодействие немцев нашим воздушным перевозкам усилилось, и доставка боеприпасов и продовольствия с «Большой земли» почти полностью прекратилась. С последних чисел мая и до конца рейда к нам прилетали только отдельные транспортные самолеты, привозившие незначительное количество самых необходимых грузов.

Партизаны Смоленщины

Зимой 1942 года на территории Смоленщины действовало много партизанских отрядов. Первое время, занятые организацией наступления на Вязьму, мы не имели связи с партизанскими отрядами, сильно удаленными от нас и тактически не взаимодействовавшими с нами. Однако затянувшиеся бои под Вязьмой вынудили расширить связь с партизанами. В этом неоценимую помощь оказали местные партийные комитеты, находившиеся до нашего появления во вражеском тылу на нелегальном положении. Первым пришел к нам секретарь Семлевского райкома партии товарищ Лукьянов. Он сообщил об отрядах, созданных на территории района.

Сведения о партизанах, воевавших в отдаленных местах, доставляла также разведка и наши хозяйственники, которых мы посылали за десятки километров от места боя разыскивать продовольствие и фураж. К нам все чаще приезжали руководители отрядов или их представители. Одни предлагали действовать совместно, добровольно подчиняясь командованию корпуса или дивизий, другие просили оружия и боеприпасов, третьи - помощи в лечении раненых или в эвакуации на «Большую землю».

Возникло много вопросов, связанных с партизанским движением. В наших уставах совершенно не был отражен богатейший опыт совместных действий регулярных войск и партизан, накопленный в прошлых войнах. Поэтому многое приходилось решать самостоятельно, исходя из конкретных условий.

Было ясно, что для успешного выполнения поставленных перед группой задач целесообразно иметь в районе наших действий единое командование. С этим были согласны руководители местных партийных органов и некоторые командиры партизанских отрядов, другие же под разными предлогами отказывались подчиняться командованию регулярных

войск.

Взвесив все «за» и «против», мы решили постепенно подчинить себе партизанские отряды, которые могли тактически взаимодействовать с нами. Щелаковский связался через политуправление Западного фронта с руководителями Смоленского обкома партии. Они одобрили наше решение.

Мы были уверены, что такое подчинение ограничится чисто военными вопросами и продлится лишь до завершения операции по разгрому ржевско-вяземской группировки противника, то есть примерно до середины февраля. А на деле пришлось воевать совместно с партизанами длительное время, произвести реорганизацию партизанских отрядов, заботиться об их снабжении, частично пополнять за их счет свои поредевшие дивизии.

1 марта штаб Западного фронта прислал распоряжение: «Г. Белову. Главком приказал: все партизанские отряды, действующие в районе вашей группы, подчинить вам. Они должны выполнять все ваши приказы и задания. Голушкевич. Казбинцев». С этого времени почти все указания, касавшиеся партизан, проходили через штаб моей группы. Но крупные отряды, такие, как «Дедушка», имени Лазо и «ФД», продолжали получать приказы и непосредственно из штаба фронта, что затрудняло руководство и вносило «путаницу». Впрочем, нечто подобное происходило и с некоторыми соединениями регулярных войск. В апреле, например, мне был подчинен 4-й воздушнодесантный корпус, но за командованием его было оставлено право непосредственно сноситься со штабом фронта. Партизаны и командование воздушнодесантного корпуса порой использовали это право для жалоб и протестов, особенно когда я ставил им трудные задачи или складывалась тяжелая обстановка.

Получив распоряжение штаба фронта, мы со Щелаковским дали указание штабу и политотделу нашего корпуса взять на учет все партизанские отряды, базирующиеся в зоне боевых действий группы и вблизи этой зоны. Оказалось, что в районе Вязьмы, Дорогобужа, Ельни, Выходов, Знаменки действует около пятидесяти разрозненных отрядов. Некоторые из них насчитывали по десять - двенадцать бойцов. Иногда такие отряды рассыпались, просуществовав всего несколько дней.

Крупные отряды, руководимые местными партийными органами, базировались, как правило, на группу населенных пунктов, лечили там раненых, хранили запасы патронов и снарядов, средства связи, получали оттуда продукты. Там же содержались и лошади для артиллерийских упряжек и для повозок. «Базами» мелких отрядов являлись те квартиры, в которых партизаны укрывались от холода. Некоторые бойцы, оставшиеся во вражеском тылу, так прижились на этих квартирах, что местные жители звали их «зятьками». Подобные небольшие отряды имели слабое вооружение и, как правило, активных боевых действий не проводили.

Для укрепления отрядов и лучшего управления ими надо было слить соседние мелкие отряды в более крупные. К такому же выводу пришли и местные партийные комитеты. Силами нескольких временно объединившихся партизанских отрядов был 15 февраля освобожден Дорогобуж. Дорогобужский райком партии провел совещание партизанских руководителей и партийных работников и решил объединить все партизанские отряды, находившиеся на территории района, на длительный срок. Тяга, к объединению проявлялась и среди партизан, действовавших в Семлевском, Ельнинском, Выходском и других районах.

В середине марта было создано партизанское соединение «Дедушка». Командовал им московский инженер Василий Исаевич Воронченко. В первые дни войны он ушел в народное ополчение, потом попал в плен, бежал и вступил в партизаны. Проявил он себя умелым партизанским руководителем. Приняв командование соединением, быстро сработался со своим комиссаром Ф. Н. Деменковым.

В соединение вошли два полка, получившие в дальнейшем наименования 1-го и 2-го партизанских, а также несколько отдельных партизанских отрядов и специальных подразделений. Кроме «Дедушки» были созданы партизанские полки имени Лазо, имени 24-й годовщины РККА, а также полк под командованием майора Жабо. Продолжали

существовать и отдельные, самостоятельные отряды: Петрухина, «Северный медведь» и другие.

Стремление партизанских руководителей к централизации управления хорошо видно из докладной записки, которую я получил 18 марта от В. И. Воронченко для передачи главкому Западного направления. Он писал, что разрозненные партизанские отряды малодисциплинированы, иногда срывают планы операций, отсиживаясь по деревьям. Исходя из этого, он просил разрешения объединить отряды Дорогобужского, Ельнинского, Сафоновского и Ярцевского районов в партизанскую дивизию в составе пяти полков общей численностью до десяти тысяч человек.

Действительно, отряд «Дедушка», состоявший уже из двух полков, вполне целесообразно было развернуть в партизанскую дивизию. Но я предложил включить в нее не пять полков, а три, имея в виду создать еще одну дивизию из партизан Ельнинского и Восточного районов (полк имени 24-й годовщины РККА, полк имени Лазо и другие). В дальнейшем мы рассчитывали сформировать и третью партизанскую дивизию на базе полка майора Жабо и партизанских отрядов Знаменского района, а затем пополнить ее людьми из-под Смоленска и Рославля, направив туда наших представителей и партизанских организаторов. Таким образом, у нас появился бы партизанский корпус из трех дивизий.

Нам удалось в конце концов объединить почти все разрозненные отряды нашей зоны в две партизанские дивизии и отдельный партизанский полк Жабо. Командование Западного фронта вначале противилось этому, опасаясь, что мы загубим партизанское движение. Нас поддержал Смоленский обком партии. Убедившись, что партизанское движение не только не затихает, но развивается шире, командование фронта согласилось с нашими мерами. Учитывая наш положительный опыт, штаб фронта создал в Брянских лесах, в полосе 10-й армии, еще одну, 3-ю партизанскую дивизию (впоследствии она была переформирована в Рогнединскую партизанскую бригаду).

Правильно ли мы поступили, пойдя на централизацию партизанского движения в своей зоне? Во втором томе «Истории Великой Отечественной войны» на стр. 361 написано:

«Однако в организации партизанской борьбы имелись и недостатки. В частности, оказалось нецелесообразным создавать крупные партизанские соединения. Такие соединения, обычно не имевшие нужных средств связи и управления, а также достаточно подготовленных командных кадров, теряли подвижность и маневренность и действовали, как правило, в каком-нибудь одном районе. Это избавляло противника от необходимости вести борьбу с многочисленными и неуловимыми партизанскими отрядами. Гитлеровцы подтягивали к району действий партизанских соединений войска и развертывали операции крупными силами. Партизанские отряды вынуждены были переходить к оборонительной тактике, что несвойственно природе партизанской борьбы, и поэтому несли тяжелые потери».

Во-первых, после объединения мелких партизанских отрядов партизанское движение в зоне нашей группы значительно возросло и усилилось. В январе 1942 года во всей Смоленской области было шестнадцать тысяч восемьсот семьдесят девять партизан, а на территории, которую контролировала с февраля наша группа, количество их не превышало трех тысяч. Эта территория составляла примерно одну пятую часть Смоленской области. После создания партизанских дивизий количество партизан увеличилось здесь к 1 мая до пятнадцати тысяч человек. Партизан в нашей зоне стало столько же, сколько было раньше во всей Смоленской области. Кроме того, мы дополнили за счет партизан и вышедших из окружения военнослужащих регулярные части, направив в них около одиннадцати тысяч человек. Если сложить эти данные, результат получится внушительный. В январе - три тысячи партизан, действовавших в мелких разрозненных отрядах, в мае на той же территории - двадцать шесть тысяч бойцов и командиров, объединенных в партизанские полки и дивизии или сражающихся в рядах регулярных войск.

Во-вторых, вряд ли основательна ссылка на отсутствие командных кадров и средств связи. В 1-й и 2-й Смоленских партизанских дивизиях командных кадров хватало, так как значительное количество партизан составляли военнослужащие, прорвавшиеся из окружения или бежавшие из плена. Были тут и сержанты, и средний командный состав, и такие опытные руководители, как полковник Шмелев. Они умело и грамотно управляли партизанскими частями и подразделениями. Недостаток же средств связи ощущался не только у партизан, но и в регулярных войсках. Однако это не лишало их возможности вести активные боевые действия. Средства связи пополнялись за счет трофеев и путем доставки с «Большой земли». Партизаны получали и радиостанции, и провод. Мы даже восстановили в своей зоне стационарную проводную связь. Правда, и у партизан, и в наших соединениях постоянно ощущалась нужда в батареях, необходимых для питания радиостанций. Но эта беда тоже была общей, а не только партизан.

В-третьих, стремление к объединению вытекало из жизни, диктовалось опытом, накопленным партизанами. Лучшим доказательством этому служит тот факт, что объединительные тенденции проявились к весне 1942 года среди партизан не только нашей зоны, а повсеместно.

В книге «Советские партизаны» [15] есть такие строки: «Обобщая опыт первых боев, где участвовали сотни бойцов с большим количеством вооружения, подпольные райкомы партии приходили к выводу, что главным в успехе этих операций являлось объединение сил. Становилось ясным, что сила и мощь отрядов неизмеримо возрастут, если они будут объединены и будут действовать по единому плану, под единым командованием». Это относится к партизанам Брянских лесов. Тут же приводится письмо Орловского обкома партии, в котором подчеркивается необходимость объединения партизан и создания единого руководящего центра. 23 апреля 1942 года Военный совет Брянского фронта одобрил инициативу партийных организаций и вместе с обкомом партии принял решение объединить партизанские отряды. Через год под руководством объединенного командования партизан Брянщины действовали уже двенадцать партизанских бригад. В общей сложности это, пожалуй, целая армия, тем более что партизаны имели артиллерию, танки и даже самолеты.

Партизанский корпус был создан в первой половине 1942 года и в Калининской области. Известны славные дела крымских партизан. А ведь они тоже были объединены сначала в партизанские районы, потом в бригады и имели единое командование - Крымский штаб партизанского движения, который возглавлял сначала полковник А. В. Мокроусов, потом секретарь обкома партии В. С. Булатов.

Между прочим, и во втором томе «Истории Великой Отечественной войны» рассказывается, к каким хорошим результатам привело объединение мелких партизанских отрядов. Там говорится: «Во второй половине 1942 года все отчетливее стала проявляться тенденция к укрупнению партизанских формирований. В Белоруссии, в Ленинградской, Калининской областях и в Карелии наряду с существовавшими отрядами начали создаваться партизанские бригады» (стр. 479).

Процесс слияния мелких партизанских отрядов естествен и закономерен. Партизаны накапливали опыт борьбы. Возрастали стоявшие перед ними задачи. От мелких диверсий народные мстители переходили к серьезным операциям. А такие операции были под силу только крупным отрядам или соединениям, располагавшим значительным количеством людей и боевой техники.

Учитывая эти и другие факторы, Центральный комитет Коммунистической партии в мае 1942 года создал при Ставке Верховного Главнокомандования Центральный штаб партизанского движения. Были созданы также республиканские и областные штабы, а при штабах фронтов и некоторых армий появились специальные органы, ведавшие партизанскими делами. Действия партизан стали более целеустремленными. И сам процесс слияния небольших отрядов в соединения ускорился.

Все это вовсе не отрицает, разумеется, значения небольших партизанских отрядов. Они успешно воевали в тех местах и в той обстановке, где не было условий для укрупнения. Все

зависит от возможностей и задач, которые встают перед партизанами. В зоне действий нашей группы оказалось целесообразным не только создать партизанские соединения, но и полностью объединить их усилия с усилиями регулярных войск, находившихся в тылу врага. Военный совет Западного фронта издал 25 мая 1942 года специальный приказ о создании «Особой группы войск генерала Белова», в которую наряду с 1-м гвардейским кавалерийским корпусом, 329-й стрелковой дивизией и 4-м воздушнодесантным корпусом вошли 1-я и 2-я партизанские дивизии и 1-й отдельный партизанский полк. Приказ предусматривал безусловное подчинение всех этих частей и соединений командованию группы. Партизанские части были зачислены Западным фронтом на все виды довольствия, но это осталось лишь формальным актом, так как к моменту издания приказа доставка грузов с «Большой земли» полностью прекратилась.

О партизанских отрядах и соединениях, деливших с нами радости успехов и горечь неудач в борьбе с немецко-фашистскими войсками на Смоленщине, я хочу рассказать особо.

В подполье оккупированного немцами Семлевского района работала крепкая партийная организация, возглавляемая товарищем Лукьяновым. По ее решению мелкие партизанские группы, действовавшие в районе, объединились в отряд, командиром которого был назначен А. А. Петрухин. Было тогда в отряде всего сорок человек, но в феврале он начал быстро увеличиваться и через два месяца имел уже двести восемнадцать партизан. Они принимали активное участие в окружении гарнизонов противника на станции Угра и в соседних деревнях. Но больше всего отряд Петрухина помогал нам вести разведку и устраивал диверсии на вражеских коммуникациях.

В апреле весь он пошел на пополнение 329-й стрелковой дивизии. Райком партии и товарищ Петрухин воссоздали отряд, и снова он влился в ту же дивизию.

Недавно полковник Алексей Андреевич Петрухин побывал у меня и показал удостоверение, выданное ему штабом 1-го гвардейского кавалерийского корпуса 29 марта 1942 года. Этот документ предоставлял ему право формировать партизанский отряд из лиц, не принадлежащих к составу частей Красной Армии, а также из военнослужащих, отставших от своих частей по болезни или по ранению, в различных районах Смоленской области.

Как сказано уже было в своем месте, об отряде Петрухина, базировавшемся на Хватов Завод, я узнал в самом начале рейда в тыл врага.

Тогда же узнали мы и об отряде «Северный медведь», начавшем активные действия в феврале 1942 года. Базировался он на населенные пункты между станцией Угра и районным центром Вихоры. Костяк отряда составляли красноармейцы и командиры, оказавшиеся в окружении или бежавшие из плена, но были в нем также партизаны и из местных жителей.

Командовал отрядом товарищ Грачев, он же Барский, Олег Сергеевич, принадлежавший к числу тех сравнительно немногочисленных партизанских вожаков, которые ревностно оберегали свою «свободу» и неохотно подчинялись руководству со стороны регулярных войск. Грачев-Барский рассказывал о себе, что в первые месяцы войны служил начальником штаба 32-го стрелкового полка 19-й стрелковой дивизии 24-й армии. Оказавшись в окружении, начал партизанить.

Военным комиссаром «Северного медведя» был Георгий Иванович Афанасенков, умелый партийный работник, много сделавший для укрепления отряда. Впоследствии Афанасенков стал секретарем одного из райкомов партии Смоленской области.

В «Северном медведе» было много кадровых военных, это заметно отразилось на организации и тактике действий отряда. Он состоял из двух батальонов; одним командовал старший лейтенант Кукушкин, другим - товарищ Панин. Каждый батальон в свою очередь делился на три роты. Было в нем несколько 45-миллиметровых пушек и минометов.

Партизаны «Северного медведя» вместе с нашими частями участвовали в окружении и разгроме гитлеровских войск на станции Угра, разрушали железную дорогу между станцией Вертерхово и разъездом Дебрянским. Провели ряд небольших операций самостоятельно.

4 апреля 1942 года весь личный состав отряда - восемьсот шестьдесят один человек - пополнил собой части 329-й стрелковой дивизии. Кадровые бойцы и командиры, снова

оказавшись в рядах Красной Армии, хорошо проявили себя в боях.

В ноябре 1941 года на территории Ельнинского района возник партизанский отряд. Начав в январе 1942 года боевые действия против оккупантов, этот отряд вскоре вырос в партизанский полк имени Сергея Лазо. По инициативе Ельнинского райкома партии из этого полка были направлены в северную часть района коммунисты Рачков, Паничев и Абаев. Они разыскивали военнотружущих, оказавшихся на оккупированной территории, и создали партизанский отряд «ФД» (Феликс Дзержинский).

С появлением под Вязьмой нашей группы «ФД» начал быстро увеличиваться. Активизировались и его действия. К середине февраля он очистил от гитлеровцев территорию шестнадцати сельских советов Ельнинского, Выходского, Дорогобужского и Спас-Деменского районов. «Правда» сообщала, что партизаны отряда «ФД» уничтожили свыше трех тысяч фашистов, разгромили двенадцать штабов и захватили большие трофеи.

23 февраля, в день 24-й годовщины Рабоче-Крестьянской Красной Армии, в селе Замощье состоялась партийная конференция отряда «ФД», на которую прибыли делегаты из всех подразделений. Конференция постановила переименовать отряд в партизанский полк имени 24-й годовщины РККА. В полку был создан политотдел, который возглавил товарищ Абаев.

В течение всей зимы партизаны полка имени 24-й годовщины РККА вели бои на территории между Ельней и Спас-Деменском. Дальше к западу железная дорога и большак контролировались партизанами Глинковского района и полком имени Лазо. Партизаны препятствовали расчистке железной дороги (ее занесло снегом), и движение на ней совершенно прекратилось.

На расчистку большака фашисты несколько раз выгоняли население. Для этого им приходилось перебрасывать туда свои войска в сопровождении танков. Но снег снова засыпал большак.

Так и не удалось гитлеровцам использовать ни железную дорогу, ни большак для доставки грузов и пополнения в 4-ю полевую армию. Они вынуждены были делать это только по Варшавскому шоссе или через Вязьму и Юхнов, что создавало для них дополнительные трудности.

В начале весны партизанский полк имени 24-й годовщины РККА насчитывал в своем составе больше двух тысяч бойцов и командиров, несколько десятков орудий и минометов, часть которых была сведена в артиллерийский дивизион под командованием капитана Марчука.

В середине марта, под влиянием успешного разгрома немцев в Дорогобуже, среди партизан возник замысел освободить Ельню. Замысел получил одобрение штаба Западного фронта, который решил провести операцию силами партизан, не привлекая наши регулярные войска, занятые в то время блокадой гарнизонов противника вокруг станции Угра, боями севернее Дорогобужа, оказанием помощи группировке 33-й армии и выручкой 4-го воздушнодесантного корпуса.

К освобождению Ельни привлекались два партизанских полка: имени 24-й годовщины РККА и имени Лазо, а также батальон глинковских партизан.

Партизанские части были подчинены мне, но командование фронта, проводя Ельнинскую операцию, сносилось с партизанами непосредственно, а не через штаб моей группы. Я возражал против этого, так как считал, что справиться с такой задачей своими силами партизаны не могут.

Для освобождения Ельни следовало бы использовать часть сил 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, поручив общее управление гвардии генерал-майору Баранову. Штаб дивизии располагал надежными средствами связи, вплоть до самолетов У-2. При этих условиях наверняка можно было бы выбить фашистов из Ельни. Но получилось иначе.

Командование полка имени Лазо, на которое возлагалось нанесение главного удара и руководство боем, решило начать наступление в 24 часа 22 марта. В полк имени 24-й годовщины РККА был послан для связи представитель Западного фронта капитан Осташев с

поручением сообщить срок начала операции. Однако полк имени 24-й годовщины РККА вступить в бой своевременно не смог. Поэтому одновременного внезапного удара партизан по гарнизону Ельни не получилось.

Полк имени Лазо, перейдя в наступление, ворвался в Ельню, завязал бои на улицах города, нанес врагу серьезный урон, но встретил в дальнейшем сильное сопротивление врага и понес большие потери. Соседи не поддержали его, так как полк имени 24-й годовщины РККА находился еще на марше. Только на следующий день подтянулись его главные силы. Однако к этому времени и немцы укрепили ельнинский гарнизон.

Бой за Ельню продолжался трое суток. Партизанам удалось занять большую часть города. Но потом немцы, подбросив новые войска, оттеснили их на исходный рубеж.

По приказу штаба фронта один из командиров 1-й гвардейской кавалерийской дивизии подполковник Фактор расследовал причины неудачного исхода операции. Главная причина состояла в том, что наступление было плохо организовано: слабо осуществлялось управление боем и взаимодействие между частями. Военный совет Западного фронта вызвал командира полка имени 24-й годовщины РККА Гнездилова и комиссара полка Амирова на «Большую землю» для личного объяснения. После беседы их направили учиться на курсы.

Вместо Гнездилова командиром полка имени 24-й годовщины РККА был назначен полковник Шмелев, бывший преподаватель военной академии. Он попал в окружение осенью 1941 года и имел уже значительный опыт в организации партизанской борьбы.

Полковник Шмелев провел ряд мер по улучшению организации полка. В батальонах были введены одинаковые штаты: каждый включал в себя три стрелковые и одну пулеметную роты, минометную батарею, взвод противотанковых пушек, разведывательный взвод, а также взводы управления и связи. В полку сохранены были артиллерийский дивизион из двенадцати орудий, противотанковый дивизион с таким же количеством пушек и минометная батарея из пяти минометов, созданы специальные подразделения и особый отряд, подчинявшийся непосредственно командиру полка. Он предназначался для выполнения наиболее ответственных задач. Комиссаром полка был назначен старший политрук Мельников. Начальником штаба - товарищ Шкутко.

После неудачной операции под Ельней я предложил главкому Западного направления объединить партизанские полки имени 24-й годовщины РККА и имени Лазо под единым руководством, чтобы упорядочить оперативное управление, ими. Разрешение главкома было получено. Мы создали небольшой штаб, направив туда командиров из расформированных легких кавалерийских дивизий.

Созданное нами соединение называлось вначале «Особой группой партизанских отрядов района Ельни». Командование ею принял полковник Москалик, комиссаром был назначен батальонный комиссар Янузаков, начальником штаба - подполковник Русс. В мае эта группа была переименована во 2-ю партизанскую дивизию, а полки получили названия: 4-й партизанский полк имени 24-й годовщины РККА и 5-й партизанский полк имени Лазо. Несколько позже в дивизии был создан 6-й полк.

Личный состав полка имени 24-й годовщины РККА очень хорошо действовал в кровопролитных боях, развернувшихся в конце мая - начале июня, когда гитлеровцы предприняли большое наступление, чтобы очистить свой тыл от советских войск. Отбивая атаки фашистов, полк удерживал оборону на участке более шестидесяти километров по фронту. А когда гитлеровцам удалось рассеять 6-й партизанский полк, оборонявшийся на левом фланге дивизии, 4-й партизанский полк имени 24-й годовщины РККА произвел вместе с резервными частями нашего корпуса сильную контратаку. Были вновь заняты населенные пункты Никольское, Асовня, Баскаково, Вититново и Невесель. Наметившийся на этом участке прорыв противника удалось ликвидировать. Во время контратаки партизаны разгромили близ Ново-Аскерова штаб 430-го пехотного полка гитлеровцев.

В связи с тем что 1-й гвардейский кавалерийский корпус получил задачу выйти из рейда и соединиться с главными силами Западного фронта, партизанам было приказано в дальнейшем действовать небольшими группами, чтобы лучше использовать лесистую

местность и уклониться от неравного боя с немецкими дивизиями, посланными преследовать нас. В директиве Смоленского обкома партии от 11 июня также предлагалось приступить к рассредоточению партизанских частей на небольшие отряды, вывести эти отряды из угрожаемых районов, а потом продолжать диверсии на коммуникациях противника, дезорганизовать его тылы.

1-я партизанская дивизия быстро выполнила эти указания. А 2-я партизанская дивизия, особенно 4-й полк имени 24-й годовщины РККА, продолжала еще некоторое время применять прежнюю тактику. 4-й полк начал действовать небольшими отрядами только в июле. В середине того же месяца отрядам была предоставлена самостоятельность. Вскоре после этого командование полка вышло из вражеского тыла на «Большую землю».

Партизанский полк имени Сергея Лазо образовался из мелких партизанских групп, созданных Ельнинским райкомом партии. Командиром его был выбран директор Коробецкой средней школы Василий Васильевич Казубский.

Когда в отряде появились представители Западного фронта А. И. Разговоров и М. М. Осташев, его авторитет среди населения повысился. Увеличился приток добровольцев, особенно после того как в тыл врага прорвались наши регулярные войска. В отряде стало уже около семисот человек. 12 февраля на совещании командиров групп, входивших в отряд, было решено переименовать его в партизанский полк. Командиром полка остался В. В. Казубский, комиссаром - А. Ф. Юденков, а начальником штаба - Л. Л. Зыков.

Действуя южнее Ельни, полк имени Лазо разгромил в феврале крупные силы гитлеровцев и освободил от фашистов территорию пятидесяти восьми сельских советов. Партизаны Казубского вместе с другими партизанскими частями держали под контролем железную дорогу и большак между Ельней и Спас-Деменском. Провели несколько диверсий на Варшавском шоссе, однако прервать движение на этой важной для противника дороге не удалось, хотя сделать это пытались многие партизанские отряды, находившиеся и за пределами зоны действий нашей группы.

Наиболее успешным делом полка явилось освобождение большого села Балутино в двадцати шести километрах западнее Ельни, где партизаны разгромили вражеский гарнизон численностью до семисот человек и захватили большие трофеи.

Силы полка продолжали увеличиваться. К 25 апреля в нем насчитывалось 2143 бойца и командира, 8 противотанковых орудий, 44 миномета, 3 восстановленных танка и много другой техники.

Мне давно хотелось познакомиться с Казубским, но сделать это было не так-то просто. У него и у меня времени было в обрез, к тому же базировался полк далеко от штаба группы и был отделен от нас территорией, занятой войсками противника. Встретились мы только во второй половине мая.

Казубский оказался человеком неторопливым и рассудительным. Вместе с ним прибыл начальник штаба полка, назвавшийся майором Зыковым. Он производил впечатление грамотного и опытного командира. Действительно, Зыков окончил в 1941 году Военную академию имени Фрунзе. Это было хорошее сочетание: командир - учитель, знающий людей и местность, а начальник штаба - кадровый военный. Они удачно дополняли друг друга.

Казубский и Зыков подробно доложили мне о состоянии полка, рассказали, по какому маршруту прошли из района южнее Ельни к месту встречи. Выяснилось, что в расположении войск противника и в нашей обороне много незанятых промежутков, пройти через которые не так уж трудно. Узнал я также, в каком месте партизанские командиры пересекли большак из Ельни на Спас-Деменск. Все эти сведения впоследствии пригодились нам.

Я особенно интересовался возможностью создания новых партизанских формирований за пределами территории, занятой полком имени Лазо. Казубский сообщил, что много людей, желающих вступить в партизаны, есть в районе Рославля. Нужно было опять направить туда опытных организаторов, что мы делали и раньше.

Но, к сожалению, мы не смогли теперь сделать этого - помешало наступление гитлеровцев.

Я уведомил Казубского, что его полк отныне будет именоваться 5-м партизанским полком имени Сергея Лазо.

После этого мне довелось видеться с Казубским еще два раза. В трудные дни, когда наша группа пробивалась из вражеского тыла на соединение с войсками Западного фронта, мы пересекли всю территорию, занятую его полком. Партизаны оказали нашим прорывающимся частям значительную помощь, прикрывая по приказу штаба фронта наш тыл. В течение десяти дней полк имени Лазо сдерживал врага, уничтожив до двух тысяч немецких солдат и офицеров.

Полк имени Лазо остался в тылу противника. Разделившись на несколько отрядов, партизаны продолжали вести борьбу с гитлеровцами, производили многочисленные диверсии на железных и шоссейных дорогах.

Летом 1942 года Казубский и Юденков были отозваны на «Большую землю», и в командование полком вступил майор Зыков.

Когда закончилась война, Василий Васильевич Казубский снова вернулся в родные места. Был избран секретарем Дорогобужского райкома партии, а потом работал в Смоленском обкоме партии. Он скончался после тяжелой болезни в 1958 году.

Я уже говорил, что 2-я партизанская дивизия первоначально состояла из 4-го полка имени 24-й годовщины РККА и 5-го полка имени Лазо. Чтобы она стала полнокровной, командование Западного фронта рекомендовало включить в нее полк майора Жабо. Но этот полк находился на значительном удалении от главных сил партизанской дивизии, поэтому управлять им было бы очень трудно, а переброска его ослабила бы 4-й воздушнодесантный корпус, в районе которого действовали партизаны Жабо. Военный совет фронта учел эти соображения и отменил свою рекомендацию.

Для усиления 2-й партизанской дивизии мы решили создать новый партизанский полк путем слияния партизанского отряда № 152 и 117-го отдельного лыжного батальона, приданного корпусу. Командование новым полком принял старший лейтенант Григорьев, комиссаром был назначен товарищ Ершов.

Полк стал именоваться 6-м партизанским, но просуществовал немногим больше месяца. Во второй половине мая он насчитывал около тысячи человек, однако почти совсем не имел тяжелого оружия. Снабдить его тяжелым оружием, найденным на местах бывших боев и переброшенным по воздуху, мы не успели. В последних числах мая полк принял на себя главный удар противника, наступавшего с юга на районный центр Восток. В неравном бою погибли командир и комиссар. Полк понес большие потери. Остатки его присоединились к другим частям, которые остановили гитлеровцев на этом направлении.

Еще в ноябре 1941 года Знаменский райком партии принял решение создать партизанский штаб во главе с секретарем райкома П. К. Шматовым. Штаб свел партизанские группы и небольшие отрядики в более крупный отряд, названный «Смерть фашизму». После высадки на территории Знаменского района 250-го воздушно-десантного полка майора Солдатова и двух батальонов парашютистов капитана Суржика отряд активизировал свои действия и начал бурно расти, пополняясь главным образом военными, попавшими в окружение или бежавшими из плена. Штаб Западного фронта направил командовать отрядом майора В. В. Жабо. Военными комиссарами отряда были последовательно старший политрук И. Ф. Лифшиц и А. Ф. Муханов.

Мы не стремились подчинить себе партизан Жабо, так как вначале они находились восточнее 329-й стрелковой дивизии 33-й армии и, вероятно, взаимодействовали с ней. После того как 329-я стрелковая дивизия была отрезана противником от главных сил генерала Ефремова и подчинена нам, майор Жабо выполнял приказы, которые получал непосредственно из штаба Западного фронта. Лишь в последних числах февраля, когда в тылу противника высадился 4-й воздушнодесантный корпус и партизаны Жабо оказались в зоне его действий, отряд был подчинен генералу Казанкину, а позже партизан вместе с воздушнодесантным корпусом подчинили мне.

В начале апреля отряд состоял из тысячи шестисот трех человек. Он принял участие в

боях с противником в районе станции Угра и в ряде других операций, понес значительные потери. Генерал-майор Казанкин усилил его сводным батальоном, в который вошли бойцы и командиры ударной группировки 33-й армии, сумевшие вырваться из вражеского кольца. Вскоре после этого полк Жабо стал именоваться 1-м отдельным партизанским стрелковым полком.

В конце мая гитлеровцы начали проводить операцию «Ганновер», намереваясь отрезать от главных сил нашей группы 4-й воздушнодесантный корпус, а затем уничтожить и его, и соседние партизанские подразделения. Главный удар немецкая группировка нанесла по оборонительному участку полка Жабо. Введя в бой значительное количество танков, фашисты в первый же день прорвали оборону полка, но партизаны продолжали еще несколько суток сражаться с превосходящими силами противника, сдерживая их наступление. Нашим резервам удалось сорвать замысел гитлеровского командования. Фашисты не смогли отрезать и уничтожить воздушнодесантный корпус.

Часть сил 1-го отдельного партизанского полка присоединилась к своему левому соседу - 329-й стрелковой дивизии, а некоторые подразделения вошли в состав бригады парашютистов, действовавшей справа. Вместе с ними партизаны прорывались из вражеского тыла на «Большую землю». Здесь майор Жабо был назначен заместителем командира стрелковой дивизии и погиб в 1943 году.

Напомню, что в середине февраля несколько партизанских отрядов («Ураган» под командованием старшего сержанта А. Т. Калугина, «Дедушка», которым командовал В. И. Воронченко, отряд Ф. Н. Деменкова и другие) освободили город Дорогобуж.

По инициативе Дорогобужского райкома партии и его секретаря товарища Булейко партизаны объединились под общим командованием. Возникло, правда пока еще непрочное, партизанское соединение, которое первое время именовалось то партизанским отрядом «Дедушка», то группой отрядов «Дедушка».

На помощь партизанам мы послали 11-й кавалерийский полк под командованием майора П. И. Зубова. Я поручил ему подчинить себе все ближайшие к Дорогобужу отряды независимо от того, к какому району они принадлежат, захватить железнодорожную станцию Сафоново в двадцати километрах севернее города и разрушить около нее железнодорожное полотно. Кроме того, Зубов имел приказ перехватить автостраду между Вязьмой и Ярцевом, чтобы гитлеровцы не могли использовать ее для подвоза резервов и грузов.

20 февраля Зубов донес, что 11-й кавалерийский полк достиг Дорогобужа, вступил в освобожденный город и установил контакт с партизанами. В то же время связисты корпуса не только добились надежной связи с Дорогобужей по радио, но и восстановили линию связи на столбах. Мы теперь знали обо всем, что происходит в этом отдаленном районе.

Майору Зубову не удалось выйти к железной дороге у станций Дорогобуж и Сафоново и выполнить задачу, поставленную нам штабом фронта. Произошло печальное недоразумение, которое отрицательно повлияло на ход событий. Майор Зубов и В. И. Воронченко приехали к командиру одного из партизанских отрядов, некоему Киселеву, и предложили принять участие в операции. Но Киселев отказался признать полномочия обоих командиров и заявил, что не может считаться с решениями Дорогобужского райкома партии. Такая спесивость объяснялась, видимо, не только личными качествами Киселева, но и тем, что он имел радиосвязь непосредственно со штабом Западного фронта и пользовался этим для сохранения своей самостоятельности. Исказив факты, Киселев отправил в штаб фронта срочное донесение, освещая случившееся в выгодном для себя свете.

На следующий день я получил из штаба фронта радиограмму:

«Тов. Белову. В отряд Киселева явились майор Зубов и какой-то командир партизанской дивизии Воронченко, именующие себя представителями штаба Западного фронта и дающие Киселеву задание, противоречащее приказу главкома. Штаб фронта никаких представителей не посылал к Киселеву. Главком приказал:

1. Донести, что вам известно об этих командирах.

2. Киселеву приказано их до выяснения арестовать. Голушкевич. Казбинцев» [16].

- Странно, - недовольно поморщился Щелаковский, ознакомившись с радиограммой. - Зубов выполняет приказ штаба фронта, и этот же штаб его арестовывает. Боюсь только, что и Зубов с Воронченко перегнули там палку. Воронченко сам себя в командиры дивизии произвел...

Алексей Варфоломеевич отправился в Дорогобуж и все расследовал. Выяснилось, что Киселев совершенно неправ и его действия нанесли ущерб общему делу. Щелаковский донес главному Западного направления результаты расследования. В ответ главному распорядился арестовать всех подозрительных командиров партизанских отрядов, отправить их самолетом на «Большую землю», а вместо арестованных назначить по моему усмотрению новых.

Волокита, затеянная Киселевым, задержала начало операции. Немцы, воспользовавшись нашим промедлением, подтянули к станции Дорогобуж крупные силы. 11-й кавалерийский полк и партизаны соединения «Дедушка» не смогли преодолеть их сопротивление и захватить этот населенный пункт.

Зато на других участках действия партизан были удачны. В конце февраля они освободили от противника железнодорожную станцию и районный центр Глинка. Главную роль сыграл в этом местный партийный актив во главе с товарищем Куковенковым, сумевший увлечь на решение этой задачи ближайшие партизанские отряды и возглавивший их. Партизаны Глинковского района были впоследствии объединены в полк, который вошел в состав 1-й партизанской дивизии. Этот полк прочно сел на железную дорогу между Ельней и станцией Приднепровской. Гитлеровцы вынуждены были прекратить на этом участке пути всякое движение.

Партизаны из соединения «Дедушка» парализовали также коммуникации противника между Издешковым и Ярцевом.

По приказу командования Западного фронта в район Дорогобужа была переброшена 1-я гвардейская кавалерийская дивизия генерал-майора Баранова. Ему было подчинено соединение «Дедушка». Активность партизан еще более возросла.

К сожалению, партизанский командир В. И. Воронченко не дождался того радостного момента, когда «Дедушка» был официально переименован в партизанскую дивизию. Директива Военного совета фронта поступила к нам в мае. Но еще 24 марта Воронченко был ранен и вскоре эвакуирован самолетом на «Большую землю». Ушел к этому времени из дивизии и первый комиссар партизанского соединения Феокист Николаевич Деменков. Он был избран секретарем Дорогобужского райкома партии.

Командование 1-й Смоленской партизанской дивизией принял заместитель Воронченко капитан Иван Яковлевич Ильичев, комиссаром ее был назначен полковой комиссар Анатолий Иванович Михальцев.

Капитану Ильичеву не удалось завоевать такого уважения и доверия, каким пользовался Воронченко. Тому было тогда уже пятьдесят лет, он явился одним из организаторов партизанского соединения и не раз отличался в боях. А Ильичева партизаны знали меньше. Это был старательный командир, но не имел достаточного военного и жизненного опыта, чтобы управлять дивизией, к тому же не вполне сколоченной, укомплектованной разнородным личным составом. Учитывая все это, мы оставили партизанскую дивизию в подчинении командира 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Генерал Баранов, его штаб и политотдел помогали партизанским командирам и политработникам укреплять дисциплину в партизанских подразделениях. Благодаря этой помощи личный состав 1-й партизанской дивизии добился значительных успехов и нанес противнику серьезные потери. Партизаны освободили около четырехсот населенных пунктов.

В середине мая дивизия имела 7342 бойца и командира, два танка БТ-7, около 50 минометов разных калибров, до 10 артиллерийских орудий и много другой боевой техники. Когда она превратилась в такое мощное соединение, дивизии стал больше уделять внимания Смоленский обком партии. Мы обменивались радиограммами с первым секретарем обкома Д. М. Поповым. Я встречался с секретарем обкома Г. И. Пайтеровым и некоторыми членами бюро. Представители обкома и облисполкома прилетали к нам с «Большой земли», и мы увязывали с ними принципиальные вопросы партизанского движения. Занимались этим главным образом А. В. Щелаковский, политотделы корпуса и дивизий.

С выходом корпуса из вражеского тыла условия действий партизан становились иными. Вот теперь-то был смысл перейти к действиям небольшими отрядами. Поэтому, прежде чем выйти из тыла, я поставил перед командованием партизанской дивизии задачу: продолжать диверсии на коммуникациях противника между Сафонове и Смоленском.

Позже я узнал, что оставшиеся в тылу врага секретарь Смоленского обкома партии Г. И. Пайтеров и Ф. Н. Деменков погибли смертью героев.

Были в Смоленской области и другие, более мелкие, партизанские отряды, но я мало знаю о них и ограничиваюсь поэтому рассказом о наиболее крупных партизанских формированиях, действовавших в зоне нашей группы войск и оперативно подчинявшихся нам.

Думаю, что в тактике партизан, которыми нам пришлось руководить, было много характерного если не для всех, то, во всяком случае, для подавляющего большинства партизанских формирований.

Осенью 1941 года, в начальный период вражеской оккупации, они особой активности не проявляли, да и не могли проявлять, так как немногочисленные и слабовооруженные отряды способны были проводить лишь мелкие операции по борьбе с полицией и добыванию себе продовольствия, оружия и боеприпасов.

Отряды постепенно росли, усиливались, стали нападать на группы вражеских солдат, на небольшие подразделения гитлеровцев. Чаще всего при этом устраивались засады, особенно на лесных дорогах.

После разгрома немцев под Москвой партизанское движение в восточных районах Смоленщины усилилось. Отряды обзаводились уже радиостанциями, вели разведку по заданию командования регулярных войск, нападали на карательные отряды, устраивали диверсии. Но действовали они пока главным образом по принципу, которого придерживался еще Денис Давыдов, - «убей и уйди».

Появление на оккупированной территории наших войск, парашютных десантов резко отразилось на росте партизанских отрядов: быстро увеличивались старые, возникали новые. Все крепче становилось их взаимодействие с частями регулярных войск. Вместе с ними и мы нападали на отдельные гарнизоны гитлеровцев, устраивали засады, диверсии, разрушали фашистские коммуникации. В то же время мы выполняли более крупные задачи, как, например, наступление на Вязьму, окружение семлевского и угринского гарнизонов противника, неоднократные попытки помочь 50-й армии прорвать вражескую оборону и т. д. К решению их привлекались и партизанские формирования. Различие в тактике войск и партизан постепенно сглаживалось, ибо тем и другим приходилось в зависимости от обстоятельств использовать те методы и формы боя, которые позволяли нанести врагу наибольший урон и сохранить свои силы.

В книге «Советские партизаны» на стр. 164 есть такой абзац: «Очистив от врага большие территории и создав «партизанские края», смоленские партизаны в период стабилизации фронта несколько увлеклись обороной освобожденных земель, что снизило их активность на коммуникациях. Стремление к удержанию освобожденных территорий снижало их маневренность и подвижность, а это ведь основа успешных действий партизан». Подобные утверждения можно найти и в некоторых других изданиях.

Я не могу согласиться с тем, что партизаны Смоленщины увлеклись обороной и снизили активность на коммуникациях противника. Они действовали в соответствии с теми

задачами, которые были перед ними поставлены, и с обстановкой. Весной 1942 года, то есть в то самое время, когда фронт стабилизировался, советское командование продолжало готовить крупную операцию против основных сил гитлеровской группы армий «Центр», чтобы разгромить ее, а потом закрепиться на рубеже Белый, Дорогобуж, Ельня, Снопоть. Нам было приказано удерживать занятую территорию до начала наступления главных сил Западного фронта. А территория эта превышала четыреста километров в окружности. Ясно, насколько выгодно было для успеха крупной наступательной операции удержать ее.

Радиограммой, полученной 4 мая, штаб Западного фронта указывал мне: «Вы с 4-м воздушнодесантным корпусом и партизанскими отрядами должны удержать занятую территорию во что бы то ни стало. Донесите, что вам нужно для создания всех условий упорной и непреодолимой обороны» [17]. Можно было бы привести ряд документов, подтверждающих, что партизаны перешли к обороне не по своей инициативе, а по приказу высшего командования, выполняя совместно с регулярными войсками приказ Ставки. А без партизан удержать освобожденные районы нам было бы невозможно. При этом оборона рассматривалась не как самоцель, а как временное явление, необходимое для успеха предстоящей наступательной операции.

Великая Отечественная война показала, что создание и удержание партизанских краев - явление закономерное и необходимое. Эти края являлись громадными базами для действий в тылу врага. Там находилось партийное и военное руководство, там создавались склады, госпитали, мастерские, туда прилетали самолеты с «Большой земли». Взять хотя бы Брянский партизанский край. Он служил базой не только для партизан Брянщины и Орловщины, но и для некоторых украинских партизанских формирований. Летом 1942 года партизаны этого края тоже вынуждены были перейти к обороне. Они вели жестокие, кровопролитные бои, отражая попытки врага ликвидировать их базу, и поступали совершенно правильно.

Самый большой по размерам партизанский край был создан на территории Белорусского и Украинского Полесья. Он занимал огромную территорию. В 1944 году, после освобождения Пинска, объезжая этот край, я видел много разнообразных заграждений, в том числе минных полей, окопов, завалов на дорогах. Партизаны рассказывали мне о жестоких оборонительных боях, которые они вели с врагом, неоднократно пытавшимся ликвидировать их базу. Но они отстояли свой партизанский край и спасли от гибели мирных жителей, находившихся на его территории.

Да, в основе тактики партизан лежит подвижность отрядов. Но они должны уметь и упорно обороняться на занятых рубежах, вести бой в окружении, наносить удары для прорыва вражеского кольца.

И неверно, что «увлечение» партизан Смоленщины обороной освобожденных земель привело к снижению их активности на вражеских коммуникациях. После того как наша группа совместно с партизанскими формированиями по приказу командования перешла к обороне, количество диверсий на коммуникациях противника не уменьшилось, а значительно возросло. Мы сами получили возможность выделить для этой цели больше сил, чем выделяли раньше, и от партизан потребовали, чтобы они не только удерживали свои районы, но и усилили активность на коммуникациях, чаще взрывали железнодорожные пути и мосты, устраивали засады, пускали под откос поезда, нападали на штабы и гарнизоны противника.

К 27 марта в частях и соединениях были созданы постоянные диверсионные отряды. В каждом кавалерийском полку в такой отряд входило десять бойцов. Отряды при штабах дивизий имели по двадцать человек. В партизанских формированиях такие отряды были созданы из расчета десять человек на каждую сотню бойцов. Каждая регулярная и партизанская часть получила указание, на каком отрезке вражеских коммуникаций должны действовать ее диверсионные отряды. Борьба стала более организованной и целеустремленной.

Территория, которую мы контролировали в тылу противника, напоминала овал,

вытянутый с востока на запад и как бы вписанный в треугольник железных дорог Вязьма - Смоленск, Смоленск - Занозная и Занозная - Вязьма. Этот треугольник и был главным объектом наших диверсий.

На железной дороге Занозная - Вязьма мы занимали и длительное время удерживали крупные станции Угра, Волоста Пятница, Вертехово, Баскаковка. Разрушались железнодорожные пути, стрелки, мосты и другие сооружения, восстановление которых требует много времени. Разрушен был и большой железнодорожный мост через реку Угру. Зима довершила нашу работу, завалив полотно дороги глубоким снегом. В результате железнодорожное сообщение между Занозной и Вязьмой было полностью прервано на четыре месяца - с первых чисел февраля до конца мая. Почти то же наблюдалось и на железной дороге между Занозной и Смоленском, на которой расположены города Ельня, Спас-Деменск и ряд крупных населенных пунктов. На участке от Спас-Деменска до Ельни совершали диверсии партизаны полков имени Лазо и имени 24-й годовщины РККА, подразделения 2-й гвардейской кавалерийской дивизии и, кроме того, небольшие отряды партизан. Этот участок был выведен из строя и не эксплуатировался противником.

На станции Ельня немцы имели паровозы и вагоны, но пользоваться ими не могли, так как станция была изолирована с обеих сторон. До 10 июня партизаны 3-го Глинковского полка удерживали в своих руках районный центр Глинка и полотно железной дороги от станции до Днепра. Мост через Днепр был разрушен, а рельсы на протяжении двадцати километров разобраны. Немцы отказались от попыток пользоваться этой очень важной для них коммуникацией.

Таким образом, две стороны железнодорожного треугольника полностью контролировались нами, а главным образом партизанами. Стоит ли после этого упрекать партизан в ослаблении активности на коммуникациях?

Третья сторона треугольника - железная дорога от Смоленска до Вязьмы - была артерией, которая питала гитлеровские войска, находившиеся в Ржевско-Вяземском выступе. Немцы не жалели ни сил, ни средств, чтобы сберечь ее. Для охраны дороги они оставили крупные гарнизоны, танки, артиллерию, несколько бронепоездов. Дорога больше других подвергалась ударам партизан и регулярных войск с севера и юга. На ней действовали диверсионные отряды 1-й гвардейской кавалерийской дивизии и партизанского соединения «Дедушка». И хотя полностью прервать движение по ней так и не удалось, но часто и на довольно длительные сроки мы выводили ее из строя.

Партизаны и регулярные части действовали не только на железной дороге. Старая Смоленская дорога полностью контролировалась нами на всем протяжении от Соловьевой переправы на Днепре до села Семлево. Фактически немцы пользоваться ею не могли, и их гарнизон в Вязьме часто вынужден был прибегать к помощи транспортной авиации, доставлявшей боеприпасы и другие грузы. Обратными рейсами самолеты увозили раненых. И это из города, который стоит на железной и шоссейной дорогах! Я уж не говорю о гарнизоне Ельни, находившемся почти в полном окружении партизан. Для него самолеты были единственным средством сообщения. Немецкий генерал Бутлер в статье «Война в России» пишет: «...Войска противника находились в районе Дорогобужа в течение нескольких месяцев, создавая постоянную угрозу тыловым коммуникациям 4-й танковой и 9-й полевой армии, а временами даже нарушая их. Они сковывали крупные силы немцев, спешно снятые с фронта и брошенные сюда». Это еще одно свидетельство того, сколько хлопот доставляли противнику наши действия в его тылу.

Пытаясь дискредитировать партизан в глазах местных жителей, немцы прибегали к провокациям. Они создавали из отщепенцев и предателей диверсионные и полицейские отряды, которые, выдавая себя за партизан, грабили население, отнимали у него одежду и продукты, убивали ни в чем не повинных женщин и стариков. Перед этими лжепартизанами ставились задачи и разведывательного характера.

Один из таких отрядов был организован гитлеровцами в середине марта в селах Щекино и Пронькино, неподалеку от Ярцева. В него вошли старосты, старшины сел и

деревень, полицаи. Они нападали на партизан, терроризировали местных жителей. Но вскоре изменники были разоблачены, многие из них уничтожены.

В апреле две банды предателей были разгромлены партизанскими полками имени Лазо и имени 24-й годовщины РККА. При этом партизаны захватили много пленных, в том числе вражеских агентов, направлявшихся для подрывной работы в наши партизанские формирования.

Не дремала и наша разведка. Смелые люди проникали в занятые противником города и деревни, устанавливали связь с подпольщиками и добывали важные сведения. 15 февраля мы получили точные данные о гитлеровских шпионах, пробравшихся с рациями в партизанские отряды, и немедленно их арестовали.

2 апреля нам стало известно, что противник направил из Брянска тридцать девушек и женщин, которые должны были влиться в партизанские отряды, чтобы сеять ложные слухи и устраивать провокации. Этим завербованным девицам была, конечно, подготовлена достойная встреча.

Некто Трубачев, попавший осенью 1941 года в окружение, поступил на службу к гитлеровцам и был назначен стражником деревни Гришине. Когда деревню заняли конногвардейцы, Трубачев бежал в село Квасное и вступил в партизанский отряд, а из отряда перебрался в 41-ю легкую кавалерийскую дивизию. Когда эта дивизия была расформирована, его в числе других бойцов направили в 4-й гвардейский кавалерийский полк. Трубачеву казалось, что он сумел замести за собой следы. Но в полку он был разоблачен и получил по заслугам.

Операция не состоялась

В ночь на 9 мая к нам прибыл с «Большой земли» начальник оперативного отдела Западного фронта генерал-майор С. В. Голушкевич. Вместе с ним прилетел начальник штаба нашего корпуса полковник Заикин, вылечившийся наконец после легкого ранения.

Генерал-майор Голушкевич познакомил меня с замыслом новой наступательной операции. Не позже 5 июня силами пополненной и отдохнувшей 50-й армии при поддержке авиации и артиллерии намечалось нанести сильный удар по противнику. Для развития успеха выделялись механизированные войска.

Целью операции являлось окружение и уничтожение крупных сил противника. От моей группы требовалось надежно удерживать свой район, имевший важное оперативное значение. Кроме того, мы должны были помочь 50-й армии, нанеся по фашистам удар с тыла. Командование фронта учло мою просьбу о присоединении к нам второго эшелона корпуса - трех полностью укомплектованных кавалерийских дивизий. Они должны были присоединиться, как только 50-я армия прорвет оборону гитлеровцев.

Готовились к наступлению и немцы. Наша разведка выяснила, что они сосредоточили большие силы южнее районного центра Выходы. Предполагалось также, что противник может начать наступление со стороны Вязьмы и одновременно нанесет вспомогательный удар от Ельни. Около Дорогобужа значительных вражеских сил не было. Я и не ожидал, что они там появятся: разлившийся Днепр был серьезным препятствием на пути фашистов.

Совершенствуя оборону, мы особое внимание уделили восточному направлению. Первую линию, а точнее сказать передполье, здесь занимал 6-й партизанский полк 2-й партизанской дивизии. Позади него располагался 8-й гвардейский кавалерийский полк подполковника Высоцкого. Еще глубже, у моста через Угру, занимали позицию рота ПТР и саперы, которые должны были в случае необходимости взорвать мост. На этом же направлении находился и мой резерв - 6-й гвардейский кавалерийский полк.

Против Вязьмы оборонялась 329-я стрелковая дивизия, а правее ее - 1-й отдельный партизанский полк майора Жабо.

Остальные войска группы удерживали фронт протяженностью до четырехсот километров. Создать сплошную линию обороны мы не могли - не хватало сил. У нас были

участки, прикрытые очень слабо и даже совсем неприкрытые.

Трудно было предугадать, кто первым начнет наступление: гитлеровцы или 50-я армия? А от этого зависело многое.

Мы готовились к решительным боям, укрепляли свою оборону и, кроме того, занимались делом не совсем обычным для регулярных войск: проводили на занятой нами территории весенний сев.

Как-то само собой получилось, что местные районные комитеты партии считали командование группы высшим органом Советской власти на контролируемой нами территории. Секретари райкомов и председатели райисполкомов приезжали в штаб и в политотдел корпуса, советовались с А. В. Щелаковским и со мной по политическим, хозяйственным и организационным вопросам.

Весной секретари райкомов обратились к нам с просьбой помочь провести сев. Семлевский, Выходский, Дорогобужский и еще несколько райисполкомов представили заявки, в чем они нуждаются. Согласно этим заявкам мы выделяли на сев людей и лошадей. В Семлевской МТС, директором которой был товарищ Брестов, отремонтировали к севу сорок семь тракторов. Но горючего у нас не было, и поэтому почти все машины стояли без дела.

С «Большой земли» к нам прилетел заместитель председателя Смоленского облисполкома. Он взял на себя значительную часть работы по развертыванию посевной кампании, ездил по районам, проводил совещания в райкомах и райисполкомах.

Сев связан был с очень большими трудностями. Не хватало рабочих рук, семян, коней, плугов. Не все жители выходили в поле с охотой. Их надо было агитировать, убеждать.

3 мая с адъютантом и двумя коноводами ехал я в один из госпиталей. Все мы были в одинаковой форме: на головах пилотки, на плечи накинуты плащ-палатки. Неподалеку от дороги увидели группу женщин-пахарей. Они отдыхали, некоторые спали. Тощие, слабосильные лошади, запряженные в плуги, стояли, понуро опустив головы. Большое поле было еще почти не тронут, лишь по краю его тянулась черная полоса свежей пахоты.

Мы подъехали ближе, поздоровались.

- Почему не работаете? Перерыв, что ли? - спросил я. - Время-то какое? Один день целый год кормит.

- А кого кормить? - ответила пожилая женщина. - Немец урожай заберет, тогда как? Мы сами-то пахать не собирались, да есть тут какой-то генерал Белов. Говорят, он приказал пахать и сеять. А для кого сеять? Небось не подумал...

- Прежде всего для самих себя, - возразил я. - Подойдет осень - с хлебом будете. И народу хлеб нужен, и армии. Было бы зерно, а спрятать его от немцев всегда можно. По-вашему, что же лучше? Сидеть сейчас сложа руки, а потом от голода пухнуть?

- Хлеб-то нужен, да нешто на наших одрах много вспашешь? На себе плуги тянем. Слезы, а не работа. Вон у тебя какая лошадь добрая. Отдай ее нам, тогда дело другое.

Одна из женщин пристально смотрела на меня и вдруг всплеснула руками:

- Ой, бабы! Да он и есть тот самый Белов!

Я узнал в ней хозяйку дома, в котором жил во время стоянки в деревне Мытищино.

Женщины сперва притихли, а потом заговорили громко, наперебой, просили прислать им в помощь солдат с крепкими лошадьми.

- Хорошо, - ответил я. - А семян хватит?

- Семена есть. Скорее бы только подмога пришла.

Простившись с женщинами, мы поехали дальше. В тот же день я послал к пахарям одно из наших подразделений.

Бойцы из частей и партизаны, участвовавшие в посевной кампании, порученную им работу выполняли быстро и хорошо. Ведь среди них было много колхозников, оторванных войной от земли и соскучившихся по привычному мирному труду.

В период сева политорганы группы и районные комитеты партии развернули подписку на государственный военный заем 1942 года. В воинских частях подпиской были охвачены

все. Хорошо проходила она среди партизан и местных жителей. Многие вносили деньги сразу. Собранные средства мы отправили самолетом на «Большую землю».

Война в тылу противника требовала от людей полного напряжения всех духовных и физических сил. В тех условиях быстро раскрывался характер человека, его способности. На первый план выдвигались наиболее мужественные, решительные, инициативные.

Латыш Петр Иванович Зубов (по-латышски его фамилия произносится Зубав) в начале рейда в звании майора командовал полком 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Зубова уважали за его спокойствие, выдержку и ясность мысли в самой трудной обстановке, за хорошую военную подготовку. Командование доверяло ему самостоятельно решать сложные задачи.

Когда партизаны освободили Дорогобуж, мы послали туда 11-й кавалерийский полк, надеясь, что Зубов сможет хорошо разобраться в обстановке и принять верное решение. Установив связь с партизанами, Зубов увлек их в наступление, чтобы развить достигнутый успех.

Заболевшего командира 2-й гвардейской кавалерийской дивизии генерал-майора Осликовского эвакуировали в госпиталь. Посоветовавшись со Щелаковским, я решил выдвинуть на должность командира этой дивизии Петра Ивановича Зубова. Вскоре мы убедились, что не ошиблись в выборе. Зубов крепко взял управление в свои руки. Даже при большом некомплекте личного состава и техники дивизия решала такие задачи, с которыми не всегда могли справиться и полностью укомплектованные соединения.

Пять месяцев провели мы в тылу врага. За это время майор Зубов вырос до полковника, командира гвардейской дивизии, и оказался достойным такой чести. Хорошо помогал ему начальник штаба Валерий Михайлович Демидов, служивший до боев под Каширой начальником оперативного отделения в той же дивизии.

Много времени проводя в полках, Демидов знал людей. Худощавый, невысокого роста, он был молчалив, скромн, но требователен к подчиненным и особенно к себе. Сам много раз участвовал в боях и, не зная страха, нередко шел на риск. Но это была не показная храбрость. Демидов проявлял смелость только тогда, когда это бывало необходимо. А с тех, кто иногда демонстрировал безрассудную храбрость, приводившую к неоправданным потерям, начальник штаба строго взыскивал.

На командирских должностях у нас было несколько женщин.

Валентина Строганова, до войны активистка конноспортивного клуба Осоавиахима в городе Иваново, вступила добровольцем в 41-ю легкую кавалерийскую дивизию, формировавшуюся в городе Коврове, и была назначена начальником строевого отделения штаба дивизии. После расформирования дивизии Строганову перевели в штаб корпуса, где она тоже ведала учетом личного состава. Работа эта в наших условиях была не из легких, но Строганова хорошо справлялась с ней, отличаясь трудолюбием и аккуратностью. Вместе с основным ядром штаба корпуса она пробилась через боевые порядки гитлеровцев на «Большую землю» и потом служила в кавалерии до конца войны.

На должность помощника командира взвода комендантского эскадрона, и именно того взвода, в котором находились коноводы старших командиров нашего штаба, была назначена сержант Казакова. Бывший до нее помкомвзвода не решался строго взыскивать с подчиненных, опасаясь, что командиры штаба будут брать под защиту своих коноводов. И те пользовались этим. Дисциплина во взводе упала, лошадей перековывали редко, чистили плохо, да и кормили неважно.

Подполковник П. С. Вашурин, исполнявший в тылу противника обязанности начальника штаба корпуса, приказал Казаковой навести во взводе порядок. Ходила молва, что в 75-й кавдивизии ее взвод отличался подтянутостью и дисциплиной. Я вначале был против того, чтобы оставлять женщину в комендантском эскадроне. Ее лучше было бы отправить в более спокойное место, хотя бы в конно-транспортную роту нашего тыла. Но подполковник Вашурин попросил меня повременить, посмотреть, как Казакова справится с делом.

Через некоторое время я заметил, что мой коновод черкес Эмзахов стал более аккуратным: всегда выбрит, всегда белеет свежий подворотничок. И конь мой как-то повеселел, начал поправляться. Во время очередной поездки я спросил Эмзахова:

- Ну как там у вас новый помкомвзвода?

- Хороший человек, - ответил коновод. - Только много работы дает. Лошадь чистишь, оружие чистишь, снаряжение чинишь, за собой смотришь. А как что-нибудь не сделал, соберет всех и ругает. Очень ругает, товарищ генерал.

- Ну и что же, недовольны бойцы?

- Хороший человек, - повторил Эмзахов. - Пускай ругает, когда надо ругать. Она за взвод душою болеет. У всех лошади тощие, а Казакова для своего взвода и сено достала, и овес достала...

После этого разговора я не стал переводить Казакову в тыловое подразделение.

1 мая немецкие самолеты сбросили бомбы на деревню, где расположился наш штаб. Начались пожары. Загорелся сарай, в котором стояли лошади комендантского эскадрона. Самолеты обстреливали деревню, и было опасно вылезать из укрытий. Казакова бросилась к сараю, распахнула дверь и вывела коней из горящего помещения.

- Как же ты решилась? И не страшно было? - спрашивали ее потом любопытные.

- Не знаю, - смущенно отвечала она. - Лошадей жалко... Очень уж они ржали мучительно, сердце не выдержало...

Позже, когда мы прорывались на соединение с главными силами фронта, нам пришлось целую ночь идти по лесу, по болоту, по колено в воде. Коноводы с лошадьми двигались сзади. Перед рассветом нашли наконец сухое место. Обессилевшие люди легли отдохнуть. А Казакова обнаружила, что нет нескольких коноводов, и отправилась назад разыскивать их.

Отдыхали мы недолго. Утром нас атаковала группа фашистов, поддержанная танками. Мы отошли под огнем противника, а потом сели на коней и рысью поехали по лесу от опасного места.

Мне рассказывали, что Клавдия Казакова разыскала одного из коноводов, у которого завязла лошадь. Вдвоем они начали вытаскивать ее. Но в это время гитлеровцы, преследовавшие нас, открыли огонь, и Казакова погибла.

Большим авторитетом пользовался в корпусе командир 160-го Камышинского (впоследствии 6-го гвардейского) кавалерийского полка подполковник Аркадий Васильевич Князев. Это был любимец бойцов и командиров. В бою смел, порой до безрассудства, и в то же время исполнитель, способен быстро принять целесообразное решение. А на отдыхе Князев - первый весельчак. Всегда бодрый, улыбающийся, он заражал окружающих своей жизнерадостностью и неиссякаемой энергией. Казалось, что и люди у него в полку выглядят лучше, чем в других частях, больше смеются и шутят.

Невысокого роста, плотный, широкоплечий, с большой круглой головой, Князев был, как говорится, ладно скроен и крепко сшит. Лицо у него типично русское, хотя некоторые шутники утверждали, что Князев - обрусевший цыган, унаследовавший от своих предков подвижность и веселый характер. В декабре 1941 года он отпустил усы, которые очень шли ему.

Командир дивизии генерал-майор Баранов гордился полком Князева и посылал его на самые трудные задания. В начале рейда Князев совместно с лыжниками и при поддержке минометчиков капитана Мельникова стремительной атакой выбил гитлеровцев из деревни Стреленки и очистил путь для следовавшей за ним колонны.

В мае ожидалась решающая бой, мне нужно было иметь под рукой надежную часть, способную выполнить любой приказ. И я взял 6-й гвардейский Камышинский полк в корпусный резерв. Пополнившись в районе Дорогобужа, полк насчитывал в строю около пятисот человек.

Я давно не был у Князева и захотел посмотреть на свой резерв. На 20 мая, насколько помню, назначил смотр.

Подразделения выстроились на лесной дороге, под деревьями и среди кустов, чтобы не

обнаружила вражеская авиация. Все бойцы и командиры в крепких начищенных сапогах. Старые выгоревшие гимнастерки выстираны и аккуратно починены. Ремни туго затянуты. Но самое главное, что удивило меня, это кубанки. В частях группы люди донашивали у кого что было. Многие носили шапки, другие - пилотки, третьи - фуражки. А тут весь полк в новеньких кубанках из коричневого меха с суконным верхом разной окраски.

- Откуда головные уборы? - спросил я.

- Сшили, товарищ генерал, - ответил Князев, довольный произведенным эффектом. - У нас свой шапочник есть.

- А материал где взяли?

- Использовали меховые безрукавки. Они теперь не нужны, жарко.

Полк прошел в колонне по три. Выправка людей и строевая сколоченность вызвали у меня восхищение. Даже по внешним признакам, по тому, как ловко подогнано снаряжение, как уверенно чувствуют себя бойцы, как сдвинуты набок кубанки, можно было сразу определить, что это не парадный тыловой полк, поднаторевший на смотрах, а лихая воинская часть, закаленный в боях коллектив, готовый в любую минуту быстро развернуться и вступить в схватку с противником.

На всю жизнь ярко запечатлелся в моей памяти этот необычный смотр-парад, произведенный в тылу врага.

Через несколько дней крупные силы гитлеровцев прорвали на одном из участков нашу оборону. Полк Князева с двумя танками Т-26 был брошен навстречу немцам с задачей остановить их. Завязался жестокий, кровопролитный бой. Фашисты имели большое превосходство в силах и средствах. Но гвардейцы Князева сражались героически и выстояли.

Взвод парашютистов 8-й воздушнодесантной бригады возвращался после выполнения боевого задания. Шли по лесу. В листве шумел ветер. Накрапывал дождь. Люди спешили скорее добраться до расположения своей части, обсушиться и отдохнуть.

Вдруг на поляне парашютисты увидели большой вооруженный отряд. Командир взвода решил, что это партизаны. Остановив бойцов среди кустарника, он пошел выяснить, что за подразделение. Его провели к пожилому человеку, назвавшемуся полковником Рогожиным. Командир взвода представился и доложил, какую задачу он выполняет. На его вопрос, что делает здесь отряд полковника, Рогожин ответил: выполняет особое задание генерала Белова.

Во время разговора командир взвода присматривался к людям, отдохавшим на поляне. Их было около трехсот. Станным показалось то, что все они одеты щеголевато, в новенькую форму. На всех - курсантские мундиры со стоячими воротниками и с одним рядом светлых пуговиц, на головах - каски, за спиной у многих ранцы. Такой формы не было ни у кавалеристов, ни у десантников, ни у партизан. Наши бойцы донашивали старое истрепанное обмундирование. «Наверно, недавно прибыли к нам», - подумал командир взвода, возвращаясь к парашютистам.

Десантники двинулись дальше по узкой лесной тропинке. Но не прошли они и полкилометра, как из кустов появился запыхавшийся человек в кителе, с четырьмя треугольниками в петлицах. Озираясь по сторонам, он жестом позвал командира взвода.

- Тише. Вы знаете, с кем разговаривали на поляне? Это белогвардейский полковник, - быстрым шепотом произнес старшина. - Полковник ведет диверсионный отряд. Завтра немцы начнут наступление, а диверсионный отряд должен захватить в плен Белова и уничтожить его штаб. Давайте незаметно подойдем к поляне с другой стороны. У вас ведь ручной пулемет, автоматы. Как только откроете огонь, все разбегутся. Люди набраны в лагерях военнопленных, пошли к Рогожину, чтобы не умереть с голоду. А против своих воевать не будут. Я тоже из этого отряда.

Командир взвода опасался вначале ловушки. Ведь силы неравны, народу у Рогожина раз в двадцать больше. Но искренний тон старшины вызвал у взводного доверие. Отправив донесение командиру бригады с просьбой прислать подкрепление, он решил напасть на диверсантов.

Парашютисты незаметно заняли огневую позицию на краю поляны. Старшина указал

наиболее важные цели: самого полковника, двух немецких офицеров, переодетых в советскую форму, и других начальников из вражеского отряда. По команде парашютисты открыли дружный огонь. Ошеломленные предатели бросились врассыпную и разбежались по лесу. Парашютисты начали вылавливать их.

Вскоре к месту происшествия подоспели две роты бойцов, присланных командиром бригады подполковником Ануфриевым. Они принялись прочесывать лес. Почти все диверсанты были пойманы, а те, которые сопротивлялись, уничтожены. В тот же день командир 4-го воздушнодесантного корпуса генерал Казанкин обо всем случившемся донес по радио в штаб Западного фронта.

Захваченные в плен вражеские диверсанты дали нам ценные сведения. В отряде Рогожина было триста пятнадцать человек. Кроме него в наш тыл заслано еще несколько диверсионных отрядов, имевших задачу перед началом немецкого наступления напасть на наши штабы и уничтожить их. Полковник Рогожин вел отряд к деревне Подлипки, где, по его сведениям, располагался штаб нашей группы. Но сведения фашистов давно устарели. Наученные опытом, мы часто меняли свое месторасположение и находились уже в другой деревне.

Старшина, который первым сообщил о диверсионном отряде, опознал среди пленных помощника Рогожина, некоего Богатова (или Богачева - точно не помню). Изменник, имея звание майора, служил в 160-й стрелковой дивизии, входившей в ударную группировку 33-й армии генерала Ефремова. Когда гитлеровцы окружили войска Ефремова и бойцы и командиры героически сражались с превосходящими силами противника, Богатов, стремясь спасти свою жизнь, перешел на сторону фашистов. Гитлеровцы посадили его в самолет и немедленно отправили куда-то под Кенигсберг. Там предатель подвергся соответствующей обработке и через сутки был доставлен назад.

Фашисты замыслили уничтожить штаб Ефремова и захватить в плен самого генерала. Они послали Богатова с радиостанцией туда, где еще продолжали сражаться остатки ударной группировки 33-й армии. Предатель разыскал лесную деревушку, где находился генерал Ефремов, и оттуда связался по радио со своими хозяевами. Получив его сообщение, немцы направили к деревушке, крупные силы и окружили ее.

Небольшая группа советских бойцов и командиров, заняв круговую оборону, несколько часов отбивала атаки противника. Вместе с бойцами стрелял по врагу генерал Ефремов. Ряды героев быстро таяли. Кончались боеприпасы. Немцы уже торжествовали победу и были уверены, что сумеют захватить советского генерала живым. Но Ефремов предпочел смерть позору плена. Он отстреливался до последнего патрона. А последней пулей покончил с собой.

По приказанию, полученному из штаба Западного фронта, парашютисты должны были доставить Богатова на «Большую землю». Через несколько суток, ночью, когда 4-й воздушнодесантный корпус пробивался к главным силам нашей группы, парашютисты завязали в лесу ожесточенный бой с противником. Во время боя вражеская пуля сразила старшину, который помог разоблачить диверсантов. А предатель Богатов, воспользовавшись темнотой и неразберихой, бежал.

Мы знали, что немцы готовят крупную операцию, имея целью очистить от наших войск свои тылы. Знали, что операция будет проводиться в самое ближайшее время. При опросе пленных диверсантов была установлена точная дата: наступление начнется завтра, 24 мая. В нем примут участие 4-й и 43-й немецкие армейские корпуса - семь дивизий и несколько сотен танков. Главный удар, как мы и предполагали, будет нанесен на Восток с юга. Одновременно начнется наступление из района Вязьмы и с других направлений. Гитлеровцы условно назвали задуманную операцию «Зейдлиц» - по фамилии немецкого генерала, кавалериста времен Фридриха II.

Штаб моей группы располагался в это время в селе Щекино, в шестнадцати километрах западнее Восток. Я вызвал к телефону командира 2-й гвардейской кавалерийской дивизии полковника Зубова, оборонявшего восточное направление, и приказал ему быть готовым к

возможному удару крупных сил неприятеля. Распорядился поднять по тревоге и вывести на боевой рубеж 6-й партизанский полк. До наступления темноты все командиры соединений и частей были оповещены о начале наступления гитлеровцев. В войсках шли последние приготовления, проверялась устойчивость связи.

В те горячие дни нам с Алексеем Варфоломеевичем редко приходилось оставаться наедине. Комиссар разъезжал по частям, связывался с райкомами партии, налаживал партийно-политическую работу в партизанских частях, заботился о питании людей. Дел у всех было тогда очень много. И все-таки в тот последний перед наступлением немцев вечер нам удалось немного побыть вдвоем. На душе у обоих было тревожно. Противник имел очень большое численное превосходство. Его войска были хорошо вооружены, их поддерживало много танков и самолетов. А у нас мало тяжелого оружия, мало боеприпасов, почти половина войск - партизанские формирования.

- Ну, Павел Алексеевич, - невесело усмехнулся комиссар, - многих мы выручали, многим помогали, а вот кто нам помогать будет - не знаю...

- Ничего. Дней десять продержимся, а там посмотрим, - ответил я, имея в виду то наступление 50-й армии, о котором сообщил нам генерал Голушкевич.

- А если завтра немцы прорвут наши позиции?

- Будем вести сдерживающие бои, выигрывать время. Территория у нас большая, простор для маневра есть. Самое главное, не дать противнику сковать нас на ограниченном пространстве, как это сделал он с Ефремовым. Думаю, Алексей Варфоломеевич, выдержим.

Рассвет наступал медленно. Небо затянули тяжелые низкие тучи. Лил дождь. Я подумал: это хорошо - немецкая авиация не сможет подняться со своих аэродромов.

Ровно в 4 часа 24 мая раздался приглушенный расстоянием грохот, похожий на далекий удар грома. Потом еще и еще. Я позвонил Зубову:

- Это у вас?

- У меня, товарищ сорок пятый/Немцы начали артиллерийскую подготовку. Бьют из орудий и минометов.

Вскоре пришло сообщение о положении в партизанском полку Жабо: артиллерийская подготовка началась и на этом, довольно слабом, участке. Потом поступила радиограмма от командира 4-го воздушно-десантного корпуса генерала Казанкина, державшего оборону восточнее реки Угры. Там то же самое.

Сразу же после артиллерийской подготовки поднялась в атаку гитлеровская пехота, поддержанная множеством танков, действовавших группами по двадцать - тридцать единиц. 6-й партизанский полк, занимавший первую линию обороны на восточном направлении, не выдержал удара противника. Немцы прошли через его боевые порядки.

Начал вырисовываться замысел гитлеровцев: они намеревались отрезать от главных сил группы воздушно-десантный корпус и партизанский полк майора Жабо. Прорвав нашу оборону у Выходов и на участке партизанского полка, противник старался теперь вбить два клина, которые сошлись бы в районе деревень Мытищино и Фурсово. Он рассчитывал окружать и по частям разбивать наши войска, не давая им отходить на новые рубежи.

Чтобы сорвать планы гитлеровцев, надо было остановить или хотя бы замедлить продвижение их ударных групп.

В течение дня полк Жабо, отражая атаки немцев, постепенно отходил назад и нес большие потери. Но помочь партизанам я не мог, так как на восточном направлении складывалась не менее тяжелая обстановка. 6-й партизанский полк, оборонявший предполье, был рассеян противником, а командир и комиссар погибли в бою. 8-й гвардейский кавалерийский полк подполковника Высоцкого был отеснен в село Выходы. Преследуя кавалеристов, немцы попытались на их плечах ворваться в село, но были отброшены. Большую помощь гвардейцам оказала при этом рота ПТР, подбившая несколько вражеских танков.

Подтянув резервы, немцы снова атаковали Выходы, бросив в бой около тридцати танков с десантом на броне. Эту атаку нашим войскам отразить не удалось. К вечеру

гитлеровцы овладели районным центром, переправили часть своих сил через Угру и подошли к разъезду Дебрянский. Мост через реку был заранее заминирован нашими саперами. Но взорвать его они не смогли.

4-й воздушнодесантный корпус в основном остался на прежних позициях, хотя генерал Казанкин одну за другой присылал мне радиogramмы, сообщая, что положение ухудшается.

На других участках немцы активности не проявляли.

К району боевых действий выдвигался мой резерв - полк Князева.

Чтобы выиграть время и сохранить свободу маневра, мы перешли к подвижной обороне с заграждениями в лесисто-болотистой местности. Срочно готовился запасной рубеж обороны фронтом на восток, с центром у деревни Мытищино. Началось также оборудование нескольких оборонительных рубежей в глубине занятой нами территории.

Весь день 25 мая продолжались ожесточенные бои с наступающим противником. Полк Жабо из-за больших потерь уже не способен был сдерживать немцев. Поэтому я приказал командиру 329-й стрелковой дивизии отвести свой правый фланг назад, чтобы один из стрелковых полков развернулся фронтом на восток против гитлеровцев,седающих на остатки полка Жабо. Партизанские подразделения должны были отойти через боевые порядки стрелковой дивизии и сосредоточиться у нее в тылу. Командиру дивизии я поручил подчинить эти подразделения себе и привести в порядок. Командиру 2-й гвардейской кавалерийской дивизии полковнику Зубову приказал сомкнуться своим левым флангом с правым флангом 329-й стрелковой дивизии, чтобы восстановить фронт, прорванный немцами на участке полка Жабо.

4-й воздушнодесантный корпус продолжал действовать в трудных условиях, будучи отделен от главных сил группы рекой Угрой. Опасаясь, что противник может отрезать и окружить десантников, я разрешил генералу Казанкину отойти на западный берег Угры. Однако его войскам приходилось отбивать сильные атаки противника, и переправа не удалась.

Одну роту 8-й воздушнодесантной бригады гитлеровцы окружили в селе Большие Мышенки. Немцы предлагали советским бойцам сдаться в плен. Парашютисты отвечали метким огнем. Они вели бой до последнего человека. Погибла вся рота, нанеся противнику значительный урон и замедлив его наступление.

За два дня гитлеровцы потеряли убитыми и ранеными много солдат и офицеров. Было уничтожено до семидесяти их танков. Однако, вводя в бой новые части, немцы продолжали упорно лезть вперед, хотя темп их продвижения был невысок.

Но вот 6-й гвардейский кавалерийский полк подполковника Князева, усиленный двумя танками Т-26, нанес стремительный удар во фланг гитлеровских частей, переправившихся через Угру у Выходов. Противник, не ожидавший атаки, отступил. Это несколько облегчило положение 2-й гвардейской кавалерийской дивизии и воздушнодесантного корпуса.

Прекрасно вела бой 329-я стрелковая дивизия. Все атаки гитлеровцев разбивались о ее стойкую оборону.

Для прикрытия переправы десантного корпуса я приказал послать к Угре 2-й и 7-й гвардейские кавалерийские полки. Оба они были малочисленны. Противник мог окружить и уничтожить их. Однако приходилось идти на риск, чтобы спасти десантников.

Все обошлось относительно благополучно. Воздушно-десантный корпус, прикрытый с тыла двумя кавалерийскими полками, переправился через Угру, с боем прорвался через занятые противником леса и вышел к главным силам группы.

После этого я разрешил 2-й гвардейской кавалерийской и 329-й стрелковой дивизиям отойти на новый рубеж, подготовленный в тылу.

26 мая начальник генерального штаба германских сухопутных сил генерал Гальдер записал в своем служебном дневнике: «В районе группы армий «Центр» наступление против Белова из-за метеорологических условий развивается медленными темпами. Противник подтягивает силы из Дорогобужа». Спустя два дня - запись: «Кольцо вокруг основных сил кавалерийского корпуса Белова замкнуто 4-й армией».

С этим выводом Гальдер явно поторопился. Положение моей группы было пока несколько не хуже, чем в первые дни боев. К 28 мая мы имели устойчивый фронт обороны, обращенный на восток. Готовились еще два оборонительных рубежа, частично уже занятых подразделениями 1-й гвардейской кавалерийской, 1-й и 2-й партизанских дивизий. В моем распоряжении оставались резервы, даже семь танков с горючим, среди них один КВ и один Т-34. А с «Большой земли» к нам перебросили еще две воздушнодесантные бригады - 23-ю и 211-ю.

Все наши планы строились в эти дни с твердой верой в то, что в первых числах июня, во всяком случае не позднее 5 июня, начнется большая наступательная операция войск Западного фронта. Момент для этого был очень удачный. Главные силы 4-го и 43-го немецких пехотных корпусов, наступая на нас, повернулись фронтом на запад и северо-запад. Планируемый удар 50-й советской армии пришелся бы по флангу и по тылам гитлеровских корпусов. А с фронта по ним ударили бы мы. Для этой цели нами намечено было использовать значительные силы: всю 1-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию, имевшую четыре с половиной тысячи бойцов, пять воздушнодесантных бригад, насчитывавших около шести тысяч человек, и часть 1-й партизанской дивизии.

Немцы вряд ли выдержали бы одновременный удар с фронта и с тыла, и два их армейских корпуса были бы сброшены со счета. Войска Западного фронта вступили бы на освобожденную нами территорию и, возможно, сумели бы осуществить ту задачу, которую пытались выполнить в течение всей зимы: захватить Вязьму и окружить две фашистские армии восточнее ее.

Но и на этот раз наступательная операция не состоялась. Отменить ее заставила неблагоприятная для нас обстановка в районе Харькова. Туда и были переброшены механизированные корпуса с Западного фронта.

Официального сообщения об отмене наступательной операции я не получил. Но надежды на нее угасли сами собой, особенно после того как я послал по радио несколько запросов об оперативных перспективах. Ответов на мои запросы из штаба фронта долго не поступало.

Между тем немцы медленно, методически продвигались вперед. Вторично прорвать нашу оборону они нигде не смогли. Но я опасался их удара с тыла, из Ельни. Поэтому за счет ослабления некоторых спокойных участков пришлось создать дополнительный резерв из подразделений 1-й гвардейской кавалерийской и 1-й партизанской дивизий.

Продвинувшись за восемь суток на двадцать километров, 31 мая немцы заняли деревню Мытищино. Наши части, продолжавшие вести маневренную оборону, ослабли в непрерывных боях. В 4-м воздушнодесантном корпусе и во 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, которые первыми приняли на себя удар противника, осталось в общей сложности тысяча восемьсот человек (не считая двух новых десантных бригад). Понесла потери и 329-я стрелковая дивизия, упорно оборонявшая свой рубеж. Вместе с присоединившимися к ней остатками партизанского полка майора Жабо в дивизии было теперь до двух тысяч бойцов и командиров. Но некоторые наши соединения еще не вводились в бой и полностью сохранили свой личный состав. В последних числах мая группа имела вместе с партизанами около семнадцати тысяч бойцов.

23-я пехотная дивизия гитлеровцев, усиленная танками, теснила с севера левый фланг 329-й стрелковой дивизии. Обстановка становилась угрожающей. Я берег резервы, но тут пришлось послать на прикрытие левого фланга пехоты 5-й гвардейский кавалерийский полк подполковника Борцова. Неожиданно для немцев гвардейцы вместе с партизанами из 1-й партизанской дивизии перешли в контратаку и отбросили фашистов на несколько километров, обеспечив тем самым выигрывш времени для подготовки новых оборонительных рубежей.

К 1 июня погода улучшилась. В небе появилось множество вражеских самолетов. С рассвета и до темноты они бомбили и обстреливали наши боевые порядки. Нас поддерживала в это время 215-я авиационная дивизия, имевшая на вооружении главным

образом штурмовики. Базировалась она на «Большой земле» близ Калуги. Командир ее полковник И. К. Самохин прилетел к нам с радистом на У-2. Он управлял действиями своих штурмовиков, находясь в штабе группы и хорошо зная оперативную обстановку.

Прежде чем перейти в авиацию, Иван Клементьевич Самохин служил в кавалерии, в частности командовал эскадрон в 3-й Бессарабской кавалерийской дивизии.

Он хорошо знал тактику конницы, поэтому нам легко было найти с ним общий язык. Летчики Самохина сражались с врагом отважно, однако большой помощи оказать нам не могли: самолетов в дивизии было мало, аэродром находился далеко от района боевых действий. Девяносто процентов времени летчики тратили на то, чтобы - добраться до нас и вернуться, а бой вести было некогда. Немецкая авиация господствовала в воздухе, это осложнило наше и без того нелегкое положение.

2 июня войска группы под давлением противника отошли еще на один рубеж. Фашисты захватили нашу лучшую посадочную площадку в Большом Вергове.

Я приказал семи нашим танкам, имевшим горючее, контратаковать гитлеровцев. Они уничтожили несколько вражеских танков и бронемашин. Нам удалось на некоторое время приостановить движение немцев. Но надолго ли? Что делать дальше? Эти вопросы не давали мне покоя.

На «Большую землю»

Теперь, когда стало известно, что Западный фронт отказался от наступательной операции, наша борьба в тылу противника не могла принести большой пользы. Справиться в одиночку с крупными силами регулярных фашистских войск, имевших задачу уничтожить нас, мы не могли. Надо было искать выход из сложившейся обстановки.

Вечером 4 июня мы с комиссаром послали в штаб Западного фронта радиogramму:

«Настало время просить вашего совета. Оценка обстановки: три дивизии противника [18] с громадным превосходством танков и авиации успешно продвигаются, ломая героическое сопротивление войск группы, не считаясь со своими большими потерями, подводя резервы.

За 12 суток тяжелых боев противник овладел большей половиной ранее занимавшегося группой района. Еще сутки боя - и возможен прорыв противника в центр группы и разъединение наших сил. Дальнейший бой в окружении грозит уничтожением живой силы наших войск. В целях сохранения живой силы, качественно высокой боеспособности просим разрешения на выход из окружения при условии продолжения упорных оборонительных боев.

План: прорваться восточнее Ельни в район 5-го партизанского стрелкового полка. В дальнейшем прорываться в направлении на Киров для соединения с войсками фронта.

Просим срочных мер помощи и совета.

Белов. Щелаковский. Заикин».

Ответ поступил на следующий день. Командование Западного фронта рекомендовало нам два варианта прорыва через линию фронта: на север, для соединения с главными силами Калининского фронта, и на восток, в направлении на Мосальск, навстречу наступающему

противнику. Оба эти варианта имели существенные недостатки.

При прорыве на север нам пришлось бы форсировать Днепр, а переправочных средств мы не имели. Кроме того, нам нужно было бы пересечь железную дорогу и автостраду Минск - Вязьма, где немцы могли свободно маневрировать своими войсками и наносить нам значительные потери.

Прорыв на восток, к 50-й армии, исключался потому, что на этом направлении действовали главные силы противника. Если бы мы и смогли пробиться через плотные боевые порядки гитлеровцев, то жертвы с нашей стороны были бы слишком велики.

Чтобы обсудить варианты прорыва и выбрать наилучший, я собрал военный совет, на котором присутствовали бригадный комиссар Щелаковский, начальник штаба полковник Заикин, мой заместитель генерал Галанин, мой помощник генерал Калмыков (оба генерала прибыли к нам незадолго до наступления немцев), командир 215-й авиационной дивизии полковник Самохин, начальник оперативного отдела подполковник Вашурин, начальник разведки подполковник Кононенко, начальник политотдела батальонный комиссар Лобашевский, начальник Особого отдела подполковник Кобернюк и начальник тыла подполковник Грибов.

Высказывались, как принято в таких случаях, начиная с младших по званию. Подполковник Вашурин выдвинул еще один вариант: прорваться на запад, в Белоруссию, и перейти к партизанским действиям в глубоком тылу врага. Однако это предложение было отвергнуто. Конечно, прорваться на запад было сравнительно легко, в этом направлении противник не имел крупных сил. Но такой вариант превратил бы наши регулярные войска в партизанские части, а это я считал нецелесообразным. Кроме того, двигаясь на запад, мы удалялись от наших аэродромов и лишались поддержки своей авиации.

Выступая последним, я предложил идти на юго-запад, прорываясь близ Ельни. Противник здесь был сравнительно слабый, а южнее Ельни значительный район контролировался 5-м партизанским полком имени Лазо, который был подчинен мне. Пройдя через этот район, мы могли пересечь Варшавское шоссе, прорвать линию фронта и соединиться с войсками 10-й армии, действовавшей близ Кирова. Такое решение давало возможность избежать боев с крупными силами гитлеровцев, выйти из вражеского тыла с честью и без больших потерь. Оно и получило общую поддержку.

На следующий день, 6 июня, мы собрали в небольшой деревушке юго-восточнее Дорогобужа всех командиров и комиссаров регулярных и партизанских дивизий, а также 4-го воздушнодесантного корпуса. Неподалеку, приближаясь, гремел бой. Мы вели разговор под аккомпанемент орудий и пулеметов.

Я поставил командирам войсковых соединений задачу: до 9 июня вести сдерживающие оборонительные бои на указанных им рубежах, потом сразу оторваться от противника и, сломив сопротивление блокирующих войск, пробиться близ Ельни на юг.

Директива штаба фронта запрещала нам брать с собой партизанские части. Партизаны должны были остаться в тылу врага и действовать небольшими отрядами от пятидесяти до четырехсот человек, нападая главным образом на коммуникации противника. Нам нелегко было расставаться с боевыми товарищами, бок о бок с которыми сражались несколько месяцев.

Переход к новым формам борьбы для многих партизанских частей, особенно для тех, в которых было много военнослужащих из числа окруженцев, представлял немалые трудности. Нужно было менять тактику, вырабатывать новые приемы. Многие бойцы и командиры стремились влиться в воинские части, где воевать им было привычно и где они могли принести больше пользы. Учитывая это, мы направили большую часть партизан на пополнение наших частей, имевших серьезные потери.

В тылу противника решено было оставить политрука Петрухина и некоторых других партизанских командиров. Им поручалось формировать отряды из бойцов и командиров, которые могут отстать от войск группы.

Встал трудный вопрос: как быть с ранеными. У нас их насчитывалось около двух

тысяч. На совещании мы решили тех из них, которые не могли передвигаться, укрыть в лесных госпиталях, передав на попечение партизан, а тех, кто мог двигаться, сосредоточить в своих дивизиях, сформировав из них в каждом соединении дивизион или батальон. Но почти никто из раненых не пожелал остаться в тылу противника. Медицинский персонал по своей инициативе доставал лошадей и повозки. Тяжелораненых бойцов везли на телегах. Многие раненые кавалеристы ехали верхом. Я видел гвардейцев, сидевших на неоседланных лошадях, свесив обе ноги на правую сторону. В левой руке - повод, а в правой - костыль. Дивизии взяли с собой всех раненых, которых можно было везти. Бойцы и командиры трогательно заботились о них, отдавали им свои продукты, лучших лошадей. Большое количество раненых обременило наши обозы, но я не препятствовал этому, понимая и уважая святое чувство воинской дружбы, двигавшее бойцами...

За время, пока шло совещание в штабе, немецкая пехота с танками почти вплотную приблизилась к деревне. Пора было закончить разговор и отпустить командиров соединений. Все вопросы были решены, но люди как-то не торопились разъезжаться. Они понимали, что впереди трудные испытания, и многие из тех, кто сейчас сидит за столом, могут никогда больше не увидеть друг друга.

Зная характер генерала Баранова, способного иногда на излишний риск, я предупредил его:

- Будьте осторожны, Виктор Кириллович, берегите себя. Плохо, если дивизия останется без головы. Поменьше на лошади, побольше пешком. Так надежней.

- Ничего, - ответил Баранов. - Я в тыл к немцам на коне въехал и из тыла тоже на коне выеду.

Наконец все командиры разъехались. В штабе остался лишь полковник Самохин. Ввиду того что в ближайшие дни штурмовики не могли оказать нам помощи из-за удаленности аэродрома, я разрешил Самохину вернуться в свою дивизию под Калугу и оттуда, когда появится возможность, руководить авиационной поддержкой нашей группы, связываясь с нами по радио. Познакомил его с примерным планом нашего движения и указал рубежи по дням.

- Ясно, товарищ генерал, - сказал Самохин. - Сделаю все, что смогу.

- Не задерживайтесь, немцы уже на окраине. Самолет У-2, на котором должен был лететь Самохин, стоял за деревней, на небольшой поляне среди кустов. Полковнику нужно было спешить.

Простившись с ним, я сел на коня и во главе штаба рысью поехал по проселочной дороге мимо бывшего Дорогобужского военного лагеря. Стрельба за спиной удалялась. Я не мог тогда и предположить, что Самохин окажется в весьма драматической обстановке.

До самолета полковник и сопровождавший его радист доехали верхом. Отпустив коновода с лошадьми, Самохин начал заводить мотор, но тот упрямылся. Полковник безрезультатно провозился с ним минут десять. А со стороны деревни уже появились немцы и, заметив самолет, устремились к нему. Другой на месте Самохина бросил бы машину и ушел по кустам к парашютистам, которые вели бой неподалеку. Но полковник был смел и упрям. Он продолжал возиться с мотором.

Вокруг начали свистеть пули фашистских автоматчиков, когда мотор наконец завелся. По правилам нужно было прогреть его и только потом производить взлет. Но прогревать некогда: из деревни появился немецкий танк.

Самолет оторвался от земли, начал было набирать высоту над головами стреляющих немцев, и вдруг непрогретый мотор заглох. Самохин, не растерявшись, посадил машину в кусты, метрах в семистах от прежнего места. Бегло осмотрел У-2. В фюзеляже много пулевых пробоин, но серьезных повреждений нет. Винт не погнут.

Звуки боя слышались совсем рядом, хотя за кустами ничего не было видно. Самохин послал радиста осмотреть местность, а сам снова принялся заводить мотор. Он заработал на этот раз хорошо.

Радист нашел рядом поляну, вырезал ножом наиболее толстые ветки кустарника,

преграждавшие путь. Рискую сломать винт самолета, Самохин вырулил через мелкий кустарник на поляну и поднял машину в воздух. Ему удалось благополучно добраться до своего аэродрома близ Калуги. Оттуда он старался всячески помочь нам. А после рейда мы встретились с Самохиным, и тогда-то я услышал от него рассказ о том, что произошло на лесной поляне.

Через некоторое время после того как от нас улетел Самохин, мы отправили самолетом на «Большую землю» генералов Галанина, Калмыкова и полковника Заикина, чтобы меньше было потерь в командном составе, в случае если группа окажется в безвыходном положении. Улетевшие товарищи должны были организовать взаимодействие наших частей с войсками 10-й армии при прорыве через линию фронта. Генерал Галанин доставил командующему Западным фронтом донесение, в котором я изложил план выхода из рейда и наших действий на ближайшие дни. Вместо полковника Заикина, пробывшего у нас всего месяц, обязанности начальника штаба группы снова принял на себя подполковник Вашурин.

Прорыв на юг назначен был в ночь на 9 июня в десяти километрах западнее Ельни между деревнями Быки и Титове. Туда скрытно начали подтягиваться наши войска. В первом эшелоне должны были наступать 4-й воздушнодесантный корпус, 1-я и 2-я гвардейские кавалерийские дивизии, во втором - 329-я стрелковая дивизия, прикрывающая с тыла обозы с ранеными.

Чтобы оторваться от гитлеровцев и направить их на ложный путь, мы пошли на хитрость. 1-я партизанская дивизия, прикрывавшая ночью перегруппировку наших главных сил к Ельне, должна была утром, когда противник начнет наступление, быстро отходить по направлению к Дорогобужу, увлекая за собой немцев. Партизаны получили приказ переправиться через Днепр и потом исчезнуть в лесах, разбившись на отряды по триста - четыреста человек.

Прорыв прошел удачно. В ночном бою наши войска сломили сопротивление частей 137-й и 221-й немецких дивизий. Гитлеровцы успели подбросить к месту боя два батальона мотопехоты с тридцатью танками, но и они не смогли сдержать наш натиск.

Управление корпуса - штаб, политотдел, дивизион связи, разведывательный дивизион и другие подразделения находились за центром прорывающейся группы. Мы с Щелаковским ехали верхом. Путь наш пролегал в двух километрах восточнее деревни Быки, откуда немцы до самого утра вели сильный минометный огонь. Около этой деревни располагались также позиции артиллерийского дивизиона противника, мешавшие продвижению наших войск. Гвардейцы генерала Баранова в конном строю атаковали и уничтожили вражеский дивизион.

За ночь все войска группы прорвались через боевые порядки блокировавшего нас противника и достигли района действий 5-го партизанского полка имени Лазо. Партизаны встретили нас, провели через болота и минные поля в глубь своей территории.

Удар наш был неожиданным для противника. Главные силы группы прошли на юг между населенными пунктами, занятыми гитлеровцами. Фашисты не сумели сразу разобраться в обстановке, считали, что советские войска по-прежнему находятся в кольце. С утра они перешли в наступление на позиции 1-й партизанской дивизии и попались на приманку.

Партизаны начали быстро отходить на запад и северо-запад, увлекая за собой гитлеровцев. Лишь под Дорогобужей немцы, видимо поняли, что перед ними не регулярные части, а партизанские подразделения. Да и те вдруг будто растворились - рассредоточились и рассеялись по лесам, избегая боя.

Главные силы противника, увлекшиеся преследованием партизан, вынуждены были повернуть с северо-западного направления на южное. На перегруппировку им потребовалось немало времени. В общем, мы выиграли двое суток и оторвались от врага.

Фашисты, обозленные неудачей, прибегли к последнему имевшемуся у них средству, чтобы задержать наше продвижение. Они бросили против нас всю авиацию, которую могли собрать, даже юнкеров авиационного училища из Кенигсберга. Юнкера знали, что у нас нет зенитных средств, и надеялись получить легкую практику. Однако наши бойцы вели огонь

по самолетам из всех видов оружия и удачным выстрелом из противотанкового ружья сбили один бомбардировщик.

Гитлеровские самолеты летали звеньями и эскадрильями. Одиночные самолеты бомбили и ночью, освещая предварительно местность ракетами на парашютах. Так продолжалось несколько суток, пока наша группа двигалась к Варшавскому шоссе, которое нам снова, как и в январе, предстояло пересечь, но теперь уже в обратном направлении и в другом месте.

Особенно трудным был последний перед шоссе переход. Впереди - огромный болотистый лес. Дороги в нужном нам направлении на картах не значилось, но мы знали, что этот лесной массив пересекает временная дорога, так называемая «лежневка», построенная советскими саперами во время осенних боев 1941 года. На много километров по зыбким болотам тянулась гать из жердей и бревен. Дорога была разбита, настил местами утонул в трясине. Ноги лошадей проваливались между жердями.

Когда появлялись в небе вражеские самолеты, люди убегали с лежневки в лес. Кони с повозками свернуть с дороги не могли, болото затянуло бы их. Немецкие летчики безнаказанно бомбили наши обозы, обстреливали из пулеметов, проносясь над вершинами деревьев. Ночью, проезжая со штабом по лежневке, я видел длинные колонны разбитых и брошенных повозок. Тут же валялись убитые кони.

Немцы разбрасывали листовки, призывая прекратить сопротивление и предлагая «почетный» плен. На некоторых листовках был напечатан мой портрет. Тут же сообщалось, что генерал Белов сдался в плен и призывает подчиненных последовать его примеру. Фальшивка была слишком грубой.

Совершив тяжелый марш, главные силы группы 15-16 июня сосредоточились в лесу у Варшавского шоссе, западнее села Шуи. Здесь мы немного отдохнули от обстрелов и бомбардировок: летчики 215-й авиационной дивизии полковника Самохина очистили небо от самолетов противника.

Ведя непрерывное наблюдение за нами с воздуха, немцы имели полную возможность установить место, где мы собирались переходить шоссе. Понимая, что гитлеровское командование постарается перебросить сюда побольше своих войск, мы решили прорываться через шоссе не теряя времени, как только стемнеет. Надо было спешить: ведь ночи в июне короткие - вечерняя заря сходится с утренней.

И действительно, немцы засветло успели подтянуть войска, правда пока еще только около полка пехоты, усиленного ротой танков и артиллерией, но с часу на час можно было ожидать появления более крупных сил.

Вечером все наши части заняли на опушке леса исходное положение для наступления. На правом фланге - 4-й воздушнодесантный корпус, имевший три бригады в первом эшелоне и две, в том числе 8-ю воздушнодесантную бригаду, во втором. За парашютистами стояла 329-я стрелковая дивизия.

На левом фланге, ближе к селу Шуи, заняла исходное положение 1-я гвардейская кавалерийская дивизия: в первом ее эшелоне - 1-й Саратовский и 3-й Белозерский гвардейские кавалерийские полки, во втором - 6-й Камышинский и 5-й Таманский. За 1-й гвардейской кавалерийской дивизией стояла 2-я, понесшая серьезные потери.

Наступление началось в темноте, без огневой подготовки. Гвардейские полки первого эшелона действовали в пешем строю, оставив лошадей с коноводами во втором эшелоне. Сразу же завязалась сильная перестрелка с пехотой противника, засевавшей по другую сторону шоссе. Из села Шуи и из других мест открыли огонь вражеские минометы и артиллерийские орудия, в том числе зенитные пушки. Снаряды и мины рвались на краю леса, где сосредоточились наши войска.

Я находился на крайнем левом фланге группы, недалеко от Шуи. С командиром 2-й гвардейской кавалерийской дивизии полковником Зубовым мы лежали в болоте, среди кочек, метрах в двухстах от шоссе. Ночь не позволяла хорошо видеть, что происходит вокруг, но по звукам стрельбы, по шуму боя мы все-таки имели возможность следить за

ходом прорыва.

Полки первого эшелона оттеснили пехоту противника и перешли через шоссе. Войска должны были сделать рывок через дорогу. Но немцы подтянули к нашему левому флангу танки и броневики, начали обстреливать дорогу из пушек и пулеметов. Темноту прорезали длинные нити трассирующих пуль, вспыхивали разрывы снарядов.

Коноводы полков первого эшелона и кавалеристы второго эшелона замешкались, не решаясь броситься под огонь. Гитлеровцы усилили нажим с фланга, стремясь отрезать части, прорвавшиеся через шоссе. А между тем уже близился рассвет. Наступили решающие минуты. И вдруг, перекрывая грохот разрывов и треск выстрелов, раздался хриплый могучий бас генерала Баранова:

- Гвардейцы, вперед! За мной, ребята! Ура!

Верхом, вместе со штабом он помчался к шоссе. Ближайшие эскадроны устремились за Барановым, увлекая за собой соседние эскадроны и коноводов первого эшелона. Несмотря на кустарник и неровности почвы, кавалеристы двигались рысью, а некоторые даже галопом. Вместе с гвардейцами поднялись в атаку бойцы воздушнодесантного корпуса. Более трех тысяч конников и несколько тысяч парашютистов неудержимой лавиной катились через шоссе, сметая заслоны противника. От фланга к флангу перекатывалось могучее «ура!». Когда люди охвачены таким единодушным порывом, задержать их невозможно.

Во время атаки наши минометы и немногочисленные орудия вели стрельбу по огненным точкам противника и подавили некоторые из них. Но все же вражеский огонь оставался плотным-. На шоссе падали десятки бойцов. Фашистская пуля сразила командира 6-го гвардейского кавполка подполковника Князева. Товарищи вынесли его из боя, неподалеку от шоссе, у старой сосны, вырыли могилу. Старший лейтенант Валерий Стефанов снял с плеч бурку и бережно обернул ею тело командира. Ветераны корпуса, огрубевшие в сражениях и походах, узнав о гибели Князева, не скрывали своих слез.

Прорвавшиеся части уходили на юг. Следом за ними двинулись было и остальные войска, но на шоссе уже появились танки противника. Огонь гитлеровских орудий и минометов настолько усилился, что оставаться на опушке леса было невозможно. Множество малокалиберных зенитных снарядов с треском рвалось в кустах и ветвях деревьев. Свистели и жужжали осколки. Люди начали отходить в глубь болотистой чащи.

- Теперь не пробьемся, - сказал полковник Зубов. - Понесем потери, а толку не будет.

- Отводите свои части назад, в лес, - приказал я.

Через шоссе прорвалась почти вся дивизия генерала Баранова и примерно половина 4-го воздушнодесантного корпуса во главе с генералом Казанкиным. По эту сторону шоссе остались 2-я гвардейская кавалерийская дивизия, 8-я воздушнодесантная бригада, много парашютистов из других бригад, 329-я стрелковая дивизия и управление корпуса. Мелкие отряды бойцов, отдельные бойцы и командиры, отставшие от своих, еще продолжали пробираться через дорогу под огнем гитлеровцев. Я тоже имел еще возможность проскочить на ту сторону к прорвавшимся войскам. Но я верил, что Баранов и Казанкин проведут своих людей через линию фронта. А тех, которые остались здесь, нужно было снова организовать, чтобы предпринять прорыв через шоссе в другом месте.

Мы начали медленно отходить на север. Днем штаб корпуса вместе со штабом 2-й гвардейской кавалерийской дивизии остановился на одной из редких в этих местах высот, поросшей небольшим лесом, удобным для обороны. Оставшуюся половину воздушнодесантного корпуса возглавляли теперь командир 8-й воздушнодесантной бригады полковник Ануфриев, смелый и энергичный командир, и комиссар корпуса В. М. Оленин. Я поставил им задачу привести в порядок подразделения и подтянуть их ближе к нашему штабу. Командир 329-й стрелковой дивизии полковник Солдатов сообщил, что потери в его дивизии невелики.

Удалось связаться по радио с генералами Барановым и Казанкиным. Они доложили, что двигаются к линии фронта на соединение с советскими войсками. Я приказал Казанкину подчинить себе все прорвавшиеся части и действовать по разработанному нами плану.

Проводники из 3-й партизанской дивизии провели их к линии фронта и указали проходы в минных полях. Командование 10-й армии, оборонявшейся в районе города Кирова, было заранее поставлено в известность о возможном выходе на этом участке наших войск. Бойцам 10-й армии и нашим людям были сообщены пропуск и отзыв.

В армии позаботились о бойцах и командирах, вышедших из вражеского тыла. Людям была оказана медицинская помощь, их накормили. Личный состав получил возможность привести себя в порядок и отдохнуть.

Генералу Гальдеру, незадолго перед тем писавшему, что вверенная мне группа взята в кольцо и будет уничтожена, пришлось сделать в служебном дневнике совсем иные записи:

«11.06.42 г. Наступательные операции по очищению тыла 4-й армии проводятся успешно. К сожалению, основные силы кавкорпуса Белова и 4-й авиадесантной бригады уходят на юг...»

«16.06.42 г. На участке группы армий «Центр» Белов вышел в направлении на Киров. Для нас это не является честью...»

«17.06.42 г. Идут сильные дожди. Кавалерийский корпус Белова действует теперь западнее г. Кирова. Этот человек все же заставил нас ввести в действие в целом семь немецких дивизий...»

Если к семи соединениям, названным Гальдером, прибавить еще четыре соединения, которые действовали на сковывающих направлениях, то получается, что в майских и июньских боях с нашей группой принимали участие войска одиннадцати гитлеровских дивизий.

Итак, я остался в тылу врага вместе с большей половиной войск группы. К селу Шуи противник уже подтянул крупные силы, и бессмысленно было делать вторую попытку пробиться в этом районе. С оставшимися войсками я решил пересечь шоссе значительно западнее. Каждое соединение (парашютисты полковника Ануфриева, 329-я стрелковая и 2-я гвардейская кавалерийская дивизии) получило свою ось движения. Отдельно должно было двигаться и управление штаба корпуса. Преодолев на широком фронте Варшавское шоссе, все наши войска соединились бы в районе, занятом 3-й партизанской дивизией майора Галюги, чтобы в дальнейшем прорваться через линию фронта на участке 10-й армии. Рассредоточить на время силы пришлось для того, чтобы дезориентировать гитлеровцев и заставить их распылить свою пехоту и авиацию. А нашим полкам и батальонам по отдельности гораздо легче было маневрировать и ускользать от преследования, тем более что теперь надо было не ввязываться в серьезные бои с немцами, а заботиться о сохранении сил и выводе их из-под удара противника. Кроме того, мы теперь остались без продовольствия и вынуждены были кормиться за счет местных жителей. Это тоже проще сделать, если двигаться небольшими отрядами по разным дорогам.

Днем 17 июня, когда мы обдумывали это решение, гитлеровцы напали на наш штаб? Первыми приняли на себя удар парашютисты полковника Ануфриева. Они остановили немцев, но одно вражеское подразделение все же сумело подойти близко к штабу. Все находившиеся в штабе тоже взяли оружие. Мы повели наступление, обходя гитлеровцев лесом с двух сторон и двигаясь на северо-запад от Шуи. Понеся потери и опасаясь полного окружения, они поспешно отступили.

Теперь задача состояла в том, чтобы обмануть гитлеровцев еще раз, отвлечь их главные силы от действительных маршрутов нашего движения. Я дал командирам соединений приказание прорываться через шоссе западнее Шуи, чтобы потом сосредоточиться между населенными пунктами Снопоть и Киров. Одновременно мы подготовили ложный приказ, в котором перечислялись все наши соединения (номера их противник знал), в том числе

партизаны и те силы, которые уже пробились через шоссе. Каждое из соединений получило свою «задачу». Указана была и ось предстоящего движения, проходившая якобы по лесам около Рославля, то есть значительно западнее истинной. Тем самым мы хотели внушить противнику, будто наша группа в полном составе уходит в район Рославля и южнее, в Брянские леса, где действовало много партизанских отрядов. Тогда гитлеровцы бросили бы туда свои войска, а это облегчило бы прорыв наших частей через Варшавское шоссе.

Приказ был составлен по всей форме. Я, А. В. Щелаковский и начальник штаба Вашурин скрепили его своими подписями. «Доставку» его противнику мы поручили подполковнику Кононенко.

На опушке леса окопалось наше прикрытие - кавалерийский полк 2-й гвардейской дивизии, насчитывавший около двухсот человек. Расстояние между позициями фашистов и нашего полка было в среднем около пятисот метров. По «ничьей» земле тянулась проселочная дорога, на ней Кононенко и разыграл инсценировку.

Из леса выскочили два всадника, «не знавшие», что находятся на «ничьей» земле. Наше прикрытие сразу открыло сильный огонь по немцам. Гитлеровцы ответили тем же. Головной всадник пришпорил коня, галопом помчался к лесу и скрылся среди деревьев. Второй кавалерист бросился за ним, но лошадь его, убитая пулей нашего снайпера, рухнула на землю. Кавалерист притворился тяжелораненым. К нему подбежали красноармейцы и под огнем врага «спасли» своего товарища - утащили в укрытие.

На лошади, убитой на «ничьей» земле, было хорошее седло, а в переметной сумке лежал планшет с ложным приказом. Несколько раз красноармейцы нашего прикрытия делали вид, что пытаются добраться до валявшейся на дороге лошади, но отползали назад, как только немцы усиливали огонь.

Вечером гитлеровцы пошли в наступление. Наш кавалерийский полк отступил в глубь леса. Замаскировавшиеся на опушке наблюдатели рассказывали, как немцы сгрудились возле лошади, сняли седло и утащили в укрытие. Впоследствии по ряду признаков я понял, что немцы воспользовались приказом. Нам удалось обмануть неприятеля.

Управление корпуса с дивизионами связи и разведывательным выступило в путь еще засветло. Двигались в общем направлении на запад по азимуту. Ночью попали в мелкий, заболоченный лес. Сотни людей растянулись цепочкой один за другим. Вода доходила иногда до колен. Особенно трудно было коноводам, которые вели лошадей в хвосте колонны. Лишь утром выбрались мы на сухое место. Измученные, мокрые люди валялись на землю, чтобы хоть немного поспать. Но отдохнуть нам не удалось. Вскоре послышалась стрельба, появились пехота и танки противника. Двинулись дальше, теперь уже по сухому и редкому лесу. Можно было ехать верхом, и поэтому мы быстро оторвались от гитлеровцев.

18 июня мы приблизились к Десне. Форсировать реку удалось без особых затруднений: Десна тут неширока, а крупных сил противника поблизости не оказалось. Только коноводы с лошадьми застряли в болоте, а когда подошли к реке, их нагнал противник. Ковноводы не решились переправляться с лошадьми из-за слишком быстрого течения. А немцы нажимали. Ковноводы оставили лошадей в лесу, а сами, перейдя реку по бревнам, пешком догнали наш отряд.

Я узнал об этом, когда мы отошли от Десны километров на десять. Возвращаться уже не имело смысла. Хотел строго наказать виновных, и только убедительные доводы А. В. Щелаковского удержали меня от этого.

Оставшись без лошадей, мы двигались вдвое медленней, чем я намечал, и оторваться от преследовавшей нас гитлеровской пехоты было теперь гораздо труднее.

В пути к нам присоединялись бойцы, отставшие от своих частей. Наш штабной отряд насчитывал около 550 человек. Такой большой группе трудно было незаметно проходить мимо гарнизонов противника, ускользать от преследовавших нас вражеских войск. Поэтому за Десной я разделил отряд и создал из него два эскадрона. В первый вошли командиры штаба, работники политотдела, бойцы комендантского эскадрона, разведывательного дивизиона и радисты с двумя радиостанциями. Всего более 200 человек. Командование

эскадрон я взял на себя, а военкомом стал бригадный комиссар Щелаковский. Во второй эскадрон влились остальные бойцы и командиры.

За Десной мы повернули на юг, к Варшавскому шоссе. Днем 19 июня мой эскадрон остановился на отдых в кустарнике, километрах в 15-20 от большого села Екимовичи. Было пасмурно и холодно. Люди спали, прижавшись друг к другу. Я обдумывал дальнейший маршрут. Потом послал разведку осмотреть место, где предстояло пересечь Варшавское шоссе. До него было километров десять, и я рассчитывал, что разведчики успеют вернуться до наступления темноты. Разведка ушла, но не возвратилась. Опасаясь, что она наскочила на засаду, я принял решение пересечь шоссе в другом месте, ближе к нашему биваку. Правда, по ту сторону шоссе новый маршрут совпал бы с тем, который был указан в ложном приказе, оказавшемся в руках немцев. Но другого выхода у нас не было, пришлось идти на риск.

Перед выступлением с бивака я предупредил всех, что засады противника, выставленные вдоль шоссе, могут обнаружить нас с помощью осветительных ракет, и приказал при появлении ракет ложиться на землю и ждать команды. Действительно, вдали, в трех - четырех километрах от нас, взлетали порой ракеты, и каждый раз все бойцы и командиры мгновенно скрывались в траве. Это замедляло движение, и я потребовал, чтобы ложились только тогда, когда ракеты вспыхнут не далее полукилометра.

Двигаясь точно по азимуту, мы подошли к шоссе как раз там, где было намечено. Посланные вперед командиры обследовали шоссе и прилегающую местность. Немцев не оказалось, только на мосту маячили часовой с подчаском. Некоторые предлагали захватить часовых и вырезать полевой кабель на шестах, тянувшийся параллельно шоссе. Я не разрешил. Это ничего нам не дало бы и могло навести противника на наш след.

Соблюдая тишину, бойцы и командиры повзводно перебежали через шоссе. Все обошлось благополучно. Не раздалось ни единого выстрела.

Варшавское шоссе, так памятное нам по многим боям, осталось позади.

Эскадрон форсированным маршем двинулся на юг. Надо было затемно добраться до леса, обозначенного на картах, и укрыться в нем. Когда стало светать, разведчики обнаружили на росистой траве свежие следы крупного отряда: гитлеровцы прошли как раз по тому маршруту, который был указан в нашем ложном приказе.

Утро 20 июня застало нас в 15 километрах от шоссе, там, где должен быть лес. Но леса не оказалось: он весь был вырублен, остались только пни да редкие кустики, которые не могли укрыть нас от вражеской авиации. К счастью, небо было затянуто плотной пеленой низких облаков, и гитлеровские самолеты пока не появлялись.

После тридцатикилометрового перехода люди нуждались в отдыхе. Я разрешил остановиться и замаскироваться среди кустарника и в траве. Но через несколько минут разведчики сообщили мне, что в деревушке, в полукилометре от нас, разместилась прибывшая немецкая часть. Вероятно, она была из тех войск, которые гитлеровское командование бросило по маршруту, указанному в ложном приказе, чтобы «отрезать» нашу группу от лесов близ Рославля. Для главных сил нашей группы это выгодно, но штабной эскадрон оказался в незавидном положении. Мы попали в места, густо насыщенные войсками противника. Вместо отдыха двинулись дальше на юг, выслав усиленные дозоры. Пройдя еще километров пятнадцать, добрались наконец до большого леса, стоявшего на болоте.

Люди были совершенно измучены: уже две недели шли, отдыхая только урывками, одежда несколько суток не просыхала от дождей и росы. Обувь у некоторых бойцов развалилась, почти все натерли ноги, набили мозоли. А тут еще голод: продукты кончились, а достать их негде - деревни вокруг заняты противником.

Я разрешил бойцам развести костры, но только из сухих веток, чтобы дым не привлек внимание немецкой авиации. Люди обогрелись у огня, просушили одежду и крепко заснули на кочках.

Отдохнув несколько часов, эскадрон снова выступил в путь, торопясь в район действий 3-й партизанской дивизии, где было назначено место сбора всех частей группы.

Впереди двигались разведчики во главе с подполковником Кононенко. И вот на узкой лесной дороге они увидели людей в немецкой форме. Было их человек тридцать. Кононенко сразу определил, что это не немцы. Форма на них сидела кое-как, оружие разнообразное. Увидев наших, люди не схватились за винтовки. Улыбаясь и размахивая руками, они бросились к нашим разведчикам.

Оказалось, что это отряд «заготовителей» из 3-й партизанской дивизии, посланный в деревню, где выпекали хлеб для партизан. Командир отряда доложил мне, что здесь прошли войска генералов Казанкина и Баранова, партизаны предупреждены, что будут идти и другие части, и теперь ждут нас.

До района, занятого партизанской дивизией, оставалось еще километров двадцать. Надо было пересечь железную дорогу и переправиться на восточный берег Десны. По словам командира отряда, почти все населенные пункты вокруг в последние дни заняли немцы. Сюда стянуты их крупные силы. Пройти между деревнями можно только по лесным дорогам и тропам.

Партизаны дали нам проводника-комсомольца. Темной ночью он вел нас без дороги, хорошо ориентируясь на местности. Без единого выстрела прошли мы мимо засад и охранения противника.

Двигались на восток, приближаясь к селу Снопоть. На рассвете 22 июня между редкими деревьями впереди блеснула Десна. От реки тянуло холодом. Клубился легкий туман. За рекой начиналась партизанская территория, а справа, слева и сзади - сильные вражеские гарнизоны.

С восточного берега партизаны переправили нам несколько лодок. Под прикрытием смешанной группы, состоявшей из партизан и наших бойцов, эскадрон благополучно переправился. Только в конце переправы к Десне подошло какое-то вражеское подразделение и завязало перестрелку с нашим прикрытием у Снопоти. Немцы, видимо, не предполагали, что здесь прорывается штаб гвардейского корпуса, и особой активности не проявили.

Наконец мы оказались в сравнительно безопасном месте. Собрав последние силы, добрались до деревни Марьинка. Лишь немногие зашли в дома или в сараи. Большинство заснуло прямо под открытым небом. На ногах остались только некоторые командиры и бойцы вместе с неустойчивым Кононенко. Они занялись приготовлением пищи. Партизаны и местные колхозники, гостеприимно встретившие нас, привезли мяса и других продуктов. Пока люди спали, в большом котле посреди деревни варился обед.

Мы со Щелаковским тоже получили наконец возможность отдохнуть. Я лег на широкую лавку, накрылся буркой и с наслаждением вытянул натруженные долгой ходьбой ноги.

Командир 3-й партизанской дивизии майор Галюга приехал ко мне через несколько часов после того, как наш эскадрон остановился в Марьинке. Галюга был подтянут, аккуратен, говорил спокойно и неторопливо. Он доложил, что партизаны прочно удерживают восточный берег Десны, занимают доты и дзоты, сохранившиеся с осени 1941 года, на других участках проводят частные операции. Но в последние дни положение дивизии осложнилось: к району ее действий вышли крупные силы гитлеровских войск, преследующие мою группу.

Партизаны имели надежную радиосвязь с командованием 10-й армии. Радиограммой я сообщил в штаб Западного фронта, где нахожусь и что намерен делать в ближайшее время.

Во второй половине дня мы с Галюгой приехали верхом в его штаб. Тут ожидали меня полковник Ануфриев и комиссар Оленин. Они присоединили к себе всех бойцов 4-го воздушнодесантного корпуса, которые не успели прорваться с генералом Казанкиным. Здесь же находился и подполковник Билых, которому я несколько дней назад поручил командовать вторым эскадром, созданным из бойцов и командиров управления корпуса. Таким образом, большая часть наших сил снова соединилась.

Не пришли пока только 2-я гвардейская кавалерийская дивизия полковника Зубова и

329-я стрелковая дивизия полковника Н. Л. Солдатова.

До линии фронта оставалось всего около 40 километров. Было решено дать нашим бойцам хороший отдых, а на следующий день двигаться дальше. Партизаны выделили нам надежных проводников.

Неподалеку от штаба Галюги находился партизанский госпиталь. В нем лечилось много раненых из частей 4-го воздушнодесантного корпуса и 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, которые прошли через партизанский район раньше нас. Я понимал, что раненые испытывают острое беспокойство за свою судьбу. Ведь следом за нами двигаются крупные силы гитлеровцев, которые вот-вот обрушатся на партизанскую дивизию. Времени у нас было в обрез, но мы с Алексеем Варфоломеевичем решили съездить в госпиталь и повидать гвардейцев. Трудно передать их радость. Каждый старался узнать, где находится его полк, что стало с эскадромом. Мы порадовали бойцов известием о том, что генералы Казанкин и Баранов с малыми потерями прорвали линию фронта и вышли на «Большую землю». Больше двух часов провели мы в госпитале и уехали оттуда, восхищенные мужеством и твердостью духа наших людей.

Нескольких человек, имевших особо тяжелые ранения, мы увезли из госпиталя и отправили самолетом через линию фронта. Впоследствии часть раненых присоединилась к войскам 2-й гвардейской кавалерийской дивизии и к парашютистам полковника Ануфриева, вместе с которыми двигались их медико-санитарные подразделения. Подавляющее большинство раненых осталось в тылу врага. Когда немцы начали наступление на дивизию Галюги, партизаны укрыли раненых в глухих лесах. После лечения они влились в отряды, действовавшие на Брянщине.

Едва мы возвратились из госпиталя, как Галюга принес радиogramму из штаба Западного фронта. В ней сообщалось, что ночью на партизанский аэродром придут 15 самолетов У-2. Каждый из них сделает по два рейса. Командующий фронтом приказал вылететь на «Большую землю» мне, Щелаковскому, а также вывезти старших командиров по нашему усмотрению.

Я включил в список комиссара 4-го воздушнодесантного корпуса Оленина, командира 8-й воздушнодесантной бригады Ануфриева, начальника Особого отдела Кобернюка, председателя военного трибунала Мельниченко, прокурора Радкевича, начальника тыла Грибова и других командиров, имевших ранения. Вместо эвакуируемых были оставлены их заместители. Старшим начальником в штабе корпуса я без колебаний назначил подполковника А. К. Кононенко, а комиссаром - батальонного комиссара В. Т. Лобашевского. Оставшиеся командиры получили указание, где и когда лучше переходить линию фронта.

Вечером 24 июня все назначенные к отправке собрались на партизанском аэродроме. Медленно наступали поздние летние сумерки. В лесу на разные голоса распевали птицы. А где-то неподалеку шел бой. До слуха доносились приглушенные расстоянием пулеметные очереди, разрывы мин и снарядов.

В воздухе загудели наши У-2. Машины одна за другой приземлились на посадочной площадке. Началась погрузка.

Мне хорошо запомнилось, как мы перелетали через линию фронта. Внизу мелькали огоньки выстрелов, тянулись цветные нити трассирующих пуль, ярко вспыхивали разрывы. То там, то тут загорались ракеты.

Приземлились мы на одном из аэродромов 10-й армии. Командир и комиссар авиационного полка встретили нас у самолета и повели в деревню, где была приготовлена квартира.

Сколько раз во время выхода из рейда мечтал я о том, как отосплюсь на «Большой земле», в спокойной обстановке! Но в эту первую ночь я так и не смог заснуть. Не спал и Щелаковский. Месяцы, проведенные в тылу врага, приучили нас быть всегда настороженными, обострили восприимчивость нервной системы. Слух привык к выстрелам, взрывам, к гулу вражеских самолетов. А тут царил тишина. Лишь изредка раздавался

знакомый рокот мотора У-2, не вызывающий беспокойства.

Мы со Щелаковским ворочались с боку на бок, разговаривали, курили. Наконец, поняв, что уснуть не сможем, встали и отдернули занавески окон. На улице было уже совсем светло. Пока мы брились и умывались холодной колодезной водой, гостеприимные хозяева приготовили завтрак.

Командир авиационного полка доложил мне, что посадочная площадка была занята гитлеровцами сразу после того, как улетели мы со Щелаковским, и совершить второй рейс в тыл врага самолеты не смогли. Поэтому часть командиров, назначенных к эвакуации, осталась у партизан. Эта новость огорчила нас. Мы ясно представили себе, что происходит сейчас в дивизии Галюги. Немцы, обозленные тем, что гвардейцам и парашютистам удалось уйти из вражеского кольца, теперь всеми силами обрушатся на партизан. И те вряд ли смогут устоять под натиском регулярных фашистских войск.

Впоследствии я узнал, что партизаны несколько дней вели очень тяжелые бои с немцами. Дивизия Галюги ушла в другой район и продолжала действовать в их тылу. А о самом Галюге длительное время ничего не было известно. Лишь после окончания войны мы встретились с ним в Ростове-на-Дону. Он был тяжело ранен в бою и захвачен немцами. Ему с трудом удалось выжить в фашистском плену.

Командир авиаполка, принесший известие о положении в партизанской дивизии, передал также нам, что Военный совет 10-й армии приглашает Щелаковского и меня на завтрак. За нами прибыла легковая машина.

Алексей Варфоломеевич всю дорогу молчал, сосредоточенно морща лоб.

- О чем задумались? - спросил я.

- Как-то наши сейчас? - вздохнул Щелаковский. - У меня такое ощущение, будто все еще нахожусь за линией фронта. Никак не могу перестроиться на новый лад.

Военный совет 10-й армии размещался в лесу, в добротных полуземлянках. Командующий армией генерал-лейтенант В. С. Попов, мой старый знакомый, встретил нас очень радушно и рассказал, как на участке его армии прорвался через линию фронта наш первый эшелон. Сам старый кавалерист, он с восторгом отозвался о мужестве конногвардейцев.

- Главное - коней не бросили, не оставили своих верных друзей! И через траншеи, и через проволоку, и через минные поля их провели! Были такие удалцы, которые всю оборонительную полосу преодолели, не слезая с коней. Так и въехали верхом в наши боевые порядки. Ей-богу, Павел Алексеевич, порадовали они меня, - говорил Василий Степанович.

Он показал нам радиogramму командующего Западным фронтом: нам со Щелаковским предлагалось немедленно вылететь в штаб фронта. Самолет уже ожидал нас.

Члены Военного совета фронта интересовались обстановкой на оккупированной территории, партизанским движением, моральным состоянием частей. По нашему ходатайству Военный совет разрешил предоставить бойцам, вернувшимся из рейда, трехдневный отпуск для поездки на родину, а тем, чьи родные места заняты врагом, отпуск при части.

Сразу же из штаба фронта мы со Щелаковским отправились под Калугу, во второй эшелон корпуса. Как я уже упоминал, близ Калуги из людей, которые не пошли в рейд, и из полученного пополнения, по существу, был заново сформирован корпус. В него влились также бойцы и командиры, эвакуированные нами по ранению из вражеского тыла. Вылечившись в госпиталях, они возвратились в свои части.

В состав корпуса, кроме 1-й и 2-й гвардейских кавалерийских дивизий, входила теперь еще и 7-я гвардейская кавалерийская дивизия, которой командовал участник рейда генерал-майор Михаил Иосифович Глинский, бывший командир расформированной 41-й легкой кавалерийской дивизии.

Проведя в штабе несколько часов и выслушав моего заместителя генерала М. Д. Борисова и начальника штаба полковника Заикина, мы поехали в деревню, где стоял один из полков 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. На окраине деревни я увидел между

сараями и ригами группы конногвардейцев, прорвавшихся из немецкого тыла. Их сразу можно было узнать по выцветшим гимнастеркам, по изношенному, не всегда форменному обмундированию, по обветренным лицам. Мы подъехали к ним.

Больше двухсот бойцов и командиров окружили нас с комиссаром. Они рассказывали о том, что пережили, в каких передрягах довелось побывать. Мы поинтересовались, как кормят бойцов и почему они до сих пор не получили нового обмундирования. На эти вопросы никто не ответил, люди смущенно молчали.

Подошел командир полка подполковник Коровин, израненный и перевязанный. Он пожаловался, что все вернувшиеся из рейда оказались чуть ли не лишними - части укомплектованы и без них. Бойцы не имеют продовольственных аттестатов, и на довольствие их не зачисляют. Сам Коровин тоже оказался не у дел, полком командует кто-то другой, назначенный на эту должность, пока Коровин был в рейде. То же самое произошло с комиссаром полка, с командирами эскадронов и политруками.

Мы со Щелаковским поблагодарили бойцов за их мужество и верную службу, объявили, что все они получают отпуск и гвардейское денежное содержание за пять месяцев.

В течение дня мы побывали еще в нескольких полках. Вечером, вернувшись в штаб корпуса, отдали приказ о зачислении всех вернувшихся на «Большую землю» в свои полки на те должности, которые занимали во время рейда.

А из вражеского тыла продолжали организованно выходить наши части и небольшие отряды. Оттуда прорвались подполковник Кононенко и батальонный комиссар Лобашевский со штабными подразделениями. Кононенко был ранен в ногу, но рана, к счастью, оказалась не тяжелой. Прележав месяц в госпитале, он снова приступил к исполнению служебных обязанностей.

Штаб корпуса держал связь по радио и с помощью самолетов У-2 с командиром 2-й гвардейской кавалерийской дивизии полковником Зубовым, командиром 329-й стрелковой дивизии полковником Солдатовым и группой подполковника Вашурина. Их части двигались к линии фронта, но, уклоняясь от противника, вынуждены были менять направления, маневрировать, скрываться в лесах. В конце концов все части прорвались через линию фронта и соединились с нашими главными силами. Пробились к своим и парашютисты 4-го воздушнодесантного корпуса. Их привел подполковник Карнаухов, заменивший Ануфриева.

Во второй половине июля к нам приехал под Калугу Алексей Николаевич Толстой. Он разговаривал с бойцами и командирами, участвовавшими в рейде, интересовался подробностями прорыва во вражеский тыл, партизанами, нашим танковым батальоном, созданным из восстановленных машин.

Результатом этих встреч и бесед явились «Рассказы Ивана Сударева». В этих рассказах писатель запечатлел многие подробности наших действий в тылу противника. Некоторые персонажи, как, например, Казубский и Юденков, носят в рассказах действительные фамилии.

Итак, наш рейд в тыл врага был завершен. Пять месяцев мы вели напряженные бои с регулярными войсками противника, нарушали его коммуникации, контролировали значительную территорию. Эти действия активизировали партизанское движение во многих районах Смоленщины.

В конце января в тыл противника ушло около семи тысяч гвардейцев-кавалеристов, а вернулось оттуда свыше десяти тысяч, не считая тех трех тысяч раненых, которые были эвакуированы на «Большую землю» самолетами. Кроме того, в фашистском тылу осталось не менее семи тысяч партизан в двух созданных нами партизанских дивизиях.

Люди, участвовавшие в рейде, воевали потом на различных фронтах, были свидетелями великих битв и славных побед. Но борьба в тылу врага занимает в нашей памяти особое место. Это было суровое испытание, и конногвардейцы с честью выдержали его.

Сразу по окончании рейда я хотел воспользоваться разрешением Военного совета фронта и съездить в гор. Шую, к семье. Но увидеться с близкими и отдохнуть не удалось: отпуск был отменен, и я получил назначение на должность командующего 61-й армией

Западного фронта. Я просил оставить меня в родном корпусе, но командующий фронтом не согласился. Тепло простившись с боевыми друзьями, я выехал к новому месту службы в Белев.

Много лет прошло с того памятного дня, когда над нашей столицей прогремели залпы победного салюта, возвестившего о полном разгроме гитлеровской Германии. Давно уже восстановлены города и села, превращенные врагом в руины. Заросли травой окопы, колосятся хлеба на полях, где грохотали сражения.

Но далеко не всем бойцам и командирам 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, участникам боев за Москву и рейда под Вязьму, удалось дожить до победы. Погиб на фронте бывший командир 8-й воздушнодесантной бригады генерал-майор Ануфриев. Скончались уже после войны отважные командиры генералы П. И. Зубов, М. Э. Москалик, М. Н. Завадовский. Умер мой близкий друг и соратник генерал-лейтенант А. В. Щелаковский, работавший в мирное время военкомом Харьковской области. Нет среди нас и генерал-лейтенанта Казанкина.

Почтальон приносит мне письма от ветеранов корпуса. Одни из них продолжают службу в Вооруженных Силах, другие заняты мирным трудом, третьи ушли в отставку и пользуются заслуженным отдыхом. Бывший начальник политотдела корпуса Ю. Д. Милославский, ныне генерал-майор, является членом Военного совета округа. Служат генерал-лейтенант П. С. Вашурин и генерал-майор войск связи Давиденко, бывший начальник связи корпуса.

Генерал-лейтенант запаса М. И. Глинский и бывший начальник штаба корпуса генерал-майор М. Д. Грецов живут в Москве. Мой бывший адъютант, полковник в отставке И. В. Михайлов, - в Оренбурге.

В. К. Баранов вскоре после возвращения из рейда был назначен командиром корпуса. Много позже Герой Советского Союза генерал-лейтенант Баранов вышел в отставку и живет в гор. Днепропетровске.

На титрах кинофильмов я вижу иногда фамилию Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Н. С. Осликовского. Он закончил войну командиром кавалерийского корпуса и вернулся к работе в кино, консультирует на «Мосфильме» военные картины.

Мне часто приходится встречаться с боевыми товарищами. В День Победы, за праздничным столом, как всегда, весел и бодр бывший начальник разведки полковник запаса Кононенко. У него обязательно найдется какая-нибудь любопытная история о наших прошлых делах. Даже хладнокровный молчаливый полковник запаса Грибов, оживившись, рассказывает интересные подробности работы тыла корпуса. В такие часы за нашим столом незримо присутствуют друзья и соратники, отважные конногвардейцы, павшие смертью храбрых на полях сражений.

Великая Отечественная война была, вероятно, «лебединой песней» кавалерии. И советские конники замечательно «спели» ее. Все кавалерийские соединения, участвовавшие в боях, заслужили звание гвардейских. Наш корпус получил это высокое звание одним из первых и с честью пронес гвардейское Знамя по дорогам войны.

Послесловие

Немеркнувшей славой покрыли себя бойцы, командиры и политработники 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, который первым начал громить хваленые танковые соединения армии Гудериана под Москвой. Об этих славных победах и ратном подвиге конногвардейцев в их смертельной схватке с врагом ярко и убедительно написано в книге П. А. Белова «За нами Москва».

Наряду с описанием событий автор сделал много интересных обобщений, но из-за присущей ему скромности не смог с должной рельефностью осветить все значение решительных действий корпуса в успешном исходе Московской битвы.

Поражение немецко-фашистских войск под Москвой и общее наступление Красной

Армии зимой 1941/42 года явилось решающим, переломным событием первого года войны. Это было первое крупное поражение фашистских войск во второй мировой войне. Советская Армия лишила противника возможности использовать зиму для передышки и вынудила его израсходовать резервы, предназначавшиеся для наступления весной 1942 года. Немецко-фашистское командование вынуждено было в течение декабря 1941 года - апреля 1942 года перебросить из Германии и оккупированных стран Европы на Восточный фронт дополнительно тридцать четыре пехотные, две танковые дивизии и четыре бригады, из них в группу армий «Центр» пятнадцать дивизий и две бригады.

Разгром противника на подступах к Москве потряс всю военную машину нацистской Германии. Советская Армия, перейдя от обороны к наступлению, вырвала у врага инициативу наступательных действий и изменила ход событий в свою пользу. Контрнаступление под Москвой означало полный крах планов «молниеносной» войны. Перед фашистской Германией со всей неизбежностью встала перспектива ведения затяжной войны.

Выдвинутая советской стратегией в битве под Москвой решительная цель контрнаступления - окончательно сорвать наступление противника на столицу, не дать ему возможности перегруппироваться и закрепиться на рубежах в непосредственной близости от Москвы и нанести поражение главным силам группы армий «Центр» - была блестяще выполнена.

В выполнении одной из этих решающих задач, от успешного выполнения которой зависел исход всей битвы под Москвой, значительная роль принадлежала войскам группы генерала П. А. Белова. С юга на Москву, как известно, наступала 2-я танковая армия Гудериана. Разгром этой ударной группы врага был осуществлен совместными ударами войск группы генерала Белова, 10-й армии и части сил 50-й армии.

Маршал Советского Союза В. Д. Соколовский, оценивая роль подвижных групп войск в Московском сражении, пишет: «На Западном фронте была создана группа генерала Белова в составе кавалерийского корпуса, усиленного 112-й танковой, 173-й стрелковой дивизиями и 9-й танковой бригадой. Эта группа, как известно, сыграла значительную роль как при разгроме 2-й танковой армии противника, так и при развитии нашего наступления».

Первыми армию Гудериана под Москвой начали громить войска группы генерала Белова. В самый критический момент оборонительного сражения советских войск, когда передовые части 2-й танковой армии немцев подошли к Кашире и готовились к прыжку на южные окраины Москвы, группа генерала Белова не только остановила их, но и сама перешла в наступление, отбросив противника на десятки километров на юг.

Успешное наступление конногвардейцев на Мордвес и фланговый удар 112-й танковой и 340-й стрелковой дивизий по противнику, обходившему Тулу с юго-востока, во многом способствовали оборонительным действиям 50-й армии, защищавшей Тулу.

Несмотря на упорное сопротивление врага, морозы и снежные бураны, недостаток танков и артиллерии и господство в воздухе авиации противника, гвардейцы добились большой победы. Весь мир стал свидетелем того, как советские войска, в том числе конница, усиленная танками, разгромили зимой 1941 года на полях Подмосковья вышколенные, имевшие опыт двухлетней войны в Европе и оснащенные по последнему слову техники танковые и моторизованные дивизии немцев. Удар войск группы Белова по врагу, а затем контрнаступление армий левого крыла Западного фронта настолько ослабили армию Гудериана, что она так и не смогла больше возобновить наступление на Москву.

Подвиг конногвардейцев под Москвой навечно вошел в историю Великой Отечественной войны как пример самоотверженных и искусных действий советских войск, заставивших повернуть вражеские танки вспять в самый напряженный период обороны Москвы.

Победа под Москвой знаменовала рост советского военного искусства. Характер боевых действий в этот период требовал от наших войск умения совершать искусные маневры с целью наращивания усилий на угрожаемых направлениях, организации и

проведения стремительного наступления и преследования отходившего противника. В решении этих важнейших задач большую роль сыграли оперативные группы войск, которые по боевому составу значительно превышали состав корпуса.

Создание временных оперативных групп войск вызывалось сложными и подчас тяжелыми условиями обстановки, в которых советское командование различных степеней стремилось успешно и своевременно реагировать на маневренные действия превосходившего в силах и средствах противника. Разнообразный и чрезвычайно напряженный характер боевых действий, все возрастающая роль маневра в бою и операции, необходимость в этих условиях быстро создавать на отдельных участках фронта определенные группировки войск и своевременно их использовать в борьбе с противником, а также стремление повысить оперативную и тактическую самостоятельность войск на поле боя были основными причинами довольно широкой практики применения оперативных групп.

Создание их обуславливалось всякий раз конкретной обстановкой и носило, по существу, характер импровизации. В большинстве случаев такая импровизация была оправдана. Многочисленные факты создания нашим военным командованием оперативных групп свидетельствовали о том, что существовавшая организационная структура войск в сложных и напряженных условиях борьбы в ряде случаев не полностью отвечала возросшим требованиям боевой практики. В результате применения оперативных групп сокращалось количество подчиненных инстанций, что улучшало управление войсками, повышало оперативно-тактическую самостоятельность войск в сражении.

П. А. Белову одному из первых пришлось руководить боевыми действиями группы войск. В летне-осенних боях на Украине, а затем в битве под Москвой и летом 1942 года он в общей сложности более года командовал оперативной группой войск, насчитывавшей в своем составе от трех до семи соединений.

Состав этих групп не был постоянным, зависел от характера выполняемых задач. Обычно в оперативные группы входили кавалерийские, стрелковые, танковые и механизированные соединения. При действиях в зимних условиях в состав групп в ряде случаев включались лыжные и аэросанные батальоны, а в дальнейшем и механизированные корпуса.

Конница, танковые и механизированные соединения, входившие в состав групп, позволяли командованию фронтов ставить перед группами задачи, которые стрелковым соединениям были не по силам. Группы могли действовать в оперативных разрывах, зачастую образовывавшихся между общевойсковыми армиями, а также в условиях, когда они, переходя к стремительному преследованию противника, отрывались на значительное расстояние от основных сил общевойсковых армий. Это подтверждается наступлением группы генерала Белова в оперативном разрыве между 50-й и 10-й армиями западнее Тулы в декабре 1941 года и действиями этой же группы в январе 1942 года после выхода ее войск на западный берег реки Оки. Группа была использована для нанесения контрударов по наступавшему противнику, развития наступления наших войск и удара по флангам и тылам частей противника.

В битве под Москвой группа Белова была усилена стрелковыми соединениями, число которых менялось в зависимости от конкретной обстановки. При необходимости быстрого выдвижения конницы далеко вперед, как это было, например, после выхода группы на западный берег реки Оки, стрелковые дивизии временно выводились из ее состава. Когда в задачу группы входили прорыв обороны, действия на флангах и в тылу противника, группа вновь усиливалась стрелковыми дивизиями или воздушнодесантными частями и соединениями.

Подчинение стрелковых соединений 1-му гвардейскому кавалерийскому корпусу было вызвано тем, что в условиях зимнего бездорожья и господства в воздухе вражеской авиации, когда кавалерийские дивизии часто вели бои в пешем строю, приданная пехота значительно усиливала наступательные возможности корпуса.

Решение об использовании 1-го гвардейского кавалерийского корпуса для нанесения контрудара по противнику под Каширой соответствовало сложившейся обстановке и привело к блестящей победе конногвардейцев. В результате контрудара группы появилась возможность сосредоточения и развертывания войск 10-й армии в исходном для наступления районе. Контрудар под Каширой явился предвестником общего контрнаступления войск левого крыла Западного фронта.

Этот успех был достигнут благодаря хорошо организованному взаимодействию группы с общевойсковыми армиями, в полосах обороны которых она действовала. Под прикрытием 49-й и 50-й армий, которые активными оборонительными действиями сковали противника и лишили его возможности осуществить маневр, 1-й гвардейский кавалерийский корпус, усиленный стрелковой и танковой дивизиями, скрытно, преимущественно ночным маршем, был выведен на каширское направление. Отсюда он и нанес сильный удар во фланг наступавшей на Каширу группировки противника.

Наступательные действия оперативной группы войск содействовали также успешному разгрому тульской и калужской группировок противника. В ходе калужской операции особенно поучительным с точки зрения организации взаимодействия был маневр кавалерийских дивизий корпуса с целью овладения районным центром Одоevo, когда быстрый выход 1-й гвардейской и 57-й кавалерийских дивизий на калужско-сухиничский тракт обеспечил успешное наступление частей 50-й армии в северо-западном направлении.

В ходе боевых действий под Каширой и в районе Тулы соединения и части корпуса внесли значительный вклад в разгром 17-й танковой, 29-й моторизованной и 167-й пехотной дивизии врага, а при прорыве через Варшавское шоссе было нанесено поражение также частям 19-й танковой и 15-й пехотной дивизий противника.

Действуя в тылу врага, войска группы отвлекали на себя силы противника, находившиеся в районах Вязьмы, Дорогобужа, Спас-Деменска, нарушая тем самым на продолжительное время нормальную работу тылов врага. Противник вынужден был держать в своем глубоком тылу ряд соединений, предназначенных для действий на фронте, и затратить два месяца (февраль и март) на то, чтобы не допустить расширения района (достигавшего по окружности четырехсот километров), занятого войсками группы. Сам факт действий крупной группировки советских войск в оперативном тылу противника держал немецко-фашистское командование в постоянном напряжении.

Почти для всех боев, проведенных группой, характерен смелый и скрытный маневр. Маневр, как правило, был прост по замыслу и осуществлялся внезапно. Примером внезапных действий может служить прорыв и выход в тыл противника танков подвижного отряда группы войск под командованием полковника М. Д. Грецова в районе Барабаново.

Боевые действия группы были весьма разнообразны по своему характеру. После прорыва вражеской обороны на Варшавском шоссе 1-й гвардейский кавалерийский корпус и приданные ему соединения совершили смелый рейд по тылам юхновской группировки немецко-фашистских войск, затем вели упорные бои по прорыву подготовленной обороны противника на подступах к Вязьме. На заключительном этапе борьбы в тылу противника войска группы совместно с партизанскими отрядами совершали диверсии на коммуникации врага и внезапные нападения на его объекты. Кроме того, они вели постоянное наблюдение за противником, его передвижениями и характером боевых действий.

Умелый маневр очень часто позволял частям группы громить превосходящие силы гитлеровцев. Так было в боях за Мордвес, Сталиногорск, Одоevo, где обход врага с флангов успешно сочетался с атакой с фронта. Особенно хорошие результаты давали ночные действия.

Рейд 1-го гвардейского кавалерийского корпуса в тыл 4-й полевой армии немцев характерен не только своей продолжительностью (более пяти месяцев), но и является единственным примером в минувшей войне, когда кадровому кавалерийскому соединению Красной Армии, действовавшему в тылу противника, подчинялись крупные части и соединения партизан и воздушнодесантных войск. Опыт руководства объединенными

силами кадровых и партизанских соединений чрезвычайно важен и нуждается в специальном исследовании.

В невероятно трудных условиях, используя местные средства, захваченные у противника трофеи и технику, оставленную Красной Армией во время летних боев, труженики и энтузиасты своего дела, тыловики и командиры частей не только кормили личный состав, но и создавали артиллерийские и танковые подразделения, укомплектовывая их найденными в болотах и лесах и отремонтированными орудиями и танками.

Особенно интересен опыт работы санитарной службы корпуса, работники которой успешно справились с лечением и эвакуацией раненых, успешно боролись с возникающими очагами эпидемий сыпного тифа среди гражданского населения в занимаемом группой районе.

Группа генерала Белова длительное время сковывала крупные силы противника, что способствовало успешному выполнению войсками Западного фронта общей задачи по разгрому немецко-фашистских войск под Москвой.

Полковник М. Малахов